

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ

The poster depicts a woman with long red hair in a red dress on the left, surrounded by water and ice effects. On the right, a man in a black leather jacket holds a ball of fire, with flames and lightning around him. They stand before a stone archway. At the bottom, a whale swims in blue water. The title 'ЛИАРХА' is centered in large white letters.

ЛИАРХА

Annotation

Лайтнер К'ярд – сын правителя Ландорхорна. Я – та, кто угрожает всем устоям мира вьерхов одним лишь фактом своего существования. Его сила никогда не примет мою так же, как моя не примет его. Каждое прикосновение – как шаг на пути в пропасть.

Мы разрушаем друг друга. Мы друг друга убьем.

Это единственное, что мне нужно помнить, когда весь мир окажется во власти огня и штормов.

-
- [Марина Эльденберт](#)
    -
    - [Глава 2. Больше не К'ярд](#)
    - [Глава 3. Смена курса](#)
    - [Глава 4. Первая работа](#)
    - [Глава 5. Чудесный во всех отношениях день](#)
    - [Глава 6. Война с прошлым](#)
    - [Глава 8. Двойное дно](#)
    - [Глава 9. Игра по правилам](#)
    - [Глава 10. Ночная смена](#)
    - [Глава 11. Откровенность или вроде того](#)
    - [Глава 12. Не Вирна](#)
    - [Глава 13. Дружеская вечеринка](#)
    - [Глава 14. Пьяные разговоры](#)
    - [Глава 15. Я больше никогда не...](#)
    - [Глава 16. Океан](#)
    - [Глава 17. Интервью](#)
    - [Глава 18. Изгнанники](#)
    - [Глава 19. Мы другими не станем](#)
    - [Глава 20. Больше никаких секретов](#)
    - [Глава 21. Водоворот](#)
    - [Глава 22. Океан под запретом](#)
    - [Глава 23. Сделка](#)
    - [Глава 24. Подводное ведомство](#)
    - [Глава 25. Больше, чем сестры](#)

- [Глава 26. Идеальный план](#)
  - [Глава 27. Миротворцы](#)
  - [Глава 28. Штиль перед штормом](#)
  - [Глава 29. Воссоединение](#)
  - [Глава 30. Одна жертва против миллионов](#)
  - [Глава 31. По другую сторону.](#)
  - [Глава 32. Только ты](#)
  - [Глава 33. Время разбирать камни](#)
  - [Глава 34. Вся правда о людях](#)
  - [Глава 35. Небольшие исторические искажения](#)
  - [Глава 36. Все круги ведут в Кэйпдор](#)
  - [Глава 37. Последний рубеж](#)
  - [Глава 38. Моя вторая смерть](#)
  - [Глава 39. Между океаном и землей](#)
  - [Глава 40. Вода — это жизнь](#)
  - [Глава 41. Лиархи и вьерхи](#)
  - [Глава 42. Влюбись в меня снова](#)
  - [Глава 43. Дела семейные](#)
  - [Глава 44. Новый мир, новые правила](#)
  - [Глава 45. Новые горизонты](#)
  - [Глава 46. Домик у океана](#)
-

Марина Эльденберт

Глубина 3. Лиарха

Глава 1. Правда, правда и ничего, кроме правды

Мы с Вартасом смотрим друг на друга. Он — последний, кого бы я хотела сейчас видеть, и в то же время он — единственный, кто есть рядом. Сейчас. Когда за моей спиной стоит эта злосчастная банка.

— Зачем ты пришел?

— А ты?

— Это мой дом.

— Это дом, где жила моя девушка.

— Твоя девушка здесь больше не живет.

«Твоя девушка здесь больше не живет».

Я снова поворачиваюсь к банке. Поворачиваюсь так резко, что на миг перехватывает дыхание. Подхожу ближе, и, хотя меньше всего мне хочется брать эту гадость в руки, я все-таки беру. Сигарета тонкая и изящная. Была. До того, как ее подожгли — сейчас это просто окурок с обуглившимися краями и золотистой каймой, которую наполовину сожрал огонь. Тот, кто это сделал, явно обладал извращенным чувством юмора. Или не обладал им вовсе.

У Лэйс никогда не было чувства юмора, но, когда родители играли с нами в прятки, они оставляли подсказки.

Это не похоже на подсказку.

Это больше похоже на предостережение. Или на предупреждение — потому что на нетронутый части сигареты надпись «Эвесс». Я помню эту марку, помню, как они выглядят: я столько раз видела ее, зажатую между изящных пальцев.

Дженна.

Мертвая бабочка.

Вода.

Дженна.

Клуб «Бабочка».

Ныряльщики.

В голове что-то щелкает, и все становится на свои места: это действительно предупреждение. Но не от Ромины. От Лэйс. Если я правильно понимаю то, что она хочет сказать — она сбежала не от Подводного ведомства. Она сбежала от Дженны. И от тех, с кем работала... до определенного времени.

— Что это за дрянь?! — Голос Вартаса встряхивает меня в реальность и в окончательное осознание случившегося: Лэйс жива.

Лэйс.

Жива!

Я отставляю банку, глядя ему в глаза.

— Нам нужно поговорить.

— Нам определенно нужно поговорить, Вирна. — Вартас берет меня за руку. — Я был слегка не в себе. Из-за всего, что случилось. Твои сестры сказали, где тебя искать. Сказали, что ты на Пятнадцатом, поэтому я здесь. Я здесь из-за тебя.

— Лэйс жива.

— Я... Что?!

— Лэйс жива, — шепотом повторяю я, указывая на стоящую на столе банку. — Это ее рук дело. Она хочет меня предупредить.

— Подожди. Я решительно ничего не понимаю.

Я обхожу его, резко захлопываю дверь.

— Я думала, что это угроза Ромины. И в тот раз, и сейчас — тоже. Но это не так.

Вартас щурится, я указываю ему на стул.

— Слушай. Это действительно предупреждение, но не от Д'ерри. От Лэйс.

Его взгляд становится жестким, а я продолжаю. Продолжаю, понизив голос, потому что мне все время хочется говорить громче, и та радость, которая сейчас бьется во мне осознанием (Моя сестра жива!) заставляет меня говорить все быстрее и быстрее. К тому моменту, как я заканчиваю, Вартас все-таки опускается на стул. Мне хочется увидеть ответную радость в его глазах, но ее нет. Точнее, возможно, она выражается как-то иначе? Она же должна выражаться? Я только что сказала ему, что Лэйс жива!

— Хидрец, — выдает он, когда я замолкаю.

— Что?

— Хидрец, — повторяет он. — Если все так, как ты сказала, это хидрец. Полный.

— Я сказала, что Лэйс жива!

— Лучше бы она умерла! — Он осекается, увидев мой взгляд, поспешно поднимается. — Вирна, я не это хотел сказать. Прости, я сам не понимаю, что несу. Ты... просто ты представляешь, что это значит — для тебя?

— Да! — Я складываю руки на груди. — Да, я отлично представляю, что это значит. Все это время я не представляла, что с ней случилось. Все это время я считала, что моя сестра мертва, а сейчас я узнаю, что она жива. Больше того, она может со мной связаться!

— И говорит тебе, что тебе нужно остерегаться Дженны. А ты уже по уши в этом увязла. Ты на самом дне, Вирна, ты понимаешь? Если Лэйс сбежала, ей было, от чего бежать. Куда бежать тебе? А Митри и Тай? Что ты теперь будешь делать?

Я обхватываю себя руками и смотрю ему в глаза.

— То, что собиралась.

— То, что собиралась? Ты сейчас о чем?!

Я глубоко вздыхаю. Мне нужно время, чтобы собраться с мыслями и все объяснить Вартасу. Впрочем, нет. В первую очередь мне нужно объяснить это себе. Он прав — в том, что Лэйс было от чего бежать. Я смотрела запись ее видео, и я видела, как горели ее глаза. Она была с ними, она верила в то, что говорила. Не сомневаюсь, она в это верила, потому что проще заставить океан отступить от берегов Ландорхорна, чем заставить Лэйс сказать то, во что она не верит. Можно было предположить, что ей угрожали, но я знала свою сестру. И та, кого я знала... словом, эта запись была сделана в то время, когда она действительно им верила. Что произошло потом, я не знаю, но наверняка что-то серьезное.

Мне нужно понять, что именно.

Мне нужно во всем разобраться, чтобы...

— Я должна сделать так, чтобы больше никому не пришлось бегать.

Вартас смотрит на меня, и в его глазах однозначный приговор: «Тронулась умом». Я вряд ли смогу ему объяснить, пока не покажу. Поэтому киваю в сторону двери.

— Пойдем.

— Куда?

— К морю.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас здесь никого нет.

— Вирна, ты меня пугаешь.

Я пожимаю плечами и иду к двери. Ему не остается ничего другого, кроме как следовать за мной.

— Вирна, что происходит?

— Увидишь.

— Увижу?!

Мы удаляемся все дальше от того, что принято называть жизнью. И нет, я не боюсь, что кто-то нас заметит и донесет, сейчас весь Пятнадцатый на рабочих сменах или спит после них. А если кто-то вдруг даже случайно нас увидит, предпочтет быстро об этом забыть. На Пятнадцатом ненавидят существующий режим слишком сильно, чтобы рассказать о девчонке с парнем, которые решили уединиться на пустынном берегу.

Я прохожу по берегу чуть дальше, чем в прошлый раз, когда была одна. Приближаюсь к воде.

Ее сила ударяет мне в пальцы, стоит коснуться кромки набегающей пены. Сейчас я не могу это видеть, скорее, ощущаю, как она отражается в моих глазах и вспыхивает в самой глубине моего существа. Море отзывается на мое прикосновение, тянется ко мне, а потом, подчиняясь незнакомой, неизведанной сути во мне, поднимается, как край покрывала. Раньше, чем я успеваю что-то почувствовать, этот край рассыпается, окатив меня пенными брызгами.

— Это что, к едхам, такое? — спрашивает Вартас. — Это...

Он осекается, когда я поворачиваюсь к нему: замирает, глядя в мои глаза. Я же просто отвечаю:

— Это я.

— Ты? — переспрашивает он, как будто не может поверить своим глазам.

Я его очень хорошо понимаю: еще несколько часов назад я сама не могла им поверить. Буквально.

— Та волна на берегу. Это тоже была я. — Я сажусь на холодные камни, глядя на него снизу вверх. — До сегодняшнего дня это прорывалось только от эмоций.

— Как такое вообще возможно?!

Вартас опускается рядом со мной.

— Не знаю. Но я живое тому доказательство.

Какое-то время мы сидели молча. В звенящую тишину вокруг нас врывался только шум моря, глубокий и ровный, гул накатывающих на берег волн, отступающих и слизывающих пенным языком камни.

— Та легенда, о которой ты мне рассказывала...

— Это просто легенда. По крайней мере, я так думала, — теперь я вообще ложусь. Подкладываю под голову камень покрупнее и не такой острый, как остальные.

— Что ты думаешь теперь?

Я смотрю на небо. Яркое, с лезвиями холодных осенних облаков.

— Думаю, что я лиарха. Или что-то вроде. Не знаю, насколько легенды говорят правду, но вода подчиняется мне... и у меня аллергия на вьерхов.

Последнее я выдыхаю со смешком. Мне хочется закрыть глаза ладонью, потому что глаза от яркого солнца слезятся просто невыносимо. Да, они просто слезятся от ветра и яркого света, ничего кроме. Потому что что-то кроме в сложившейся ситуации было бы просто смешно. Пусть я и признаю свои чувства к К'ярду, будущего у них нет. Я всегда придумывала себе столько сложностей — вроде того, что он сын правителя Ландорхорна, а я калейдоскопница, что я человек, а он вьерх... но я даже не представляла, что могу наткнуться на нечто гораздо более существенное.

В частности, на то, что наша сила несовместима.

Или, попросту, мы вытягиваем ее друг из друга. Теперь, после всего, я уже не была уверена, что его опустошил океан. Скорее всего, это тоже была я.

Потому что именно мне он в ту ночь спасал жизнь.

И именно рядом со мной его сила угасла.

— Я собираюсь рассказать Дженне.

— Что?! — Вартас произносит это так, что на миг перекрывает даже шум моря.

— Она хочет знать, что я полностью на ее стороне. И я дам ей возможность думать, что это так.

— Вирна, это...

— Глупость? Может быть. Но о моей аллергии на вьерхов знают по меньшей мере трое. Не считая тебя. Я не знаю, как скоро эта новость дойдет до правителя Ландорхорна, но, когда она дойдет, бежать мне будет уже некуда.

Честно говоря, я не уверена, что уже не дошла. Доктор, к которому меня отвозил Лайтнер, весьма заинтересовался моим случаем. Не уверена, что он понял, что к чему — судя по его реакции. То ли я действительно исключение из правил, то ли он отлично владел собой. Но если он отлично владел собой, а сразу после моего ухода сообщил бы обо всем Диггхарду К'ярду, скорее всего, я бы сейчас не лежала на этом берегу. А Митри и Тай не сидели бы в кафе, поэтому вывод напрашивается один: для доктора я такая же загадка, как для Лайтнера, Кьяны... и для себя.

Вьерхи обо мне не знают.

Точнее, они действительно считают лиархов легендами. И это еще одна загадка, по крайней мере, для меня — если мир в их власти с самого Проседания, то почему они не знают о лиархах?

Вопросов так много, что у меня начинает кружиться голова.

Если бы рядом была Лэйс... но ее нет.

Что она узнала о Дженне?

— Я понимаю, — неожиданно говорит Вартас.

Его слова вызывают во мне удивление. Пусть слабое, но все-таки — я готовилась к тому, что он начнет меня отговаривать.

— Я хочу пойти с тобой.

— Нет.

— Нет?

— Тебе точно не стоит в это лезть.

— И это говоришь мне ты?

Я сажусь, оказываясь с ним лицом к лицу.

— Мне не нужно, чтобы ты пострадал из-за меня.

— Тебе не нужно, чтобы я пострадал из-за тебя? Серьезно?! Поэтому ты попросила меня взять машину, чтобы забрать твоих сестер?

— Я просила прощения за эту машину!

— Да к едхам этот эйрлат! Я не хочу оставлять тебя одну наедине с этим. Ты понимаешь? — Он смотрит мне в глаза. — Лэйс я это позволил. И где она сейчас? Прячется. Отправляет тебе эту жуть, а мы даже не знаем, почему. Знаешь, Вирна, иногда стоит кому-то довериться.

Я открываю рот, но вместо слов с губ срывается сдавленный выдох.

«Она была ныряльщицей». Я произнесла это точно так же, на выдохе.

Я доверилась К'ярду, и вот что из этого вышло. То, что сейчас я до сих пор слышу его слова: «Океан. Мой океан».

Так что Лэйс была права, когда послала Вартаса, и мне нужно сделать то же самое. Просто подняться и уйти, но я почему-то сижу. Мне нужно быть сильной, но мне хочется быть слабой. Или я просто слишком много всего ему рассказала, чтобы сейчас развернуться и уйти.

— Вирна! — Он встряхивает меня голосом. — Я знаю, что между нами было слишком много всего. Знаю, что мы здесь только благодаря Лэйс. Я обещал ей позаботиться о тебе и о младших, но я не хочу заботиться о вас только потому, что так просила она. Если я не могу тебя остановить, позволь мне просто быть рядом. Позволь мне тебя защищать. Позволь мне о тебе позаботиться. Сейчас, когда ты действительно в этом нуждаешься.

Я снова пытаюсь сделать вдох, но мне его не хватает. Воздуха.

— Ты же понимаешь, что я все равно от тебя не отстану? — спрашивает он.

Вместо ответа я утыкаюсь лицом в его куртку. Он пахнет совсем не так как К'ярд. Морем. Раскинувшейся вокруг нас безграничной соленой гладью, а может быть, ей просто пахнет все вокруг. Этого запаха мне хватает, чтобы пережить несколько бесконечно долгих мгновений и короткие объятия, которые тоже разрываю я.

— Хорошо, — говорю я, — я вас представлю. Но уже после погружения.

— Вирна...

— После погружения. — Я поднимаюсь. — Сегодня это будет перебор. Я не хочу делать все в спешке, мне нужно подумать.

— Ты уверена? Насчет погружения?

— Уверена ли я? Моя стихия — вода. Только оказавшись на глубине, я научусь ею управлять.

— Как ты вообще будешь учиться?! Вьерхи годами не вылезают с полигонов...

— Вот для этого мне и нужна Дженна, — я поправляю волосы, — и полигон. Мне нужен океан, Вартас.

— Держи. — Он достает из кармана солнцезащитные очки. — Сейчас у тебя нормальные глаза, но мало ли. Когда Тай бормотала это в машине, я не придавал ее словам значения. Не хочется, чтобы ты вспыхнула посреди платформы.

А мне-то как не хочется.

— Я верну. При следующей встрече.

— Не сомневаюсь.

Мы возвращаемся домой, и я иду к себе. В моей комнате мало что осталось, хотя кое-что все-таки осталось. В жестяной коробке из-под леденцов лежит крошка от сушеной водоросли. Когда-то сушеная водоросль была веточкой, но потом я ее неудачно взяла. Это то, что мы с Лэйс нашли на берегу в детстве и сохранили: моя часть была у меня, ее у нее. Собственно, и не взяла ее я потому, что от водоросли осталась одна пыль. Тем не менее, сейчас я ставлю жестянку к банке. Если Лэйс вернется (а мне кажется, она вернется), она поймет, что я прочитала ее предупреждение.

Не знаю, чем это поможет, но возможно, она оставит новое.

Какую-то другую подсказку.

И тогда, возможно, мы сможем увидеться немного быстрее.

Глава 2. Больше не К'ярд

— Пимрой, на выход! — Окрик дежурного риджанта выкидывает меня из сна в реальность.

Кому-то из моих однокурсников в Кэйпдоре или так называемых приятелей, да любому из моего прошлого окружения покажется диким, что я сплю в участке политари. Но я не просто провел в клетке для арестованных всю ночь, я отлично выспался. А учитывая, что вчера я сбежал от Шадара, угнал эйрлат Ромины, едва не уплыл вместе с Эн из Ландорхорна и выдержал битву с отцом, то неудивительно, что я вырубился, как едх на морском дне, как только голова коснулась подушки.

— Ньестр К'ярд. — Риджант останавливается возле моей камеры. Она у меня одиночная и с удобной койкой, на которой я поместился во весь рост — практически первый класс. Тон политари сменяется на извиняющийся. — Вы можете быть свободны. За вас внесли залог.

От таких новостей остатки сна окончательно смывает волной, и я поднимаюсь, иду за риджантом.

Сомневаюсь, что отец передумал. Залог могла внести мама, но в ее состоянии ей вряд ли позволили бы встать с постели, поэтому единственный, кто приходит на ум...

— Хар!

Хар и Кьяна ждут в приемной, сидят на широком диване, переплетя пальцы, но при виде меня подсакивают с дивана. Лица у них настолько серьезные и обеспокоенные, что я усмехаюсь:

— Ну хоть кому-то небезразлична моя судьба.

— Твой долг растет и растет, брат.

— Могли бы подождать, пока меня покормят.

— Обойдешься.

Мыжимаем руки, друг хлопает меня по плечу.

— Как ты узнал, где я? — спрашиваю я.

— Получил сообщение от Джуборо, но, если честно, в нем не было необходимости.

— О тебе рассказывают по всем каналам, Лайтнер, — объясняет Кьяна. — О тебе и о Д'ерри. Ее арестовали, а судью, скорее всего,

сместят с должности. По крайней мере, об этом говорят все журналисты.

Я прикрываю глаза на мгновение и понимаю, что напряжение внутри окончательно отпускает. Ради этого стоило пережить вчерашний день.

— Все строят догадки... Но, Лайтнер, что произошло на самом деле? — Кьяна внимательно смотрит на меня, и Хар присоединяется к ней в этом.

— Я все вам расскажу, — обещаю. — Не здесь.

— Ньестр К'ярд, — окликает меня риджант, — вам нужно прослушать инструкции, забрать свои вещи и расписаться в получении.

Инструкции оказываются простыми: меня отпускают под залог до дня суда, мне запрещено приближаться к Ромине. За любое даже самое мелкое нарушение я снова вернусь в камеру.

Мне выдают документы, куртку и печатку с символом рода К'ярдов — подарок отца на четырнадцатилетие. Куртку и документы забираю, а в сторону кольца киваю:

— Оставьте себе. На память.

В эйрлате друзья ничего не спрашивают, но стоит нам оказаться в квартире Хара, забрасывают меня вопросами. Я их понимаю, на их месте меня бы тоже подмывало узнать все из первых уст.

Поэтому мы заказываем еду, устраиваемся на диване, и я рассказываю.

Про то, что хотел сбежать от Шадара, и именно поэтому угнал эйрлат Ромины. Про то, что случайно нашел ее зуб, про разговор с отцом, про то, что он оставил меня в участке, и сказал, что больше не станет ни в чем помогать.

— Так что не удивлюсь, узнав, что все мои счета аннулированы, а меня отчислили из Кэйпдора.

— Он этого не сделает, — уверенно заявляет Кьяна. — По крайней мере, в отношении учебы. Ты сейчас герой, который восстановил справедливость. Если правитель Ландорхорна тебя не поддержит, то это будет означать, что он принимает сторону семьи Д'ерри.

— Возможно, ты права, но я больше не возьму его денег и не вижу необходимости в моем возвращении в Кэйпдор. Там все равно

уже не будет так, как прежде.

Там не будет Мэйс.

Мысль о ней вызывает тупую боль в груди. Я ощущаю себя раненым, как Эн. Но рано или поздно эта рана затянется, а пока я не хочу о ней думать.

— Тогда что ты будешь делать? — интересуется Хар.

— Найду работу и жилье. Буду наслаждаться жизнью.

А заодно искать все про едхову установку на дне океана.

— Во всей этой ситуации есть свои плюсы, — говорит Кьяна. — Отец больше не диктует тебе условия, поэтому ты можешь встретиться с Вирной.

После ее слов в комнате воцаряется тишина.

Вот и не думай после такого о Мэйс.

— Нет, — отвечаю как можно спокойнее, хотя внутри будто снова вспыхивает вулкан. Пока что маленький, но готовый исторгать потоки лавы.

— Но почему?

— Мэйс отказалась от меня. Это не обсуждается.

— Вирна отказалась от тебя под давлением твоего отца.

— Пусть так.

— Вы должны поговорить!

Мы уже поговорили. Там, возле домика Зорга. Когда она забирала своих девочек вместе с белобрысым. Мы с ней все друг другу сказали.

— Он ее запугал!

— Мэйс не из пугливых, Кьяна. Она не испугалась Ромины, наверняка, не испугалась и Диггхарда К'ярда. Она просто определилась со стороной. Я ей не интересен.

— Это не так! Я видела ее взгляд, каким счастьем сияют ее глаза, когда ты рядом. Ты ей не просто интересен, ты для нее тот самый, особенный.

Кьяна, видимо, решила меня окончательно добить, потому что ее слова бьют по самому больному. Мне хочется зло рассмеяться или заставить ее прекратить, но мой ответ застревает в горле, будто кость.

— Ты прав в одном, — продолжает она: — Вирна очень смелая и гордая, чтобы просить о помощи. С ней что-то происходит, Лайтнер! Что-то нехорошее.

— Это. Не. Мои. Проблемы, — чеканю каждое слово. — Мы больше не станем поднимать тему Мэйс.

— Ты невыносимый! — М'эль вскакивает с дивана, ее глаза вспыхивают, зрачки вытягиваются. — Почему все парни такие черствые и невыносимые?! Знаешь, тебе удалось меня убедить. Ты не должен с ней встречаться и снова делать ей больно. Вирна этого не заслужила!

Она уходит, хлопнув дверью, а Хар бросает на меня сердитый взгляд и уходит за ней. Надолго, потому я что успеваю дойти до окна и рассмотреть все красоты Четвертого. Отсюда виден краешек парка, высотки с неоновыми вывесками, которые в пасмурную погоду горят весь день. Я понимаю, что хочу себе такую же квартиру. Жить одному, быть свободным.

Возвращается друг без Кьяны.

— Не остыла? — спрашиваю я.

— Остыла, но не хочет тебя видеть, пока ты ведешь себя как едх.

— Взаимно. Когда перестанет вести себя как маруна, тогда и сможем нормально поговорить. Как ты ее терпишь?

Черты лица Хара заостряются:

— Полегче, брат. Ты говоришь о моей девушке.

— Мне надоело, что все говорят, что мне делать и куда идти.

— Вирна ее подруга. Была. Мне жаль.

Мы молчим, и кажется, одновременно закрываем эту тему. Потому что Хар говорит:

— Кое-что не сходится, Лайт.

— Что именно?

— Ты сказал, что собирался сбежать от Шадара. — Взгляд Хара пронизывает как зимний ландорхорнский ветер. — Куда? К Зоргу?

— Нет. Я собирался покинуть Ландорхорн.

— Покинуть?

— Уплыть отсюда.

— Но это безумие. До ближайшей цивилизации тысячи энтваллов... — Он осекается. — Есть что-то еще?

Я смотрю на Хара, и не понимаю, почему не доверил ему тайну Эн раньше.

— Да. Я собирался сделать это не один.

Друг слушает мой рассказ про знакомство с раг'эной и ни разу не перебивает. Он долго молчит, даже когда заканчиваю, и я не выдерживаю первым:

— Что скажешь?

— Что тут сказать? Звучит безумно, но это многое объясняет. Например, то, как вы с Мэйс добрались до берега в тот шторм. А еще твой побег. С помощью океанской бабочки ты действительно мог бы сбежать из Ландорхорна, почему передумал?

— И оставить вас одних? — усмехаюсь я, и добавляю уже серьезно: — В Ландорхорне вся моя жизнь. Мне не нужно бежать или скрываться, чтобы сделать ее такой, какой хочется.

— Мэйс ведь в курсе, да? Ты рассказал ей про бабочку?

— Да.

Хар смотрит мне в глаза, словно сканирует.

— Значит, твои чувства к Вирне даже серьезнее, чем считает Кьяна.

Они издеваются надо мной?!

— И ты туда же? — интересуюсь раздраженно. — Сколько еще мне повторять, что все в прошлом?

— Мне или себе? Брат, мы с тобой с детства знакомы, а ты рассказал про раг'эну первой попавшейся девчонке? Сильно в этом сомневаюсь.

— Вы с Кьяной можете думать все, что хотите. Последний раз, когда я видел Мэйс, она была счастлива. Счастлива с другим парнем.

— Видел?

— Мы разговаривали.

— Спокойно, как взрослые люди, или как вы делаете это обычно?

— Ты мой друг, но сейчас я готов тебе врезать.

Действительно готов, даже кулаки сжимаются, а в ладонях концентрируются искорки силы.

Хар только усмехается.

— Об этом и речь, Лайтнер. Я не собираюсь лезть в твою жизнь, но как твой лучший друг советую тебе закрыть тему Мэйс. Хотя бы внутри себя. Ну или сделать так, как тебе хочется. В смысле, строить свою жизнь такой, какой ты ее видишь.

Раздражение гаснет так же быстро, как и вспыхивает.

— Вверх действия?

— Не люблю тормозить.

— С М'эль ты точно не тормозил.

— Решил, что если плохой парень ее разочаровал, то хороший подойдет ей больше, и рискнул.

— Долго подступался? — я легко пихаю друга в плечо и подмигиваю, но Хар не ведется.

— Я не стану обсуждать с тобой свою девушку.

— Справедливо, — соглашаюсь я и добавляю: — Я подумаю над твоими словами насчет Мэйс.

Мы съедаем завтрак, принесенный курьером, оставляем только часть для Кьяны (она наотрез отказывается выходить). И я понимаю, что не могу задерживаться у друга надолго. В прошлом мог бы, но сейчас мне нужно свое жилье, а еще новый тапет — мой остался у Родреса. И совершенно точно Хар не должен из-за меня ссориться со своей девушкой. Поэтому после завтрака я говорю:

— Мне нужно съездить домой и поговорить с матерью. Я должен узнать, все ли с ней в порядке.

— Возьми мой эйрлат.

— Спасибо.

Я хлопаю друга по плечу и направляюсь к выходу.

— Лайт?

— Что?

— Я могу рассказать Кьяне про раг'аэну?

— Можешь, — киваю я с улыбкой. — Пообещай ей знакомство с Эн, если перестанет пытаться учить меня жизни.

После разговора с Харом мое настроение улучшается, и жизнь уже не кажется грязной лужей со сточными водами.

Я добираюсь до Первого круга привычным путем. Он разительно отличается даже от того же Четвертого. Здесь каждый особняк размером с квартал и окружен большим парком, а отцовский больше всех. Здесь богатство и роскошь, нет только свободы.

Я останавливаюсь возле ворот в дом, но ворота даже спустя минуту остаются закрытыми, а значок доступа мигает предупреждающим красным.

Какого едха?

Хотя я догадываюсь, какого. Его зовут Диггхард К'ярд.

Поэтому выхожу из эйрлата и направляюсь к зрачку камеры системы.

— Впусти меня, — приказываю, позволяя ей сканировать мое лицо.

— В доступе отказано, — отвечает мне равнодушный голос системы.

— Я здесь живу.

Точнее, уже не живу, но здесь живет моя мать.

— В доступе отказано.

Хидрец!

Я разжимаю кулаки, и волна моей силы ударяет в ворота. Мощная, но металлические створки настолько основательные, что даже не дрогнули. А вот система срабатывает сразу:

— Отойдите от ворот. Любая последующая атака будет расценена как намеренная, и я буду вынужден принять меры.

— Что? — рычу я. — Что ты сделаешь?!

Система не отвечает, зато в динамиках раздается голос брата:

— Привет, Лайт.

Я бросаюсь к камере, смотрю в самый зрачок.

— Джубо,пусти меня.

— Отец запретил тебя впускать.

Кто бы сомневался!

— Я приехал не к нему, к маме. Я хочу ее увидеть.

— Ей запрещено видаться с тобой. Как и мне.

Что?!

— И вы его послушаете?

— А кого мы должны слушать? Тебя? Отец сказал, что ты отказался от нас. Что ты больше не часть нашей семьи.

— Это значит, что я ему больше не подчиняюсь. Но это не значит, что я не хочу вас видеть. Впусти меня! — последнее я уже рычу.

— Я не могу.

— Потому что он запретил?

— Да. Мне жаль, Лайт.

Я не могу в это поверить!

— Какого едха?! Ты написал Хару, чтобы он меня вытащил из тюрьмы!

— Ты мой брат. Был им. Теперь ты больше не К'ярд.

Короткий писк системы возвещает о том, что Джуборо отключился.

Вернувшись к эйрлату, с грохотом впечатываю кулак в металл. Несколько раз, пока боль окончательно не отрезвляет. Прорываться с боем я не могу, потому что под залог отпускают только раз, а будучи свободным, решать проблемы проще, чем сидя в клетке.

Ничего, мам, мы с тобой увидимся.

Обязательно увидимся!

Он не заберет тебя у меня.

Глава 3. Смена курса

Сообщение от Дженны застаёт меня на полпути домой. Примерно там же меня застают новости, от которых бросает в холодный пот: «Ромина Д’ерри арестована и обвиняется в покушении на убийство». Раньше я бы многое отдала, чтобы это увидеть или услышать, но сейчас мне становится дурно. Поэтому я не вижу ничего и никого, кроме транслятора, по которому бегущей строкой, в самом низу вытягиваются строки с комментариями. Ведущий беззвучно, как рыба, открывает рот, но все, что он говорит, дублируется в этой бегущей строке. А гусеница вокруг меня кипит и бурлит, точнее, кипит и бурлит человеческая волна, набирающая силу:

— Надеюсь, эта тварь получит по заслугам!

— Сомневаюсь, что они это допустят.

— Как такое вообще пропустили в новости?

— Кому-то это было надо.

Кому-то это точно было надо, но у меня даже пальцы не гнутся, когда я набираю Митри.

— Мит? Вы где?!

— Гуляем. Погода сегодня хорошая...

— Домой. Срочно! — рычу я, и только сейчас понимаю, что они без меня не войдут.

Дальше все сливается в какую-то странную вереницу лиц, окружающих меня, и гул голосов. Я вылетаю из гусеницы, бегу в сторону дома, и только увидев сестер, прихожу в себя. Мне стоит немалых усилий не затолкать их за дверь и спокойно пройти сканирование. Только оказавшись внутри, у лифтов, я выдыхаю спокойнее. Митри смотрит на меня в упор, Тай зеваёт — видимо, нагулялась и хочет спать.

Оказавшись в квартире, я первым делом спрашиваю, не хочет ли она поесть — но нет, она не хочет. Они действительно нагулялись и перекусили в кафе. Мои сестры перекусили в кафе! Море, раньше я себе и представить такого не могла, а сейчас не могу дождаться, пока Тай заснет. Только когда сестренка начинает тихо сопеть, вываливаюсь из ее комнаты на кухню. По большому счету, это и кухней нельзя

назвать, скорее, обеденной зоной. Здесь на высокой мраморной столешнице стоит машина, которая делает льяри, в шкафах полно посуды, а за столом удобно собираться всей семьей. Здесь есть холодильник, который можно забить продуктами, и у меня теперь есть деньги, чтобы это сделать.

Я падаю на стул и утыкаюсь лбом в сцепленные ладони.

Как это произошло? Почему?

— Эй! Мне кажется, или ты должна выглядеть повеселее? — Митри ногой отодвигает стул, а после садится рядом.

Я поднимаю голову.

— Весь Ландорхорн просто гудит! Эта дрянь получит то, что заслужила! — В глазах Митри горит ярость, и сейчас мне кажется, что она невыносимо похожа на Лэйс. — Вирна! Да что с тобой! Ты радоваться должна!

Странно, но радости во мне нет. Я прислушиваюсь к себе и понимаю, что это действительно так. Во мне нет радости по поводу того, что Ромину будут судить, зато возникает множество вопросов — плюсом ко всем, что уже появились сегодня.

— Вам придется посидеть дома.

— ЧТО?!

— Ты не слышала, что я говорила раньше? Ромина не оставит это так.

— Ты поэтому такая кислая? — интересуется Митри, а потом улыбается. — Боишься, что она причинит нам вред?

— Это не смешно! — рявкаю я. А после поднимаюсь и отхожу, чтобы налить себе воды. Вода. Жмурюсь, опираюсь о столешницу, и очки Вартаса, которые я прицепила к вырезу джемпера, падают на стол.

— Может, хватит на меня рычать? — Митри складывает руки на груди, когда я поворачиваюсь. — Ты совсем невыносимая стала после того, что случилось у океана.

Поскольку я молчу, сестра продолжает:

— По-моему, тебе стоит разобраться со своими парнями.

— Что ты сказала?!

— Со своими парнями, — она пожимает плечами. — Один из них сегодня звонил мне, чтобы узнать, где ты, а второй чуть не открутил ему голову на берегу. Ладно. Так что не так с Роминой?

Она переводит тему раньше, чем я успеваю на ней сосредоточиться. Если бы я знала, что не так с Роминой.

— Мне это не нравится, — говорю я.

— Не нравится, что она наконец-то огребет за то, что пыталась тебя убить?

— Не нравится, что это происходит так. Вьерхи не ставят друг друга под удар. Даже если предположить, что всплыли какие-то новые доказательства...

— А они всплыли, — сообщает Митри. — Подробности я не знаю, но тот, кто едва не открутил голову Вартасу, нашел какое-то доказательство. Именно по поводу этого весь Ландорхорн стоит на ушах.

Во мне кончаются не только слова, но даже мысли.

— Все говорят только о том, что вьерхи за правосудие... точнее, половина говорит о том, что вьерхи за правосудие, а другая — что ей все равно ничего не будет.

— Подожди, — говорю я. — Ты сказала, доказательство нашел Лайтнер?

— А до этого я сказала — разберись со своими парнями, — ехидно напоминает сестра. — Видела бы ты сейчас свое лицо!

Я сегодня достаточно насмотрелась на свое лицо. В особенности — на глаза, чтобы понять, что с Лайтнером нам лучше никогда больше не видаться. То, что он в очередной раз мне помог, дела не меняет. Возможно, стоило бы с ним поговорить и сказать все как есть, но после этого будет только хуже. По крайней мере, для меня. Мне проще знать, что мы с ним так и останемся... я не могу подобрать этому слова. Врагами? Нет, это совершенно точно не то. Мы не враги, не бывшие, не друзья. Мы друг другу никто, наверное, это то самое определение, которое я искала. Пусть так оно и остается, потому что никто — гораздо проще, чем когда даешь себе и чувствам хоть какую-то маленькую лазейку. Возможность, которая будет тянуть, как океанская волна, с силой, которой противиться бесполезно.

— Льяри хочешь? — спрашиваю я.

— Не хочу, — отвечает Митри. — И в школу я тоже пойду. Не собираюсь сидеть дома только потому, что ты решила, что Ромина может мне что-то сделать. Пусть только сунется — я выдеру ей все волосы. И не надо меня пугать тем, что сама она не сунется!

Сестра поднимается раньше, чем я успеваю ответить, и убегает к себе. Хлопает дверь.

Нет, с меня определенно хватит. Поговорю сегодня с Дженной — либо перед погружением, либо после. Надо решать вопросы постепенно, иначе так и свихнуться недолго.

Дженна!

Я вспоминаю о сообщении, которое упало мне на тапет в гусенице, примерно перед тем, как среди шепота и неровного гула голосов я услышала первые слова о Ромине и увидела ту трансляцию. Открываю мессенджер и читаю: «Сегодня с выходным не получится. Жду тебя как обычно на смену».

С обычной сменой все очень сложно. Хотя бы потому, что я еду поздним вечером в солнцезащитных очках. Если бы я была уверена, что сила воды... или сила лиархов, я пока не знаю, как это называть, реагирует только на близость моря и океана, я была бы спокойна. Но помимо моря и океана, еще была раковина в Кэйпдоре и мои глаза перед домом, который вполне себе на суше и весьма удален от воды. Поэтому — солнцезащитные очки, поэтому я еду в «Бабочку» за несколько часов до смены и до того, как нам будут делать макияж.

Остается надеяться, что Дженна на месте, и что с ней я смогу переговорить заранее.

Дженна на месте, я это выясняю, когда приближаюсь к ее кабинету. Она редко повышает голос, но сейчас он резкими нотами испарывает пространство:

— Нет, едх его утопи, это совершенно нам не на пользу!

Можно остаться и дослушать, но это бессмысленно. Во-первых, здесь повсюду камеры, а во-вторых, Дженна мгновенно берет себя в руки. По крайней мере, дальнейший разговор я разобрать не могу.

Секретаря она предсказуемо отпустила, поэтому сейчас я толкаю дверь и вхожу. Сначала — в приемную, только потом — к ней в кабинет. Уже готовлюсь увидеть непробиваемую физиономию Н’эргеса, но вместо этого вижу вполне себе пробиваемую.

В’ерха, который присутствовал на юбилее. Который вместе с Дженной проводил аукцион. От неожиданности замираю, а он поворачивается к ней, хотя рука с сигаретой указывает на меня:

— Это вообще нормально? Это? К тебе все входят без стука? Или в моем клубе просто проходной двор?!

Он почти рычит, и судя по тому, что я вижу, разговор у них складывается не самым лучшим образом.

— Льен, ты знаешь, кто она такая. — В голосе Дженны слышится если не ответное рычание, то очень близко к тому.

— И это повод вламываться к тебе в кабинет?

— Вирна, что ты здесь делаешь? — Дженна затягивается, делая вид, что последних слов просто не слышала.

— Ты сказала про обычную смену, и я...

— Про обычную смену. Когда я сказала про обычную смену, я имела в виду обычную смену. Но раз уж ты здесь, проходи.

— Ты серьезно? — усмехается вверху. — Ты будешь говорить при этой девчонке?

— Почему бы и нет. — Алые губы растягиваются в улыбке. Я все время удивляюсь, как ей удастся поддерживать макияж в идеальном состоянии. Особенно губы, хотя она постоянно курит. — У нас с Вирной нет секретов друг от друга. Правда, Вирна?

Мне стоит немалых усилий не потянуться к сумке, где лежат солнцезащитные очки. Вместо этого я отвечаю:

— Правда, — и прохожу к столу.

Устраиваюсь на стуле, всей кожей чувствуя взгляд вверху, липкий и ледяной. От него хочется помыться, и я начинаю жалеть, что с нами нет Н'эргеса. Никогда бы не подумала, что такое скажу, но мне не хватает его отморозенности, чтобы с кожи кристалликами льда осыпалось это мерзкое чувство.

— Вернись, когда вы закончите, — сообщает вверху, а я пытаюсь вспомнить его имя.

Мильен Т'ерд, кажется. Несмотря на то, что меня трясло на той сцене, имя я запомнила. Получается, он тоже в курсе того, что делает Дженна? Как много вверху — с ныряльщиками? И почему?

— Вот так, — Дженна пожимает плечами и снова затягивается, — не самый простой день. Уверена, ты уже в курсе того, что развернули с Роминой Д'ерри?

Она говорит настолько спокойно, настолько нейтрально, что если бы я не слышала, как она кричит пару минут назад, ни за что бы не поверила, что эта женщина вообще способна повысить голос. По ощущениям, они идеально гармоничны с Н'эргесом, Мильен Т'ерд выбивается из этого уравнения. Или нет? Слова Алетты всплывают

очень некстати — о том, как вверху выбирают себе любовниц. Дженна и светловолосый — может ли между ними быть что-то большее?

Вопросы множатся, как налипающие на шипастую мину водоросли. Раньше их выбрасывали в море и в океан, чтобы избежать выходов на воду. Говорят, оставшиеся так и дрейфуют где-то в водах, изредка фиксируют вспышки-взрывы. Когда подводные жители забывают об осторожности.

— Да. Поэтому я здесь.

— Поэтому я попросила тебя просто прийти на смену. К тебе сейчас будет приковано самое пристальное внимание.

— Ко мне?

— Разумеется. Ты же не думаешь, что все это будет сделано тихо? Если бы Ромину Д'ерри хотели осудить тихо, мы бы не стали свидетелями того, что творится сейчас. — Дженна откидывается на спинку стула, обводит рукой кабинет. — Зрителями того спектакля, который они устроили. Им нужно показать, как они заботятся о людях, и они нашли способ это сделать. Когда до тебя доберутся журналисты, а они доберутся, от тебя захотят услышать то, что выгодно вверху. Все, что нам нужно — это дать им понять, что ты готова играть по их правилам. В тот момент, когда они в это поверят, мы нанесем удар. Или попросту расскажем, как все было на самом деле. Это будет легко. Тебе же есть, что рассказать, Вирна?

Она пристально смотрит на меня, дым окутывает тонкие пальцы, а сигарета кажется бесконечной. В эту минуту я вспоминаю про сигарету в банке и бабочку. Ее крылья, кажется, пропитались дымом настолько, что от одного прикосновения она могла рассыпаться пеплом.

— Да, — отвечаю я. — Да, мне есть, что рассказать.

— Вот и чудесно. Мильен устроит нам прямую трансляцию. У него отличные связи в СМИ.

Кресло разворачивается, Дженна закидывает ногу на ногу.

— Мы построим твоё интервью таким образом, чтобы всем стало понятно, что правосудие вверху представляет из себя на самом деле. Я не хотела говорить заранее, но даже лучше, что ты узнала об этом сейчас. По крайней мере, ты будешь готова, когда тебе начнут задавать вопросы. Тебе ещё не приходил вызов от политари?

— Нет.

— Значит, скоро придет. — Она задумчиво закусывает губу. — Сейчас самое главное — это вести себя естественно, Вирна.

Вести себя естественно — это, похоже, единственное, что мне остается. Проблема только в том, что с каждым днем во мне все меньше и меньше естественности. Все меньше меня.

— Что насчет погружений? — спрашиваю я.

— Сейчас это уже не так важно.

— Еще сегодня утром это было чрезвычайно важно.

Дженна смотрит на меня в упор.

— Тебе так не терпится снова оказаться под водой?

Первая бабочка в банке была утонувшей. Точнее сказать, ее утопили. Именно поэтому я подумала о Ромине, именно поэтому я не поверила, когда Д'ерри скривилась, увидев банку в моих руках.

Вот только Лэйс имела в виду вовсе не Д'ерри.

— Мне не терпится рассказать всем о том, что вверху из себя представляют.

— Уже совсем скоро ты сможешь это сделать. — Дженна снова мне улыбается. — В конце этой недели, или, возможно, в начале следующей. Нам нужно выбрать удобный момент, когда ты дашь интервью...

— С интервью все чудесно, — перебиваю я. — Но ты не подумала кое о чем важном.

— О чем же?

— О моих сестрах. Когда я соглашалась быть ныряльщицей, я знала, что сведения об установках изменят мир. Мое интервью мир не изменит.

— Вирна, работать с тобой — одно удовольствие. — Дженна расслабленно откидывается на спинку кресла и бросает окурок в пепельницу. — Когда мы зададим правильные вопросы — почему именно сейчас? Почему правосудие заработало не тогда, когда все случилось с тобой? Или почему избавителем и героем стал именно сын Диггхарда К'ярда? — твое интервью не просто изменит существующий мир. Оно станет взрывом, который его уничтожит.

Не то чтобы я не догадывалась, что сведения об установках произведут взрыв... я не догадывалась, что мне придется говорить о Лайтнере. Я даже согласилась на все это при условии того, что мне не

придется приближаться ни к нему, ни к его отцу. Поэтому сейчас мне стоит немалых усилий остаться спокойной.

— Мы так не договаривались, — отвечаю я.

— Ты сейчас о чем? — Дженна приподнимает брови.

— О Лайтнере К'ярде. Я не стану о нем говорить. Ни здесь, ни на прямой трансляции. Если мне зададут вопрос с его именем, я просто на него не отвечу.

Она снова улыбается. На этот раз холодно.

— Я понимаю, Вирна. Тебя с ним связывают непростые отношения...

— Ошибаешься. Нас с ним ничего не связывает, и это так и останется. Ты хотела правды и откровенности — я откровенно тебе говорю. Я ни слова не скажу про Лайтнера К'ярда. Его имя упоминаться не будет. По крайней мере, мной.

— Хорошо. Я тебя поняла. — Она поднимается — пожалуй, чересчур резко, я остаюсь сидеть. Попытка посмотреть на меня сверху вниз ей тоже не удастся.

— Мне нужно кое-что еще.

— Что же?

— Гарантия безопасности моих сестер. От тебя лично.

— Н'эргес этим займется...

— Пусть займется этим прямо сейчас. Потому что когда моя смена закончится, я хочу знать, кто будет их охранять. Как этим будут заниматься. Что будет сделано до, после и во время прямой трансляции. И еще. Мои сестры собираются вернуться в школу. С этим тоже нужно что-то решить.

Вот теперь я поднимаюсь, оттолкнувшись пальцами от края стола. Похвастаться ростом я никогда не могла, но сейчас мы смотрим друг на друга на равных. В глазах Дженны мелькает раздражение, которое тут же скрывается под привычной маской.

— Хорошо. Ты все это получишь, — произносит она, — когда смена будет закончена. Меня уже не будет в клубе, поговоришь с Н'эргесом. Он лично тебе все расскажет.

— Чудесно, — направляюсь к двери. В спину мне прилетает жесткий удар голоса:

— Вирна.

Останавливаюсь. Оборачиваюсь.

— Да?

— О чем ты хотела поговорить?

В глазах Дженны — бездна глубиной с Ктарианскую впадину. Она смотрит на меня жестко и так холодно, что по коже снова ползет царапающая ее изморозь. Сейчас мне кажется невыносимой глупостью то, что я собиралась ей рассказать. Особенно то, *о чем* я собиралась ей рассказать.

— О том же, о чем и ты. Я не настолько наивна, чтобы полагать, что ситуацию с Д'ерри раздули ради правосудия. Хотела узнать, что будет с погружениями. Как теперь все это будет. И что мне делать. Я пришла к тебе за советом, но ты меня опередила. Сообщив о новых условиях нашего соглашения.

Взгляд ее немного смягчается. Немного — это именно то слово.

— Назовем это временной сменой курса, Вирна. К погружениям мы еще вернемся. Чуть позже.

Я растягиваю губы в улыбке, а после разворачиваюсь и выхожу. Внутри меня слегка потряхивает: от поединка с Дженной, но и от предстоящего. Погружение — совсем не то же, что прямая трансляция. Прямая трансляция осуществляется на весь Раверхарн, и если сейчас обо мне знает горстка политари, судья, его дочь и те, кто еще помнит учившуюся в Кэйпдоре калейдоскопницу, то после этого... Мне кажется, что мой мир летит в океан, как когда-то падала я. Только глубину, на которую он рухнет сейчас, не возьмет ни одна раг'эна. Как бы там ни было, отступать уже некуда, и оглядываться тоже бессмысленно.

У меня только один путь — вперед.

В примерной я, естественно, появляюсь первой, потом начинают подтягиваться девочки. Одной из последних влетает Тимри, наши помощницы по макияжу оживляются.

— Давайте быстрее, у нас сегодня еще планы на вечер, — говорит одна, подмигивая.

— Скорее уж на ночь, — хохочет Тимри. — У нас тоже — мы всю ночь разносим еду богатым засранцам.

ЗАСРАНЕЦ.

С этого слова началось мое знакомство с Лайтнером.

Ловлю себя на мысли, что улыбаюсь, и мне становится на удивление тепло. Думаю, что это тепло я сохраню на всю жизнь. Это то, что не позволит мне скатиться в страхи, сомнения или отчаяние, когда все начнется. Потому что — что бы ни говорил его отец, или что бы там себе ни думала Дженна, Лайтнер другой. Он настоящий. И то, что произошло с Роминой — не заказное. По крайней мере, с его стороны.

Дурацкие мысли.

Дурацкие мысли, от которых так сложно избавиться.

— Мэйс! Ты вообще собираешься делать макияж?

— Судя по выражению лица, ее с нами нет. — Тимри пихает меня в бок. — Эй!

— Я здесь.

— Надо же!

— К зеркалу давай, — командует девчонка, которая отвечает за макияж. — Говорю же, у нас с Нинни планы на вечер.

— На ночь!

Все смеются, и я к ним присоединяюсь. У меня есть целая смена, чтобы почувствовать себя частью совсем другой жизни. Жизни, в которой я — это просто я.

Глава 4. Первая работа

Лайтнер К'ярд

Кьяна не ошиблась.

Из Кэйпдора меня не выгнали, но за следующий семестр мне придется платить самому. Пока платить было нечем, потому что все мои карты оказались заблокированными, счета — закрытыми, а доступ к наследству деда я получу только когда мне исполнится двадцать. То есть почти через год. Сейчас же у меня не осталось денег даже на еду, не говоря уже о том, чтобы расплатиться с Харом или заплатить штраф за угон флайса Ромины.

Но никто не говорил, что будет легко.

К счастью, из-за шумихи с Д'ерри суд откладывался на месяц-полтора, и у меня появилась возможность со всем справиться. Нужно было только найти работу, лучше две, и съехать от Хара. Поэтому я в тот же день одолжил у друга старый тапет и зарылся в вакансии. У меня не было рекомендаций и опыта работы, но были знания второкурсника Кэйпдора, способности вьерха и фамилия. Правда, сейчас она приносила гораздо больше проблем, чем преимуществ.

Некоторые серьезные работодатели разворачивали меня, стоило представиться. Максимально вежливо, но это дела это не меняло.

Дом Хара облепили журналисты, которые предлагали мне дать интервью и разве что не золотые горы обещали взамен моих слов на каком-нибудь ток-шоу. Рассказать про Д'ерри, про мои с ней отношения и про все остальное. Будь я один, можно было принять такое приглашение только для того, чтобы позлить отца. Но я не хотел, чтобы весь этот хидрец коснулся матери. Не хотел снова делать ей больно. Ко всему прочему, мне не хотелось говорить про Вирну.

Но деньги мне были нужны, причем как можно скорее, и в конце концов я нашел компромисс и принял одно из предложений. Правда, к журналистам оно не имело никакого отношения.

В связи с недавним ростом моей популярности мне посыпалось множество предложений сняться в рекламе. Например, предлагалось продвигать шампунь от облысения или средство для чистки окон. Одна

фармацевтическая компания даже предложила быть их представителем и рекламировать препарат от вздутия кишечника.

Когда Хар про это услышал, то хохотал, наверное, минут десять.

— Хорошо, что не слабительное.

— Ну знаешь ли! — поморщился я и полез в почту. Именно тогда и увидел то, что могло меня спасти.

Известная парфюмерная компании «Эрра» искала лицо своего нового мужского аромата и предлагала это мне. Идея рекламировать духи вызвала у меня улыбку, но ровно до той строчки, где шла речь о гонораре. Такой суммы хватило бы на оплату хорошей квартиры на Четвертом и на неплохой эйрлат. Мысль о возможности оставаться «на лету» пересилила, тем более что нормальную работу я так и не нашел.

Офис «Эрры» находился на Третьем круге, в сверкающей стеклянной высотке. Для Ландорхорна редкий солнечный день превратил здание в вытянутый драгоценный камень. Стоило показать документы, как меня тут же пропустили, а лифт мгновенно подбросил на восемнадцатый этаж, в приемную из стекла и металла. Только там я стянул черные очки, которые теперь постоянно носил из-за внимания журналистов.

— Ньестр К'ярд, добро пожаловать в нашу компанию! — Мне навстречу выходит темнокожая вьерха, в белом костюме. Она чем-то напоминает мне маму Родреса, такая же высокая и прямая, и предпочитающая высокие каблуки. — Меня зовут Петра К'архан, я вице-президент компании, и очень рада, что вы решили принять наше предложение. Это неожиданно и приятно.

— Я пока его не принял, но готов все обсудить, ньестра К'архан.

— Петра, — улыбается она. — Пойдемте в мой кабинет.

Кабинет будто продолжение приемной, разве что здесь опущены жалюзи и царит полумрак. Отчего голубой интерьер кажется холодным. Мы устраиваемся на диванах, и Петра кивает мне на строгий насыщенно-синий флакон туалетной воды на журнальном столике.

— Это наш новый аромат, который мы планируем представить уже в этом месяце.

Она берет флакон, распыляет туалетную воду на пергамент и вручает мне. Меня больше интересует гонорар и условия, но запах оказывается приятным и знакомым.

— Напоминает соленый бриз и...

— Океан, — кивает Петра. — Мы назвали его так. Это будет очень провокационно.

— А чтобы было еще более провокационно, вам нужен я. В чем подвох?

— Подвох?

— Вы всем своим моделям предлагаете такие деньги?

— Не всем. Но вы и не все, ньестр К'ярд. Правда у нас есть условие, что вы останетесь лицом лишь нашей компании. По крайней мере, год.

— Это не проблема.

Вряд ли я соглашусь рекламировать средство от облысения.

— Тогда я сейчас сброшу на ваш тапет договор. Если вас все устроит, подписывайте, и мы завтра же начнем съемки видеоролика. Надеюсь, вы не против того, что они будут проходить в бассейне.

— Я умею плавать.

Петра кивает и оставляет меня одного. Договор оказывается достаточно простым, единственное, что меня напрягает — это то, что я обязан появляться на вечеринках по случаю дня рождения компании или дня рождения президента компании, но и это можно пережить. В основном идут всякие обязательства и гарантии. Поэтому, когда дверь в кабинет снова открывается, я готов поставить подпись. Но Петра возвращается не одна, а с девушкой. У нее густая копна темных волос и гладкая светлая кожа, она бросает на меня любопытные взгляды, но тактично отходит к окну.

— Что вы решили, ньестр К'ярд? — интересуется вице-президент.

— Что я с вами, — отвечаю и ставлю подпись.

— Замечательная новость. Тогда позвольте вам представить нашу звезду и вашу напарницу, с которой вы будете сниматься в ролике — Лиран Р'харат.

В договоре был пункт про совместные съемки, и я не имею ничего против. Поднимаюсь и протягиваю ей руку:

— Приятно познакомиться, Лиран.

— Можно просто Лира.

Лира подходит ближе и пожимает мою ладонь. В ноздри ударяет соленый бриз и свежесть: этот аромат похож на тот, что давала мне

Петра. Разве что он мягче, женственнее. Но не это заставляет меня слишком быстро отдернуть руку.

Так пахнет Вирна.

Едх!

Хар прав: она занозой засела в моей голове, и не видеть ее, не встречаться с ней — не значит не помнить о ней. Не думать о ней. Не помогает даже тот факт, что у Лир с Вирной нет ничего общего. Вьерха высокая, почти одного со мной роста. Худая, но это скорее генетика, чем результат тренировок. У нее пухлые губы и длинные ресницы, а еще очень мягкие и нежные ладони с аккуратными ногтями. Лира смотрит прямо, но без вызова.

Нет, Лира ни капли не похожа на Вирну, но пахнет как она, и замечает, как я отдергиваю руку.

— Что-то не так?

— Нет, все в порядке. Ты необычно пахнешь.

— Надеюсь, это комплимент, — смеется она, — иначе я сторю со стыда.

Кажется, общаясь с Мэйс, я разучился общаться с остальными девушками.

— Потрясающий аромат.

— Это радует.

— Очень радует, — привлекает наше внимание Петра. — Мы создали два варианта аромата: для девушек или для парней. Поэтому будем снимать совместный ролик.

Вице-президент «Эрра» рассказывает, где и когда будут происходить съемки. Оказывается, что начнем сниматься мы в океанариуме, а продолжим в открытом бассейне одного из спортклубов. Съемки запланированы на следующие выходные, работать предстоит весь день. Все, что от меня требуется (и от Лир тоже) — это красиво двигаться в кадре и делать, что говорит режиссер. Поэтому всю следующую неделю мы посвятим тому, чтобы научиться, по словам Петры, «красиво взаимодействовать» друг с другом. Будем заниматься по два часа в день, и я смогу продолжить поиски постоянной работы, а заодно и квартиры.

— Есть вопросы? — интересуется Петра.

И у меня только один.

— В моем контракте написано, что мне должны предоставить аванс. Я могу получить его сегодня?

— Конечно, ньестр К'ярд.

— Просто Лайтнер.

Петра улыбается и перечисляет мне половину гонорара на мой новый банковский счет.

У Леры вроде как нет вопросов, но она продолжает ждать, и выходим из кабинета мы вместе. Уже возле лифтов она спрашивает:

— Значит ты здесь из-за гонорара?

— С чего вдруг такие выводы?

— Это единственное, что приходит в голову. Сомневаюсь, что ради популярности. Если честно, не ожидала здесь увидеть самого Лайтнера К'ярда!

Я усмехаюсь.

— Звучит так, будто я знаменитость.

— Ты и есть знаменитость. Хотя некоторые считают, что ты пиаришься на том, чтоставляешь вьерхов в невыгодном свете.

— Только тех, кто этого заслуживает.

Лира прижимает ладони к губам и делает вид, что страшно испугалась.

— Ты опасный парень, Лайтнер!

— Как есть.

— И на что собираешься потратить аванс?

— На революцию.

Теперь Лира смеется, и у нее красивый мелодичный смех.

— А если серьезно?

— На новый эйрлат и аренду квартиры.

Мы входим в лифт, и я жму на кнопку первого этажа.

— А ты, значит, здесь из-за популярности?

— Да. И совсем немного ради денег. Когда я в двенадцать лет решила стать моделью, родители не поняли моего желания. Они хотели, чтобы я поступила в Кэйпдор на медицинский. Отец хирург, а мама — психоаналитик, вот и я должна была продолжить милую семейную традицию.

— Но ты не продолжила.

— Нет. И мне пришлось ждать до совершеннолетия, прежде чем у меня появилась возможность самостоятельно заключать контракты.

— А что родители? Смирились?

— Еще чего! Сказали, что это не работа для вьерхи, и что она меня не прокормит. Был сильный скандал, я не выдержала и ушла. Сняла квартиру вместе с подругой. Поначалу было трудно, но мне сильно помогла бабушка, а теперь я живу на собственные гонорары от работы моделью. И знаешь, — она улыбается так, что жмурится от удовольствия, — я абсолютно счастлива!

Наши истории удивительно похожи. Возможно, именно поэтому я не отказываюсь, когда мы выходим из здания, и она интересуется:

— Куда тебя подвезти?

— До ближайшего эйросалона.

Голубой эйрлат Лиры — симпатичная стильная машинка. Модель не новая, но по-прежнему одна из лучших на рынке.

— Значит, на гонорары от съемок можно жить? — интересуюсь, расположившись на пассажирском сиденье. Непривычно быть пассажиром, но я рассчитываю это исправить в ближайший час.

— Вполне, — кивает Лира, разворачивая эйрлат. — Особенно на те, что платит «Эрра». Но я солгу, если скажу, что это работа со стабильным доходом.

— Не пробовала найти что-то дополнительно?

— Пробовала, но когда случаются вот такие съемки, совмещать сложно. Никому не нравилось, что я пропадаю на несколько дней. Зато сейчас у меня много времени на себя и на поиск интересных предложений.

Лира так заразительно улыбается, что невозможно не улыбаться в ответ.

Мы сворачиваем на шоссе, ведущее на Четвертый круг. Неудивительно, потому что большинство эйросалонов именно там.

— Салон «Бигихор» подойдет?

Я вспоминаю о Родресе и понимаю, что плевать я хотел на то, что эйрлаты «Бигихор» считаются лучшими. Несмотря на то, что оба мои предыдущих эйрлата были от компании его родителей, я не хочу возвращаться к прошлому.

— Давай лучше «Кэйлес», — говорю я.

— Как скажешь.

На Четвертом мы встаем в небольшую пробку и движемся очень медленно.

— Можешь высадить меня где угодно, чтобы я тебя не задерживал.

— А толку? — усмехается Лира. — Мне все равно в ту сторону. Не говоря о том, что сегодня я совершенно свободна.

Она бросает на меня смущенный взгляд из-под ресниц, но я делаю вид, что рассматриваю улицы Четвертого.

— Слушай, — нарушает молчание Лира, — я понимаю, что мы только что познакомились, и мое предложение может прозвучать странно...

— Начало, как минимум, интригует.

— Ты сказал, что ищешь квартиру.

— Да.

— У меня есть кое-что на примете. Моя подруга и соседка как раз съехала со своим парнем, так что ее квартира пустует. Насколько мне известно, владелец еще не нашел нового съемщика, поэтому могу дать тебе его контакты.

— Соседка?

— Ага. Квартира по соседству со мной. Поэтому я и сказала, что это может показаться тебе странным. Вдруг мы на съемках достанем друг друга! — Лира снова смеется.

Учитывая, что я собирался съехать от Хара в ближайшее время, ее предложение вполне могло оказаться интересным.

— Где она находится?

— Здесь, на Четвертом.

Большая студия на предпоследнем этаже. Новый дом рядом с парком. Парковка. Все это звучит очень заманчиво.

— По аренде не скажу, потому что все зависит, какую сумму назначит владелец, но, если договоритесь, сэкономишь на услугах риелтора.

— Спасибо, — искренне благодарю Лиру.

— Пока не за что! — Она пожимает плечами. — Если все получится, буду гордиться тем, что живу в одном доме с Лайтнером К'ярдом!

Она диктует мне адрес владельца, и как-то незаметно мы добираемся до нужного эйросалона. Лира это тоже замечает и

перестает улыбаться. Очевидно, что ей со мной так же весело, как и мне с ней. Это странно, но на какое-то время я умудрился забыть о своих проблемах. Поэтому неожиданно даже для себя предлагаю:

— Если у тебя нет никаких планов, можешь помочь мне с выбором эйрлата. У тебя же как раз «Кэйлес».

Улыбка девушки расцветает вновь.

Конечно, она соглашается, и следующие два часа мы проводим в эйросалоне, где я выбираю, а потом покупаю новую машину. Я останавливаю свой выбор на серебристо-сером эйрлате с добротной начинкой, достаточно мощным двигателем и быстро реагирующей на все электроникой. Мне не терпится сесть за руль, но владелец квартиры отвечает на мой запрос и предлагает сегодня встретиться. Поэтому я говорю, что заберу его вечером.

Мы с Лирой пьем льяри в одном из ближайших кафе и едем на встречу с владельцем квартиры. Точнее, на встречу еду я, а Лира — просто домой. Но учитывая, что она живет на том же этаже, студию мы тоже смотрим вместе.

Я опасался, что студия, в которой жила девушка, окажется слишком девчачьей, но зря: вся мебель здесь в темно-коричневых тонах, разбавленных кремовым. К счастью, здесь множество дизайнерских светильников и огромные окна, поэтому нет ощущения, что я в пещере. Эта квартира подходит мне идеально.

— Мне нравится, — говорю я владельцу, молодому вверху с растрепанными волосами, и без раздумий подписываю контракт на полгода вперед. Тем более что стоимость аренды меня полностью устраивает.

— Это нужно отпраздновать! — говорит Лира, когда я получаю ключи и провожаю ее до дверей ее квартиры. — Зайдешь?

Она смотрит на меня с надеждой и как-то слишком серьезно, а я почти готов согласиться.

Но тут дверь квартиры напротив открывается, и мне в грудь будто ударяет океанской волной. Потому что передо мной стоит Мэйс.

Глава 5. Чудесный во всех отношениях день

У судьбы явно странное чувство юмора, потому что вторая случайная встреча за столь небольшой промежуток времени — это уже слишком. Точно так же, как слишком — видеть эту девицу рядом с ним. Во-первых, она вверху. А во-вторых, это ее жизнь. Моя жизнь в этом доме взятая взаймы, почти так же, как были взяты взаймы мгновения жизни рядом с ним. Все, что у меня появилось благодаря покровительству Дженны, у которой в свою очередь покровительство от... едх бы его побрал, почему именно сейчас я не могу сразу вспомнить его имя — Мильен Т'ерд — у таких, как эта девица просто по праву рождения.

Потому что они вроде как нас защищают.

От силы стихии.

Ха.

Еще десять раз ха.

И еще сто вдогонку.

Я собираюсь пройти мимо, когда К'ярд интересуется:

— Что, даже не поздороваяешься?

— А должна?

— Дверь ты тоже не должна закрывать?

Я резко разворачиваюсь и понимаю, что дверь действительно не закрыта. Она даже не прикрыта — потому что замок срабатывает автоматически, стоит ее захлопнуть. При мысли об этом хочется побиться головой о стену. Я дергаю ручку на себя, и дверь запечатывает квартиру.

Правда, теперь убегать уже поздно, да и зачем?

С какой радости мне вообще убегать?

Я выразительно смотрю на К'ярда и так же выразительно говорю:

— Добрый день!

— Если он добрый, — хмыкает он.

Девица переводит взгляд с меня на него, с него — на меня, и обратно. Не представляю, насколько еще затянутся эти гляделки, поэтому говорю:

— Мне пора на работу, — и снова собираюсь пройти, и он снова меня останавливает.

— Думаю, нам нужно поговорить.

— Что, прямо здесь?

— Прямо здесь тебя чем-то не устраивает?

Я смотрю ему в глаза. От сгущающегося напряжения разве что воздух пополам не раскалывается, как камни от силы вверху. Или как волна от...

Чтоб его!

Я с трудом подавляю желание вытащить очки — в такое время это будет очень актуально. И еще актуальнее будет, если у меня прямо сейчас вспыхнут глаза. Не должны бы, рядом нет воды, но рядом есть он — и это уже само по себе опасно. Поэтому я делаю вдох, выдох, и только после этого говорю:

— Возможно, тем, что мы не одни.

— Лира моя девушка.

— Правда? Тогда не вопрос. — Я складываю руки на груди. — С твоей предыдущей девушкой мы даже подружились. Так что? О чем ты хотел поговорить?

Рука К'ярда ложится на талию девицы, она в ответ обнимает его за плечи. Вызывая у меня совершенно безотчетное желание побить головой о стену уже ее.

— Ты здесь живешь?

— Как видишь. А ты в гостях?

— Нет, я снял квартиру, чтобы быть поближе к Лире. Так что теперь мы соседи.

— Потрясающие новости. Это все, о чем ты хотел поговорить?

— Пожалуй, да. Не хотел, чтобы между нами возникло недопонимание.

Я не уверена, что сейчас выговорю последнее слово, потому что желание побить головой о стену хоть кого-нибудь становится животным, диким и безотчетным. Но главное — это то, что рождается у меня внутри, что-то гораздо более серьезное, чем то, что повредило кран в Кэйпдоре. Поблизости никаких кранов, но если я вывернула раковину наизнанку, шутить с этим лучше не стоит.

— Между нами все предельно ясно, — сообщаю я. — А теперь мне действительно пора на работу.

Я подхожу к лифту, вдавливаю палец в панель.

Вообще-то мне еще рано на работу, я вышла в магазин за продуктами, но не уверена, что хочу сюда возвращаться. Мало ли — опять встречу с соседями, а в этом доме окажется слишком хлипкий водопровод.

На улицу я вылетаю, понимая, что забыла застегнуться, но у меня нет ни малейшего желания застегиваться. Несмотря на то, что холодный ветер врзается в грудь, мгновенно пропитывая одежду и кожу ледяными хлесткими потоками, до магазина я так и дохожу, в расстегнутой куртке. Перед раздвижными дверями меня уже колотит, но именно эта дрожь мне сейчас и нужна. Чтобы немножко остыть.

В магазине я не могу согреться.

Этот магазин — совершенно не такой, к каким я привыкла на пятнадцатом. Здесь несколько этажей, и все это продукты. Полки с продуктами просто ломаются от изобилия. Можно взять, что угодно. В кафе, расположенном на втором этаже, можно взять готовые блюда. У меня в квартире даже есть плита, на которой можно готовить.

И все равно я не могу отделаться от мысли, что живу взаймы.

Дженна обеспечила моих сестер охраной, если быть точной, охраной их обеспечил Н'эргес. Их постоянно сопровождают — никому из Ромининых дружков к ним не подобраться. Меня пока оставили в покое, но это в покое — как обманчиво-спокойная гладь воды перед штормом. Близится день интервью, которое перевернет мой мир, и вот тогда... Что будет тогда, я не знаю.

Меня по-прежнему знобит, но я хожу между полок, швыряя в эйротележку продукты и первое, что приходит в голову. Полотенца. Новое постельное белье. Всякие приятно пахнущие флакончики с гелями для душа. Шампуни. То, что у меня стоит в ванной — это привычки из прошлой жизни. Все очень скромно, все очень-очень дешевое. Все очень не для такой квартиры, не для такого района, не для такой жизни — как у этой девицы!

Да что со мной такое?!

Дженна сказала, что я могу ни в чем себе не отказывать, и я не буду отказывать. В конце концов, они собираются использовать меня в своих целях, а я использую их. Все честно.

Останавливаюсь напротив закрытых полок, где за стеклом с электронным замком запечатан дорогой алкоголь. Я смотрю на

бутылки, возвышающиеся рядами, и ни одно название мне равным счетом ни о чем не говорят. Говорят только цифры на этикетках, обозначающие крепость.

— Могу я вам чем-то помочь, нисса? — Ко мне подходит девушка-консультант. — Выбираете напиток для какого-то случая?

«Хочу разбить бутылку о чью-то голову».

— Не по случаю. Просто так.

— Что-то покрепче или послабее?

— Покрепче.

— Тогда могу вам предложить...

— Вирна?! Невероятно!

Я поворачиваюсь — медленно, и вижу стоящую рядом Кьяну.

Чтоб меня в Ктарианскую впадину засосало.

Сегодня просто день незабываемых встреч!

Консультант тактично отступает и уходит, а я остаюсь один на один с бывшей девушкой К'ярда. Интересно, меня можно назвать бывшей девушкой К'ярда? И как часто они у него менялись? Прямо так и подмывает спросить это у Кьяны, но она совершенно не виновата в моем настроении. И в том, что отец К'ярда оказался прав: нам с ним было не по пути.

— Привет, — отвечаю я.

— Привет! Ты что здесь делаешь?

— Я здесь живу. Поблизости.

И К'ярд со своей новой девушкой тоже.

Сдались они мне!

Кьяна смотрит на меня молча, а потом улыбается:

— Так это же здорово! Значит, мы почти соседи.

Вот что не так с этой девушкой? Если вспомнить, как мы расстались в прошлый раз...

— Почти — потому что мы с Харом живем с другой стороны Четвертого. Здесь просто случайно оказались, и я решила зайти в магазин. Чтобы потом сразу домой.

Я просто не представляю, что на это ответить. Хотя бы потому, что мне нельзя с ней общаться, но и уходить тоже отчаянно не хочется. Кьяна — как островок уверенности и спокойствия, она такая самая по себе. Мне не хочется быть с ней грубой, не хочется снова отталкивать, мне просто...

Хочется с ней дружить.

Почему все так сложно?!

— Чудесно. Передавай Хару привет, — говорю я и разворачиваюсь, чтобы уйти.

Она легко касается — не меня, эйротележки. Видимо, помнит о том, что было в прошлый раз от ее прикосновения.

— Вирна. Я очень рада тебя видеть.

В ее словах — ни капли фальши, заподозрить Кьяну в неискренности все равно что заподозрить Ромину в любви к людям. Она настолько откровенная и прямолинейная, что сомневаться не стоит: действительно рада.

— И я была бы рада еще больше, если бы мы с тобой продолжали общаться.

— Что, даже несмотря на твою дружбу с К'ярдом? — Слова срываются с губ раньше, чем я успеваю их остановить.

— При чем тут Лайтнер? — Кьяна пожимает плечами. — Меня совершенно не касается то, что между вами произошло. Я сейчас общаюсь с тобой и говорю о том, что хотела бы как-нибудь с тобой встретиться и просто посидеть где-нибудь. Что скажешь? Можем сходить в парк, пока не стало слишком холодно.

Мне отчаянно хочется согласиться, хотя я должна отказаться.

Но ведь если я один раз просто схожу с ней в парк или посижу в кафе, ничего страшного не случится? Теперь, когда Дженна и Н'эргес и Т'ерд заполучили меня, им больше нет никакого дела до того, с кем я общаюсь. Но Кьяна — въерха, а я собираюсь разрушить их мир.

Все эти мысли проносятся в голове столь стремительно, что я не успеваю даже задержаться на какой-то одной.

— Мой номер у тебя есть, — произносит она. — Так что как надумаешь — пиши. Будет здорово!

Кьяна улыбается и сворачивает к полкам с полуфабрикатами, а я толкаю тележку мимо стеллажей с алкоголем. В том, что будет здорово, я не сомневаюсь, главное, чтобы потом не получилось, как с К'ярдом. В том, что получится, я тоже не сомневаюсь, потому что после моего интервью Кьяна даже смотреть на меня не захочет, не говоря уже о чем-то большем. Если наши «отношения» с Лайтнером ее «не касаются», то это коснется так или иначе. Это так или иначе

коснется любого вьерха или вьерхи, поэтому пусть уж лучше она меня ненавидит вдали от меня, чем когда мы снова начнем общаться.

На тапет некстати приходит сообщение: «Надо поговорить».

Сообщение от Вартаса, и я быстро набиваю ответ: «Не сейчас».
«Сейчас».

Он набирает меня раньше, чем я успеваю закрыть сообщения.

— Сколько еще ты будешь кормить меня завтраками?

Сговорились они все, что ли?

— Я обещала поговорить с Дженной, когда представится удобный случай. Пока он не представился.

— Зная тебя, он не представится никогда.

Я невольно понижаю голос:

— Тебе не кажется, что это не совсем то, что стоит обсуждать по тапету?

— Кажется. Поэтому я сейчас еду в «Бабочку». С тобой или без тебя, но я с ней познакомлюсь.

Я. Его. Ненавижу.

Это первое, что приходит мне в голову. А второе — я его убью.

Да, как ни посмотри, сплошные деструктивные мысли.

— Ты хоть понимаешь, к чему это приведет? — шиплю я.

— Кажется, у тебя нет выбора, Вирна. Я буду ждать тебя у «Бабочки» через час. А потом буду действовать по обстоятельствам.

— Вартас!

Он уже отключился. Набираю его — тщетно. Точно так же в пустоту уходят несколько сообщений, пока я, напрочь забыв о том, что собиралась купить на самом деле, веду эйротележку к кассам самообслуживания. Из магазина вылетаю с пакетами, бегу до дома, где сбрасываю их прямо в коридоре и кричу:

— Митри! Разбери сумки!

После чего снова выбегаю на улицу. Здесь не так далеко, но не так далеко — это когда ты не торопишься, и все складывается как нельзя лучше. Когда торопишься, все не складывается, гусеница уходит из-под носа, потом я вспоминаю, что забыла внести обязательный взнос за обучение Митри и Тай, и, уткнувшись в платежную систему, благополучно проезжаю станцию.

Назад возвращаюсь уже в таком состоянии, что Вартасу действительно грозит избиение (точнее, грозило бы, если бы не его владение вар-до), поэтому когда я вижу его у дверей, шагаю к нему и вцепляюсь в рукав куртки с такой силой, что тот не трещит по швам только чудом.

— Пойдем.

— Куда? — интересуется он, перехватывая мою руку.

— Туда, где мы можем поговорить спокойно.

— Не уверен, что ты настроена говорить спокойно.

— После того, что ты мне устроил?

— Я тебе устроил?! — Он выделяет «я», а после шагает ко мне вплотную, врезаясь в меня, телом в тело. — Ты обещала, Вирна. Ты должна была нас представить!

Теперь уже он сжимает мои запястья, но я почему-то чувствую его взгляд на своих губах гораздо более отчетливо, чем это прикосновение. Дурацкая мысль приходит совершенно не вовремя: я представляю К'ярда с его девушкой, и думаю о том, что будет, если я поцелую Вартаса.

К счастью, отрезвление наступает гораздо быстрее, чем я успеваю это сделать: ветер швыряет мне на лицо прядь волос, я вырываюсь и отступаю.

— Такие дела быстро не делаются, — говорю я.

— В твоем случае они вообще не делаются.

— Откуда ты знаешь, что делается в моем случае, а что нет?

— Так расскажи мне.

Только сейчас я замечаю, какого цвета у него глаза. Точнее, я замечала это и раньше, но замечала иначе. Не рассматривала крапинки на сером полотне радужки, чуть более темные, чем они есть на самом деле. И не думала о том, что цвет его глаз напоминает море в пасмурный день. Океан таким не бывает, никогда. А вот море — более чем.

— Вы с Лэйс очень похожи, Вирна. — Он усмехается. — Твоя сестра тоже считала нормальным, что я просто бегаю рядом с ней. За ней. Принимаю все, что она говорит и делает, и не выступаю.

— Лэйс была твоей девушкой. Это твоя проблема, что ты не сумел ее разговорить. Что касается меня, мне совершенно не нужно, чтобы ты за мной бегал.

Он усмехается снова, а потом неожиданно, рывком притягивает меня к себе и целует. Мы снова ударяемся друг о друга, но на этот раз из меня выбивает остатки воздуха, а последнее дыхание уходит в его губы, которые жестко сминают мои. Я упираюсь руками ему в грудь и чувствую, как в мою ладонь ударяется его сердце, ответом на это глухо ударяется о ребра мое.

Рывок назад — но он меня не отпускает, только чуть размыкает губы и говорит:

— Конспирация.

Его дыхание обжигает, я чуть поворачиваю голову и вижу, что на нас смотрит один их охранников.

— Бардж, привет! — говорю я, теперь уже с силой отталкивая Вартаса. — Разве сегодня твоя смена?

— Гирену стало плохо с сердцем, и Н'эргес в срочном порядке выдернул меня. А это твой парень, выходит? Приятно познакомиться! Бардж.

— Вартас. — Не отпуская моей талии, Вартас протягивает ему руку.

От такого мой инстинкт самосохранения окончательно дает сбой, и я изо всех сил наступаю ему на ногу.

— Вирна, — цедит он, когда охранник уходит к служебному входу.

— Вартас. — Я мило улыбаюсь. — Тебе не кажется, что ты не имел права представляться моим парнем?

— Кажется, он сам это предположил. И кем ты предлагала мне представиться? Случайным знакомым, который тискает тебя на улице? — Он кивает в сторону, куда ушел Бардж. — Вирна, почему ты не хочешь представить меня Дженне?

— Потому что обстоятельства изменились.

— Снова?

— Они все время меняются. — Я складываю руки на груди. — Завтра меня ждут в политари по поводу обвинения Д'ерри. А через несколько дней с подачи Дженны я даю интервью.

— Интервью? — спрашивает Вартас. — Почему ты мне ни о чем не сказала?

— Потому что я не твоя девушка, — говорю я. — Так что? Пройдемся, и ты меня выслушаешь? Или все еще собираешься к

Дженне?

Вартас кивает и протягивает мне руку. Я ее не касаюсь.

— Я не Лэйс, — говорю я. — Предлагаю об этом не забывать.

Он смотрит на меня долго, будто ждет продолжения, потом произносит:

— Хорошо.

— Хорошо, — отвечаю я.

И мы вместе идем по улице в сторону ближайшего кафе.

Глава 6. Война с прошлым

Лайтнер К'ярд

— Могу я спросить, кто она?

— Нет.

— Твоя бывшая?

— Нет.

— Тогда зачем тебе понадобилось представлять меня как свою девушку? Я могла не подыгрывать.

Мы одни в огромном зале для хореографии, ждем преподавателя по актерскому мастерству. Он будет учить нас как красиво стоять и двигаться в кадре. Хотя сомневаюсь, что с этим могут возникнуть сложности. Что я, ходить и стоять не умею?

Я вскидываю голову, и, прищурившись, смотрю на Лиру, но она отвечает беззаботной улыбкой:

— Теперь ты мой должник, так что утоли мое любопытство. Которым я, между прочим, мучилась всю ночь!

Не знаю, мучилась Лира или нет, но вчера я действительно ушел слишком быстро. Просто сказал, что загляну к ней в гости в следующий раз, и сбежал. Отправился пешком до эйросалона.

Первой мыслью было не переезжать в этот дом, найти другую квартиру, и желательно, за десять кругов отсюда. Как можно дальше от Мэйс. Правда, на Четырнадцатом такого комфортного жилья не было, к тому же, я уже внес плату. А потом я подумал: «Какого едха?» Это не моя проблема, что мы соседи. Она взяла деньги моего отца, так пусть сама переживает по поводу того, что ей нельзя ко мне приближаться.

Если переедет, я только обрадуюсь! Хар прав, нужно закрыть для себя эту тему.

И я ее закрою.

Я заканчиваю со шнуровкой на кроссовках и поднимаюсь:

— Мы вместе посещали один факультатив в Кэйпдоре.

— В Кэйпдоре? Круто! Но тогда зачем ты хотел, чтобы она ревновала?

— Ничего подобного, — морщусь я.

— Хотел, чтобы ревновала я? — предполагает Лира.

Теперь подыгрываю ей я.

— А ты ревнуешь?

— Немножко. — Она почти соединяет большой и указательный палец, показывая насколько сильно ревнует. — Так что насчет твоего сердца? Оно свободно?

Я вспоминаю лицо Вирны. Ее глаза. Ее губы.

И ее слова о том, что деньги ей нужнее.

— Абсолютно, — твердо отвечаю я.

Наш разговор прерывает появление невысокого вьерха с выбеленными прядями и пирсингом в брови. Он старше меня лет на пять, представляется как Риспен И'мрот и оказывается тем самым преподавателем актерского мастерства. Представляется мне, потому что с Лирой они знакомы.

И'мрот сходу начинает занятие, и в следующие полчаса я узнаю, что совсем не умею двигаться. Даже стоять не умею. В смысле, стою и двигаюсь я обычно, а нужно — как модель «Эрры».

— Это будет сложно, — вздыхает И'мрот, заставляя меня в очередной раз ходить туда-сюда. — Твоим движениям не хватает плавности. Нам нужно показать, что океан сильный и опасный, и, конечно же, притягательный. А вовсе не напугать зрителя. Расслабься.

Я умею учиться. У меня хорошая память и отличная реакция. У меня за плечами муштра тренеров, которых нанимал для меня отец, и занятия на полигоне с Адмиралом. Я укротил океанскую волну.

Но здесь все по-другому.

Мне нужно быть не собой, а кем-то другим. Кем-то, кем меня хочет видеть зритель.

Хмурый И'мрот гоняет меня, Лира наблюдает за нами, и когда я уже в десятый раз успеваю пожалеть, что согласился на эту работу, время занятия заканчивается.

— Не безнадёжен, — подводит итог преподаватель актерского мастерства. — И красавчик. Тебя обтесать — и станешь легендой модной индустрии.

— Спасибо за предложение, — говорю я, — но у меня другие планы на жизнь.

— Камер не боишься?

— Нет, — качаю головой. — Привык с детства.

— Замечательно. Домашнее задание — работай с зеркалом. И с походкой. Все время думай об этом, как выглядишь со стороны. На сегодня все. Завтра поработаем в паре с Лирой.

И мрот уходит, а я опускаюсь на скамейку, чтобы переобуться.

— Это он называет расслабиться?

Лира смеется.

— Рис всегда таким был. Перфекционист. Поверь, я тоже прошла через все это.

— Тебя называли рыбой улу из-за быстрых движений?

— Желтой черепахой, — с грустью признается она. — Потому что я часто залипала на месте и всех тормозила.

— Эта тренировка меня высосала, — говорю, когда мы выходим из здания.

— Я думала, ты не боишься тренировок.

— Я и не боюсь.

— Даже воды?

— Воды? — приподнимаю я брови.

— Ты действительно умеешь плавать, как указал в контракте?

— Конечно. Зачем мне врать?

— А я солгала, чтобы получить эту работу.

Я останавливаюсь и заглядываю ей в лицо. Лира серьезна, как никогда.

— Ты не умеешь плавать?

— Мало кто умеет.

— Стоп! А если вскроется правда?

— Меня ждет штраф или увольнение. — Она хмурится. — Но если ты согласишься дать мне пару уроков, все обойдется.

Мне тут же вспоминается последний и единственный урок плавания для Вирны. Наши перепалки, как мы тесно прижимались друг к другу, как она доверяла мне. Это были наши уроки любви.

А потом все разрушилось.

Первый порыв — отказаться. Сказать, что из меня тот еще едхов тренер. Но Лира с такой надеждой заглядывает мне в глаза, что у меня язык не поворачивается сказать «нет».

— Без проблем, — говорю. — Если ты натаскаешь меня в этой модельной походке — с радостью.

— Если ты научишь меня плавать, все, что угодно!

Мы договариваемся завтра сходить в бассейн вместе и расходимся. Это к лучшему, потому что у меня есть план.

План, цель которого — наконец-то вычеркнуть Мэйс из своих мыслей и своей жизни навсегда.

Нам с ней нужно поговорить.

Подумал — сделал, поэтому я решил не откладывать это до прибоя и на этаже свернул налево. Нажал на кнопку звонка и замер.

Что мне сказать Мэйс?

Что для меня все было серьезно. Что думаю о ней до сих пор. Но хочу перестать.

Хочу стать равнодушным.

Хочу не искать ее взглядом в толпе.

Хочу забыть этот период своей жизни и просто пройти мимо, если вдруг мы столкнемся в лифте.

Да, именно так.

Я жду достаточно долго, но никто не торопится мне открывать. Тогда я жму на звонок снова. Дверь настолько толстая, что даже переливов мелодии не слышно. Никого нет дома? Или я просто незванный гость? Скорее второе. Зрачок камеры подмигивает синим, но мне сложно сказать, смотрит на меня кто-то, или это просто моя разыгравшаяся фантазия.

Очень просто представить как Вирна приникает к экрану и раздумывает, ответить или нет. Я будто физически чувствую на себе чей-то любопытный взгляд.

— Мэйс, ты там?

Она может меня слышать, а вот я не услышу даже ее дыхания, если она не нажмет кнопку — в моей квартире точно такая же система.

— Мэйс нам нужно поговорить. На этот раз без посторонних. Без этого твоего Вартаса. — Я морщусь, вспоминая этого едха. — Нам нужно перешагнуть через это. Нам очень это нужно. В первую очередь, мне.

В ее квартире тишина, но ощущение взгляда не проходит.

— Всего один разговор! — Я едва сдерживаюсь, чтобы не пнуть дверь, но с вернувшейся силой вьерха. — Если боишься, что отец

узнает, то зря. Он от меня отрекся после всей этой истории в новостях. Поэтому я здесь.

Снова тишина, и я уже начинаю медленно закипать.

— Открой дверь, и мы просто поговорим. Или я буду ждать здесь до тех пор, пока ты не выйдешь. У тебя закончится еда, или тебе понадобится идти на работу, рано или поздно это случится. Так почему просто не открыть эту едхову дверь?

Я понимаю — завелся настолько, что даже если Мэйс откроет, никакого конструктивного разговора у нас с ней не получится, и разворачиваюсь, чтобы уйти.

Но в эту минуту замок на двери Мэйс тихо пиликает.

Я оглядываюсь, но из осторожно приоткрытой двери выглядывает совсем не та Мэйс, которая мне нужна, и даже не язва, интересующаяся новостями и моей семьей. На пороге появляется самая младшая: она лихо спрыгивает с достаточно высокого стула, на который непонятно как забралась. Я едва сдерживаю порыв податься вперед, чтобы перехватить девочку и не дать ей свернуть шею, но, судя по всему, она делает это не первый и не последний раз.

Я смотрю на нее, она смотрит на меня. Широко распахнутыми глазами, но без страха. Будто пытается получше рассмотреть. И я неосознанно отмечаю про себя, что несмотря на семейную схожесть, волосы у нее густые и какие-то пушистые, глаза более темные, чем у Мэйс, а веснушек на ней столько, что будь это деньги, их семейка ни в чем бы не нуждалась.

Последняя мысль напоминает мне о том, зачем я вообще здесь, и выдергивает меня из замешательства.

— Я ищу твою сестру, — говорю я и запоздало вспоминаю, что есть еще любительница новостей. — Самую старшую. — А еще пропавшая ныряльщица! — То есть Вирну! Да, я ищу Вирну.

Она улыбается. Открыто и искренне, как могут улыбаться только дети.

— Вирны нет дома, — сообщает она звонким голосом. — Она ушла по делам.

Значит, я тут, не сдерживаясь в выражениях, убеждаю Мэйс со мной поговорить, а на самом деле все это слышала ее малолетняя сестра, которой такого вообще слышать не положено.

— Тай? Правильно?

— Да. — Девчонка разве что не сияет от удовольствия.

— Разве сестры не учили тебя не открывать дверь незнакомцам?

— Учили! Но ты же знакомец. — Она смешно хмурится и тут же исправляется: — Я тебя знаю. Ты друг Вирны.

— Больше не друг, — качаю головой и присаживаюсь на корточки. Теперь наши головы оказываются на одном уровне: Тай такая мелкая, что странно, что она уже ходит в школу. С другой стороны, если вспомнить Мэйс, она тоже мелкая, хотя учится в академии. Точнее, училась.

— Вирна отказалась с тобой дружить? — интересуется эта наивность.

— Можно сказать и так.

Сейчас мне самому смешно за свою вспышку. Еще повезло, что дома оказалась только малышка, а так бы развлек все семейство Мэйс.

— Почему?

— Вот и мне хотелось узнать, почему, — говорю скорее для себя, чем для Тай, и уже громче: — Она нашла себе другого друга.

Девочка снова улыбается.

— Вартас хороший и добрый, но ты лучше.

— Это еще почему?

— Ну как же? Ты поселил нас в домике на берегу океана и познакомил с Зоргом. Он тоже хороший и никогда не ругался, когда я играла. Лэйс всегда ругалась и говорила не бегать. А возле океана так красиво, и песок белый-белый, как сахар в кафе «Маленькая лагуна». Еще ты смелый, спас Вирну, когда пришла та большая волна. И красивый!

Все это она выпалила на одном дыхании. Выпалила и покраснела.

— Спасибо, малышка, — улыбаюсь я детской непосредственности и искренности. — Ты тоже очень красивая.

— Но у меня не такие красивые глаза, и они не горят огнем. У Вирны тоже они красивые, но цвет другой.

У Вирны самые прекрасные на свете глаза.

Цепляюсь за эту мысль и снова злюсь. Пора заканчивать с комплиментами для малышки и уходить. Мэйс неизвестно когда вернется, а настроение во всем разбираться резко пропало.

— У вас похожие глаза, — напоминаю я, поднимаясь. — И теперь у вашей семьи своя прекрасная квартира, гораздо лучше, чем домик Зорга.

— Она не наша. За нее платит нисса Карринг.

— Нисса Карринг? Кто это?

— Начальница Вирны из «Бабочки». Она платит за все: за еду и одежду. Я слышала их разговор с Митри.

— Ты имеешь в виду зарплату?

— Нет. Вирна сказала, что все это, — она кивает за спину, — принадлежит ниссе Карринг.

— Но у нее есть деньги моего отца. Почему она не пользуется этим счетом?

Зачем ей вообще брать деньги у Карринг, если она теперь богата? Отец сказал, что не поскупился, когда откупался от Вирны.

Тай быстро-быстро моргает.

— Не знаю.

Она выглядит расстроенной, и я примирительно поднимаю руки.

— Ладно-ладно. Рад был с тобой познакомиться и пообщаться, но впредь никому не открывай. Даже друзьям своих сестер. Тем более бывшим друзьям.

— Даже тебе?

— Мне тоже. Никаких исключений!

— Обещаю, — снова улыбается малышка. — Я скажу, что ты приходил.

— Не нужно. Пусть это будет нашим секретом. — Конечно, надежда на то, что секретом это и останется, очень маленькая, учитывая болтливость Тай, но я не собираюсь отдавать свою волну Мэйс. — Я лучше зайду в гости, когда Вирна будет дома.

Жду пока малышка захлопнет дверь, и только после, сунув руки в карманы, направляюсь в сторону своей квартиры.

Мысли о Вирне по-прежнему меня не оставляют. Кажется, теперь их становится еще больше. Как и вопросов.

Куда она дела отцовские деньги? При чем здесь эта Карринг и почему она дает немаленькие деньги Вирне? Вернее будет сказать — за что?

Мне не нужно во все это ввязываться.

Вирна и ее семья меня больше не касаются.

Я всего лишь собирался покончить с прошлым. Выиграть эту войну с собственными чувствами.

Но чем больше я об этом думаю, тем яснее понимаю, что разговор с Мэйс ничего не даст. Она навешает мне на уши синих водорослей, и на этом все.

А значит, придется присматривать за ней издалека.

Кажется, войну с прошлым я сегодня проиграл.

Глава 8. Двойное дно

Лайтнер К'ярд

Дженна Карринг была управляющей «Бабочкой». Кажется, я даже видел ее на том злосчастном юбилее, на сцене. Но учитывая, что тогда все свое внимание я сосредоточил на Вирне, то запомнил Карринг весьма относительно.

В сети о ней было мало информации. В каких-либо скандалах не замешана. Она начинала как простая официантка, а потом доросла до управляющей высокосексным клубом. Очень высокий статус для человека, для такого нужно, как минимум, обладать высоким профессионализмом, или же оказать неоценимую услугу вверху. Я не знал, что связывало ниссу Карринг с владельцем «Бабочки», но в средствах ограничена она не была, раз занималась благотворительностью вроде устраивания прекрасной жизни для сирот с окраин Ландорхорна. В частности, так случилось с Мэйс.

Карринг могла увидеть в Вирне себя и взяла под свое крыло. Сама доброта.

Одно дело — увеличить зарплату, наградить премией. Совсем другое — поселить все рыжее семейство на Четвертом в классной квартире и оплачивать их счета. Так сказала мелкая, и я ей верил.

Что-то здесь нечисто. Зачем этой Карринг Вирна на самом деле?

Что их связывает на самом деле?

Додумать я не успеваю, потому что вскидываю голову и замечаю маму, спускающуюся по ступенькам одной из высоток на Третьем круге. Здесь живет и работает ее психоаналитик, которого она обязательно посещает раз в неделю в один и тот же день и в одно и то же время. Шанс на то, что она окончательно поправилась и вернулась к своему привычному графику, был равен почти нулю, но как оказалось, мне несказанно повезло.

Мама в темных очках, но я ни с кем ее не спутаю: узнаю по прямой спине и походке. Правда, сейчас ее движениям не хватает свойственной ей плавности, мягкости, и уснувший гнев начинает ворочаться внутри.

Отец. Это всё из-за него.

Точнее, не всё, в том, что с ней случилось, есть часть и моей вины. Но в том, что он не позволяет нам с мамой видеться, только его заслуга.

Рассчитывает, что я просто так сдамся? Ну нет!

Я выхожу из машины и направляюсь к маме, пока она не успела нырнуть в остановившийся напротив входа в здание темный эйрлат. До нее остается валлов двадцать, когда мой путь перекрывают Шадар и один из безопасников отца.

— Пропусти, — приказываю я.

— Не делай глупостей, Лайтнер, — предупреждает Шадар. — Тебе запрещено приближаться к ней.

Он как всегда холоден и спокоен, и поэтому еще больше хочется стереть это спокойствие с его лица. Но я здесь не для этого. Тем более что силу использовать нельзя, если я не хочу обратно в участок политари.

— Дай нам поговорить, а после я уйду.

— Уйдешь сейчас, если не хочешь проблем.

Я толкаю второго безопасника в попытке пройти, прорваться вперед, но меня живой стеной перехватывают. Мама почти села в эйрлат, и у меня не остается выбора, кроме как окликнуть ее:

— Мам!

Она оборачивается: из-за очков я не вижу ее глаз, но она замирает и шепчет мое имя. Я его не слышу, но читаю по тонким губам.

«Ну же, мам, подойди ко мне и прикажи этим едхам не соваться не в их ракушку!» — мысленно прошу я.

Но мама качает головой и скрывается в салоне эйрлата.

Что это значит? Это как вообще?

В этот момент безопасники отталкивают меня.

— Уходи, — говорит Шадар. — И если я увижу тебя еще раз рядом с кем-либо из семьи Кьярд, особенно рядом с ньестрой Кьярд...

— То что? — зло усмехаюсь я. — Уберешь меня по приказу папочки?

— Нет. Я заявлю политари о преследовании. Все будет по закону, Лайтнер.

Закону, который отцу не писан. Точнее, закону, написанному моим отцом.

Я стряхиваю удерживающую меня ладонь с плеча, разворачиваюсь и иду к своему эйрлату. Только мысль о том, что я сам за него заплатил, и за ремонт тоже придется платить самому, останавливает меня от того, чтобы вырывать рогатку с корнем — найти выход моей ярости.

Чем отец запугал мать, если она сама не хочет со мной говорить?

Я почти готов ударить по панели управления, но тапет вдруг взрывается мелодией входящего вызова. Звонит Лира.

— Привет, Лира. Я не забыл насчет плавания, сейчас заскочу домой, и встречаемся в спортклубе через час, как и договаривались.

— Я не пойду в бассейн, Лайт, — отвечает она тихо. — Мне теперь это не нужно. Я не смогу участвовать в съемках. — На последнем слове ее голос срывается, Лира всхлипывает, и я понимаю, что произошло что-то серьезное. Об этом говорит хотя бы тот факт, что работа для Лире значит всё, а ради рекламы для «Эрры» она даже решилась солгать.

— Что случилось?

Девушка не отвечает и начинает плакать сильнее.

— Где ты?

— Дома.

— Я сейчас приеду.

Благодаря пробкам дорога занимает больше, чем я рассчитывал, но все мои мысли сосредоточены на Лире. Это и к лучшему, потому что если бы я думал о маме, то ничего бы хорошего не вышло. Поднимаюсь на свой этаж и звоню в дверь. Когда никто мне не открывает, просто толкаю ее и захожу в квартиру.

У Лире угловая квартира-студия с большими окнами, выходящими на две стороны, светлая и просторная, с яркими пятнами диванных подушек, занавесок, абстрактных постеров на стенах. Спрятаться в такой сложно, но Лире нигде не видно, а значит, она в ванной.

— Лира? — зову я, подходя ближе. — Ты здесь?

Моя догадка оказывается правильной, потому что я слышу новый всхлип из ванной.

— Ты зря пришел, Лайтнер, — отвечает она.

— Почему?

Ли́ра долго ничего не отвечает, но я терпеливо жду. Интуиция не просто подсказывает, она орет о том, что девушке сейчас нужна поддержка, и худшее, что я могу сделать — уйти.

— Почему ты сказала, что больше не сможешь участвовать в съемках? — спрашиваю я. Разговаривать через дверь неудобно, но как уж есть.

Теперь вместо ответа слышны шаги, и Ли́ра выходит из ванной. Она в объемном ярко-желтом халате, а влажные волосы падают ей на лицо, почти его закрывая.

— Что случилось? — повторяю я, и осекаюсь, потому что девушка отбрасывает волосы за спину и замирает. Я замираю тоже, потому что вижу распухший, превратившийся в сплошной синяк, нос. Но будто этого мало, по нежной коже расползлись волдыри от ожогов, будто кто-то плеснул Лире в лицо кипятком или кислоту. Это ужасно. В смысле, не ее внешность, а то, что с ней случилось, и я не замечаю, как мой голос упал до самой яростной глубины. — Кто это сделал?

— Твоя бывшая девушка. Она пришла ко мне и сказала, что я ей не помеха.

Я всматриваюсь в ожоги, поэтому смысл ее слов доходит до меня не сразу. Если честно, до меня вообще не доходит. Потому что это просто какая-то бессмыслица! Не сказать, что у меня было мало девушек, но на такое способна разве что одна.

— Ромина?

— Ромина?! — От замешательства Ли́ра даже перестает плакать. — Ее так зовут? Красноволосую соседку по этажу!

Теперь у меня ощущение, что я стал участником какого-то телешоу, от предложений поучаствовать в которых отмахиваюсь с тех пор, как Хар внес за меня залог.

Потому что красноволосая соседка — Вирна Мэйс.

Мэйс, которая пришла к Лире и дала ей в нос.

— Она не моя бывшая. — Пожалуй, всё, что я могу сказать. Что тут вообще скажешь?

— Тогда почему она меня избила? Не просто избила, заразила чем-то. Я даже не представляю, что это такое! — Ли́ра практически переходит на крик, но тут же закрывает ладонями лицо и начинает плакать навзрыд.

— Заразила?

— Да, — всхлипывает девушка. — Мое лицо... Оно все в сыпи! Я не смогу участвовать в рекламе, меня заставят выплачивать неустойку... Что, если оно вообще не пройдет? Вдруг я останусь такой навсегда?

Она говорит все тише и тише, последнюю фразу у меня едва получается расслышать. Сердце сжимается от боли в ее голосе, и я так же тихо прошу:

— Позволишь мне посмотреть?

Лира мотает головой.

— Я уродина.

— Нет, — говорю я. — Это просто синяк. Знаешь, сколько раз я получал по лицу на тренировках. Давно со счета сбился. Ладно, — я примирительно развожу руками, — это не имеет значения. Просто разреши мне взглянуть на твою сыпь.

Девушка замирает, и я добавляю:

— На первом курсе Кэйпдора мы проходили медицинскую помощь, к тому же, моя мать училась на медицинском факультете, и благодаря ей я в этом действительно разбираюсь.

Лира опускает ладони: так медленно, будто по антиваллу в минуту, но все-таки опускает. Я протягиваю ей руку и киваю на диван.

Девушка колеблется мгновение, но потом цепляется за мои пальцы и позволяет себя усадить.

— Я посмотрю, а ты пока можешь рассказать, что произошло, — говорю, располагаясь рядом. — Если, конечно, хочешь.

— Нечего рассказывать. — От рыданий Лира почти осипла, но кажется, сейчас у нее получается справиться с чувствами. — Она пришла ко мне и сказала, что я ей не помеха. А потом просто ударила. Это была так больно. Невероятно больно.

— Не помеха в чем?

Лира пытается нахмуриться, но тут же морщится от боли.

— Это же очевидно, Лайт! Она говорила о ваших отношениях. Что я третья лишняя, а она по-прежнему считает тебя своим.

Ладно, я могу предположить, что Вирна избила Лиру, но это? Поверить в это сложнее, чем в дружбу с раг'азной, но учитывая, что с одной я лично знаком, поверить я могу во что угодно. Но Мэйс!

Мне даже сложно слова подобрать, не то что мысли собрать в кучу. А ведь я один из лучших учеников Кэйпдора!

Поэтому я предпочитаю собирать слова и мысли в кучу, заодно изучая сыпь Лиры.

— Это странно, — говорю я, стараясь не морщиться от вида синяка. Ей еще повезло, что нос вроде как цел. Если бы Лиру тронул какой-то парень, сломанным носом он бы не отделался. Но Мэйс!

Кажется, я начинаю повторяться.

— Что именно?

— То, что ты говоришь о Мэйс. Ты уверена, что это была она?

— У девчонки, что мы встретили с тобой, есть мерзкая сестра-близнец? Тогда это определенно была она!

Да уж. Сложно представить, что Лиру избивает мелкая Тай или средняя Мирти... Марти... Митри!

— Мы с Мэйс не встречались, — повторяю я. — Хотя я был бы не против. Но она послала меня.

— Что?! — Лира даже отстраняется. — Как кто-то может тебе отказать?

— Вирна была первой, и, надеюсь, последней, — пытаюсь шутить, но кажется, моя новая подруга в шоке. — Поэтому странно, что она пришла к тебе из-за меня.

— Другой причины я не вижу, — злится Лира. — Моя бабушка называла таких личностей норушниками.

— Норушниками?

— Да. Известно, что эти грызуны забивают свою нору большим количеством запасов еды, чем им нужно. Вот и эта Вирна, очевидно, считает, что она тебя присвоила. Ты должен был вернуться к ней, но не вернулся. Она увидела нас с тобой, и сделала то, что сделала.

Лира снова всхлипывает, и мне срочно нужно чем-то ее отвлечь. Хотя чем тут отвлечешь?

Я сосредотачиваюсь на изучении сыпи и понимаю, что это действительно напоминает ожоги или...

— Это будто аллергия.

— У меня нет аллергии. Разве что что-то было в ее руках.

«Аллергия на вьерхов», — всплывают в моей памяти слова доктора Э'рера. А следом следы на запястье Кьяны.

«У меня тогда что? Аллергия на людей?»

Следы у Кьяны. Следы на теле Вирны. Следы, которые мне никогда не забыть, сколько бы не пытался.

«Она меня обожгла».

Сначала Кьяну, потом Лиру.

Специально? Что, если это и есть тайна Мэйс?

Вопрос, какая, до сих пор остается открытым.

Все, чего мне хочется — прямо сейчас отправиться к Вирне и припереть ее к стенке. Вытрясти из нее все секреты!

— Ты можешь мне помочь? — с надеждой спрашивает Лира, и именно это возвращает меня в реальность.

Я растираю ладони и сосредотачиваюсь на собственной силе, а потом мягким потоком начинаю вливать ее в кожу Лире. Этому не учат на курсе медицинской помощи, это сложная работа целителей, и то, чему меня научила мама. Исправить сыпь или убрать синяк у меня вряд ли получится, но боль Лире должна пройти.

— Я отвезу тебя в больницу. Я уже видел такое, доктора помогут это исправить.

Мы едем в больницу. Она ничем не напоминает кабинет Э'рера, но мне не по себе. Когда врач, долговязая вверху, говорит, что можно пойти долгим путем и заживать будет пару недель, или воспользоваться восстановительной капсулой, я предлагаю оплатить процедуру. Час в капсуле стоит столько, что на это уходят остатки моего гонорара, но я без колебаний перевожу деньги. Все-таки она моя напарница.

А еще она пострадала из-за меня.

Время процедуры пролетает быстро, я не успеваю дойти до третьей страницы вакансий, как Лира появляется в приемной. На ее лице ни следа от синяка, ожогов и даже слез.

— Спасибо, — говорит она, когда я отвожу ее домой и провожаю до двери. — Я бы не смогла позволить себе восстановление. Теперь я твоя должница.

— Ты пострадала по моей вине.

— Я пострадала по вине этой Вирны. Почему все люди такие злые?

Я вспоминаю малышку Тай и отвечаю:

— Не все.

— Большинство, — возражает Лира.

— Сейчас я уже ни в чем не уверен, но обещаю тебе во всем разобраться.

Прямо сейчас пойду и разберусь! Тем более что до двери Мэйс рукой подать. А если дома ее снова не окажется, то я знаю, где ее искать.

Я собираюсь уйти, но Лира перехватывает мою руку.

— Она ведь этого добивается. Чтобы ты за ней бегал, — она делает шаг и обнимает меня за шею. — Пожалуйста, Лайт, не уходи. Останься со мной сегодня ночью.

Лира прижимается ко мне так доверчиво, заглядывает в мое лицо с такой надеждой, что у меня просто язык не поворачивается отказать.

— Ты мне нравишься, Лайтнер, — признается она. — Я считала, что я тоже нравлюсь тебе.

И я думаю: «Какого едха? Вот девчонка, которой я по-настоящему нравлюсь!» Которую не волнует, что я вьерх, или что мой отец правит Ландорхорном.

Я нужен ей.

Не дождавшись моего ответа, Лира опускает взгляд и отступает. Ее улыбка, ее надежда гаснет, а я чувствую пустоту, поглощающую меня. Плотина, которую я построил вокруг себя за эти несколько дней, прорывается: я сам ее разрушаю. Я устал волной биться о скалы.

На этот раз я шагаю вперед, обнимаю Лиру и целую в губы. Зарываюсь пальцами в ее густые волосы, наслаждаюсь мягкостью ее губ. Хочу наслаждаться, гоню прочь мысли о том, как обнимал и целовал совершенно другую девушку. Девушку, которую давно пора выбросить из головы и из сердца.

Но пока я этого не сделал, будет нечестно начинать отношения с Лирой.

— Я не хочу торопиться, — говорю, отстранившись. — Тем более что из-за меня ты пережила... — Я пытаюсь подобрать нужное слово, но оно не подбирается.

— Нападение, — подсказывает она.

— Вроде того. Лира, мне нужно разобраться со всем. Разобраться в себе, чтобы идти вперед. Дальше.

Она напрягается, а потом снова отступает, сцепив руки за спиной.

— Понимаю, — говорит Лира, но как-то горько. — Я все понимаю, Лайт. И не хочу быть заменой.

Едх!

— Ты не замена. Один человек не может заменить другого.

— Человек? — прищуривается Лира. — Хорошо бы, но верится с трудом. У меня уже были такие отношения, когда мой парень сох по другой девчонке. Больше такого не хочу. Это слишком больно.

Мне ли не знать, насколько это больно.

— Прости.

Лира пожимает плечами:

— Мы ничего друг другу не обещали.

— А что насчет бассейна?

Она сомневается, кусает губы. Потому что если и есть что-то важное для Лир, так это ее работа. Работа, которую нужно сделать идеально. И только я могу ей в этом помочь.

— Позволь мне все исправить, — прошу я.

Лира раздумывает всего минуту, а после все-таки кивает.

— Хорошо.

— Увидимся завтра в фитнес-клубе. В то же время.

Она соглашается, и мне в ее квартире больше делать нечего. В свою тоже не хочется возвращаться, как и идти сразу к Мэйс. Тем более что уже достаточно поздно. Если сегодня она работает, то наверняка сейчас в «Бабочке», а если не работает — то у своего парня.

Последняя мысль вызывает желание придушить того патлатого, но я это желание гашу. Это всего лишь привычка, не более, но придется разобраться с прошлым, чтобы через него переступить. Разгадать все секреты Мэйс и поставить точку.

Как это сделать?

Занимаю небольшой столик в кафе возле дома и заказываю льяри. Я просматриваю новые вакансии, отмечаю подходящие мне, остальные пропускаю. Пить льяри и искать работу — привычка последних дней.

Я собирался поесть после бассейна, пригласить сюда Лиру, но после всех этих событий нет аппетита. Надо же было так облажаться! Сказать про разборки в себе. Но если бы я остался у Лиры, то чувствовал бы себя распоследним едхом. Она точно не заслуживает того, чтобы ею просто попользовались.

Как отец пользуется мамой.

Из-за всей этой историей столкновения Вирны с Лирой я забыл про встречу с ней. Чем отец ее шантажирует? Ни за что не поверю, что мама отказалась от меня, что поверила в то, что я отказался от нее! А значит, есть что-то еще.

Так или иначе я должен найти способ встретиться с ней и поговорить. Проблема в том, что, кажется, вопрос «Как?» — становится моим девизом. По крайней мере, в последние дни.

В любом случае, начать стоит с Мэйс. Спросить, почему она ударила Лиру? Уверен, есть что-то, чего я пока не понимаю, но обязательно докопаюсь до сути. Вопрос: как с ней встретиться, и где? Дежурить под дверью и веселить ее сестер? Отправиться на работу? В «Бабочке» можно поговорить разве что в ложе, которую я теперь не могу позволить. С клиентами вообще разговоры запрещены...

Я замираю, перечитываю последнюю вакансию и не верю своим глазам.

*Должность: Помощник управляющего
Место работы: VIP-клуб «Бабочка»*

Глава 9. Игра по правилам

— Еще раз, нисса, что вы делали на берегу в это время? — политари, кажется, издевался.

— Я вам уже сто раз сказала, — повторила спокойно. — Приехала в свой старый дом, потом захотела немного пройтись, там, где никого нет. Мне было грустно.

— Настолько грустно, что вы решили нарушить закон?

Его лицо, рябое, широкое, как сковорода для хрустящих лепешек, было отталкивающим. Маленькие глазки напоминали выбоины, оставленные поваром металлическими лопатками.

— Я уже оплатила штраф, — напоминаю, глядя ему в глаза. — Вы не имеете права больше меня задерживать.

Выражение его лица меняется, брови сдвигаются к переносице.

— Ты в отделении политари, девка. Хочешь, чтобы мы передали дело в Подводное ведомство?

— Передавайте.

Я знаю, что ничего и никуда они не передадут. В моих вещах не обнаружили ничего подозрительного, на мне тоже — хотя и заставили раздеться догола и обыскали во всех местах. Буквально.

Сейчас, когда я оплатила штраф за административное нарушение (внушительную сумму, надо сказать, за которую мне еще предстоит разбираться с Дженной), задерживать меня они больше не имеют права. Не считая того, что этот политари хочет, чтобы я заплатила ему. Поэтому продолжает запугивать.

— Хорошо, — говорит он зловеще и тянется к тапету. Я продолжаю изучать потолок и мрачные стены, с которых вот-вот осыпется краска, затертый до черноты пол, под ножками стула — выемки. Неудивительно, что местные сотрудники зарабатывают как умеют.

Все это проходит сквозь мои мысли со странным спокойствием: то ли дело в том, что я уже пережила все, что может меня сломать, но оно не сломало. То ли в том, что меня гораздо больше занимают мои открытия, нежели чем происходящее сейчас.

Политари медлит еще какое-то время, а потом со злостью шарахает ладонью по столу:

— Пошла вон!

— И вам чудесного вечера, — сообщаю с милой улыбкой и поднимаюсь.

Лицо его перекашивает, но он больше ничего не может сделать. Только оттолкнуть меня в сторону, когда я иду к двери, окатив кислотовато-резким запахом, и первым вылететь в коридор. Я расписываюсь за получение вещей, мне отдают сумку со всем содержимым, и, когда я уже разворачиваюсь к выходу, взглядом натываюсь на входящего в распоротую трещиной на стекле дверь политари.

Того, который предлагал мне поиски Лэйс в обмен на...

Он смотрит на меня в упор и расплывается в мерзкой улыбке.

К горлу снова подкатывает тошнота, я перехватываю вещи и вылетаю из участка с такой скоростью, как если бы за мной гнался едх и вся его подводная армия.

Сколько еще времени должно пройти, чтобы я забыла «это»?!

Лайтнер был тем, с кем я почти забыла. До того, как наши прикосновения — прикосновения, которые я себе позволила — не стали тем, что нас убивает. Я думала, что справилась с этим, но нет, сейчас все смешивается воедино, и мне приходится привалиться к стене ближайшего здания, чтобы восстановить дыхание и справиться с головокружением, от которого начинает мутить.

Лайтнер научил меня не бояться прикосновений, но этот детский страх до сих пор во мне. Я спокойно выдержала допрос на предмет того, что я делала на побережье, но одно только воспоминание о случившемся выбивает почву у меня из-под ног.

Попытка заказать эйрлат ни к чему не приводит: если привезти меня привезли, то забирать с Пятнадцатого отказываются. Приходится ждать платформу и ехать на ней, потом пересаживаться на гусеницу. Все это напоминает о моей прошлой жизни как нельзя лучше, из размышлений о том, что я узнала на берегу, выбрасывает на раз. Потом я на бегу общаюсь с Митри, которая мрачнее тучи, потому что «Рикард Дроган сидел за столиком с девчонкой», узнаю, сделала ли уроки Тай.

У сестер все в порядке, им скоро ложиться спать, а мне надо лететь в «Бабочку».

В эйрлате я и вспоминаю о том, о чем думала на берегу. О Кэйпдоре и его тайнах, о том, способно ли навредить вьерхам подводное море. И о том, что это все вообще значит.

Я должна в этом разобраться.

— Привет, подруга, — Тим собирает рыжую копну в узел, чтобы сесть в кресло к визажисту. — Слышала новости?

— «Бабочку» закрывают из-за подпольного бизнеса?

Кто-то из девчонок прыскает, Тимри закатывает глаза.

— Ха-ха, очень смешно. Не считая того, что это не в наших с тобой интересах: где мы еще заработаем столько, сколько здесь? Но вообще-то новость не в этом, а в том, что у нас теперь новый управляющий.

Девчонки хихикают.

— Симпатичный, — говорит одна, и визажист шлепает ее кисточкой по плечу, чтобы не вертелась. — Я его видела. А еще он...

Меня это совершенно не беспокоит, а вот Тимри, очевидно, да, потому что она вскидывает руку, и Кит, собиравшаяся что-то сказать, замолкает.

— Точнее, управляющий тот же, но этот вроде как будет заведовать нами. Угадай, как его зовут?

Я не имею ни малейшего желания играть в угадайку, поэтому пожимаю плечами.

— Ну-у, скучная ты, — фыркает Тимри. — Нашего нового управляющего... внимание... зовут Лайтнер К'ярд!

Вы издеваетесь?!

Хорошо, что я не спросила этого вслух, и к счастью, Тимри явно была настроена поговорить без лишних вопросов.

— Так вот, сегодня он приходил на собеседование, он и еще несколько парней перед ним, но взяли, разумеется, его. Нет, ты представляешь?! Сын Диггхарда К'ярда будет работать в «Бабочке»! Будет работать с нами!

Представляю. Это задница.

Лично для меня.

— У него идиотский характер.

— Ты его знаешь?!

Надо приучить себя держать язык за зубами.

— Могу себе представить, потому что он сын Дигтхарда К'ярда.

— Брось, это просто стереотипы!

— Угу.

К нам прислушиваются, поэтому я предпочитаю замолчать.

— Я вообще не понимаю, когда людей судят, будучи с ними даже не знакомой!

— Он вьерх.

— А, так в этом все дело? У нас владелец клуба тоже вьерх! И что?

И все. Владелец вашего клуба — вьерх-заговорщик, но это к делу не относится.

— Нет. Ничего.

— Умеешь же ты разрядить обстановку, Вирна. — Тимри складывает руки на груди. — Вообще-то, он еще и красавчик! Ты его видела?!

Я закатываю глаза.

— Он не просто красавчик, — подхватывает еще одна девушка, Дия, — он просто секси!

Выпустите меня отсюда.

Просто выпустите меня!

— Пойду скину сумку в раздевалку, — сообщаю я. — И умоюсь. Все равно очередь на визаж.

Тимри кривится и показывает мне язык, а я забираю сумки и направляюсь в сторону раздевалок. Хотя на самом деле мне впервые в жизни хочется закурить — к Дженне что ли завернуть, за сигаретами? Может, именно так и начинают курить, когда самым нелепейшим образом рядом с тобой постоянно крутятся всякие... Лайтнеры К'ярды!

Я выдыхаю, выразительно хлопаю дверью раздевалки и складываю туда вещи. Вешаю куртку, достаю костюм. Что ни говори, а костюмы официанток в «Бабочке» просто огонь. Даже если не вспоминать тот, юбилейный, эти напоминают коктейльные платья, украшенные передничками. Если убрать передничек, девушек будет легко спутать с гостями.

Прокручиваю в голове эти философские мысли, пытаюсь не думать о том, что К'ярд вообще здесь забыл?! Работать ему в принципе не надо, поэтому единственный вариант, который приходит в

голову — он здесь, чтобы доставать меня. Правда, это тоже совершенно не в тему, учитывая, что у него теперь есть девушка.

С кривым носом.

Злая я, и ничего не могу с этим поделать.

Возвращаюсь в гримерную, где уже вовсю обсуждают, как им будет работаться с сыном Диггхарда К'ярда. У девочек чуть ли сердечки в глазах не прыгают, и я спасаюсь единственным возможным способом — погружаюсь в размышления о Кэйпдоре и силе вьерха.

Пока мне делают макияж с элементами арта, вспоминаю все, что мне известно о вьерхах. Лайтнер смог использовать силу на побережье, но это его «выпило», и он почти полностью лишился силы. Не думаю, что вьерхи стали бы размещать под Кэйпдором то, что раз за разом вытягивает силу из их наследников. Но как тогда объяснить мой всплеск, если моя сила отзывается только на живую воду?

— Вирна, не грызи губы! — Селеза, наш визажист, повышает голос.

— Ты их еще не красила!

— И не накрашу, потому что если у тебя получится перекошенное лицо, и мне придется переделывать весь макияж, я тебя оставлю делать его самостоятельно. Пропустишь полсмены — будешь знать!

Девочки во главе с Тимри (тех, кого уже отпустили после макияжа) сбились в стайку возле диванчика для отдыха и хихикают. То и дело доносится:

«Он такой... хи-хи».

«Он сякой... хи-хи».

«А вы видели его бицепсы...»

«Нет! Я вообще хочу на него посмотреть».

Остальные, кто, как и я, сидит на стульчиках для макияжа, перед зеркалами, пытаются вытягивать шеи и уши под шиканье визажистов. Впрочем, не скажу, что визажистам не интересно, и только мне хочется, чтобы это оказалась просто дурная шутка. Потому что видеть К'ярда каждый день — выше моих сил.

С другой стороны, если не обращать на него внимание, может быть, он просто уйдет?

— О-о-о-о-о-о... — доносится сдавленный вздох с диванчика, и я понимаю, что внимание ему обеспечено.

Не мое.

Но точно обеспечено.

Как раз в тот момент, когда мне и еще трем девочкам заканчивают макияж (до выхода остается полчаса), к нам забегают секретарь Дженны.

— Девочки, наш новый помощник управляющего хочет с вами познакомиться, — сообщает она.

Меня не сдувает только каким-то чудом, потому что все желающие познакомиться устремляются к двери. С одной стороны, у меня есть сильное желание остаться и никуда не ходить, с другой — это может породить много вопросов, поэтому идти придется. Я поднимаюсь и направляюсь за Дией, которая последней выбежала из кабинета.

«Новый помощник управляющего» ждет нас в общей комнате, где с нами (то есть с официантками) проводят всяческие коллективные беседы. Поскольку желающих на беседу много, в двери возникает небольшая пробка, а я стою в ее хвосте и думаю, как легко, обладая всего лишь одним именем, заранее создать себе образ. Ну и еще о том, как можно так быстро бегать на каблуках, как это делают девушки, желающие познакомиться с Лайтнером К'ярдом.

Впрочем, когда я захожу в небольшой зал, все мысли вылетают у меня из головы. А если что-то недовылетело, вылетает в тот момент, когда наши взгляды встречаются.

Он смотрит на меня так, будто хочет убить и скормить раг'эне. Этот взгляд — злой, в упор, я очень хорошо знаю. Равно как знаю эти хищно раскрывшиеся крылья носа. В эту минуту я вспоминаю другой нос, и, кажется, понимаю, в чем дело: Лайтнер К'ярд злится, потому что я побила его девушку.

Ну упс.

Я складываю руки на груди и спокойно встречаю его взгляд, хотя вру. Спокойно — это не про меня. Взглядом даю ему понять, что шел бы он в океан вместе со своей Лирой, а заодно и новую должность туда прихватил.

Наши взгляды медленно размыкаются — с той же аккуратностью, с которой нужно размыкать электрическую цепь, чтобы не произошло короткого замыкания. Ему и без меня есть куда смотреть: девушки застыли, готовые внимать каждому слову своего кумира. Кумир, к

слову сказать, приоделся. Нет, Лайтнер всегда выглядел стильно — что в форме студента Кэйпдора, что в джинсах, но сегодня он в стильном костюме и не менее стильной рубашке, а когда улыбается, комната прогревается настолько, что кажется, сейчас дым повалит.

— Добрый вечер, девушки, — сообщает он со свойственной ему небрежностью и в то же время так, что девушки уже готовы за него убивать. — Рад нашему знакомству, а особенно тому, что вместе мы выведем сервис «Бабочки» на качественно иной уровень.

Я хмыкаю, и на меня оборачиваются чуть ли не все разом.

— Вам есть что сказать? — Он делает вид, что прищуривается, чтобы рассмотреть мой бэдж. — Вирна Мэйс.

Тон у него в точности такой, каким он разговаривал со мной в самом начале нашего знакомства, в Кэйпдоре.

Поэтому я мило улыбаюсь:

— Нет.

— В таком случае буду обязан, если все посторонние звуки вы будете издавать в другом, специально отведенном для этого месте.

По комнате проносится волна смеха, но тут же стихает, стоит ему продолжить:

— Уверен, что каждая из вас делает для этого все возможное уже сейчас, и я горжусь тем, что буду работать с такими красотками.

Который раз я сегодня закатываю глаза? Уверена, если бы считала, получилась бы приличная цифра, но почему-то все остальные девчонки все на это ведутся. На этого самоуверенного смазливового... засранца!

— Прежде всего, хочу сказать, что этот клуб не только для гостей, но и для вас. От того, насколько комфортно вы себя чувствуете на рабочем месте, во многом зависит и ваша работа, и ваш оклад. Поэтому я хочу, чтобы вы чувствовали себя комфортно во всем. Вы можете обращаться ко мне по любому вопросу в любое время.

Если бы восхищение было можно измерять, столбик сейчас выбило бы к едховой бабушке, а нас всех окатило горячим измерительным раствором. Особенно на заключительной части его пламенной речи:

— Был рад познакомиться с вами лично. Крутого вечера и легкой работы.

Поскольку я вошла последней, соответственно, и стояла у самой двери. Именно поэтому меня почти вынесло толпой восторженных «бабочек», когда я слышала:

— Вирна Мэйс. Задержитесь.

Он дождался, пока все выйдут, и только после этого шагнул к двери, чтобы запечатать электронный замок.

— Ого, — сказала я. — Нам предстоит серьезный разговор?

— Будешь продолжать в том же духе — уволю.

Я приподняла брови:

— Ну попробуй. Между прочим, то, что мы сейчас заперты наедине, говорит не в твою пользу.

— Заткнись, Мэйс. Просто заткнись. Какого едха ты избила Лиру?

О, так я была права. Его просто не по-детски штормит.

Я, разумеется, приложила эту самую Лиру хорошо, но «избила» после одного четкого удара в нос — это совершенно точно перебор!

— Нечего было хватать меня за руки.

В его глазах полыхает сила вьерха.

— Ты совсем рехнулась? Нельзя бить людей просто потому, что они тебе не нравятся!

— Вьерхов, — поправляю я.

— Что?

— Вьерхов. Вьерхов — можно. Они не такие беззащитные, какими могут показаться на первый взгляд.

Губы Лайтнера складываются в жесткую линию и делают его очень похожим на отца. Тот разговор с Диггхардом К'ярдом я помню очень хорошо. Помню, как он на меня смотрел. Но еще я отлично помню, как целовала эти самые губы — когда Лайтнер склонялся надо мной, и, прежде чем меня успевает затянуть в этот поцелуй, вовремя вспоминаю, в чем дело. Почему я не могу быть рядом с ним, и Лира тут ни при чем.

Злость растворяется, словно ее и не было.

Я не хочу становиться ему врагом. Я вообще не хочу иметь с ним ничего общего, но сейчас как идиотка стою и пялюсь на его губы, хотя должна уже выйти за дверь.

— Хочу, чтобы ты поняла, Мэйс. Я не позволю тебе портить жизнь девушке, которая ни в чем не виновата.

Что я там говорила про злость? Это я совершенно точно не контролирую.

— Когда я в следующий раз ее увижу, просто спихну с лестницы.

Лайтнер прищуривается.

— Хочешь ты этого или нет, но теперь мы будем играть по моим правилам. Пока я работаю здесь — а я здесь надолго, ты будешь делать то, что скажу я. Облажаешься — вылетишь из клуба. И знаешь, почему? Потому что я — все еще Лайтнер К'ярд, а ты — все еще никто. Девочка с Пятнадцатого, которой просто удалось раздобыть немного денег.

От пощечины его спасает стук в дверь и мое промедление. Когда я подаюсь к нему и шепчу:

— Много денег, Лайтнер. Очень много. Твоя Лира уже сказала тебе, откуда они? — меня трясет от злости.

Я вылетаю в коридор, распечатав панель замка, и только в этот момент понимаю, что сказала.

Лайтнер думает, что я живу на деньги его отца. Лире я сказала, что мне их дает любовник.

По-моему, это полный и безоговорочный хитрец.

Глава 10. Ночная смена

Лайтнер К'ярд

— Наводишь порядки, Лайтнер? — интересуется Дженна, когда я выхожу в общий зал. Туда, куда меня приводит миниатюрная брюнетка, прервавшая наш разговор с Мэйс и заявившая, что я срочно понадобился ниссе Карринг.

За парочку коридоров мне удастся успокоиться, унять силу, которая вихрями сосредотачивается в ладонях, и не сверкать раскалившейся докрасна радужкой — последнюю я заметил, проходя мимо зеркал, которых в клубе огромное множество. Сейчас я уже спокоен. Настолько спокоен, чтобы ответить Дженне с привычной для меня небрежностью:

— Для этого вы меня и наняли.

— Для этого, — соглашается она. Управляющая «Бабочкой» наблюдает за приготовлениями клуба к открытию. — И потому что увидела в тебе потенциал.

Ну да. А еще потому что моя фамилия К'ярд.

Оказалось, что для должности управляющего ночным клубом это несомненное достоинство. Плюс в карму ниссе Каринг за то, что не испугалась возможного гнева моего отца. Но, как я понял, она не из пугливых. Я вообще совсем иначе представлял начальницу Вирны. Яркая привлекательная брюнетка не была похожа на эмру, океанскую хищницу с острыми, как бритвы, и в множество рядов зубами, которая прогрызла себе путь наверх по карьерной лестнице и добилась высокого статуса управляющей «Бабочкой». Я вот вверху, но у нее в подчинении.

Когда я увидел должность в списке новых вакансий, то сначала не поверил глазам, а в следующее мгновение уже набирал нужный номер. Секретарь сказала, что я могу подъехать через час или следующим вечером, но тут же намекнула, что завтра, возможно, ловить здесь мне будет нечего. Конечно, я согласился, и через час уже проходил собеседование.

Наверное, все решилось, когда Дженна услышала мою фамилию. Но для приличия она спросила про опыт работы и про умение общаться с клиентами. Я ответил, что помогал устраивать вечеринки и званые обеды в отцовской резиденции, и знаю, что нужно вверху, которые приходят в «Бабочку». В конце концов, я сам вверху.

— Должность твоя, если выйдешь сегодня ночью, — сказала она.

— Во сколько нужно быть на месте? — поинтересовался я.

Хорошо, что у меня был нормальный костюм для работы, потому что другой я смогу приобрести только после выплаты основной части гонорара в Эрре. А еще повезло, что в «Бабочке» у меня в основном ночной график, который ничуть не мешает съемкам рекламного ролика.

Идеальная работа.

Это не считая того, что я буду как можно ближе к Мэйс. Как можно ближе к ее секретам.

Интересно, что она имела в виду, когда говорила, что Лира рассказала мне про то, откуда у нее деньги? То, что не от отца, я уже понял. Синеглазка вообще путается в показаниях и врет, как дышит.

— В «Бабочке» хороший коллектив, который я собирала не один год, — возвращает меня в реальность основного зала голос Дженны. — Так что если не сможешь разобраться сам, зови меня.

— Вирна Мэйс тоже давно здесь работает?

Дженна хищно прищуривается.

— Достаточно давно, чтобы влиться в нашу дружную компанию. Я в курсе, что вы знакомы. Я в курсе всего, что происходит в клубе. Если ты здесь, чтобы мешать ее работе, то мне такой вариант не подходит.

— Нет, — отрезаю жестко. — Я здесь исключительно ради себя, и для того, чтобы делать свою работу.

Дженна расслабляется, превращаясь из хищницы в загадочную управляющую:

— Хорошо. Мы друг друга поняли. Но не забывай, что ты на испытательном сроке.

Не знаю, верит она мне или нет, но больше не задает вопросов. Это и к лучшему, потому что эта работа мне нужна. Не только из-за Мэйс и ее тайн, а и из-за того, что здесь хорошо платят. К тому же, мне очень нравится моя должность. В мои обязанности входит следить за

тем, чтобы в «Бабочке» всё работало и все работали, и решать проблемы, которые могут создать клиенты клуба. Хотя Дженна называет это «сгладить возникшее недоразумение». Вроде тех, когда синеглазые официантки опрокидывают подносы с закусками на уважаемых вьерхов.

Вот собирался больше не думать о Мэйс, а все равно думаю!

Как не думать, если ее красная шевелюра, как факел, мелькает в зале то тут, то там? Особенно сейчас, когда верхний свет еще не приглушили. Официантки расставляют живые цветы, зажигают свечи на столах, поправляют скатерти. Каждая из девушек как картинка, но вижу я именно Вирну.

Вернее будет сказать, настолько заикнулся на ней, что даже не сразу заметил, как ко мне подошла другая официантка. Тоже рыженькая, но явно проигрывающая рядом с мэйсовской яркостью.

— Ньестр К'ярд, принести вам чего-нибудь? Воды? «Лавы»?

От последнего предложения я едва не давлюсь воздухом. Только не «Лаву»! У меня теперь даже любимый напиток ассоциируется с Мэйс.

— Благодарю, Тимрана, — читаю имя девушки на ее бейдже, — может, позже. Не хочу ничего упустить.

— Пока можно немного расслабиться, все самое интересное начинается через пару часов после открытия, когда зал забивается до отказа.

— Благодарю, что предупредила, — я улыбаюсь, чтобы смягчить отказ, и немного для того, чтобы после сегодняшней беседы Мэйс мое имя не связывали с ее. Мне действительно нравится моя новая работа, по сути, она лучшее, что я мог бы найти с учетом объявленной мне отцом холодной войны.

— Но мне все равно пока ничего не нужно.

Девушка просто светится в ответ и возвращается к своим делам, а я снова взглядом нахожу Вирну. Она как раз о чем-то разговаривает с Дженной.

Что их связывает? Карринг сказала, что у нее сплоченный коллектив, что она встанет скалой за каждую из этих девочек. Но так ли это? Или Вирна Мэйс все-таки занимает особое положение? Это мне еще предстоит узнать.

Вечер в «Бабочке» начинается, и, несмотря на заверения Тимраны, расслабиться мне не удастся. С самых первых минут выясняется, что паре вьерхов неправильно забронировали столик, и они не хотят сидеть возле сцены. Приходится их пересаживать, и все это при условии стопроцентной загруженности! Конечно, этим занимается хостес, но мне нужно обязательно присутствовать и убеждать гостей, что всё прекрасно. Потом выясняется, что доставили не весь заказ продуктов для кухни, то есть не привезли свежую партию крабов-тубру — любимого деликатеса завсегдатаев «Бабочки». Приходится разбираться, в чем дело, и придумывать, какой новинкой заменить крабов. Про новинку подсказывает Дженна, потому что я сам будто краб бегаю между кухней и залом. Но это все оказывается ерундой по сравнению с тем, что я совершенно не учел собственной популярности и узнаваемости.

На меня пялится практически каждый гость: и вьерхи, и сопровождающие их люди. Кто-то дырявит спину взглядом, кто-то рассматривает прямо, забывая о приличиях, а с кем-то мы даже оказываемся знакомы.

— К'ярд? Что ты здесь делаешь?

Меньше всего на свете мне хочется увидеть здесь кого-нибудь из Кэйпдора. И еще меньше мне хочется видеть Чарнса М'рола, того самого едха, с которым я подрался.

— Работаю.

— Работаешь? — Чар вообще плохо соображающий индивид, как только в Кэйпдор поступил, поэтому он растерянно моргает, прежде чем расхохотаться. — Значит, слухи не лгут. Папаша от тебя отказался.

Ну и что тут смешного, распоследняя ты маруна на планете? Ты без своей семьи и дня не протянешь. Но это не то, что стоит говорить клиенту в первый рабочий день на испытательном сроке.

— Скажем так, я решил пойти своим путем. Другой вопрос: что тебя сюда привело? «Бабочка» вряд ли входит в список тех заведений, которые ты с друзьями обычно посещаешь.

Чар действительно туго соображает, поэтому опять подвисает, пытаюсь найти в моих словах подвох. А вот девушка, виснувшая на его локте, интересуется:

— Считаешь, что нам здесь не место?

— Отнюдь, — растягиваю губы в дежурной улыбке. — Надеюсь, что вам здесь понравится.

— Мой старик часто бывает в «Бабочке», и подарил мне на день рождения членство в клубе, — объясняет Чар, — Теперь будем часто с тобой видеться. Принеси нам бутылку орхейского вина.

А вот это даже веселит!

— Я помощник управляющего, а не официантка, Чар. Сделать заказ сможешь за столиком.

— У нас ложа, — хмыкает его подружка.

Точно. Малая ложа для четверых. За Чарнсом и его девушкой маячат еще двое его друзей.

— Тогда приятного вечера! Вас проводят, — фраза тоже дежурная, как и кивок хостес, тут же взявшей за гостей. Хотя, если честно, моему, сегодня именно я выполняю ее обязанности. Разве что не рассаживаю клиентов.

После встречи с кэйдорцами настроение портится. Уверен, что Вирне в тот вечер тоже не понравилось, когда мы с Кьяной и Харом заглянули в «Бабочку», теперь я это понимаю. Вот она себя и вела, как вела. Кстати, нужно ее предупредить, что здесь Чарнс, и чтобы к нему не приближалась!

Но где она?

Я осматриваю зал, несмотря на то, что свет приглушили, чтобы было хорошо видно происходящее на сцене, официанток сразу видно за счет мерцающих голубоватым цветом передников. Но Вирны нигде нет: ни у бара, ни у столиков, на кухне тоже. Это значит только одно — она обслуживает ложи.

Остается ее дожидаться, я возвращаюсь ко входу и выполняю свои обязанности, но периодически поглядываю на зал. Но так и не успеваю ее перехватить. Она как бабочка порхает слишком быстро, а гостей, как и обещала Тимрана, становится все больше.

Вызов охраны писком раздается в моем наушнике.

— Проблемы в ложе. Конфликт между гостем и официанткой. Требуется ваше присутствие.

— Номер ложи?

— Третья.

Ложа с Чаром. Ну конечно!

— Буду через минуту.

Кажется, я поднимаюсь даже быстрее, по пути размышляя: это нормальная смена управляющего, или это мне так повезло? А на входе в ложу замираю. Потому что первой замечаю Вирну Мэйс.

Это не девушка, а просто магнит для неприятностей!

Я поворачиваюсь к застывшему возле двери секьюрити:

— Пригласите медика. И мне нужна видеозапись инцидента в ложе.

Не смотреть на Вирну сложно уже физически, как и сдерживать себя от желания вытолкать ее из ложи и поинтересоваться, какого едха здесь произошло.

Нельзя. Сначала нужно разобраться с Чарнсом и его друзьями.

— Мы просто отдыхали, К'ярд, — говорит Чар. — Расслаблялись. Пили вино, ели, смотрели выступление, и тут такое.

Такое — это, очевидно, нападение Вирны.

Удержаться от скепсиса, пожалуй, сложнее, чем от желания поговорить с Мэйс прямо сейчас. К моему облегчению, охранник наконец-то подает мне тапет с записью с камер ложи, и я открываю файл, проматываю практически до финала.

Звука по правилам нахождения в ложе, естественно, нет, но он особо и не нужен. Мой взгляд подмечает мелкие детали, вроде зашкаливающего веселья компании, когда Вирна появляется в кадре. Девушка Чара «случайно» толкает бокал, Мэйс успевает его подхватить, но вино выплескивается на ее платье. Теперь я замечаю, что на переднике Вирны пятна.

Я стараюсь поймать ее взгляд, но она смотрит исключительно перед собой. Потому что знает, что у нее прав меньше, чем у любого гостя в клубе.

Даже после этого Мэйс на видео остается спокойной, невозмутимой, и продолжает свою работу. Ровно до того момента, когда дружок Чара перехватывает ее и буквально роняет ее себе на колени, тут же запускает руку под юбку.

От разбитого носа этого едха спасает только то, что я на работе, и он вроде как мой клиент. Пока что. Тем приятнее это исправить!

— Очевидно, не просто расслаблялись и пили вино, — говорю я, и сам удивляюсь собственной вежливости в отношении этого придурка. На видео он орет и спихивает Вирну с колен, и злорадство

во мне схлестывается с яростью. — Вы ознакомились с правилами клуба?

— А то, — кивает Чарнс. — Что не так с этими правилами?

— С правилами все в порядке. Вы нарушили одно из них. — Я вывожу на экран полный список правил «Бабочки». — Пункт три один. Гости не имеют права прикасаться к официанткам не при каких обстоятельствах. Это правило касается как членов клуба, так и их приглашенных спутников.

— Какого едха?! — восклицает приятель Чара. — Какая разница, кто к кому прикоснулся? Она меня обожгла! Ты что, не видишь?!

Краем глаза замечаю, как Вирна напрягается, она вся будто струна.

— Как? — интересуюсь я.

— Что — как?!

— Как она могла вас обжечь? Наши официантки обычные люди.

— Тогда что это? — Он снова намеревается поднести к моему лицу пострадавшие конечности, но я ловко ухожу в сторону.

— Пищевая аллергия? — предполагаю. — Я не доктор, поэтому советую обратиться к специалисту.

— Это случилось из-за девчонки, — уже не так уверенно повторяет парень. — Она вообще первая начала.

— Видео подтверждает, что нет. К сожалению, я вынужден аннулировать ваше членство в клубе.

— Ха! — Это уже Чарнс. — Ты защищаешь свою подстилку!

Мэйс, кажется, выпрямляется еще больше, тем приятнее сказать:

— Поздравляю. Теперь вы нарушили правило один восемь — оскорбление сотрудников клуба. Прошу, извинитесь, и охрана проводит вас к выходу.

Заодно внесет в черный список.

— Я не стану извиняться. Я вообще пожалуюсь владельцу. Сделаю так, чтобы тебя выперли отсюда! И ее заодно.

Очевидно, он собирается продолжить в том же духе, но к охраннику присоединяются еще двое, и они просят гостей пройти на выход.

Когда Чар и компания скрываются за дверью вместе с охраной, мы с Мэйс выдыхаем одновременно.

— Почему он решил, что тебя могут уволить? — интересуется она.

— Меня не могут уволить, — усмехаюсь я, — как и тебя, так?

Она ничего не отвечает, только смотрит на меня пристально-пристально, будто ждет вопросов. Но я не собираюсь ничего спрашивать, по крайней мере, делать это в клубе, где Дженна «в курсе всего, что происходит».

— Сможешь вернуться к работе прямо сейчас или тебе нужен перерыв?

— Что? — Мэйс растерянно моргает.

— После таких инцидентов сотруднику нужно время, чтобы настроиться на дальнейшую работу. Слова ниссы Карринг. — Я это сам только что придумал, Дженна ни о чем таком меня не предупреждала. Она, конечно, говорила, что могут возникнуть разные трудности, и что клиенты бываю разные, но не в первую же рабочую ночь.

— Нет, — качает головой Вирна. — Я готова вернуться к работе.

— Отлично. У тебя есть сменное платье? Переоденься и можешь обслуживать свои столики. Оплата за ложу тоже будет перечислена на твой счет, в качестве компенсации.

Она взглядом спрашивает: «И это все?» А я спешу ее разочаровать:

— Вперед! Если не вернешься в зал в течение двадцати минут, о компенсации можешь забыть.

Мэйс зло сверкает глазами и убегает. Ничего, далеко от меня не убежишь!

Остаток смены проходит относительно спокойно. Мы с Мэйс больше не пересекаемся, никто из гостей не лапает официанток, ни у кого больше не возникает ожогов. Я бы сказал, что все проходит быстро и как в тумане. Единственным запоминающимся моментом остается разве что разговор с Дженной, которая хвалит меня за выдержку, но при этом настоятельно рекомендует:

— В следующий раз постарайся не терять нового клиента.

— Я считал, что «Бабочке» нужны только благонадежные клиенты.

— Тем не менее именно они позволяют существовать нашему клубу.

В общем, это предупреждение. Но мне почему-то кажется, что оно так же связано с Вирной.

Не приближаться к ней.

Хорошо. Только разберусь во всем, с ее секретами и со своей дурацкой привязанностью, а потом никогда больше к ней не приближусь.

Поэтому предупреждения Дженны я игнорирую и после конца смены жду Мэйс на парковке. У управляющего есть свои преимущества — он может уйти пораньше. Особенно если он помощник и вообще стажер. Конечно, можно подловить ее возле дома, но я не уверен, что Вирна отправится к сестрам, а не поедет к своему Вартасу.

Жду и думаю, что буду делать, если она выйдет не одна, а в сопровождении одной из подружек-официанток, которые сегодня решили мне не давать прохода. После Тимраны другие девушки тоже предлагали мне то принести воды, то закуски, то еще что-нибудь.

К счастью, Мэйс выходит одной из последних и в одиночестве. К моей огромной радости, потому что из-за усталости мои нервы и так на пределе. Веселиться всю ночь и работать всю ночь — совершенно разные вещи.

Я выхожу из эйрлата, когда Вирна подходит ближе.

— Мэйс.

— К'ярд? — Ее глаза расширяются, а она замедляется. Но только для того, чтобы тут же опомниться и ускорить шаг. И мне приходится пойти следом.

— Ты же не рассчитывала, что я оставлю все просто так?

— О чем ты?

— Об ожогах приятеля Чарнса. А еще об ожогах Лиры.

— Не понимаю о чем ты? — хмыкает она. — Твоей девушке я просто дала в нос.

— Тогда как объяснишь это?

Я хватаю ее за руку, и ощущение такое, будто я сунул пятерню в жерло вулкана. Поэтому и отдергиваю ее быстро. Вирна вскрикивает и трясет ладонью, на ее коже растекается красное пятно-близнец моего ожога.

Что и требовалось доказать.

— Садись, — говорю, кивая на свой эйрлат. — Поговорим.

Глава 11. Откровенность или вроде того

Вирна Мэйс

Он действительно рехнулся, если думает, что я сяду с ним в его едхов эйрлат. Дело не в том, что у меня от него ожог на ладони, а в том, что у меня от него ожоги по всему сердцу. Даже когда он просто рядом, и Дженна определенно рехнулась, когда решила взять его на работу.

На работу.

У меня что-то щелкает в голове, и все начинает складываться в очень нехорошую картину. Сначала они с Н'эргесом интересовались, какие нас с Лайтнером связывают отношения. Потом через меня хотели подобраться к Диггхарду К'ярду (последнее бред чистой воды, потому что К'ярд-старший не подпустил бы меня к себе даже на пару валлов). Теперь эта работа.

Я так увлеклась своими чувствами, что напрочь забыла об остальном. Впрочем, ничего нового: рядом с К'ярдом у меня всегда вырубается мозг.

— Ты должен уволиться, — говорю я.

Он приподнимает брови:

— Это не совсем ответ на мой вопрос.

— Ладно, пойдем в твой эйрлат, — я киваю.

Хотя знаю, что это не самая лучшая идея. Какая будет лучшая, я даже не представляю, по-моему, лучше всего было бы просто сбежать, но я сомневаюсь, что Лайтнер бежит медленнее меня.

Не считая того, что это просто глупо.

Это совсем другой эйрлат, не тот, что был у него раньше. Он гораздо проще, как снаружи, так и внутри, и это заставляет задаваться вопросами. Зачем ему на самом деле работа? Зачем Лайтнеру К'ярду работать? Мысли путаются, поскольку в салоне его эйрлата по-прежнему его запах — тот самый аромат, ударивший в меня с силой океанской волны, когда мы впервые увиделись в Кэйпдоре.

— Итак?

— Я не знаю, что это такое, — говорю я. — Твой доктор тоже не знает, поэтому если ты хотел вывести формулу идеальной

несочетаемости вьерхов и Вирны Мэйс, вынуждена тебя разочаровать: за этим не ко мне.

Рассматривать приборную панель гораздо интереснее, чем его, потому что на него я смотреть вообще не могу. Насмотрелась сегодня за смену — пока бегала между столиками, как только еще себе нос не разбила.

— Доктор не мой, — отвечает он, и я по интонациям чувствую, что хмурится. Вот это вот «чувствую» совершенно невыносимо, потому что мы давно не разговаривали нормально. Хотя если быть до конца с собой честной, мы никогда нормально не разговаривали, даже в дни так называемого «перемирия». Ну или как еще назвать то, что было между нами. — Значит, он тебе ничего не сказал?

— Кто?

— Доктор Э'рер.

— Нет. Он собирался провести какие-то исследования и даже дал мне свою карточку, но я к нему не пошла.

Может, если дать ему часть правды, он от меня отстанет. По крайней мере, на время.

— Почему? — спрашивает Лайтнер.

— Потому что с некоторых пор я снова не доверяю вьерхам.

Получается как упрек, и... ладно, в общем-то это и есть упрек. Я не хочу думать о том, что было бы, если бы я тогда проснулась у доктора, а Лайтнер был рядом. Потому что этого уже не будет.

Судя по тому, что он молчит, и молчит долго, наш разговор пора сворачивать.

— Тебе нужно к нему сходить. Потому что это совершенно точно ненормально. Потому что это началось после той ночи.

Или нет?

Я все-таки поворачиваюсь к нему и вижу, что он на меня тоже не смотрит. То есть развернут ко мне, но взгляд где-то над моим плечом, как если бы с той стороны тоже кто-то подошел к флайсу и был гораздо интереснее меня. Или была. Меня так и подмывает обернуться и посмотреть, не стоит ли там Лира, но в этот момент К'ярд снова смотрит мне в глаза.

Оказывается, видеть его, стоя за спиной девчонок, в той комнате, или в общем зале, или даже в ВИП-ложе — совсем не то, что видеть вот так, меньше чем в валле от себя. Несмотря на достаточно

холодную ночь и на то, что он забыл включить обогрев в эйрлате, меня этим взглядом ударяет, как раскаленной лавой.

Я не хотела этого разговора, но не хотеть, оказывается, надо было молчания, потому что именно оно меня связывает по рукам и ногам. Я физически чувствую, что мне становится мало места на этом сиденье, как будто присутствие Лайтнера просто повсюду. Как будто он во мне настолько, что даже если нам оказаться на разных концах Ландорхорна, это не изменится. Ни на миг.

Вот теперь бред у меня. Потому что я прекрасно помню, чем это «ни на миг» закончилось последний раз, и усилием воли выталкиваю себя в реальность.

В реальности — его последние слова, и, кажется, я только сейчас начинаю понимать, о чем он говорит.

— погоди, ты решил, что это из-за тебя?

— А из-за кого еще? — хмуро интересуется он. — До той ночи ничего такого с тобой не случалось, насколько я помню. Плюс моя сила... она была нестабильна, и она что-то с тобой сделала.

— О. Ого.

Я не знаю, смеяться мне или вздохнуть с облегчением — он сам нашел себе объяснение, и вполне логичное. Кстати, не уверена, что это не часть правды, как и то, что я рассказала ему про доктора Э'рера. Возможно, сила вверху, которая в нем вела себя странно, что-то активировала внутри меня. Я не знаю, как это еще назвать, потому что до той ночи я действительно не умела управлять морем.

Как бы там ни было, мне больше не надо ничего ему объяснять.

Ожоги — отличная тема для силы вверху, они ведь имеют дело с недрами земли. Вот пусть так и думает.

Правда, теперь это только часть проблемы. Теперь, когда я всерьез задумалась о мотивах Дженны относительно всего.

— Ты должна пойти к Э'реру, — жестко повторяет Лайтнер. — Если хочешь, пойдем вместе.

Я уже открываю рот, чтобы отказаться, и тут мне в голову приходит совершенно ненормальная идея. Не представляю, сработает она или нет. Э'рер вряд ли найдет в моей крови что-то подозрительное (если не нашел сразу), а вот убрать Лайтнера подальше от Дженны, возможно, получится.

— Хорошо, — говорю я. — Я пойду. Если ты уволишься из «Бабочки».

— Нет, — отрезает он.

— Нет?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я так хочу.

И в этом весь Лайтнер К'ярд. Проблема только в том, что будь дело исключительно во мне — и в моих хотелках, я бы хлопнула дверью, вышла и ушла. Потому что... потому что я так хочу!

Но проблема не только в этом.

Проблема в Дженне, и она куда серьезнее, чем он может себе представить.

— Помнишь, я говорила тебе о сестре? О том, что она пропала, и что она была ныряльщицей? — спрашиваю я.

Он приподнимает брови.

— Я пришла в «Бабочку» из-за нее. Я хотела ее найти, именно поэтому я работаю здесь. Я думаю, что именно здесь — так или иначе — она с кем-то работала.

— Ты думаешь, — холодно спрашивает он. — Или ты знаешь?

— Если бы я знала, я бы не сидела сейчас здесь с тобой, — отвечаю я. — А уже была бы мертва. Ну, или была бы с Лэйс, где бы она ни оказалась. Так что подумай, К'ярд, хочешь ты здесь работать, или лучше присмотреть место поспокойнее.

Вот теперь я действительно выхожу из эйрлата раньше, чем он успевает ответить. Или, точнее сказать, выпрыгиваю. Утренний Ландорхорн щедро поливает меня дождичком.

— Мэйс, — ударяет в спину. Он тоже вышел из эйрлата, и сейчас стоит, облокотившись о его крышу. — Нам все равно по пути.

— Совершенно точно нет, — говорю я, и, когда в его глазах сверкает насмешка, развожу руками. — Я еду к своему парню.

Вот теперь в его глазах сверкает что-то посерьезнее.

— И давно он стал твоим парнем?

— Недавно, — отвечаю ему в тон, а потом разворачиваюсь и бегу в ближайшее укрытие, или, попросту говоря, к служебному входу «Бабочки», откуда только что вышла. Мне нужно заказать машину, которая отвезет меня домой, но домой мне совсем не хочется, и я

делаю то, что вообще-то, делать не стоит. Заказываю эйрлат до дома Вартаса.

Где-то по дороге у меня начинают слипаться глаза. Я тщетно пытаюсь с этим бороться, но они делают все, чтобы меня одолеть — я их открываю, они закрываются, и так снова и снова, снова и снова, снова и снова. В какой-то момент я перестаю сопротивляться, соскальзываю в сон. Просыпаюсь от того, что водитель сообщает:

— На месте, нисса.

На месте.

Я пытаюсь понять, почему на месте — это у шестиэтажной серой коробки, чьи стены, кажется, насквозь пропитались сыростью от дождя, а потом вспоминаю. Прикладываю тапет к терминалу, чтобы расплатиться за поездку, забираю вещи и выхожу.

Это определенно глупо, но у меня просто нет сил ехать домой.

«Митри, я у Вартаса. Не забудь про шарф для Тай», — отправляю сообщение, а после касаюсь старенькой, затертой панели с трещинами по краям. Набираю нужный номер квартиры.

— Да, — раздается вполне себе бодрый голос Вартаса.

Я знаю, что он встает очень рано: во-первых, смена у него тоже начинается очень рано, а во-вторых, он начинает день с разминки и тренировок.

— Это я.

Пауза такая многозначительная, что, кажется, мне вообще не откроют, но в следующий миг замок щелкает. Я захожу в подъезд: внутри он тоже пропитан сыростью, здесь нет лифта, старенькая лестница настолько старенькая, что из некоторых ступеней выпали целые куски камня. Я смотрю на все это и думаю — как быстро привыкаешь к хорошему.

К красивому интерьеру.

К высокоскоростным лифтам.

К поездкам на заказных эйрлатах.

К полноценному завтраку, обеду и ужину.

Хотя в прошлом — отнюдь не столь отдаленном, у меня продуваемый всеми ветрами домик, до которого надо было добираться на платформе. Уже осенью на ней сдувало, не говоря уже о зиме, и это был тот самый случай, когда люди просто грелись друг о друга. Старики, женщины и дети, мужчины. Все. Мы ехали единой

смерзшейся массой, и тем, кто выходил на конечной, приходилось хуже всего.

Мотаю головой, поднимаюсь на последний этаж и захожу — Вартас заранее открыл дверь и теперь стоит, прислонившись к стене.

— Вирна, все в порядке?

— В относительном, — говорю я. — Когда у меня в последний раз было все в порядке, я не умела ходить и ничего не понимала.

— Все в порядке, — комментирует он, помогая мне снять куртку. — Но я все равно не представляю, что должно было случиться, чтобы ты приехала ко мне.

— У тебя есть льяри?

— Не лучший способ, чтобы заснуть.

— Ты думаешь, я приехала к тебе спать?

— Еще несколько минут, и ты будешь спать там, где стоишь.

Не могу сказать, что он неправ, поэтому только сбрасываю сумку на тумбочку.

— Можно воспользоваться твоей ванной? За воду я заплачу.

— Я лично утоплю тебя под душем, если еще раз услышу что-то подобное.

Махнув рукой, иду в ванную, складываю одежду на старый, растрескавшийся пластиковый стул, как раз для этого предназначенный. Кафель в душе тоже слегка растрескавшийся от сырости, я задергиваю шторку и подставляю лицо еле теплым струям воды. Выставить погорячее мне совесть не позволяет, и, к тому же, под такой водой долго не прстоишь.

Открывается дверь, и я вздрагиваю.

— Я принес полотенце и халат, — говорит Вартас.

Дверь снова закрывается, и я остаюсь одна. Разворачиваю руку ладонью вверх, глядя на красное пятно ожога. Это совершенно ненормально, но его мне не хочется убирать, и еще более ненормально то, что его хочется коснуться губами.

Именно эти мысли шустро выносят меня из душа, я вытираюсь насухо, заворачиваюсь в халат и выхожу в коридор.

— Классно выглядишь, — сообщает Вартас, который хозяйничает на кухне.

В кроссовках и халате, с мокрыми волосами. Да. Я просто зашибись как выгляжу.

— Это тебе, — ко мне двигают тарелку с горячей едой. — И это тоже.

В круглой чашке без ручки какой-то травяной настой.

— Я на работу, вернусь во время обеда. Поговорим.

— Спасибо, — говорю я.

— Да, дверь автоматическая. Запасные ключи в тумбочке в спальне.

Он выходит из кухни раньше, чем я успеваю что-то сказать. В коридоре раздаётся какое-то шуршание, хлопает дверь и слышен писк блокировки замка. Только сейчас я понимаю, насколько сильно проголодалась. Глотаю еду, почти не чувствуя вкуса, выпиваю травяной настой.

Спальня у Вартаса совсем крохотная, кровать в ней, пожалуй, занимает две трети, и это — его кровать. Тем не менее я падаю на нее, поверх покрывала, в которое и заворачиваюсь, превращаясь в куколку. Закрываю глаза и мгновенно проваливаюсь в сон.

К тому моменту, как Вартас приезжает на обед, я уже проснулась, оделась и сижу на матах — в комнате, где мы обычно занимались вар-до.

— Как дела? — Он сбрасывает сумку на пол и присоединяется ко мне.

— Выяснила, что я могу лечить ожоги вѣрхов с помощью океана или моря. Точнее, я проверяла только море, но с помощью океана, наверное, тоже могу.

— Ух ты, — говорит он.

— Ух ты. Да.

— И только поэтому ты прибежала ко мне?

— Вообще-то нет.

Просто Лайтнер так часто называл тебя моим парнем, что я сама в это поверила. Может быть, и не зря. Может быть, пришло время оставить прошлое в прошлом и двигаться дальше.

Нам всем.

— Расскажи мне про Лэйс, — говорю я. — Не как обычно. Расскажи, какие вас связывали отношения.

— Ты уверена, что хочешь поговорить именно об этом?

— Ты же хочешь знать, почему я пришла?

— Хм, — Вартас вздыхает и скрещивает ноги. — Отношениями, как ты уже поняла, это было сложно назвать. Она приходила и уходила. Ничего о себе не рассказывала. Никого не напоминает?

— Сейчас мы не обо мне, — напоминаю я.

— Я... наверное, в какой-то момент я понял, что у нас ничего не получится.

— И в какой же момент ты это понял?

— Когда почувствовал, что она не до конца со мной откровенна. Те крупницы информации, которые на меня высыпались... это было не про отношения. Когда есть отношения, есть доверие.

— Она рассказала тебе о ныряльщиках.

— Но не рассказала, что собирается исчезнуть и бросить меня и вас.

— Вообще-то, рассказала, Тас.

— Как ты меня назвала?

— Я посмотрела, как можно сократить твоё имя.

— Ты интересовалась моим именем? — он приподнимает брови и кивает. — Круто.

— Так вот, про Лэйс. Она просила о нас позаботиться. Рассказала о том, что связана с ныряльщиками.

— Это по-твоему звучит как «Я завтра исчезну, но не переживай, со мной всё будет в порядке, и когда-нибудь я вернусь»?

Я вытягиваюсь на матах, подпираю ладонями подбородок.

— Возможно, это то, что она *могла* сказать.

— И снова нет, Вирна. Когда я доверяю, я говорю прямо. Я не скрываю ничего ни от кого, прикрываясь намерениями о всеобщем благе или безопасности.

— Возможно, ты и прав.

— Ты знаешь, что я прав. Твоя очередь.

Он ложится рядом со мной, правда, ногами в другую сторону, и на спину. Теперь я смотрю на него сверху и очень, очень близко.

— Ты же мне доверилась. Хотя знала меня гораздо меньше, чем Лэйс.

А Лайтнеру нет.

Я начинаю думать, что он действительно прав. Что все эти бабочки в животе, жар и холод — это химия и гормоны. Настоящие чувства появляются там, где ты раскрываешься рядом с другим, где ты не боишься сказать правду, где есть спокойствие и уверенность. С Лайтнером все было как на вулкане — что, в общем-то, неудивительно, он же вьёрх. С Вартасом ровно, и пусть даже отчасти неправильно — из-за Лэйс, она сама от него отказалась. От него и от их отношений.

— Я пришла к тебе, потому что не хотела ехать домой.

— Почему?

— Не знаю, — я пожимаю плечами.

— Или знаешь? — Он подается ко мне и целует меня в губы.

Это не так резко, как было «для конспирации», напротив, это совсем не резко. Я могу его целовать, и не чувствовать, как плавлюсь, как от каждого прикосновения на моем теле вспыхивают костры ожогов и темнеет перед глазами. То, что я при этом чувствую — или чего не чувствую, это же не главное, правда? Это просто поцелуй. С парнем, которому я рассказала больше, чем кому бы то ни было.

Я отрываюсь от его губ, но не отстраняюсь. И спрашиваю:

— Хочешь пойти со мной к Кьяне и Хару?

Глава 12. Не Вирна

Лайтнер К'ярд

Я оказался прав.

Прав насчет того, что с «Бабочкой» и заботой Дженны о Мэйс не все чисто. Вот только Вирна не знает, что я в курсе всего этого, и считает, что наш разговор закончен. Зря! Я точно не собираюсь увольняться, особенно теперь.

Ныряльщики, значит. Клуб их прикрытие? Место встречи? Очень опасное место. Но когда я понял, что могу выйти на ныряльщиков, в голове будто что-то щелкнуло. Те установки, которые мне показал Эн: если кто-то и способен узнать о них больше, то именно эти ребята.

Опасные ребята, с которыми Мэйс заодно.

И это, пожалуй, волнует меня больше, чем мне бы хотелось.

— Лайт? Я честно боюсь лезть в бассейн, когда ты такой рассеянный.

Я возвращаюсь в реальность, к Лире. Сегодня наш первый урок плавания. Это другой клуб, другой мелкий бассейн, другая девушка, которая просто потрясающе выглядит в модельном купальнике и совершенно не стесняется своего практически обнаженного тела. Но мне все напоминает о Вирне.

Абсолютно все, и как с этим справиться, я не знаю.

— Прости. Я просто не выспался.

— Уверен, что хочешь работать ночами?

— Эта работа лучшее, что я смог найти за все время.

Эта работа идеальна. Не считая того, что я спал всего два часа, чтобы потом отправиться на тренировку. Называть свои модельные потуги по-другому я отказывался.

— Извини, это все из-за меня. Ты слишком много потратил на мое восстановление, но после съемок, я смогу тебе вернуть...

— Нет, Лира. Ты мне ничего не должна, и давай закроем эту тему. Иди сюда.

«Сюда» означало в воду, и Лира не торопилась, застыв перед порожком, под который утекала вода, выплескивающаяся из бассейна.

— Я думала, что мы начнем с теории, — улыбнулась она. — На берегу.

— Тут как с модельной походкой, без практики не поймешь. К тому же, у нас всего пара дней перед съемками.

Это сработало.

— Ну ладно, — она расправила плечи и шагнула на первую ступеньку, забавно поморщилась. — Какая она противная.

— Противная?

— Да, вода. — Лира преодолела все шесть ступенек и остановилась рядом со мной. — В ней же невозможно двигаться! Она сковывает. Сдерживает.

Я едва сдерживаю смех.

— В воде все работает по-другому, поэтому и двигаться нужно не так, как ты привыкла. К этому нужно привыкнуть.

— Сомневаюсь, что я к этому привыкну.

— Даже ради роли?

— Только ради роли!

У Леры не было панического страха, как у Мэйс. Она не боялась воды и была полна решимости освоить плавание. И я начинал понимать, почему у Леры все срослось с работой моделью, несмотря на отсутствие поддержки родителей. Ее целеустремленности можно было только позавидовать.

Она быстро освоила обычные гребки, как нужно работать ногами, и к концу нашей тренировки даже проплыла до дальнего бортика и обратно. Но вот от ныряния отказалась наотрез.

— Я вьерха, дитя земли, — пошутила Лира, чтобы скрыть нервозность. — Для меня это чересчур.

— Хорошо, — согласился я. — Думаю, для съемок это не понадобится. Но завтра сходим в большой бассейн и усложним задачу.

С ростом Мэйс глубины детского бассейна было достаточно, у Леры такой проблемы не было.

Почему я все время их сравниваю?

Но не сравнивать не получается. Я спас Леру точно так же, как спасал Вирну. А теперь учу ее плаванью, как учил Мэйс. Но когда мы с Лерой в бассейне случайно соприкасались телами, когда я обнимал ее, касался ее руки, это не обжигало. И совсем не в том смысле, в

котором я получил ожог. Мэйс оставила на мне ожоги гораздо более сильные и глубокие.

— Лайт, что это?

Оказывается, я слишком долго рассматривал след на ладони, чтобы это осталось незамеченным.

— Обжегся.

— Как?

— Схватился за горячую сковороду.

— Сковороду?

Бред! У меня и сковороды никакой нет.

— На кухне. На работе.

— Это похоже на то, что было у меня, — глаза Лир расходятся и теперь она смотрит на меня с упреком: — Ты разговаривал с ней?

— Нет! То есть да. Она больше тебя не тронет.

— Лайт, ты не должен был.

Чего я не должен был, так это предлагать Мэйс ее подвезти.

— Я сделал это, чтобы она от тебя отстала.

Хотя после сегодняшней ночи и нашего разговора с Вирной непонятно, зачем она вообще приходила к Лире.

— Слушай, расскажи мне еще раз, что именно тебе сказала Вирна Мэйс.

— Если честно, я хочу забыть об этом эпизоде, — говорит Лира и устремляется к ступенькам бассейна. — Я вообще не хочу думать о девушках, для которых нормально бить других.

Она не смотрит мне в глаза, даже когда я подаю ей халат, закутывается в него, словно замерзла. Нервничает и злится. Но я бы на ее месте тоже нервничал и злился.

Наверное.

— Я тебя понимаю. Правда понимаю, но для меня это важно.

— Ладно, — она вскидывает руки, словно собирается защищаться. — Она сказала, что я ей не помеха.

— И все?

Лира наконец-то смотрит мне в глаза и прищуривается:

— Должно быть что-то еще?

— Я вчера говорил с Вирной.

— И она сказала, что мы говорили о чем-то еще, — хмыкает девушка. — Я даже знать не хочу, что она могла обо мне придумать! Лайтнер, эта Вирна не очень приятный человек. Я бы сказала, самый неприятный человек, из всех, что я встречала, и если бы не съемки и не мое нежелание раздувать из этого скандал, вместо больницы я бы поехала в участок политари. Потому что люди не имеют права распускать руки! Но я не люблю конфликты, поэтому решила сделать вид, что ничего не было, и просто больше не открывать ей дверь.

— Она больше не придет к тебе.

— Это тоже она сказала? — вид у Лире более чем скептический.
— Может, не стоит верить всему, что она говорит?

Да, Мэйс известная лгунья. Даже я постоянно ловлю ее на лжи, но она все равно продолжает врать.

— Мы говорили не о тебе, а о ней.

Девушка мигом растрчивает боевой настрой и сейчас выглядит растерянной.

— Тогда я тем более ничего не понимаю.

— Вирна сказала одну фразу.

— Какую?

— Про то, что ты знаешь откуда у нее деньги.

Теперь у Лире такой вид, будто ее внезапно столкнули в бассейн: она открывает рот и закрывает. Что доказывает, что, в отличие от Мэйс, врать Лира не умеет.

— Это ведь не мое дело? Учитывая, что она твоя бывшая.

— Она не моя бывшая.

— Тогда тебе должно быть наплевать на факт, что деньги у нее от богатого любовника!

Наверное, сейчас именно я выгляжу так, будто меня спихнули в воду. Даже не в бассейн, а, как минимум, в океан. Со скалы. И я долго-долго летел, пока с размаху не ударился о поверхность, провалился в толщу, а сверху меня еще и волной накрыло.

— Любовника?!

Какой, к едхам, любовник? Единственный известный мне претендент на тело и сердце Мэйс — придурок Вартас! Или нет?

— Она так сказала, — будто издалека доносятся до меня слова Лире. — И я ей поверила, потому что вряд ли обычный человек может позволить себе снимать квартиру в нашем доме.

Обычный нет, но тот, кто получил круглую сумму от Дигтхарда К'ярда — да.

И опять ни едха в ее словах не сходится!

Если Мэйс получила «гонорар» от отца, то зачем это скрывает? Зачем сказала сестрам, что деньги от Дженны? Зачем придумала какого-то любовника?

Или не придумала?

Мысль о том, что где-то существует еще один вьерх, который завладел ее телом и сердцем, отравляет с силой концентрированной кислоты. Конечно же, это вьерх, потому что у Вартаса таких денег и в помине нет.

Или есть?

Что, если этот белобрысый едх — нырятьщик, как сестра Вирны?

Это многое объясняет. Очень многое. Потому что догадка про вьерха-любовника — не вариант. Иначе бы они оба ходили в ожогах.

Значит, это Вартас.

Хотя в любом случае стоит проверить, но не через Мэйс. Она врет как дышит, поэтому вряд ли я услышу от нее правду. Но есть те, кому она доверяет, и вот они от разговора не отвернутся. Особенно если хотят помочь Вирне!

— Спасибо, что рассказала.

— Не за что. Возможно, я вмешиваюсь не в свое дело, но думаю, тебе не стоит связываться с этой Вирной. Такие как она опасны.

— Я разберусь с этим сам, — отвечаю резче, чем хотел.

Лира поджигает губы.

— Ты потом домой? — интересуется она, когда мы доходим до развилки коридоров, ведущих в раздевалки.

— Нет. Хочу успеть заскочить к другу перед новой сменой.

— Увидимся завтра?

— Да, конечно. В то же время.

Сначала хочу набрать Хара, на случай если у них с Кьяной запланирован романтический вечер, но потом решаю, что так даже лучше — не придется искать М'эль и уговаривать ее поговорить со мной о Мэйс.

Буду внезапным.

Я хорошо знаю расписание Хара в Кэйпдоре, потому что мы выбирали практически одни и те же факультативы. Завтра с утра у нас

тренировка у Адмирала, так что вряд ли он будет разгуливать где-то допоздна, скорее, постарается выспаться, чтобы прийти первым. Поэтому я еду к другу прямо после бассейна.

Но оказываюсь перед запертой дверью, и на звонок никто не отвечает.

Хар наверняка у Кьяны, но я ни разу не спрашивал, где ее квартира, а единственный способ это выяснить — пройти по этажам и постучаться во все двери.

Едх! Это уже плохая традиция! К сожалению, у Хара нет младшей сестры, которая может впустить меня в квартиру.

Вот я стою перед дверью как... как Вартас! И решаю, что делать дальше. Вариантов немного: дожидаться, пока друг пожелает спокойной ночи своей девушке и вернется домой, уйти, набрать его и перестать играть во внезапность. Пока раздумываю, вдруг слышу голос Кьяны, доносящийся со стороны лифтов.

— Можно порезать аргору на маленькие кусочки, тогда нашим гостям будет удобно ее есть. И льда нужно заморозить побольше, чтобы хватило для коктейлей.

Квартира Хара в тупике, за углом, поэтому друзья не сразу замечают меня, а когда замечают, то замирают, будто морского едха увидели, но точно не Лайтнера К'ярда. Лица у них делаются какие-то виноватые. С чего бы это?

— Гостям? — переспрашиваю я.

Только теперь замечаю, что Хар держит два больших пакета с логотипом продуктовых супермаркетов, а в руках Кьяны круглый и, судя по ярко-розовому цвету, спелый, крупный фрукт аргоры. Безумно дорогой и настолько же безумно вкусный. Его еще называют праздничным или фруктом особых случаев.

— Привет, Лайт, — кивает мне Хар. — Что ты здесь делаешь?

— Мне нужна серьезная причина, чтобы увидеться со своими друзьями?

Они с Кьяной переглядываются.

— Нет, конечно. Просто ты не предупредил, вот я и подумал: что-то случилось.

— Все в порядке. Я бы даже сказал, замечательно.

— Здорово.

Я протягиваю руку:

— Давай помогу с пакетами.

Друг передает один из них мне. Кьяна выразительно смотрит на Хара, проводит ладонью по электронной панели доступа в квартиру и распаковывает дверь.

Мы проходим в квартиру. У друга нет кухни, есть только барная стойка, которая отделяет разделочный стол и плиту от гостиной. На стойку я и ставлю пакет.

— Ты по-прежнему на меня злишься? — интересуюсь я у девушки, которая осторожно запикивает аргору в холодильник.

— Нет, Лайтнер, — качает головой Кьяна. — Это в прошлом.

Пока Хар раскладывает другие продукты, она открывает кран и наливает себе стакан воды. Продуктов оказывается много, и в основном это различные закуски или то, из чего их можно быстро приготовить.

— Коктейли. Закуски. Аргора, — перечисляю я. — К тебе придут в гости родители Кьяны?

Девушка давится водой и начинает кашлять.

— Нет, это не для родителей, — говорит она, придя в себя, — а для вечеринки.

— Для вечеринки? И часто вы устраиваете вечеринки?

— Это первая, — добавляет Хар.

Даже если сто первая, какая разница? Меня все равно на нее не позвали!

Интересно, почему?

— Я так понимаю, вечеринка не через неделю. Аргора сгниет раньше. Но вашего приглашения я не получил. Может, в спам попало.

Мне кажется, что если они еще дольше будут переглядываться, я просто уйду, и пошло оно все к Вартасу!

— Потому что мы тебе не пригласили, Лайтнер, — объясняет Кьяна.

— Можно узнать, почему? Да, у меня сейчас не лучшие времена, я много работаю, но время для вас точно нашел бы.

Это еще не злость, но уже раздражение. Меня и так выкинуло из привычного мира: теперь я не такой беззаботный, как раньше. Я потерял связь с матерью и братом. Но с друзьями?! От Хара я такого не ожидал. Да и от Кьяны тоже.

— Мы не хотели приглашать тебя из-за Вирны, — говорит Хар.

Я хмурюсь:

— Что не так с Мэйс?

— Мы пригласили ее на вечеринку, и подумали, что тебе будет больно снова столкнуться с ней.

— Значит, Вирну вы пригласили, а меня нет? Из-за заботы о моих сердечных ранах? Ребят, я теперь вижу ее каждую ночь, потому что работаю в «Бабочке».

От вида их ошарашенных лиц становится смешно.

— А как же подготовка к съемке? — Кьяна приходит в себя первой.

— Подготовка днем, работа в клубе — ночью. Но вы неправы насчет меня и Мэйс. Что было, то прошло. Я с этим справился.

Они снова переглядываются, и у меня создается впечатление, что эта парочка общается друг с другом мысленно. Что все влюбленные парочки так общаются. Половинки, чтоб их! У нас с Мэйс так не было, наверное, поэтому ничего и не получилось.

— Ладно, — говорю. — Вижу, я здесь лишний.

Делаю шаг, чтобы уйти, но Хар меня останавливает:

— Лайт, завтра в восемь. Надеюсь, не придется уговаривать тебя прийти?

Другое дело!

— Не нужно.

Я хлопаю Хара по плечу, и друг делает то же самое. А вот Кьяна настроена не так оптимистично:

— Лайтнер, ты уверен? Вирна придет не одна, с парнем.

С трудом, но мне удастся удержать лицо. Потому что у Мэйс придет с парнем.

У нее есть парень.

И кажется, я даже знаю, кто он.

— Как его зовут?

— Вартас.

Конечно! Тот самый богатый любовник, который оплачивает все ее счета. А что получает взамен? Явно не просто «спасибо»!

— Тогда я тоже приглашу девушку, — говорю я.

— У тебя есть девушка?

— Ее зовут Лира, мы вместе снимаемся в рекламе. Мы пока не встречаемся, но все к этому идет.

— Я рада, что ты движешься вперед.

— Мэйс, видимо, тоже. Так что, я могу взять Лиру с собой?

— Конечно, — кивает Хар. — Тогда до завтра.

— До завтра.

— Пока, — машет рукой Кьяна.

А я поспешно выхожу из квартиры, чтобы друзья ничего не заметили по моему взгляду. Потому что магма ярости кипит внутри, грозясь выплеснуться на поверхность. Уже в лифте ударяю кулаком по стене.

Не сильно, но даже так остается вмятина.

Едх!

В отражении замечаю, как горят мои глаза. Огнем силы вверху.

Надо успокоиться.

Тем более что меня пригласили на вечеринку, и мы с Мэйс теперь будем на равных. Она больше не причинит мне боли. И не отберет у меня друзей.

Ну что Вирна? Встретимся без камер «Бабочки»?

Узнаем, что ты скрываешь еще.

Глава 13. Дружеская вечеринка

Это была самая идиотская в мире идея — идти к Кьяне и Хару с Вартасом, хотя если убрать Вартаса... в смысле, оставить просто «идти к Кьяне и Хару» — это и была моя самая идиотская в мире идея. Тем не менее она имеет право на жизнь, исключительно потому, что если я хочу эту самую жизнь, то есть новую жизнь, в которой больше никаких К'ярдов, а точнее, в которой его имя — это просто имя, сейчас самое время начать. Потом будет поздно. Я почему-то уверена, что потом будет поздно, пусть даже у этого «почему-то» есть вполне определенные черты. Сегодня ночью в клубе мы друг другу ни слова не сказали, почти не виделись, но мне хватило одного его взгляда, скользнувшего по мне равнодушием, чтобы понять, что новую жизнь надо начинать сейчас.

Не откладывая.

Ну я и начала. Когда в обед Кьяна позвонила мне, чтобы сказать, что сегодня К'ярд с Лирой тоже будут, я сказала:

— Отлично.

— Отлично? — подозрительно переспросила Кьяна. — Ты уверена?

Что-то в ее голосе мне подсказывало, что она не верила в то, что все будет отлично.

— Точно, — подтвердила я. — Прошное осталось в прошлом, все в порядке. Я через это перешагнула и иду дальше.

— Да... ну, хорошо, — спустя долгую паузу произнесла Кьяна. — Тогда я побежала на занятия, у нас как раз перемена заканчивается.

Она не отключалась, видимо, ждала чего-то еще, но я просто пожелала ей интересных лекций и попрощалась:

— До встречи вечером.

После чего взяла свою пятую точку в руки и поехала в галерею бутиков. Благо, их на Четвертом было море. В прямом и переносном смысле — квартал назывался «Морской стиль», и здесь были собраны десятки магазинов именитых дизайнеров, которые предлагали преобразиться в мгновение ока.

Спустя двадцать одну примерку (я точно запомнила их число, хотя половина платьев стерлась у меня из памяти, как нечто несущественное), я уже еле держалась на ногах.

— Это платье вам очень идет, — улыбнулась девушка-консультант. — Плюс у него очень выигрышный оттенок, темно-синий. Не черный, в черном было мрачновато, а вот темно-синий к цвету ваших волос просто потрясающе. И эти туфли.

Туфли, определенно, были шедевром: серебро с отливами темно-синего, напоминающее ночное море — когда пена под холодным светом луны смешивается с почти черной водой, с открытыми носами и ремешками, оплетающими ногу, как металлические водоросли. Их так называли за их цвет — холодный, напоминающий декоративный отлив произведения искусства, которое должно было украсить гостиную какого-нибудь вьерха, но случайно оказалось в воде.

— Хорошо. Я возьму их.

— Вам еще понадобится клатч, — мигом оживилась помощница консультанта. — И украшения.

Я прикинула стоимость и подумала, что это слишком круто даже для временной карточки Дженны.

— Клатч у меня уже есть, — сказала я, хотя помимо нового рюкзака ничего нового у меня не было. — И украшения.

Консультант слегка приуныла, но настаивать не стала. В итоге я с пакетами и хорошенько поредевшим счетом вышла на улицу с мыслями: «Что это было», — чтобы спустя пару минут наткнуться взглядом на вывеску «Ваш образ с Куирой Д'альто».

— Ты не сказала мне, что нужно надеть фрак.

Это было первым после минуты молчания, что выдал Вартас, когда я открыла ему дверь.

— У тебя есть фрак? — спросила я.

— Нет, но похоже, он мне нужен. Чтобы тебя сопровождать. — Вартас все-таки прошел в квартиру, а из кухни выглянула Митри:

— И Вальгсховен не забудь.

— Точно.

Вальгсховен — производитель эйрлатов на заказ, их во всем мире насчитывалась едва ли сотня. Стоила каждая машинка примерно как весь весь квартал, где я ходила по магазинам, если не больше. В своей другой жизни я бы вряд ли узнала, что это такое, но сейчас, на

Четвертом, где элитной рекламы было больше, чем тех, кто мог все это купить, я несколько расширила свой кругозор.

— Я пойду переоденусь, — сказала я, чувствуя себя крайне глупо.

— Стой! — Вартас перехватил меня за руку.

Сестра хихикнула и снова скрылась на кухне, а я покачала головой:

— Это правда глупо. У нас дружеская встреча, а не визит к Диггхарду К'ярду.

— Ничего глупого в том, чтобы быть красивой, я не вижу. — Вартас развернул меня к зеркальной стене в полный рост и сам встал за моей спиной.

Даже сейчас, на такой шпильке, я была ниже, но смотрелись мы и правда красиво. Несмотря на то, что он пришел в джинсах, рубашке и куртке, видно было, что он тоже собирался. Во-первых, непривычно зачесанные волосы, во-вторых, сама рубашка тоже была очень стильная и явно не из дешевых. Ну и ботинки. Не кроссовки, а именно ботинки.

Что касается меня, после укладки в салоне Куиры Д'Альто и макияжа, я... несколько преобразилась. Стилист предложил сделать акцент на моих глазах, но в процессе решение поменял («Глаза у вас и так большие, давайте лучше подчеркнем ваши губы»). Платье облегло фигуру, чуть приподнимая грудь, ткань переливалась при каждом движении, как вода под лунным светом.

Я не привыкла видеть себя такой, но это правда было красиво.

Равно как и чуть поднятые вверх волосы, волнами стекающие на спину.

— Пойдем?

Он оглянулся.

— Где твое пальто?

— Пальто нет. Есть куртка.

Вартас покачал головой.

— Куртка... и в этом вся Вирна Мэйс.

Он накинул куртку мне на плечи, и я обернулась.

— Митри! Не забудь вовремя уложить Тай.

— Иди уже, — донеслось с кухни.

Мы вместе вышли на улицу, быстренько добежали до эйрлата, и Вартас сразу же включил обогрев.

— Не замерзла? — спросил, глядя в мое лицо.

— Не успела.

— Хорошо. Это тебе, — перегнувшись через спинку сиденья, он протянул мне букет.

Букет.

Цветов!

Бутоны цвета моих волос едва распустились, на тонких лепестках поблескивали капельки.

— Я...

— Мне показалось, этот цвет твой, — произнес Вартас, касаясь ключом разблокировки управления, — надеюсь, хозяйка вечера любит белый.

Я оглянулась: на заднем сиденье лежал еще один букет, чуть поменьше, после чего у меня кончились слова. Вообще-то предполагалось, что я буду веселой и весь вечер буду активно общаться, потому что у меня новая жизнь и все такое, но сейчас, временно, слова кончились. Начались они ближе к повороту, за которым уже был виден дом Кьяны и Хара.

— Ты удивительный, — сказала я.

— Да, удивлять я умею, — Вартас улыбнулся. — Но не так, как ты. А знаешь, что самое будоражащее? Что ты оделась так для меня.

В этот момент я поняла две очень важные вещи: первое — что когда примеряла платье, ни разу не задумалась, что об этом скажет он. И второе — когда я приглашала его вчера, он меня спрашивал, будет ли на вечеринке К'ярд, и я сказала, что нет. А после звонка Кьяны просто забыла ему об этом написать.

Справедливости ради, о К'ярде я тоже не думала, когда выбирала платье. Я просто хотела быть красивой: у меня ни разу в жизни не было такого шанса — быть настолько красивой, выбирать такие вещи. Возможно, именно поэтому на эти пять с половиной часов в магазинах я просто забыла обо всем. Забыла о том, в каком мире живу, о том, чьи это деньги, и о том, что вообще происходит вокруг.

Я просто была.

И может, в магазин я ехала, чтобы быть круче Леры, но потом...

Потом мне просто понравилось. Быть легкой и беззаботной, вертеться на подиумах, выбирать себе платье и туфли, и не думать ни о чем, кроме предстоящей дружеской вечеринки.

— Вирна? — Вартас как раз заводил эйрлат на парковку рядом домом.

Приложил карточку к терминалу оплаты, и направил машину в сторону свободного места, к которому нас вели указатели. Мягко посадил.

— Я забыла тебе кое о чем сказать. Кьяна позвонила мне сегодня в обед. Сказала, что К'ярд тоже будет.

Улыбка сбежала с лица Вартаса.

— Это платье появилось до или после того, как ты об этом узнала?

Я посмотрела на лежащий на коленях букет.

— После.

— Понятно.

— Это не ради него.

— Ну разумеется нет.

Я заставила себя оторваться от букета и посмотреть на него, только теперь на меня не смотрел он.

— Вартас, слушай... послушай меня, пожалуйста.

Хорошо хоть сейчас посмотрел.

— Я действительно хочу начать все сначала. С тобой. Сейчас никто не знает обо мне столько, сколько ты. Про мою силу... про Дженну. Про Лэйс. Никто не знает, что сейчас происходит в моей жизни. Только ты. Может, нас с К'ярдом что-то и связывало раньше, но сейчас — нет. Мы просто работаем вместе.

— Вы просто — что?

Вартас спрашивает это ну слишком выразительно.

— Поэтому ты приехала ко мне тем утром, да?!

— Я приехала к тебе! — Я не выдерживаю и голос срывается на крик.

— Знаешь что, Мэйс? — Он дотягивается до второго букета, упаковка хрустит под пальцами так, что мне кажется, он сейчас просто сломает им стебли. Эта короткая пауза дает мне преимущество.

— Нет, — говорю я. — Не знаю. А вот ты знаешь многое. К'ярд — нет. Я ничего ему не рассказывала — ни о том, что со мной

происходит, ни о том, что скоро у меня интервью. Ни о том, как мне страшно.

Вартас выходит из эйрлата, оглушительно хлопая дверью. Кажется, сейчас уже он может оставить вмятину на этой машине. Я вдавливаю палец в панель, не дожидаясь его появления, поднимаюсь и выхожу прямо ему навстречу.

— Может, его ты и можешь обмануть, Мэйс, — говорит он прежде, чем я успеваю открыть рот. — Может, ты даже можешь обмануть себя. Но меня вряд ли. Я слишком долго был идиотом рядом с твоей сестрой.

Он сует мне в руки второй букет.

— Передай Кьяне.

Разворачивается и уходит. То, что урчит двигатель эйрлата, до меня доходит не сразу, возможно, именно в тот момент, когда машина отрывается от земли и медленно плывет по парковке в сторону улицы. А я стою одна с двумя букетами и смотрю, как мигают стоп-фары перед тем, как эйрлат резко вылетает на улицу и вливается в поток движения. Заодно понимаю, что у меня с собой ни тапета, ни карточек, ни документов.

Ну, к такому мне не привыкать, не так ли?

Я разворачиваюсь и иду через парковку (с двумя букетами, да). Иду, и во мне просыпается такая ярость, какой не было уже давно.

Да пошел он... со своими обидками. К едху.

Я приехала сюда к Кьяне и Хару, и плевать мне, у кого там какие комплексы, и кто с кем придет. Набираю номер квартиры на панели, чуть отступаю в сторону.

— Вирна! — слышу голос Кьяны в динамике. — Поднимайтесь скорее.

Угу. Уже поднимаемся.

В лифте подумываю, не сунуть ли свой букет в урну в холле, но мне становится жалко цветы. Цветы-то тут ни при чем.

Поэтому когда мне открывают дверь, я по-прежнему стою с двумя букетами.

Кьяна и Хар на мгновение замирают, и, кажется, лишаются дара речи.

— Вартас не смог прийти, у него что-то срочное в мастерской, — говорю я, — но он меня подвез и попросил передать это тебе.

— О... — Кьяна берет букет, потом широко улыбается. — Вирна! Проходи, пожалуйста.

Она меня обнимает (вместе с букетами, с моим и своим), и хруст упаковки второй раз заставляет меня сомневаться в сохранности цветов.

— Ты просто сногсшибательно выглядишь, — произносит она, когда отстраняется.

— Подтверждаю, — говорит Хар, тоже легко обнимает меня, а потом помогает мне снять куртку.

Я хочу поблагодарить, но не успеваю, потому что в холле появляется К'ярд, на котором висит Лира. Висит буквально, мне даже хочется поинтересоваться, не заработает ли он таким образом сколиоз, но я напоминаю себе, что я пришла к Кьяне и Хару, и что до К'ярда с Лирой мне нет никакого дела. Что бы там себе не напридумывал Вартас, для меня все это в прошлом.

Ну или не очень в прошлом: сейчас мне хочется одеться в привычный растянутый свитер, джинсы, а сверху еще завернуться в плед. Потому что под взглядом К'ярда я чуть ли не начинаю дымиться.

— Привет, — говорю я, снова напоминая себе, что я пришла развлекаться и отдыхать.

А это значит, никто и ничто мне не испортит этот вечер.

К'ярд почему-то молчит, а Лира цепляется за него еще сильнее (хотя куда уж сильнее) и выдает:

— Ну привет. Надеюсь, сегодня ты не будешь драться?

Раньше я бы ей много чего сказала, но сейчас просто ответила:

— Не буду, — и закрыла для себя эту тему.

Зато Кьяна посмотрела на Лиру так, как будто не против сама была ей врезать. И, хотя я не могла представить дерущуюся Кьяну, как ни старалась, на сердце сразу стало теплее.

— Я лучше поставлю цветы в воду, — сказала Кьяна. — Вирна, проходи пожалуйста. Хар.

Голос у нее был очень ровный и спокойный, но под ним точно что-то скрывалось. Это «что-то» я могла бы принять за ревность к К'ярду (если бы не видела, как она смотрит на Хара).

— Да, пойдёте в гостиную, — произнес Хар и легко коснулся моего локтя.

К счастью, у платья были длинные рукава, но надо себе напомнить быть осторожнее. Если я ещё смогу сбегать к морю, куда бежать Кьяне и Хару? В жерло вулкана?

Я прошла мимо висячей Лиры и К'ярда, не глядя в их сторону. Скажем так, для новой жизни этот момент был не очень, но уже что-то. Если я хочу видеться с Кьяной и Харом, мне надо привыкать к этой парочке, а заодно и к тому, что она постоянно будет на нем висеть. У некоторых девушек призвание такое — висеть на парнях.

Так, все.

В гостиной играла музыка, и я остановилась, не представляя, куда себя деть. К счастью, здесь был Хар.

— Устраивайся, — он подтолкнул меня к креслу, и я вспомнила это кресло.

Я вспомнила, как сидела в нем после того, как мы привезли сюда Лайтнера. Когда он потерял сознание на парковке. Хар положил его на тот самый диван, на котором он сейчас устроился с Лирой, а я тогда сидела рядом и ещё могла его нормально касаться.

По-моему, мне надо выпить.

Эта мысль пришла как-то очень спонтанно, как раз в тот момент, когда из кухни донесся голос Кьяны:

— Хар! Помоги мне, пожалуйста.

Хидрец.

Я не хотела тут оставаться одна. То есть одна с ними, но похоже, придется.

— Я помогу, — это вырвалось раньше, чем я успела себя остановить.

Плывать я хочу на то, что это похоже на бегство, но всяко лучше, чем смотреть на их обнимашки.

— Вирна, все хорошо? — еле слышно спросила Кьяна, когда мы оказались втроем на кухне.

— Да. Я просто рассчитывала провести этот вечер в вашей компании и со своим парнем, и немного расстроилась, что он занят.

— Дело только в этом? Я имею в виду... — она кивнула в сторону гостиной и поставила тарелку с нарезками на эйрстолик.

— Только в этом.

— Хорошо. Потому что если она еще будет выступать, я ее придушу.

— Кьяна с Лирой не очень подружились, — это Хар шепнул мне на ухо, выставяя бутылки с алкоголем на нижнюю полку эйрстолика.

Да, это я поняла сразу. Чтобы Кьяна на кого-то так наезжала, Кьяна, которая вообще кладезь рассудительности и спокойствия... да еще и при том, что этот... эта кто-то сидит в ее гостиной.

— Я все слышу, — она махнула в нашу сторону полотенцем.

— Что мне сделать? — спросила я.

— В общем-то, мы уже все сделали. Осталось только все красиво поставить и перевезти в гостиную.

— Да, изначально мы хотели собраться на кухне, но потом передумали. Здесь тесновато, вид на дверь...

— С намеком для некоторых, — фыркнула Кьяна, но потом снова стала серьезной. — Простите. Сама не знаю, что на меня нашло.

Я не выдержала и улыбнулась.

Мы вместе составляли тарелки, бокалы, шутили и смеялись, резали аргору (единственное, что не порезала Кьяна, чтобы сок не стек), и мне стало удивительно тепло и хорошо. Я даже снова поверила в то, что смогу начать новую жизнь и не обращать внимания на всех К'ярдолиров, правда, верила я в это аккуратно до того момента, пока снова не оказалась в гостиной.

Потому что они совершенно точно без нас не скучали, и весьма увлеченно целовались на *том самом диване*.

Едхов диван.

— Кхм, — кашлянула Кьяна. — Мы вам не мешаем?

— Нет.

Разумеется, это озвучил К'ярд, а мне захотелось повторить трюк с подносом из «Бабочки». К счастью, у меня сегодня выходной, мы не в ложе, и эйрстолик не так-то легко перевернуть.

Я растянула губы в улыбке и устроилась в кресле, закинув ногу на ногу.

— Где твой очаровательный цветочкодаритель? — поинтересовался К'ярд, глядя на меня.

— На работе, — сообщила я. — И да, некоторые умеют ухаживать.

— Это вы о чем? — Ли́ра потеснее прижалась к нему.

— О цветах. Он, — я ткнула в К'ярда трубочкой для коктейлей, которую вытащила из пакетика, — их не дарит.

— Может, просто кто-то их не заслуживает, — поинтересовался К'ярд, глядя мне в глаза.

— Не знала, что цветы можно заслужить. Сообщишь, как?

— Так же, как и...

— Лично я хочу есть! — выразительно произнес Хар. Настолько выразительно, что перекрыл музыку, которая звучала достаточно громко. — И если вы намерены выяснять что-то там про цветы, предлагаю это временно отложить.

— Да нет, мы все выяснили. Мэйс прекрасно меня поняла. — К'ярд притянул Ли́ру к себе и поцеловал в губы.

Кьяна глубоко вздохнула и устроилась в соседнем кресле.

— Сегодня бармен я, — сообщил Хар, отвинчивая пробку у какой-то бутылки. — Поэтому всем, кто продолжит выпендриваться, подмешаю слабительное.

— Мне не подмешаешь, — сообщил К'ярд. — Мне на работу, поэтому я буду пить только воду.

Чтоб ты подавился.

Никогда не умела быть доброй, а сейчас, глядя как Ли́ра положила ладонь ему на бедро, а он ей — на пятую точку, мысленно вдогонку пожелала еще и несварения. Им двоим.

— Вирна, тебе какой коктейль? — спросил Хар.

— Я не разбираюсь, поэтому любой на твой вкус.

— Начни с «Оранжевого заката», — улыбнулась Кьяна. — Он в меру сладкий и не очень крепкий.

А можно мне что покрепче?

Вслух я, разумеется, ничего такого не сказала, просто кивнула.

«Оранжевый закат» действительно оказался очень вкусным, и я выпила половину раньше, чем успела это понять. Не только я, кстати: Хар тоже ополовинил свой, и неудивительно. Наша «дружеская вечеринка» слегка провисала в моментах общения. Достаточно сложно общаться с теми, кто все время целуется, а еще с теми, кто совершенно не представляет, что со всем этим делать.

Хар и Кьяна явно не представляли, и я им точно не завидовала.

— Когда вернешься в Кэйпдор? — поинтересовался Хар. — Адмирал тебе сегодня поставил прогул. Ты в курсе, что это значит?

— Разберемся, — отмахнулся К'ярд. — Я сюда вообще не об учебе пришел говорить.

Да, ты сюда пришел целоваться.

— Вирна, как дела у сестер? — это была следующая попытка, на сей раз уже от Кьяны.

— Вообще отлично.

В этот момент Лира сунула К'ярду в рот кусочек аргоры и примкнула губами к его губам, а я чуть не выплюнула коктейль обратно в бокал. К счастью, не выплюнула и залпом допила остатки.

Кьяна посмотрела на Хара с самым несчастным видом.

— Не скучаешь по Кэйпдору? — спросил он меня.

Не скучаю ли я? Разумеется, я скучаю. Даже по своей идиотской казенной форме, которую выдавали под отчет. По своему желанию стать лиабиологом. И по тому, как мы вместе с Кьяной готовили курсовую по лиархам и вьерхам. По легендам, которые оказались вовсе не легендами, но я ничего этого не могу сказать, потому что я вроде как ушла сама.

— Немного.

— Я тоже, — искренне произнесла Кьяна. — Даже, пожалуй, много. Помнишь, как мы вместе копались в архивах?

Такое забудешь. После этих архивов меня забирал Лайтнер, и мы вместе сидели в кафе.

Я обещала себе не думать об этом, но не думать оказалось сложнее. Потому что Лайтнер сидел прямо передо мной, и потому что Лира от него просто не отлипала.

— Да, это было круто.

Хар посмотрел на пустые бокалы:

— Кому еще какой коктейль?

— Мне «Полночное солнце», — отозвалась Лира.

— Мне ничего, — Кьяна подняла руки вверх.

— Мне то, что было у Кьяны в прошлый раз.

То, что было у Кьяны в прошлый раз, оказалось не менее вкусным, чем «Оранжевый закат». Разве что не таким цветным.

— Пятьдесят лет выдержки, — с гордостью сообщил Хар, демонстрируя бутылку.

— Ого! Дай посмотреть! — Лира потянулась за бутылкой и чуть не легла на К'ярда. Я втянула в себя коктейль и поняла, что после каждого такого «втянула» видеть это становится все проще. А еще становится совершенно без разницы, что он касается губами ее губ или отводит волосы с ее лица.

— А Лайтнер вчера и сегодня учил меня плавать. — Лира приподняла брови, играя трубочкой в коктейле. — Я так боялась воды... а теперь вообще не боюсь.

— Очень интересно, — произнесла Кьяна тем тоном, после которого обычно зевают.

— Да, он уже говорил вам про съемки? Подозреваю, что нет, — кажется, Лиру совершенно это не смутило. Кажется, ее вообще ничего не смущало, потому что она согнула ногу в колене и закинула ее на бедро Лайтнеру. — Потому что это секретная информация, но самым близким друзьям можно, правда, Лайт?

— Если бы здесь были только друзья, то можно.

Лира посмотрела на меня. Потом на него.

— О. Прости.

— Вирна, хочешь потанцевать? — Хар протянул мне руку.

И я почти коснулась ее. Почти.

Но вспомнила, что бывает, когда это случается.

— Нет. Я лучше посижу. Сделаешь мне еще коктейль?

— Да, разумеется.

«Еще коктейль» пошел хорошо и быстро. Особенно под танцы, которыми Хар и Кьяна попытались разрядить обстановку. Точнее, как только они пошли танцевать, Лира тут же поднялась следом.

— Лайт? Пойдем потанцуем?

— Лайт, — я высунула язык, когда они ушли в центр комнаты, и он положил руки ей на талию, а она — ему на плечи. — Пойдем потанцуем!

Поскольку бокал снова оказался пуст, я дотянулась до столика и плеснула туда прямо из бутылки с пятнадцатилетней выдержкой. Или сколькилетней она там была?

Не представляю. Но обжигающей — это точно! От первого же глотка в горле вспыхнул огонь, а потом этот огонь растекся по желудку

и сердцу, заплясал перед глазами искорками. Вместе с искорками перед глазами заплясала и комната, я даже подумала, не пойти ли потанцевать вместе с остальными.

Медленная музыка как раз закончилась, и я поднялась. На каблуках меня здорово пошатнуло, но я удержалась. И шагнула в центр комнаты как раз в тот момент, когда Кьяна и Хар развернулись ко мне, видимо, собираясь вернуться в кресла.

А вот едхушки!

Они танцевали? Танцевали! И я буду!

— Вирна. Эй. Вирна! Вирна, пойдем со мной. — Кьяна перехватывает меня и быстро уводит на кухню.

Настолько быстро, что я не успеваю ничего сообразить, но мне сейчас в принципе плохо соображается. Падаю на барный стул, с которого видна та самая дверь — с намеком для некоторых, да. В данном случае некоторая — это я. Чем я вообще думала, когда сюда шла?

Сейчас эта мысль вызывает только смех.

Я хихикаю, но под взглядом Кьяны мгновенно становлюсь серьезной. Или, точнее, пытаюсь ей стать.

— Слушай, — говорит она, понизив голос, — я знала, что это плохая идея.

Ого! Значит, мы обе это знали.

— Лайтнер пришел вчера очень неожиданно, мы тащили сумки с продуктами, и мы просто не могли его не пригласить, понимаешь? У него сейчас не самые легкие времена. Он серьезно поссорился с отцом, и... ты сама слышала, он не посещает даже занятия Адмирала, а это просто...

Я пытаюсь ухватиться за какую-то очень, очень важную мысль. А, вот она.

— Говоришь, он поссорился с отцом?

— А почему, как ты думаешь, ему понадобились квартира и работа? — Кьяна вздыхает, обхватывает себя руками. — Ладно, это совершенно точно не тема для разговора, я просто хотела, чтобы ты поняла, что все это... я не знаю, как это разрулить.

Она произносит эти слова и выглядит по-настоящему растерянной. Действительно, глубоко растерянной, и я вдруг чувствую что-то странное, чего никогда раньше не чувствовала по отношению к

кому бы то ни было, не считая моей семьи. Хотя сдается мне, даже то, что я чувствовала к ним, было не настолько глубоким.

— А я знаю, — говорю я и показываю на дверь. — Мне нужно уйти.

— Нет, Вирна. Нет, — она решительно качает головой и тянется ко мне.

За миг до того, как ее рука коснется моей, я отдергиваю ладонь, и поднимаю ее:

— Не-а. Ты же помнишь, что от этого бывает, правда?

— Что это? — она смотрит мне в глаза. — Вирна, что это?

— Это... ну скажем так, моя особенность, — мне снова хочется хихикать, но где-то там на краю ускользающего под алкоголем сознания я понимаю, что хихикать сейчас не надо.

— Откуда она? Раньше такого не было.

— Раньше я не падала в океан, — говорю я и поднимаюсь.

— Этого не было и потом. — Кьяна все-таки перехватывает меня за руку, поверх платья, и вовремя: меня ведет, я начинаю заваливаться прямо на барную стойку. Приходится изящно опереться о нее локтем и сделать вид, что так было задумано.

— Вирна, скажи мне, что это.

— Не могу, — прикладываю палец к губам. — Это страшный секрет.

— Если он страшный, им точно надо с кем-то поделиться. С тем, кому доверяешь.

Я тебе доверяю, хочу сказать я, но в этот момент на кухне появляется К'ярд.

— Она не умеет делиться, — заявляет сходу. — Умеет только брать и ничего не давать взамен.

— Лайтнер, — это звучит более чем резко, Кьяна поворачивается к нему.

— Уже уйду! — Он поднимает руки вверх. — Там просто вода закончилась. А я ничего другого не пью.

«В отличие от некоторых», явственно читается в его взгляде, когда он смотрит на меня, потом берет графин, наливает в него воды из фильтрующего крана, и тут же выходит.

— Подожди здесь. Пару минут. Пожалуйста, — Кьяна заглядывает мне в лицо, а после вылетает за ним.

Я знаю, что не надо этого делать, но тихо, по стеночке, крадусь в сторону гостиной и замираю, прислушиваясь.

— ... творишь?! — доносится до меня возмущенный шепот Кьяны. — Тебе больше заняться нечем? Ты в курсе, что ей пришлось бросить все, в том числе Кэйпдор, и ей совершенно точно не легче, чем тебе?

— Пришлось? Бросить?! — его я не вижу, но слышу голос. Фантазия дорисовывает рядом Лиру и их обнимашки.

— Да, представь себе. В ее жизни тоже было все по-другому.

— Было, пока она хотела учиться.

— Лайт, — предупреждающе произносит Хар.

— Что? Вирна вся такая... противоречивая. Сегодня она хочет, а завтра не хочет. Сегодня хочет одного, завтра другого. Скажете, я не прав? Куча народу хотели бы оказаться на ее месте. Выиграть в Калейдоскоп. А она просто забрала документы.

— Лайтнер, а давай ты заткнешься? — говорит Кьяна.

— А давай ты не будешь меня затыкать и просто признаешь, что мы здесь совершенно не в тему? Носитесь со своей Мэйс, сколько вам угодно, пока она вас не кинет. Как делает это со всеми.

Дальше начинается такой шум, что разобрать в нем что-то вообще сложно, но я больше и не хочу. Я просто просачиваюсь к двери, незаметно, выхожу из квартиры, вызываю лифт, и только на улице понимаю, что у меня нет документов, карт, тапета, а еще и куртки. Без куртки, пожалуй, хуже всего — потому что ветер колючий, сдувает с ног.

Интересно, чисто теоретически, я смогу дойти до дома пешком?

Так-то мой дом тоже на Четвертом, надо просто понять, в какую сторону идти. Ну и в какую?

Где-то здесь должен был быть путеводитель, с Четвертого и по Первый они стоят на всех кругах, что совершенно нелогично. Потому что у всех, кто на них обитает, есть навигаторы, но как уж есть. Кажется, один из них я видела за поворотом, когда мы с Вартасом летели во-он оттуда. Или оттуда?

Оборачиваюсь, но в темноте все улицы незнакомого района одинаковы: высотки, огни, неон, ленты магистралей, эйраты. Я

вздыхаю и топаю в сторону, в которую посмотрела первой. Широкий проспект, над которым мельтешат машины (правда, уже не в таком количестве, как было, когда мы летели), шумит, а я делаю все, чтобы идти ровно. Мне нужно идти ровно, чтобы никто точно не подумал, что я пьяная. Особенно какой-нибудь патруль политари.

Это не так-то просто, учитывая, что все перед глазами сливается в какую-то сумасшедшую карусель, заставляя вспомнить парк с аттракционами. Тогда я увидела Кьяну с Лайтнером, и... кто бы вообще мог подумать, что Кьяна окажется такой хорошей?

Мысль обрывается, когда рядом резко снижается эйрлат.

Опускается стекло, и небритый мужчина интересуется:

— Сколько?

От такого заявления я замираю на месте, уже открываю рот, но меня перебивают:

— Нисколько. Она сегодня не работает.

— Тогда какого...

— Вали отсюда. Или тебе нужны неприятности?

Мужчина ругается так, что я, по идее, должна стать цвета своих волос, поднимает стекло. Эйрлат срывается с места, а я разворачиваюсь и оказываюсь лицом к лицу с К'ярдом. Судя по всему, очень злым, потому что взгляд слегка подсвечен огнем вверху, и слегка в данном случае — преуменьшение. Но он точно не злее, чем я.

— Давай-ка разберемся. Ты только что назвал меня шлюхой?

— Это было проще, чем возить его мордой по асфальту.

К головокружению и злости добавляется еще тошнота. Кажется, все, что я съела, меня сейчас покинет.

— Тебе и не нужно, — сообщаю я. — Ты еще не облизал Лиру с ног до головы. Так что давай, возвращайся, занимайся делом. А меня тошнит.

— Я в курсе, что тебя от меня тошнит, — заявляет он. — Можешь не повторяться.

— Меня в принципе тошнит, идиот, — говорю я.

И, прежде чем он успевает ответить, сгибаюсь пополам.

Глава 14. Пьяные разговоры

Лайтнер К'ярд

Хидрец.

Полный.

Это все, что пришло мне в голову, когда я опустил глаза вниз. Хотя нет, следующей мыслью было, что, кажется, теперь придется отдать ботинки в чистку, а джинсы — стирать, потому что кто-то совершенно не умеет пить.

Не этого я ждал, когда отправился за Мэйс. Я вообще не знаю, чего ждал от этого вечера. Точно не того, что она придет без Вартаса. Что будет такой красивой. И что напьется до такого состояния, чтобы сбежать без куртки.

Хотя с побегом у Вирны никогда не было проблем!

Словами не передать как я разозлился, когда Кьяна мне все высказала. У Мэйс, видите ли, сложный период! А у кого он легкий? Моя жизнь теперь вся состоит из сложностей. Причем только я думаю, что все наладилось, что у меня появилась девушка, которая мне нравится, квартира и работа, которые мне подходят, как случается Вирна Мэйс. Которая сейчас совершенно не выглядит девушкой, у которой все сложно.

И которая в данный момент трясется от... смеха?!

— Что смешного? — интересуюсь я, потому что мне совсем не весело.

— Просто после такого ты точно должен перестать со мной общаться, — сообщает она сквозь смех. — Навсегда.

— Я и так не жажду с тобой общаться.

— Да ну? Ты меня преследуешь. Квартира, «Бабочка», вечеринка у Кьяны.

— Эй, это мои друзья!

— Так дело в этом? — спрашивает она тихо, и на этот раз так четко проговаривает слова, будто и не пьяна вовсе. — В том, что я отобрала твоих друзей? После того, как вы, К'ярды, отобрали мою жизнь? Мою учебу. Мою мечту.

— Я ничего у тебя не забирал.

— Ну конечно.

Ее снова трясет, но кажется, уже не от смеха, а от холода. Игнорируя осенний ветер, я стягиваю куртку и набрасываю ее на плечи Вирны, которую она тут же пытается мне вернуть, но с координацией у нее сейчас не очень. Я просто запахиваю куртку на ней и притягиваю к себе, не позволяя пошевелиться.

— Оставь. Куртку, — приказываю я.

Она запрокидывает голову и смотрит на меня. А я на нее. И оторвать взгляд не получается несмотря ни на что. Несмотря на то, что Мэйс только стошнило, несмотря на мою злость, несмотря на наши сложные недоотношения.

— Не трогай меня.

Я отпускаю ее так же резко. Просто невыносимо вот так стоять. Это как воспоминание из прошлой жизни. Приятное и одновременно опасное.

— Идем, — говорю я, кивая в сторону дома Хара. Но Мэйс не двигается с места.

— Нет.

— Тогда я отвезу тебя домой.

— У тебя там Лира, не забыл?

Не забыл. Потому что Лира тоже ушла. Пошла за мной, когда я вылетел из квартиры Хара, догнала меня возле лифта. И, в отличие от Мэйс, Лира не забыла взять куртку.

— Лайт, ты же не собираешься идти за ней?

— Она пьяна.

— И кто в этом виноват? — Лира выразительно приподнимает брови.

— Это не отменяет того, что ей может понадобиться помощь.

— А ты ее личный спасатель?

Лифт открывается, но я не спешу в него заходить. Действительно, кто я? Точно не спасатель, тем более не спасатель Мэйс. Но меня царапает чувством вины, что именно я это допустил. То, что она убежала прочь. Хотя «убежала» для этого случая слишком большое преувеличение: она даже на ногах с трудом держалась!

— Каждый парень поступил бы так на моем месте.

— Так пусть Хар ее догоняет.

— Хар тут ни при чем. Это я испортил вечеринку. — Пора было это признать.

— Тем, что привел свою девушку? То есть меня. Хотя они бы предпочли увидеть тебя с Вирной.

— Это не так.

Лира зло усмехается.

— Лайтнер, не будь наивным. Она пришла одна и вся такая прилизанная. И туфли она не на распродаже купила. Поверь мне, я в этом разбираюсь. А еще я знаю, когда девчонка старается, чтобы понравиться парню. Я вот сегодня старалась!

— И ты классно выглядишь.

Лира подается вперед и обнимает меня.

— Так наплюй на это все и поехали ко мне.

Соблазн велик. Очень. Мне самому хочется на все наплевать.

Но не получается.

— Давай ты подождешь десять минут у Хара, и после мы поедем к тебе, — прошу я.

Лира резко отстраняется и ударяет по кнопке закрывшегося лифта.

— Нет, Лайт. Или ты уходишь со мной, или идешь за ней.

— Это ультиматум? — я хмурюсь, потому что мне к едхам не нравится постановка такого вопроса.

По ее лицу сложно что-либо понять, но этому лифту явно не везет: Лира входит в кабину лифта и ударяет по кнопке теперь уже изнутри:

— Просто предлагаю тебе сделать выбор. Потому что я не хочу быть запасной девушкой для вызова ревности Вирны. Кстати, ты вообще уверен в том, что она пьяна. Может, она хорошая актриса?

Пожалуй, самая лучшая. Но точно пьяная и по-прежнему мешающая мне строить личную жизнь.

— Она уехала, — говорю я Мэйс. — Из-за того, что я пошел за тобой.

— Конечно! И с отцом ты из-за меня поссорился.

— Вообще-то, да!

— Так что ты здесь делаешь? Рядом со мной, — усмехается она.

Не знаю.

Я должен быть с Лирой или наслаждаться обществом друзей, а не весь вечер разгадывать, почему Мэйс пришла одна, и почему она такая красивая. Едх, она даже сейчас красивая в свете неона, который отбрасывает на ее бледную кожу яркие всполохи!

Как же это злит! То, что она красивая, и то, что я в очередной раз на это веду.

— Спасая тебя, — говорю я. — В очередной раз. Иначе Кьяна оторвет мне голову.

Думаю, она оторвет мне не только голову, если узнает, что я снова «сделал больно» ее дорогой Вирне. Но если серьезно, то из-за Мэйс я действительно рискую потерять друзей. Почему она вообще все время попадает в такие ситуации? И почему каждый раз я оказываюсь рядом?

Мэйс долго смотрит на меня, будто размышляет: верить мне или нет. А потом все-таки кивает:

— Не боишься, что меня стошнит в твоём новом эйрлате?

— У меня есть пакет.

— Ладно, вези меня домой, — разрешает она и направляется к проспекту.

— Эй, — я перехватываю ее за талию и разворачиваю в нужном направлении, — мой эйрлат в другой стороне.

— Без рук, — отрезает она.

Я приподнимаю бровь:

— Ты с трудом стоишь, как собираешься идти?

— Молча.

Стоит мне ее отпустить, Мэйс шатающейся, но целеустремленной походкой направляется к парковке.

Я мысленно поминаю едху и уже без колебаний иду к эйрлату. Молча так молча. Открываю перед ней дверь, и наблюдаю за тем, как Мэйс буквально вползает на пассажирское сиденье. Ее платье задирается, обнажая бедра чуть больше положенного до светлой полоски нижнего белья. Я уже видел Вирну и в шортах, и даже без ничего, но почему-то именно это картина врезается в сознание, заставляя кровь быстрее бежать по венам.

Едх, за что мне это?!

Я отвожу взгляд и захлопываю дверцу эйрлата, но перед глазами все равно стоит эта картинка. Поэтому я быстро обхожу машину,

занимаю свое место и завожу мотор. Эйрлат мигом прогревается, и в салоне становится жарко, как летом. Хотя куда жарче?

Я вывожу машину с парковки, вливаясь в поток эйрлатов, и краем глаза слежу за Мэйс. Она откинулась на сиденье, прикрыла глаза. Бледная, с прикушенной губой. Надо бы действительно достать пакет. До дома всего полчаса, но может случиться все что угодно.

Например, я могу узнать секрет Мэйс, пока она пьяна.

Мысль настолько неожиданна, что я зеваю на светофоре, о чем мне напоминает какой-то едх позади, всюю сигнала.

— Кстати, почему спасаю тебя я, а не твой «любовник»?

— Любовник?

— Да, такой долговязый, белобрысый, дает тебе деньги на роскошную жизнь, зовут Вартасом.

— Потому что он обиделся. Из-за тебя.

— Из-за меня?

— Ага. Как видишь, мы квиты, — хихикает Вирна и зажимает рот руками.

— Дыши, — приказываю я. — Просто глубоко дыши.

Удивительно, но на этот раз она меня слушается и с шумом втягивает воздух.

— Молодец, — говорю я. — Так почему обиделся Вартас? Ему я не успел насолить.

Хотя очень хотелось.

— Решил, что я ради тебя так оделась.

— А ты сделала это ради меня?

Этот ответ для меня важен, как ни один другой. Возможно, Лира права, и Мэйс вовсе не хочет меня оттолкнуть. А чего хочет, непонятно.

— Пакет! — командует она, и я быстро нахожу в кармане дверцы запечатанный пакет. Такие штуки идут в комплекте с новой машиной. Очевидно, именно для подобных случаев.

Готов поклясться, Мэйс сделала это нарочно! Потому что она справляется с тошнотой ровно до той минуты, когда я останавливаюсь на подземной парковке нашей многоэтажки.

— Спасибо, — говорит она заплетающимся языком и дергает дверь так, что мой эйрлат рискует остаться без нее. — Дальше я сама.

И выпадает из машины.

— Хидрец!

Я оказываюсь с ее стороны эйрлата в секунду. Она же могла удариться своей дурной головой об асфальт! Или сломать себе что-то.

— Мэйс, ты в порядке?

— А я что? Упала? — Она растерянно моргает, но позволяет поднять себя и прислонить к боку эйрлата. Даже умудряется не выпустить из рук полы моей куртки.

— Голова болит?

— Тошнит.

— Это нормально, — выдыхаю облегченно. — Тебя и до падения тошнило. Сможешь идти?

— Да, — твердо отвечает она, но стоит мне ее отпустить, начинает соскальзывать вниз.

Я снова подхватываю Мэйс.

— Едха с два ты сможешь! — просто поднимаю ее на руки.

— Не трогай меня, — шипит она, а я зло усмехаюсь.

— Так будет быстрее, чем ползком.

— Не трогай. Меня. Если не хочешь. Чтобы я. Тебя. Поджарила.

Я хмурюсь:

— Может, обойдемся без угроз?

— Я предупредила.

Дальше «предупреждений» дело не заходит, потому что Вирна прикрывает глаза и обмякает. А я думаю, что нести ее к сестрам не вариант. Вряд ли старшенькая Мэйс захочет показывать такой пример младшим. Тем более что они вряд ли знают, как нужно ухаживать за перебравшими сестрами. Но у меня работа, которую я скорее всего потеряю, если не приеду.

Едх!

Я должен доставить Мэйс домой и забыть. Но на нашем этаже все-таки сворачиваю к собственной квартире.

Придется позвонить Дженне и сказать, что сегодня я работать не смогу.

Чтобы открыть дверь, приходится снова поставить Мэйс, и она выныривает из полудремы.

— Где мои туфли?

— Я не знаю.

— Я не могла их потерять. Дженна меня убьет.

— Дженна убьет меня.

Она приподнимает брови:

— Ты тоже потратил почти все деньги на туфли?

— Нет.

— Тогда не убьет, — уверенно заявляет Мэйс и шагает в распахнутую дверь.

Правда, уверенность не распространяется на ее походку, поэтому я снова перехватываю ее за талию. Не хватало еще, чтобы она собрала все углы.

Мэйс снова зажимает руками рот, и я тащу ее сразу в ванную. Пока ее тошнит, я споласкиваю чистое полотенце в воде и подаю ей. Вирна утыкается в него с каким-то стоном.

Меня раздражает ее беспомощность? Нет, скорее моя реакция на эту беспомощность. Когда Вирна такая, о ней невозможно не заботиться.

— Это не моя квартира, — говорит она.

— Мы у меня.

— Зачем?

Чтобы не пугать твоих сестер. Но признаться в этом — значит, снова довериться ей, показать себя настоящего.

— Раз ты испортила мои планы на вечер, то теперь я развлекаюсь за твой счет.

— Ты тоже испортил. Мои планы. Когда пришел с этой Лирой.

На последней фразе ее снова тошнит, будто само упоминание моей подруги заставляет ее желудок выворачиваться.

— И какой же у тебя был план?

— Жить.

— Жить?

— Да, просто жить. Как хочется.

— Разве тебе кто-то мешает?

— Ты мешаешь. — Вирна пьяно смеется. — Ты везде. Дома. На работе. У друзей. В моей голове.

Вот, значит, как.

— Это ты меня бросила, — напоминаю я.

— Неужели? Я же оставила тебя у доктора вверху после того, как мы... после твоего первого раза. — Она цедит слова, зло, яростно. —

Не думаю!

У меня такое чувство, словно меня накрыло волной и потянуло на самое дно.

— Я не бросал тебя, — я опускаюсь на корточки рядом с ней. — Отец увез меня, предварительно раскатав по полу, и очевидно, после предложил тебе сделку. Что он тебе сказал? И почему ты поверила ему, а не мне?

— Что он мог сказать? Что девчонка из трущоб не пара его сыну. Я и так это знаю. Ты тоже. Предложил деньги.

— Которые ты куда-то дела.

— Никуда я их не девала! — запальчиво выдает Мэйс. — Сдались мне его деньги! Пусть катится с ними к едху!

— Ты их не взяла, — понимаю я, и головоломка складывается в единую картинку. Вряд ли бы отец поскупился. Это объясняет, почему квартиру и одежду Мэйс оплачивает Дженна и «любовник». Но не объясняет другие вопросы. В частности, при чем здесь управляющая «Бабочкой».

— Я этого тебе не говорила, — пьяно бормочет Вирна и собирается лечь прямо на кафеле.

— Мэйс, это не лучшая идея. Спать удобнее в постели, а не в туалете.

Я помогаю ей подняться и веду обратно в комнату. Но при виде кровати, она начинает упираться:

— Я не буду спать в твоей постели.

— Почему?

— Потому что там спишь ты!

— Я не стану тебя касаться. Я все еще помню, что ты можешь меня поджарить, так что можешь чувствовать себя в безопасности, — я все-таки подталкиваю ее в нужную сторону. — Ты ведь знаешь, из-за чего у тебя такая реакция на вьерхов?

— Знаю.

— Из-за чего?

— Это секрет.

— Я понял. Но ты можешь доверить его мне.

Вирна едва держится на ногах, и, кажется, с трудом соображает, но в свою тайну вцепляется будто спрут всеми щупальцами. У меня

ощущение, что она даже на миг трезвеет, когда речь заходит об этом секрете.

— Нет.

Нет так нет. Узнаю сам!

— Надо снять платье, — говорю я.

Куртку Мэйс потеряла по пути в ванную, и теперь она валялась на полу.

Я касаюсь молнии на ее спине и задеваю пальцами кожу. И тут же отдергиваю пальцы под шипение Вирны.

— Прости, Мэйс. Прости. Придется спать так.

Она не против, потому что ничком падает на постель. Осторожно, чтобы не коснуться кожи, переворачиваю ее на спину.

Мэйс спит.

Крепко.

Она практически стерла макияж полотенцем, но даже с растекшейся тушью выглядит красивой и ранимой. Если Лира права, и Мэйс готовилась ко встрече со мной, ей удалось меня зацепить. Возможно, поэтому я повел себя так, так повел.

Мне хочется коснуться Вирны, но я вовремя себя останавливаю.

Поднимаюсь и звоню Карринг.

— Дженна, добрый вечер. Это Лайтнер.

— Добрый вечер, Лайтнер.

— Я вынужден взять сегодня выходной, потому что не могу выйти на смену. — Я решил говорить правду. Или полуправду. — Мой друг сильной заболел, и мне необходимо посидеть с ним.

Очень пьяный друг.

— Я могу выйти в любую другую ночь.

Если конечно после такого Дженна захочет со мной работать.

— Хорошо, — неожиданно соглашается управляющая. — Но учти, что все это повлияет на твое прохождение испытательного срока и мое решение по этому поводу.

— Я это понимаю, и постараюсь больше не допускать подобного.

— Пусть твой друг выздоравливает, а ты выйдешь завтра. Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Меня не уволили, и это уже хорошо.

В моей постели спит девушка-загадка, к которой я даже не могу прикоснуться — это сомнительно хорошо.

То, что я продолжаю сходить по ней с ума — это хидрец.

Я настолько увлекаюсь самокопанием, что сначала не замечаю, что зажег огонь вьерхов. Меня всегда успокаивало перекачивание огня с одной ладони на другую, и вот сейчас я сделал это на автомате. Я бы не замечал это и дальше, если бы не странное покалывание кожи. Жжение, переходящее в прохладу.

Я смотрю на собственную ладонь: и первый ожог, и второй будто растворились благодаря моей силе.

Что за едх?

Хотя едх тут ни при чем.

Секрет Мэйс. Вот где разгадка.

И я буду не я, если его не выясню.

Глава 15. Я больше никогда не...

Вирна Мэйс

Когда я была маленькой и училась в школе, у нас была одна игра. Мы с одноклассницами играли в нее на переменах, нужно было продолжить фразу «Я никогда не...»

Тот, кто не знал, что бы такого еще придумать, сразу выбывал из игры. Побеждал тот, кто без запинки говорил, чего он больше никогда делать не будет. Думать позволялось не больше нескольких секунд, и вот сейчас, когда я проснулась, у меня в голове крутилась только одна фраза.

Я больше никогда не буду пить.

В той самой голове, которая напоминала что-то очень тяжелое и гудящее, и которую, как выяснилось, не так-то легко оторвать от подушки. Которая, определенно, не была моей подушкой в спальне, и спальня тоже моей не была. Я возвращалась в реальность понемногу, какими-то рывками, и первые мгновения просто хлопала глазами на незанавешенное панорамное окно с совершенно другим видом, чем в моей квартире.

Потом повернулась. Лучше бы не поворачивалась, потому что я только чудом не врезалась в Лайтнера, который спал.

Сидя.

Подложив подушку под спину, с наибольшей вероятностью, спать он не собирался вообще или заснул относительно недавно. И сейчас моя рука почти касалась его.

Я больше никогда не пойду к Кьяне с Харом.

Эта мысль пришла спонтанно, а потом я начала вспоминать все остальное, что произошло вчера. И поцелуи с Лирой, и то, как я пила коктейль за коктейлем, и то, как выбежала на улицу. Начиная с этого момента, все становилось достаточно смазанным, но недостаточно размытым для того, чтобы не помнить, как меня вывернуло ему на брюки. И как он тащил меня сначала к эйрлату, потом от эйрлата. И как я потом... что я говорила потом?

Не желающий напрягаться мозг в отместку ударил болью в висках — когда я попыталась вспомнить о том, что ему говорила. Кажется, ничего страшного. Кажется, я всего лишь сказала, что меня тошнит, что Лира меня бесит (или не говорила?), и что я не... брала деньги у его отца.

Я больше никогда не буду говорить с Лайтнером, когда я не в состоянии понять, что говорю.

Да. Это надо запомнить или записать, сделать себе заставку на тапете.

Мне нужно было подняться и уйти, но что-то не позволяло мне просто подняться и уйти. Возможно, дикое, неосознанное желание коснуться его (которое навсегда только желанием и останется, если я не захочу, чтобы мы оба ходили в волдырях). Или просто убрать волосы с лица. Или поправить подушку, чтобы он мог нормально лечь.

Все, что я могла себе позволить — это лежать и думать такие вот глупости, и я решила себе их позволить. В конце концов, меня не было дома уже достаточно долго, и от того, что я задержусь еще минут на пятнадцать, ничего существенно не изменится. Судя по только-только начинавшей пробиваться сквозь темноту синеве на небе, время у меня еще есть.

Просто полежать и посмотреть на него.

И подумать о том, как все могло бы быть, если бы после той ночи мы просто проснулись рядом. Нет, его отец наверняка все равно так или иначе всплыл бы и пообещал скормить меня рыбкам, если я буду претендовать на отношения с Лайтнером, но это все равно было бы другое.

Что-то совершенно новое, совершенно другая реальность.

В которой мы все-таки можем быть вместе.

«У него сейчас не самые легкие времена. Он серьезно поссорился с отцом...» — всплывают в сознании слова Кьяны.

Почему он поссорился с отцом?

Из-за меня?

Да ну.

Я отмахиваюсь от этой мысли, потому что вряд ли он поссорился с отцом из-за меня и вряд ли это сейчас имеет значение. Значение сейчас имеет только упавшая ему на лоб прядь волос, которую я все

еще хочу заправить ему за ухо. В перчатках это даже было бы осуществимо, но у меня сейчас нет перчаток.

Я больше никогда не буду к нему прикасаться. Просто не смогу. Не смогу, чтобы не причинить ему боль.

Эта мысль выталкивает меня из постели. Точнее, заставляет очень осторожно, максимально мягко сесть и так же осторожно подняться. Лайтнер спит крепко, должно быть, действительно только что заснул. Меня обычно после такого не разбудишь даже грохотом над ухом, но все же я стараюсь ступать очень осторожно. Не удержавшись, бросаю на себя взгляд в геометрическое зеркало, созданное из зеркальных полос.

Изображение получается разрезанным, но я все равно вижу потеки туши и растрепавшиеся волосы — от красивой прически ничего не осталось. От красивой меня тоже, но это изначально было лишено всякого смысла. Сама не знаю, зачем я все это покупала.

Оглядываюсь в поисках туфель, но их нигде нет. В памяти всплывает эпизод, что я нигде не могла их найти еще вчера, а значит, с ними можно просто попрощаться.

Пока-пока, туфли.

Я больше никогда не буду покупать дорогую одежду.

С этой мыслью я шагаю в ванную. Мне нужно умыться и расчесаться, потому что идти в таком виде домой, где Митри и Тай — это кошмар. Даже умытая я буду выглядеть как кошмар, умытая, но босиком и без куртки (моя куртка осталась у Кьяны и Хара), но хоть что-то. Воду я включаю тихонько, из-за этого умываться приходится дольше, но, когда я все-таки оттираю остатки туши с век и со щек, мое лицо выглядит уже получше.

Расчески нигде нет, и, когда я уже начинаю думать, что придется идти домой так, взгляд падает вниз. На кафед, где я стою, а вчера, кажется, собиралась лечь. Это память тоже подтягивает на поверхность, вместе с тем, как Лайтнер помог мне дойти до постели, и как пытался помочь расстегнуть платье. Я буквально физически чувствую это прикосновение и вздрагиваю — не столько потому, что от него тоже остался ожог, сколько потому, что я хочу его повторить.

Несмотря на то, что оно принесет за собой, я безумно хочу его повторить.

И я не могу уйти вот так. После всего, что было вчера.

Поэтому расчесываюсь пальцами, нахожу зубную пасту и чищу зубы (тоже пальцами), после чего еще раз умываюсь. Полотенце здесь одно, и я его не трогаю, просто стою и жду, пока вода на лице высохнет. Капельки стекают по щекам, я бы с удовольствием заставила их сделать это быстрее или высохнуть, но управлять я могу только живой водой. Так ее называл Лайтнер.

Когда обычная высыхает, я выхожу из ванной и замираю: на постели Лайтнера нет.

Он есть у встроенного стенного шкафа.

И он абсолютно голый.

— К'ярд! — ору я, закрывая глаза ладонями и отворачиваясь.

— Что?! — огрызается он. — Я вообще думал, что ты ушла!

— Я ушла?!

— Как ты это всегда делаешь.

За моей спиной что-то с грохотом падает. Я оборачиваюсь (осторожно) и вижу сидящего у стены К'ярда, пытавшегося, судя по всему, на скорость влезть в первые попавшиеся брюки. Ну что я могу сказать? Ему это удалось. Почти.

В этот момент меня почему-то пробивает на смех. Может, он совсем не соответствует ситуации, но я начинаю смеяться и остановиться не могу. Это как «съесть смешинку», как говорила мама, я почему-то запомнила это очень хорошо. К слову, мысли о маме вовремя отрезвляют, потому что К'ярд тоже смеется.

Я замолкаю первой, он следом.

— Прости, руку подать не могу, — говорю я, отступаю и сажусь на кровать.

— Я как-нибудь сам, — сообщает он.

Все-таки поднимается и нормально застегивает брюки. Мне не полагается на него смотреть, но я смотрю, и даже — вопреки всему, не краснею. Может быть, потому, что между нами уже все было, а может быть, я просто разучилась краснеть. Особенно когда смотрю на него, отмечая и запоминая все то, что должна была рассмотреть в первый раз. Которого у нас не было. Точнее, первый раз был, а вот всего, что полагается после — не было.

В том числе и таких вот гляделок, когда хочется провести пальцами по перекатывающимся под кожей мышцам.

— Так, ну и что это было? — спрашивает он. — Почему ты вернулась?

Я приподнимаю брови.

— Мэйс, не цепляйся к словам. Ты всегда убегаешь, что на этот раз? Не смогла открыть дверь?

— Очень смешно, — говорю я. — Но в каком-то смысле да, не смогла. Хотела сказать спасибо за то, что не бросил меня одну на дороге и не притащил к сестрам. Мне хватит собственных впечатлений, их впечатления по этому поводу точно были бы лишними.

— На здоровье, — говорит он. — Не пей больше.

Я снова вспоминаю про эту дурацкую игру «Я больше никогда не...» Мне бы хотелось сейчас сказать: «Я больше никогда не буду пялиться на полуголого К'ярда», но что-то не позволяет произнести эту фразу даже в мыслях. Тем более что он уже застегивает рубашку. Футболка и домашние брюки, в которых он сидел на постели, валяются на полу, и я думаю о том, что все это выглядит слишком домашним.

— Ты так на меня смотришь, что моя самооценка стремительно поднимается.

«Только самооценка?»

Эта мысль приходит мне в голову раньше, чем я успеваю ее осознать. Озвучивать такое, я, разумеется, не собираюсь, тем более что это вообще не в моем характере. Это больше похоже на него, но рядом с ним я становлюсь похожей на него. Или мы становимся похожими друг на друга.

— Насколько я знаю, проблем с самооценкой у тебя не было никогда, — говорю я. И прежде, чем успеваю передумать, говорю: — Вообще-то я вернулась, чтобы рассказать, почему это происходит.

Разворачиваю руку ладонью вверх, на которой красуется ожог. Он явно что-то хочет сказать, но я перебиваю. Мне нужно это сказать сразу, потому что каждая секунда промедления может закончиться тем, что я ничего не скажу.

К'ярд застывает, так и не застегнув рубашку. Я смотрю на него, на этот вырез в не до конца застегнутых пуговицах на груди.

— Потому что у нас конфликт сил. Я управляю водой, ты — землей. Из-за этого ничего не получится. Ни прикосновений. Ничего.

Теперь я все-таки поднимаю взгляд. Чтобы отметить, как он меняется в лице: сначала смотрит так, будто не может поверить. Потом сдвигает брови.

— Серьезно, Мэйс? — интересуется, глядя мне в глаза. — Это твой секрет? То, что ты хотела мне сказать — легенда?

— Это не легенда. Это... — «правда», хочу сказать я, но он перебивает меня раньше.

— Нет, Мэйс, это именно легенда. И ты явно вчера выпила лишнего, если решила, что я куплюсь на эту чушь, — К'ярд шагает ко мне. — Мне без разницы, почему ты это скрываешь — то, что с тобой происходит. По большому счету, мне без разницы даже то, что с тобой происходит, но я совершенно точно не могу понять: я настолько выгляжу идиотом? Настолько, что ты готова навешать мне на уши любых водорослей, и думать, что я их сожру и не подавлюсь?!

Я настолько не ожидала такого, что у меня на миг кончаются слова. В тот момент, когда они начинаются, раздается звонок в дверь, и К'ярд, напоследок окатив меня полыхнувшим до алого взглядом, резко направляется к ней.

— Привет. — Разумеется, это Лира. — Слушай, я вчера немного...

Лира осекается, заметив сидящую на постели меня. Морские боги, как же она вовремя! Никогда не думала, что скажу такое, но она реально очень и очень вовремя.

Я поднимаюсь и иду к двери.

— Вчера я просто облевала его штаны, и он вынужден был дотащить меня до дома. К сестрам не потащил по понятной причине, — сообщаю я ей. — Нет, между нами ничего не было, и да, он полностью твой. Окончательно и бесповоротно.

Я огибаю их и иду к своей квартире. Касаюсь панели звонка, и дверь распахивается так резко, что я не успеваю даже вздохнуть. Митри смотрит на меня абсолютно сумасшедшими, зареванными глазами, а потом резко шагает ко мне и обнимает.

В ту же минуту за моей спиной с легким щелчком закрывается дверь, и я шагаю в свою квартиру.

— Вирна! Где ты была?! Я чуть не рехнулась, когда проснулась утром и поняла, что тебя нет! Я позвонила Вартасу, он сказал, что

оставил тебя у Кьяны и Хара, и что с тех пор... я думала... думала ты как Лэйс...

Последнее Митри произносит, давясь словами и всхлипывая.

Только сейчас до меня начинает доходить. Я действительно оставила и тапет, и документы в квартире. Я уехала с Вартасом и должна была вернуться ближе к полуночи, но я не вернулась. Ничего не сообщила. Ничего не сказала. Даже сейчас, проснувшись, я первым делом подумала о том, кому без разницы, что со мной происходит. Да, он притащил меня домой, но это все потому, чтобы не поссориться потом с Кьяной и Харом. А я сидела у него и собиралась ему все рассказать (поправочка: я ему все рассказала, но к счастью, он не поверил), вместо того, чтобы бежать к сестрам и успокаивать их.

— Митри, прости, — тихо говорю я. — Я не подумала.

— Ты не подумала?! — орет сестра. — Ты не подумала?! А я подумала, что тебя потеряю тоже!

Не дожидаясь ответа, убегает в комнату, которую делит с Тай, откуда доносится:

— Собралась? Отлично! Выходим!

Мимо меня Митри пролетает молнией, чуть ли не силой волоча за собой Тай. Она полностью запакована, а вот у Митри куртка нараспашку и взгляд такой, что мне становится не по себе.

— Пока, Вирна, — лопочет мелкая, и вторая дверь с грохотом закрывается.

Я сидела там с этим... с этим, пока моя сестра думала, что я... что со мной что-то случилось. Я напрочь забыла о том, что у меня есть сестры. Семья, которая обо мне волнуется (может быть, потому что раньше в моей жизни так было не принято?) Но сейчас... Развлечения с Кьяной и Харом, все это, весь этот образ жизни — не для меня. Я должна заботиться о сестрах, как это делала Лэйс. И надо признать, у нее это получалось гораздо лучше. Тогда мне казалось, что все ее упреки несправедливы, но то, что я пошла в Кэйпдор, действительно характеризует меня как эгоистку.

Я всегда думала только о себе.

Не о том, что у Митри переходный возраст и первая влюбленность. Не о том, что Тай, возможно, в связи с этим сейчас не хватает общения, что Митри просто не до нее. И даже не о том, что мне предстоит в ближайшем будущем, о моей истинной сути.

Нет, все мои мысли были о К'ярде. Все это время я думала исключительно о нем, о том, что было, о том, чего уже не будет, и обо всяких идиотских мечтах, которые нарисовала себе сама.

Хотя должна была думать о своей семье.

Я стягиваю платье, которое стоило сумасшедших денег, вешаю его на плечики, раздеваюсь и иду в душ. Вода, скользящая по ожогам, заставляет сжать зубы, но она меня исцелить не может. Что тоже хорошо, пусть эти ожоги послужат напоминанием о моем идиотизме и о том, что сегодня я чуть не совершила самую большую ошибку в своей жизни. Чуть не поставила под угрозу все, что собираюсь сделать.

И свою семью.

Я смотрю на стекающие по стеклу капли воды и думаю о том, что...

Я больше никогда не забуду, кто я.

И о том, что я должна сделать.

Глава 16. Океан

Лайтнер К'ярд

— Это не то, что ты подумала.

Это было первым, что пришло мне в голову, когда мы с Лирой синхронно проводили взглядом Мэйс, умчавшуюся в сторону своей квартиры со скоростью звука.

— Я вообще не знаю, что думать, — холодно признается она и собирается уйти. — Просто забудь.

Я перехватываю ее за руку.

— Подожди. У меня была не самая простая ночь.

— Очевидно, не рабочая, — она отстраняется.

— Зато открывшая мне глаза на многое.

Мне удастся заинтересовать Лиру, потому что теперь она смотрит мне в глаза, а не делает вид, что изучает собственный маникюр.

— Например?

— На то, что прошлое не вернуть. И что люди не меняются.

— Они вообще странные. Люди.

После случившегося ночью и утром, после новой лжи Мэйс я согласен с этим полностью.

Подумать только, она решила, что я куплюсь на эту чушь с лиархами! Которых, на минуточку, не существует. Она могла мне все рассказать. Все-таки я спасал ее задницу столько раз, что был достоин правды. Но это по моей версии, сама Вирна считала иначе, потому что продолжала набрасывать мне на уши пучки водорослей.

— Я не хочу иметь с людьми ничего общего.

Я не хочу иметь ничего общего с Мэйс.

— Хорошая новость. Но вообще я здесь не за тем, чтобы обсуждать людей или то, что между нами.

— А зачем?

— Сегодня съемки ролика, помнишь?

Такое забудешь!

Я даже напоминание себе на тапет поставил, но с Мэйс и со всей этой чушью про несовместимость сил я и правда забыл, что сегодня

первый день съемок. А если мы все успеем снять, то и последний.

— Я не хотела, чтобы ты опоздал. И видимо, не зря волновалась.

— Спасибо, что волновалась за меня.

Она кивает.

— На здоровье! В моих же интересах, чтобы все прошло хорошо.

Так что лучше не опаздывай.

— Может, поедem вместе?

— В другой раз.

Едх! Как с девчонками сложно! Не поймешь: то ли она злится так, что готова тебя испепелить, то ли ее уже отпустило, и можно выдохнуть.

Я останавливаю ее снова:

— Лира, мы можем начать все заново? Дашь мне второй шанс?

— Я подумаю об этом, — она пожимает плечами и уходит, а мне остается только приложиться лбом о закрытую дверь.

Едх, я снова сделал неправильный выбор. Когда уже начну все делать правильно?

Впрочем, от дальнейшего битья головой меня останавливает тот факт, что синяк на моем продающем лице «Эрре» не понравится гораздо больше, чем прогул — Дженне Карринг. Поэтому я просто выдыхаю, надеваю куртку, чтобы тут же стянуть ее и отбросить на диван.

Потому что она пахнет океаном. Ароматом, которым пропах весь я.

Ароматом Мэйс.

Наверное, за последнее время я стал просто профи в использовании ругательств, упоминающих едха. Пора бы придумывать новые, потому что старые уже не способны передать мое состояние.

Время на льяри не остается, если я не хочу опоздать, не говоря уже о завтраке, поэтому остается только надеяться, что новой звезде рекламы положен какой-то перекус. Ну и на то, что, я не засну на съемках! Благодаря Мэйс у меня сегодня еще ночная смена.

Хотя при чем здесь Мэйс?

Она меня ни о чем не просила, так что в своих неоправдавшихся надеждах виноват только я сам. И в том, что продолжал верить ей, несмотря ни на что.

Мне стоило поблагодарить Лиру снова: если бы не она, я бы действительно опоздал, потому что элитный фитнес-клуб «Эрна'гара» (что в переводе с древнеранханского означало «реальные волны»), на крыше которого должны были снимать ролик, находился на Третьем круге. Пусть даже сегодня, в выходной, пробок почти не было.

Первым делом меня схватили визажисты. Хотя вернее будет сказать — захватили. Потому что двое девушек с кислотного цвета шевелюрами потащили меня в импровизированную гримерную и принялись превращать в мечту миллионов. Хотя, вероятнее, десятки тысяч, учитывая, что реклама рассчитана на вьерхов. Лиру гримировали рядом, но я решил, что к нашему разговору стоит вернуться после съемок и не пытался с ней заговаривать. И, едх меня утопи в океане, я нервничал.

Как, пожалуй, не нервничал очень давно.

Да я вообще так не волновался с тех пор, как отец пришел посмотреть на мои соревнования по плаванию во втором классе. Я тогда занял первое место, но после мой желудок вывернуло наизнанку, как совсем недавно Мэйс. И одного, и другую я вспоминать не хотел, поэтому искренне обрадовался тому, что визажисты закончили свою часть работы и отпустили меня. То есть сдали в руки вице-президента компании, которая привела меня на крышу, где техники заканчивали с настройкой аппаратуры.

День сегодня был дождливым, небо затянуло тучами, поэтому над площадкой включили защитный купол.

— Мы выбрали этот клуб не просто так, — сообщила мне Петра.
— Он единственный в Ландорхорне, где есть имитация больших волн.

Она с гордостью указала мне на противоположную стену, механизм которой запускал воду в движение, и она устремлялась к песчаному берегу. Очевидно, создатели этой имитации даже не представляли, что такое «большая волна», потому что эти волнушки не достигали и половины валла. Таким океан мог быть разве что в заливе, предварительно разбившем всю свою мощь о рифы.

— Конечно, мы бы хотели получить разрешение снимать рядом с настоящим океаном, но, как ты понимаешь, это невозможно. К тому же опасно, поэтому наши художники по спецэффектам сделают все так,

что даже самый придирчивый зритель не сможет отличить океан в ролике от настоящего. Надеюсь, тебя не пугают волны?

Она спросила это с таким беспокойством, что я едва не рассмеялся.

— Они, конечно, выглядят устрашающе, но я справлюсь.

— Ты смелый! Именно таким и должно быть лицо нашего бренда.

Если бы!

Если бы мне нужно было нырять или покорить одну из этих волн (да хоть двадцать волн!), то я бы легко справился. Но от меня требовалось сделать задумчивую морду морского ската, стоять по колено в воде и протягивать руку Лире, которая танцевала на берегу.

Вот кто настоящая звезда!

Она вела себя настолько естественно, выполняла все пожелания режиссера, полноватого вверху, не расстающегося со своей шляпой, что я не мог не восхищаться Лирой. Что касается меня, меня режиссер возненавидел с первой минуты, и еще больше, когда я запорол кучу дублей с медленным выходом на берег.

Сказал бы сразу, что нужно тащиться со скоростью морской звезды, размазываясь по дну. А так, видите ли, я все время слишком торопился!

В общем, Лира спасала положение и спасала меня, и будь его воля, режиссер бы вовсе от меня отказался. Но отказаться он не мог, а после короткого обеденного перерыва вовсе объявил:

— Снимаем шторм!

— Шторм? — переспросила Лира слегка дрогнувшим голосом. — Такого не было в сценарии.

— А теперь есть. Это будет зрелищно и провокационно. Для начала, отойдите подальше от берега.

Мы заходим в воду по пояс, достаточно далеко, но голос режиссера в микронаушнике звучит по-прежнему четко:

— Мне нужно, чтобы ты подхватил ее на руки по моей команде!

— Хорошо.

В воде я чувствую себя уверенней, в отличие от Лир, которая с опаской косится на волны.

— Лира, все в порядке, — говорю ей. — Они не причинят тебе вреда.

— Легко тебе говорить. В том бассейне, где мы... Где я училась, волн не было.

— Не было, но я по-прежнему с тобой. Я рядом.

Она кивает и поворачивается к берегу, лицом к съемочной группе.

Я поступаю так же, поэтому не успеваю заметить пришедшую от стены волну, раза в два больше обычной. Она пихает меня в спину и накрывает с головой, но когда я, подчиняясь инстинкту выныриваю на поверхность, мое сердце будто падает на самое дно.

Потому что Лиры нигде нет.

Ее не видно!

Хидрец. Только не это!

Пульс просто сливается с моим дыханием, которое я задерживаю, чтобы нырнуть снова. Хватит мне и одной Мэйс, которая решила утонуть в океане. Не хватает потерять еще и Лиру в этой фальшивой лагуне.

Новая волна поднимает песок, и вода мутная, но девушку я замечаю сразу. Она вся словно задеревенела от страха и даже не пытается выплыть. Перехватываю Лиру за талию и тащу на поверхность, где она судорожно хватается воздухом ртом и кашляет. А после долго-долго смотрит мне в глаза. Наши лица так близко, и, когда меня накрывает облегчением, я прислоняюсь лбом к ее лбу. Мы оба тяжело дышим и даже не замечаем, что огромных волн больше нет.

Отвлекает только режиссерское:

— Снято!

Что?

Что?!

— Отлично получилось, но лучше снимем еще пару дублей. Нужно, чтобы в конце ты поцеловал Лиру.

То есть волна пришла неслучайно, и все это было подстроено?

— Какого едха это было? — интересуюсь я. Зловеще так интересуюсь.

— Импровизация, К'ярд.

В задницу импровизацию. Я плюю на все и иду к берегу. Можно было доплыть в пару гребков, но я тяну за собой, будто на буксире, Лиру.

— Вы должны были нас предупредить! — говорю режиссеру и Петре. Уверен, именно она дала добро на то, чтобы нас «утопили».

— Зачем? — режиссер приподнимает брови. — Этот проверенный способ выжать из актеров эмоции, потому что у вас, ньестр К'ярд лучше всего получается играть корягу на дне.

— Вы себя слышите? — Я указываю на Лиру. — Она могла утонуть.

— Не могла, так как умеет плавать, — вмешивается Петра. — Поэтому мы подписали контракт только с теми моделями, кто плавать умеет. — Теперь она смотрит на девушку. — Ты же умеешь плавать, Лира?

— Да, конечно, — она отвечает, слегка заикаясь, но прожигает меня выразительным взглядом, просящим ее не выдавать. — Я просто растерялась, когда пустили волну. До этого я плавала и ныряла исключительно в бассейнах без волн.

Я не собираюсь рассказывать, что она только учится плавать, но ярость, кипящая внутри меня будто гейзер, требует выхода.

Видеть, как кто-то тонет. Как камнем идет ко дну. А потом вытаскивать на холодные камни, прикасаться к ледяной коже. Вливать всю свою силу до остатка и тщетно пытаюсь нащупать ее пульс под своими пальцами.

И верить.

Верить, что не опоздал.

Я стряхиваю воспоминания как песок.

— Даже опытные пловцы могут утонуть! Я тоже мог растеряться.

— Но не растерялись, — напоминает с улыбкой Петра, — и мы получили потрясающие дубли. Бросьте, Лайтнер, мы же не в открытом океане. Случись что, мы бы сразу вас вытащили. У нас даже команда спасателей есть.

Она кивает на крепких парней, скучающих в раскладных стульях.

Действительно. Мы не в море. Не в океане. Тут до берега валлов десять. Но меня будто закоротило.

— Почему?..

Я не заканчиваю предложение, мне уже и так объяснили «почему». Чтобы я хорошо сыграл. Я и сыграл. Заодно сгонял на самое дно к главному едху. В самую пучину своего страха.

— На сегодня все, — говорю и не узнаю собственный голос. Не только голос, ладонь, которой я убираю волосы с лица, тоже мелко

подрагивает, будто принадлежит кому-то другому.

На меня все смотрят как на безумца, и Лира в том числе, но мне плевать.

— Нам нужно еще несколько дублей, — напоминает режиссер и смотрит на Петру. — Финальная сцена с поцелуем!

— Лайтнер, это минут десять, и на сегодня мы освободимся, — ласково, но с натянутой улыбкой, уговаривает вице-президент.

— Нет, — говорю я, — если вы, конечно, не хотите увидеть в вашем ролике очень злую модель. Потому что сегодня я никого, кроме морского едха не сыграю.

Я разворачиваюсь и направляюсь в комнату, где остались мои вещи. За мной ожидаемо устремляется Петра.

— Лайтнер, ты подписал контракт.

— В моем контракте не написано, что я должен рисковать своей жизнью.

— Ты не рисковал жизнью! — почти шипит женщина. — У нас были спасатели...

— О которых вы меня не предупредили. Так что я рисковал жизнью. Сегодня в этом бассейне утонуло множество моих нервных клеток. Мне теперь до конца жизни к психологу ходить!

— Если ты сейчас уйдешь, я вправе не выплатить тебе гонорар.

Вот только не надо включать строгую учительницу!

— На здоровье, — говорю. Ловлю взволнованный взгляд Лир и криво ей улыбаюсь. Она здесь ни при чем.

При чем здесь только я.

Я покидаю съемочную площадку и клуб так быстро, словно за мной гонятся все морские чудовища разом. Только на улице осенний ландорхорнский ветер напоминает о том, что стоило высушить волосы, но я разгоняю кровь с помощью силы и врубаю обогрев в эйрлате на полную. Еду, не разбирая дороги, просто подальше отсюда, подальше от города, и нахожу себя на побережье.

Недалеко от мыса Гор. От того места, где я чуть не потерял Вирну.

И чуть не потерял себя.

Сильный ветер напоминает о той ночи гораздо больше, чем мне хотелось бы, но он и отрезвляет. Приводит меня в чувство. Вернее будет сказать — вправляет мозги. Потому что именно здесь ярость

отступает, и я в полной мере осознаю, что наделал. Точнее, что продолжаю делать.

Идти на дно.

Я еще не там, но стремительно опускаюсь на самую глубину.

Вид безбрежного, все время в движении, океана возвращает меня в мою реальность. А в этой реальности есть мама и невозможность с ней встретиться, необходимость платить за жилье, еду, обслуживание эйрлата, учебу, на которую я почти забил. Плюс еще есть Эн и неизвестные установки на глубине.

Едх! Мне нужен был этот гонорар, чтобы купить костюм для погружений и снаряжение. Без него я рискую замерзнуть в зимней водичке. После того случая взять что-либо напрокат у Зорга теперь не получится, значит, придется делать на заказ, а это лишние расходы.

А я просто послал Петру и ушел со съемок!

Как прежний Лайтнер.

Прежний я мог послать к едху даже правителя Ландорхорна. Нынешнему стоит начать думать головой. Отец больше не прикроет мою задницу. Никто не прикроет, кроме меня самого.

Значит, нужно все исправить.

Перестать циклиться на Мэйс. Стать образцовым управляющим в «Бабочке». Позаботиться об Эн. Найти способ увидеться с мамой. Помириться с друзьями. Извиниться перед вице-президентом Эрры и вернуться на съемки.

Последнее самое простое, поэтому с него я собираюсь начать. Но стоит вытащить тапет из куртки, как на него приходит вызов от Лиры.

— У тебя перерыв? — спрашиваю без особой надежды.

— Нет, мы только что закончили съемки. Меня после твоего торжественного ухода еще немного помучили.

— Прости, что так получилось. Я все испортил. Но я все исправлю. Пока не знаю как...

— Что? Лайт, о чем ты говоришь? Ты спас не только мою жизнь, но и мою карьеру! Петра даже пообещала мне еще один контракт.

— Рад за тебя. — Я действительно рад, потому что до этого мое настроение стремилось ко дну. — Особенно теперь, когда с рекламой ничего не получилось.

— Лайтнер К'ярд, ты бредишь! — смеется она. — С рекламой все получилось, иначе бы Петра тебя никуда не отпустила. В общем, не только мне понравилось мое спасение.

— Зачем тогда им понадобились еще дубли?

— Для страховки. Но всех все устроило. Так что нужно обязательно отпраздновать твой успех. То есть наш успех!

— Конечно, — соглашаюсь я, хотя от таких новостей сложно быстро прийти в себя. — Только я сегодня работаю в клубе.

— Тогда отпразднуем завтра, или когда захочешь. Буду ждать твоего сообщения. И Лайт, — она сделала паузу, прежде чем продолжить, — у тебя есть второй шанс.

Она отключается, а я поднимаюсь с капота эйрлата. Изрядно замерзший, но какой-то словно стукнутый по голове.

Кажется, сегодня мне дала второй шанс не только Лира.

Сама судьба.

И я ее не подведу.

Глава 17. Интервью

Мне кажется, с того момента, как Ромина швырнула меня в океан, прошло лет сто, хотя на самом деле, пара месяцев. В эти два месяца уместилась целая новая жизнь, которая тоже осталась в прошлом, и итог которой я подведу сегодня. На интервью.

Оно слегка затянулось. То есть времени до него прошло чуть больше, чем говорила Дженна.

— Сначала нужно, чтобы обстановка немного накалилась, — сказала она.

Обстановка действительно накалилась, раскручивали тот факт, что Ромину Д'ерри отпустили под залог, и что она наслаждается всеми благами жизни в родительском доме после того, как чуть не совершила убийство. Дошло до пикетов и протестов на окраинах, самыми громкими событиями стали волнения, которые пришлось подавлять силами политари, в моем районе Пятнадцатого и забастовка на заводе, где работал отец Алетты. И первое, и второе очень быстро закончилось. В первом случае протестующих просто залили слезоточивым газом и раскидали по камерам, во втором — всех пригрозили разово уволить и нанять новых работников.

— Знакомые методы, — сказала Дженна, затянулась и выдохнула дым. Это было пару дней назад, мы как раз обсуждали интервью у нее в кабинете.

— Знакомые?

— Неважно. Я не хочу, чтобы ты видела вопросы до интервью, Вирна.

— Почему?

— Потому что первая реакция — самая искренняя. Миру не нужна отрепетированная речь, ему нужны эмоции. То, во что люди действительно поверят, за что они будут готовы сражаться.

Я судорожно вздохнула. Если честно, я до сих пор до конца не верила в то, что мы собираемся делать революцию. Причем ударение можно было поставить как на слово «делать», так и на слово «революцию». Во что я не верила больше, сложно сказать.

— Тебе нужны еще какие-то доказательства, Вирна? — Дженна внимательно изучала мое лицо. — После всего, что ты видишь? Нужны доказательства того, что люди — грязь под ногами вьерхов, и ничего не изменится просто так?

— У тебя вполне адекватная жизнь, — заметила я.

— Правда? — она усмехнулась. — Ну так это исключительно потому, что они мне так позволяют. Мильен Т'ерд в частности.

— Мильен Т'ерд с нами. Это значит, что существуют вьерхи, которым все это тоже не нравится.

— Существуют. Но они в меньшинстве. Давай я не буду напоминать, что случилось с твоей сестрой. И много ли ты знаешь вьерхов, которые готовы тебе помочь? Которые готовы устроить тебя на работу — скажем, ведущим специалистом, даже если у тебя есть талант и знания, на которые ты потратила время и силы благодаря милости Калейдоскопа. Брось, Вирна. Ты не хуже меня знаешь, что это утопия. Калейдоскоп — подачка, которую нам швырнули, чтобы люди были спокойны.

«Я не доучилась, — подумала я. — А что касается моей сестры, Лэйс не особо тебе доверяла».

— У меня по-прежнему главное требование к интервью: никаких вопросов по поводу Лайтнера К'ярда.

— Вряд ли он будет нам интересен, — Дженна пожала плечами. — Из него сделали почти героя, а мы собираемся говорить о другом.

В противовес тому, что произошло с Роминой, сейчас действительно везде говорили о Лайтнере. О том, что он меня спас, о том, как прыгнул в океан. На почве этого только что вышедшая реклама крутилась везде, где только можно — и сделала его не просто героем, а мечтой. Если раньше девочки в клубе прыгали вокруг него, то сейчас они от него просто не отлипали. Такого рабочего настроя в «Бабочке» я не видела никогда, похоже, возникло негласное соревнование, кто лучше обслужит большее количество столиков.

Ну что я могу сказать, клиентоориентированность он точно повысил. А вместе с этим и посещаемость, и, судя по всему, продажу духов, которую они так мило рекламировали вместе с Лирой. Надо отдать этой рекламе должное, в наших с ним отношениях она поставила жирную точку. Жира этой точке добавили какие-то фото, на которое Тимри и остальные девочки пускали слюни, когда журналисты

застукали Лайтнера с Лирой в каком-то модном ресторане. Точнее, выходящими из него с милыми поцелуйчиками.

Словом, это стало именно тем, что мне было нужно, когда мы работали вместе. Я просто делала свою работу, а если мне в голову приходили какие-то идиотские мысли, вспоминала рекламу и ресторан, и мне мгновенно становилось легче.

В остальном, правда, легче не становилось.

Митри до сих пор на меня дулась из-за того случая и разговаривала, по большому счету, в стиле: «Так и быть, я с тобой говорю, но это только ради Тай». В конце концов я психанула и не пустила ее на вечерние посиделки в кафе, где она «выслеживала» мальчика, который ей нравится, а она назвала меня драной надрой и пожелала свернуть себе шею. На этом наши сестринские отношения временно взяли паузу.

Точно так же на паузе стояли отношения с Вартасом. С того вечера мы больше не виделись, ни созванивались и не переписывались. Что касается Хара и Кьяны, Хар написал мне на следующий день и сказал, что привезет куртку. Куртку он действительно привез, но выглядел при этом так, словно не знает, о чем вообще со мной говорить. В этот момент я поняла, что заставлять их выбирать между мной и Латнейром просто несправедливо, и в этом тоже решила поставить точку. Когда Кьяна спустя пару дней предложила встретиться и просто погулять вдвоем, я отказалась.

В итоге моя жизнь теперь состояла из работы, встреч с Дженной и революции.

И кое-чего еще, о чем я не говорила уже никому.

Я училась управлять своей силой.

Каждое утро, отправив сестер в школу, я ложилась спать после смены. До обеда спала, а после ехала на Пятнадцатый, уходила далеко от жилого района — туда, где море билось о камни на холодном пустом берегу, и училась дружить с водой.

Иногда получалось, иногда нет. Иногда вода подтягивалась к моим рукам, поднимаясь каплями в воздух, иногда напрочь меня игнорировала. Иногда волна с тихим шелестом отползала, иногда обдавала меня брызгами с головы до ног. После того случая я начала

брать с собой рюкзак с запасной одеждой, хотя все равно не могла вывести никакой логики в том, что происходило.

И неудивительно. Вьерхи учились управлять своей силой с детства, а потом еще годы на полигоне Кэйпдора, меня учить было некому. Я даже канал информации Кьяны себе закрыла, не говоря уже о чем-то большем. Правда, вряд ли мне могла помочь информация из легенд — чтобы узнать о лиархах что-то существенное, доступ нужен был к архивам совершенно другого уровня. Если они вообще существуют, эти архивы. Если их просто-напросто не стерли, как и любое достоверное упоминание о тех, кто на самом деле способен защитить мир от наступления воды.

— Нисса, приехали. Предлагаю вам выйти здесь, дольше будем висеть на магистрали, чем вы дойдете.

В районе студии, где должно было проходить интервью, движение и впрямь было загружено настолько, что дойти было проще. Я поблагодарила водителя, вышла из эйрлата и направилась к зданию, возвышающемуся над улицей на шестьдесят семь этажей.

Меня должны встретить в холле, но почему-то каждый шаг сейчас дается мне все труднее. Дело точно не в колючем ветре, который сейчас такой, что буквально сдувает с ног. Если он такой здесь, то какой же на берегу океана? Я вспоминаю последний раз, когда оказалась на побережье — тот день, когда мы с Вартасом приехали забрать девочек. Сумасшедшую, поднявшуюся из океана волну.

Лайтнера, не позволившего ей смыть меня в океан.

Лайтнер в моих воспоминаниях точно лишний, но при всем при том, что моя сила — это вода, он регулярно меня от нее спасает. Или от себя самой?

Это определенно не лучшие мысли перед интервью. Я ускоряю шаг настолько, что редкие прохожие, оказавшиеся на улице только чтобы добежать из бутика до эйрлата, проносятся мимо так, словно их и правда сдувает ветром. В холл влетаю раскрасневшаяся, запыхавшаяся, через стеклянную вертушку двери, выплюнувшую меня из холода в тепло.

— Вирна Мэйс, — подхожу к стойке охрана. — У меня...

— Вирна Мэйс! — Ко мне подлетает мужчина в блестящем костюме. — Да-да, мы вас уже ждали.

Блестящий костюм — действительно блестящий, он темный, но за счет особой ткани сверкает под падающими на него солнечными лучами. Мужчина машет охраннику, кивает мне и ослепительно улыбается:

— Документы, нисса Мэйс. Нам понадобятся ваши документы.

Охранник делает мне пропуск, а я разглядываю своего нового знакомого. Волосы у него тоже блестят — видимо, благодаря какому-то особому средству для укладки, и я невольно трогаю свои. Собираясь на интервью, я их тщательно завила, но сейчас из-за ветра осталось два-три хилых локона, и те готовы раскрутиться.

— Я... — собираюсь объяснить свою прическу, но мужчина уже хватает меня под локоть и увлекает за собой.

— Потом, Вирна. Потом. Ты же не против, что я буду называть тебя Вирна?

— Нет, я...

— Меня можешь звать Джаред. Просто Джаред, так нам будет легче. Я ведущий шоу, в котором ты примешь участие.

Шоу?!

— Разве у нас не интервью? — уточняю я.

— Интервью. В формате шоу. Кому нужно просто интервью в наше время, Вирна? Людям нужно шоу. Всегда. Запомни это.

— Но...

— Все вопросы по-том. Договорились?

К тому моменту я уже залетаю в лифт. Точнее, меня туда вносит ураганом по имени Джаред, следом успевает забежать еще девушка с папкой и рабочий с огромной упаковкой непонятно чего, дверца захлопывается, стеклянная капсула взмывает ввысь. Я невольно оборачиваюсь: лифт идет вдоль такой же стеклянной стены, и Ландорхорн раскрывается передо мной, как на ладони. Я раньше никогда не видела город с такой высоты. В доме, где нам выделила квартиру Дженна, все лифты закрытые, а здесь... Я даже на мгновение замираю, глядя на роскошные высотки, возвышающиеся на Четвертом стеной. Эта стена словно отделяет первые четыре круга от остальных одиннадцати. Как будто все, кто находятся здесь — избранные, а остальные...

Как ни странно, именно эта мысль позволяет мне глубоко вдохнуть и справиться с дрожью в пальцах. Она напоминает мне, зачем я здесь. О том, насколько этот вид отличается от полуразваливающихся, с облезшей краской домишек на Пятнадцатом, Четырнадцатом и Тринадцатом. Даже круги с Двенадцатого по Восьмой выглядят ущербными в сравнении с этой роскошью, а оставшиеся простенькие, тихие районы до Пятого словно прослойка между нами и ними.

Лифт щелкает, дверь открывается.

— Приехали, — комментирует Джаред и быстро тянет меня за собой вдоль скучной вереницы дверей. Проводит электронным пропуском по замку одной из них, за которой оказывается целое крыло. — Ну вот, наша студия.

При нашем появлении из-за стойки тут же поднимается секретарь, а из боковой двери вылетает женщина.

— Приехала? Отлично! Море, Джаред, это ужасно!

Она смотрит на меня, просто протягивает взглядом от головы до пяток.

— Это из-за ветра, — только и успеваю сказать я, но она уже поворачивается к Джареду. — Ты же видишь, что это ужасно?

— Вижу, — соглашается он.

Я опускаю взгляд на свои туфли: это, конечно, не потерянные безумно дорогие и безумно красивые, но вполне нормальные туфли. Платье я надела то самое, чтобы выглядеть достойно, но если по их мнению это ужасно, то...

— Девочка с Пятнадцатого просто не может одеваться так! Она не должна быть так одета.

— Не должна, — эхом сокрушается Джаред.

— Идея! — женщина щелкает пальцами, заглядывает в соседнюю комнату и кричит. — Идер! Идер!

В холл студии тут же вылетает девушка в очках и с тапетом.

— Идер, нам срочно нужна старая одежда. Что-то ее размера, поношенное, и... — Она окидывает меня взглядом. — Чтобы было понятно, что она с Пятнадцатого.

Идер кивает, и женщина снова смотрит на меня:

— Что стоишь? Пошли! Нам еще макияж делать.

В этот момент я понимаю, что все мои усилия выглядят хорошо, можно было смело выбрасывать на помойку. Но Дженна меня ни о чем не предупредила — не сказала о том, что макияж будут делать в студии, и что можно просто не тратить на него время. Меня приводят в комнату, которая чем-то напоминает гримерную «Бабочки», с той лишь разницей, что здесь всего один стул.

— Моя личная, — с гордостью сообщает Джаред, кивает подскочившему стилисту: — Рондан, приступай.

Сам он падает на диван, хватается тапет и утыкается в него, а Рондан хватается меня. Меня умывают, оставшиеся локоны продирают так нещадно, что я мысленно прощаюсь с половиной волос. Потом настает черед макияжа и команд: «Закрой глаза — открой глаза, на потолок — на пол, в правый угол наверх». Поскольку меня развернули спиной к зеркалу, видеть я ничего не могу.

До той самой минуты, пока Рондан не оставляет меня в покое.

Тогда я осторожно оборачиваюсь и хватаюсь за спинку стула. Я выгляжу так, будто не ела и не спала дней десять. Бледная, с заострившимися скулами и ввалившимися глазами, впрочем, глаза и скулы — единственное, что у меня выделяется на лице. Губы бескровные, блеклые, я никогда не могла похвастаться объемами, но сейчас ощущение такое, что я скинула еще половину своего веса как минимум.

— Что это? — спрашиваю я таким голосом, что даже Джаред отрывается от своих дел.

Внимательно смотрит на меня и комментирует:

— Детка, ну ты же взрослая. Кому нужна несчастная история пышущей здоровьем девочки? Никому. Даже если тебя искупали в океане, но сейчас у тебя все в порядке, это уже никому не интересно. Гораздо интереснее, когда так, — он указывает на меня планшетом. — Погоди. Сейчас мы тебя еще переоденем, и ты себя не узнаешь.

Я себя уже не узнаю.

— Не делай такие глаза. Половину твоего образа съедят камеры, то, что мы видим сейчас и то, что увидят зрители — это большая разница.

— Мне нужна помада, — жестко говорю я. — Я не выйду на интервью в таком виде.

Рондан закатывает глаза и смотрит на Джареда. Тот сосредоточенно кусает губы:

— Ладно. Сделай ей контур. И вот еще — можно чуть добавить румянца. Он нам пригодится.

Как им пригодится румянец, Джаред не сообщает, его тапет пиликает, и он вылетает из гримерной. Рондан снова хватается за кисти и косметику, потом приносят одежду. Это старые потертые джинсы и какой-то растянутый свитер. Честно говоря, очень похожий на тот, в котором ходила я.

— Тебе не надо стесняться, милая, — говорит женщина, которая так и не представилась. Сама она — идеальная блондинка в строгом костюме. — Не надо стесняться того, во что вас, жителей окраин, загнали вьерхи.

— А туфли?! — восклицает Джаред.

— Туфли не нашли, оставим как есть. Скажу главному оператору, чтобы не делал на них акцент. Переодевайся, Вирна. Мальчики, выходим. Все! Кыш-кыш-кыш.

Выходят не только мальчики, но и девочка. Я стягиваю платье, аккуратно складываю его на диван, переодеваюсь. Поворачиваюсь к зеркалу.

Помады Рондан и правда добавил. И румян.

Теперь я выгляжу так, будто у меня температура.

Еще я выгляжу как жительница Пятнадцатого, но вопреки всякой логике, внутри поднимается злость не на вьерхов, а на этих щебечущих шоу-организаторов. Заодно и на Дженну, которая на минуточку — ни слова мне не сказала! Дженна, Джаред... никогда не связывайся с теми, у кого имя начинается на «Дж»!

Это последняя мысль перед тем, как в гримерной снова появляется Джаред.

— Готова?! Отлично! Шоу начинается.

— Дженна предупредила вас о том, что я не стану отвечать на вопросы про Лайтнера К'ярда? — уточняю я.

— Кто это такой?! — Джаред мне подмигивает. — Все! Пошли!

Мы проходим через приемную, через пару комнат-кабинетов, в которой никто даже не отрывается от работы, когда видит нас. Ныржаем сквозь арку, поворачиваем к двери.

— Ну как? Готова? — интересуется Джаред, и, не дожидаясь ответа, открывает дверь.

Первое, что я вижу: плотный темно-синий занавес, из-под которого пробивается полоска света.

Джаред закрывает дверь и кивает.

— Вперед!

После чего резко отдергивает «створку» занавеса и шагает вперед. Поскольку он сзади, чтобы он в меня не врезался, мне остается только быстро выйти на сцену... или в зал. Это просто огромный зал, с кучей зрителей, в меня вонзаются десятки взглядов, а следом звучит голос Джареда:

— Добрый день, жители Ландорхорна! Позвольте вам представить Вирну Мэйс! Девочку, которой очень повезло выжить после встречи с Роминой Д'ерри! Дочерью нашего глубокоуважаемого Главного судьи!

Зал взрывается шумом и мое первое желание — закрыть глаза, уши и сбежать за занавес. Такое количество присутствующих оглушает, как взрывная волна, и просто не позволяет двинуться с места, но за меня это делает Джаред. Он подхватывает меня под локоть и ведет за собой по залу:

— Точно так же как нисса Алетта Грейм, — голос ведущего врезается в шум, рассекая его и перекрывая.

Я перевожу взгляд на диван, стоящий на подиуме, и действительно вижу там Алетту. Рядом с ней сидит мужчина, которого я не знаю — судя по виду, настоящий старик. Сгорбленный, волосы в беспорядке, лицо изрезано морщинами.

Сейчас я уже не удивлюсь, что это — тоже результат грима.

Но... Алетта?!

— Пусть личность нашего третьего гостя пока останется тайной, — говорит Джаред, — осторожно, нисса Мэйс. Ступенька.

Я бы действительно споткнулась, поднимаясь на подиум, потому что смотрела на Алетту. Она на меня упорно не смотрела, только в сторону, и лицо ее было таким же белым, как мое до «румянца».

— Итак, давайте для начала восстановим хронологию событий! — Джаред дожидается, пока я сяду на диван, поднимает руки — требуя тишины, и сам опускается в кресло. — Алетта, начнем с вас. Расскажите о ваших отношениях с Вирной Мэйс.

— Мы были подругами, — говорит она очень тихо, но жучок микрофона на тонкой поношенной кофте усиливает ее голос в разы. Только сейчас я замечаю, что у меня такой же, но понимаю, что не помню момента, когда Джаред нацепил его мне. Или он был на свитере изначально? — Нам повезло... если так можно выразиться, в «Калейдоскопе».

— О, — Джаред кивает, а потом смотрит в зал. — Да, мы все знаем, что такое «Калейдоскоп», верно?

Меня почему-то начинает знобить. На столике перед диваном стоит графин и три стакана воды, но мне кажется, что я умру, если попытаюсь до него дотянуться.

— Учебная лотерея, выбирающая лучших из лучших. Талантливых учениц, которые могли бы — заметьте, действительно могли бы стать выдающимися, если бы родились вверху и с самого начала получили все привилегии, которых достойны. Но сегодня у нас совершенно другая тема. Алетта, вы сказали, что были подругами? И что же случилось потом?

— Потом... потом меня похитила Ромина Д'ерри и сказала, что я должна написать Вирне, пригласить ее в парк. Она была с друзьями, их было много, и они были сильнее... А я испугалась. Разумеется, после того, что случилось, Вирна уже не захотела со мной дружить, и... — Алетта всхлипывает. — Я ее не виню.

Все было не так.

Слова застывают у меня на губах, потому что тогда мне придется рассказать и о Лайтнере, и о той вечеринке, и обо всем... что нас связывает. Поэтому я до боли закусываю губу.

— Да, в таких обстоятельствах сложно сохранить дружбу, — почему-то удивительно жестко говорит Джаред. — Но вы, разумеется, этого не хотели?

— Я... я просто поняла, что они меня убьют. Я видела их глаза... а особенно ее глаза. Это были глаза убийцы. И потом... когда они забрали Вирну, они что-то вкололи мне, и я пришла в себя уже в больнице.

— Что-то? — Ведущий неумолим.

— Какой-то препарат... наркотик. Сильнодействующий. Врачи говорили, что я выжила чудом, но...

— Сколько дней вы провели в больнице, нисса Грейм?

Алетта моргает.

— Два.

— Два. Два дня! — Джаред поворачивается к залу. — После отравления сильнодействующим веществом, способным привести не только к моральному, но и к физическому увечью. Что и произошло с вами, как я понимаю?

Он поднимается, наливает в стакан воды и протягивает Алетте. Та пытается его взять, но пальцы отказываются слушаться. Бокал начинает трястись, и камера выхватывает это крупным планом, транслируя на мозаику окружающих нас экранов. Ведущий забирает его раньше, чем тот упадет и разобьется, ставит на стол, а следом за ним на экранах появляется какой-то документ.

— Медицинское освидетельствование, — сообщает Джаред, указывая на мониторы. — Нарушение моторики и частично функций речи, эта девушка теперь инвалид. Девочка, у которой вся жизнь была впереди, и которая могла бы успешно закончить Кэйпдор, принести пользу обществу, Ландорхорну и всему Раверхарну.

Я в шоке. Я настолько в шоке, что сижу, как деревянная и понимаю, что не могу пошевелиться.

— А вы, Вирна? Расскажите нам... и всему миру о том, что с вами произошло в ту ночь?

Мое имя звучит настолько неожиданно, что я не сразу на него реагирую.

— Уверяю вас, нисса Мэйс, вам нечего бояться. — Джаред смотрит на меня. — Теперь, когда этому делу дали ход, никто не посмеет причинить вам вред.

Я сглатываю и перевожу взгляд в зал.

— Я не боюсь.

Первые словам получают такими же тихими, как у Алетты, но микрофон дает им вторую жизнь.

— Ну разумеется, — говорит Джаред. — Итак, что на самом деле произошло в ту ночь?

— Меня запихнули в эйрлат, предварительно тоже вкололи какую-то дрянь, — мне уже не хочется ничего этого говорить, поэтому слова получаются сухими и вымученными, — потом швырнули в океан. Потом...

— Потом?

Я не знаю, как обойти эту тему. Я просто понимаю, что не могу ее обойти — и что я в ловушке. Я сказала, что я не буду говорить про Лайтнера, но как я могу не говорить про Лайтнера, если он меня спас? Он спас мне жизнь! И я уже почти открываю рот, чтобы продолжить, когда Джаред меня перебивает:

— Хорошо. Все мы здесь понимаем, что пережить такое событие и возвращаться к нему снова и снова нелегко. Вам оказали медицинскую помощь, нисса Мэйс?

— Мне...

— Нет. Насколько я знаю, вас сразу отвезли в участок, все верно?

— Да, — выталкиваю через силу.

— Чудесно. — Джаред снова поворачивается к залу, в котором сейчас очень и очень тихо: — Девочку, которую дочь нашего Главного судьи, того, кто должен быть защитой и оплотом всех, повторяю — всех нас — швырнула в океан, просто отвезли в участок для дачи показаний. Никаких обследований. Никакой медицинской помощи. Поправьте меня, если я ошибаюсь, Вирна? А впрочем, вы меня вряд ли поправите. Если человек будет подышать на улице, возможно, кто-то его заметит. Но не того, кто только что чудом не попрощался с жизнью и может подхватить воспаление легких.

Зал снова взрывается возмущенным гулом, а у меня начинает кружиться голова. Она кружится настолько сильно, что меня начинает тошнить — совсем как в тот вечер, когда я напилась коктейлей у Кьяны и Хара.

— Я не заболела! — повышаю голос, но он не перебивает и часть того шума, который Джаред укрощает одним словом.

— Разумеется. — Вот как сейчас. — Вам повезло, вам действительно повезло, Вирна, в отличие от нее. От вашей подруги.

Джаред бросает на Алетту короткий взгляд и снова разворачивается ко мне.

— Расскажите нам пожалуйста, как вас встретили в участке.

— Мои показания записали, и...

— Не в этот раз. В другой. Когда вы приходили, чтобы выдвинуть обвинение.

Воспоминание об этом заставляет поморщиться.

— Его не приняли.

— Просто не приняли? — Джаред смотрит мне прямо в глаза, заставляя снова чувствовать бессильную ярость. Ту, которую я испытала, когда меня выставили из участка, сообщив, что Ромина не имеет никакого отношения к тому, что со мной случилось. К тому, как меня выдернули в участок политари, чтобы заставить перед ней извиниться, и когда все и вся свидетельствовали против меня.

Бессилие становится силой, и я твердо смотрю в камеру.

— Не совсем. Мне предоставили кучу фальшивых доказательств несостоятельности моего обвинения. Потребовали его снять.

Джаред молчит и просто смотрит на меня, а я продолжаю:

— Когда я отказалась, когда я решила бороться за то, чтобы Ромина Д'ерри за все ответила, меня пригласили в участок политари, где официально объявили, что обвинение снято, и что я должна извиниться перед Роминой за то, что поставила под угрозу ее репутацию. Алетта...

— Иными словами, — Джаред перебивает меня раньше, чем я успеваю сказать, что Алетта тоже свидетельствовала против меня, — вы хотите сказать, что вас принудили извиниться перед Роминой Д'ерри за то, что она вас чуть не убила?

Он снова поворачивается к залу.

— Таково правосудие Ландорхорна, ниссы и нистры. Увы, если ньестра или ньестр могут рассчитывать на помощь политари, на медицинскую помощь, простым людям остается только надеяться на чудо, которое, вполне возможно, сегодня и случится, но завтра обойдет стороной. Что касается обучения, — он развел руками, — так называемый «Калейдоскоп» тоже не дает никакой гарантии, что вы или ваш ребенок будете учиться. Потому что если нисса Грейм вынуждена была покинуть Кэйпдор по состоянию здоровья, то нисса Мэйс... Вы расскажете нам, Вирна, почему вы отказались от обучения?

Джаред поворачивается ко мне, и у меня по спине бежит холодок.

— Мне нужно было кормить сестер, а работа...

— Работа, — он грустно кивает, — разумеется, работа. Работа, обучение, забота о сестрах — все легло на плечи этой маленькой хрупкой девочки. Такое бывает, у всех случаются тяжелые времена, но мы не вправе их усугублять, не так ли? И все мы ответственны за то, что такое происходит на наших глазах.

Я не успеваю и слова сказать, картинка на экранах снова сменяется, теперь вместо нас и зала я вижу снимки. Знакомое побережье Пятнадцатого, наш старенький дом. И идущего к нему Диггхарда К'ярда.

Это заставляет меня вцепиться в диван ногтями — только чтобы не вскочить, подброшенной раскручивающейся внутри пружинной.

— Как думаете, что же правитель Ландорхорна забыл на Пятнадцатом? Судя по отсутствию его свиты, он приехал отнюдь не с официальным визитом. — Джаред поворачивается к зрителям. — Хотя кое-какая свита все-таки есть.

По залу проносятся сдержанные смешки. Очень сдержанные. А я только сейчас замечаю крупные размытые фигуры телохранителей отца Лайтнера.

— Впрочем, все станет понятнее, если мы обратимся в ниссе Мэйс. Вирна, это же ваш дом, верно?

— Это мой старый дом.

— То, что старый, это видно, — Джаред разводит руками, — но что от вас хотел Диггхард К'ярд?

Я сжимаю руки еще сильнее. Сдержанность никогда не была моей сильной стороной.

— Я не хочу отвечать на этот вопрос.

— Ну разумеется, вы не хотите. Вряд ли даже такая смелая девочка, как ты, способна свидетельствовать против Диггхарда К'ярда. Или я ошибаюсь?

Он смотрит мне прямо в глаза, и тишина, давящая на студию, звенит у меня в ушах. Я глубоко вздыхаю и повторяю. Твердо:

— Я не хочу об этом говорить.

— Ладно, — Джаред тоже вздыхает, с показным сожалением. — Тогда, возможно, захочет говорить наш следующий гость? Ниссы и нистры, позвольте вам представить — Лоран Мэргорд. Человек, который сейчас расскажет нам историю своей молодости.

Старик чуть ерзает на диване.

— По сути, рассказывать-то особо нечего, — у него прокуренный, сиплый голос, — моя история закончилась очень быстро. В юности я работал в заведении отца. Это было небольшое, но уютное место, там подавали льяри и очень вкусные булочки с кремом, гордость моей семьи. Рецепт передавался из поколения в поколение. Разумеется,

наше заведение было рассчитано больше на людей, но однажды там появились вьерхи. Они пришли на спор, я это точно помню... потому что мне об этом рассказали.

Джаред кивает и внимательно смотрит на него. Если меня он регулярно перебивал, то ему позволяет говорить без остановки.

— Рассказала девушка, в которую я влюбился. Вьерха. Она училась в Кэйпдоре, но бегала ко мне каждое утро. Тогда я этого не понимал, но сейчас понимаю — это был своеобразный бунт. Бунт против отца или нежелание быть как все. Разумеется, я ничего этого не видел. Я был влюблен в нее, и готов ради нее на все. А потом ко мне пришел ее отец.

— На этом моменте я вынужден кое-что уточнить. Как звали девушку, Лоран?

Старик опускает голову, потом снова вскидывает и смотрит в камеру.

— Келлин О'тьер.

— Ну а теперь я обращаюсь к вам, дорогие зрители, — произносит ведущий. — Кто-то из вас помнит эту девушку? Наверняка, это имя давно забылось и вряд ли скажет кому-то из вас многое. Точнее, могло бы забыться... если бы мы не говорили о супруге Диггхарда К'ярда.

Вот теперь я холодею по-настоящему.

— Но мы немного отвлеклись, — снова говорит Джаред в притихший зал. — Итак, что же было дальше, Лоран?

— Мне запретили к ней приближаться. Предложили деньги, но я, разумеется, отказался. Тогда моего отца вынудили закрыть кафе, а нас вышвырнули с Четвертого. Место, которое моему прадеду удалось получить исключительно благодаря своему таланту и заслугам перед отечеством...

— Каким именно?

— Он был одним из тех, кто записался волонтером после Нресской волны. Работал на завалах... помогал спасать раненых с утра до ночи. Людей, вьерхов, рискуя собственной жизнью на смертельно опасных завалах.

Лоран замолчал.

Джаред тоже молчал какое-то время, и когда затянувшаяся пауза уже стала откровенно заметной, все-таки произнес:

— Нресская волна... волна-убийца, зародившаяся под ныне необитаемым островом Нресс и обрушившаяся своей разрушительной силой на наш Ландорхорн. Что может сделать человек против силы стихии? Много! Отказаться от своих привычных будней, броситься в гущу событий, чтобы рисковать всем, видеть все это... разрушения, кровь, боль, смерть. Вытаскивать пострадавших из-под развалин, ступая по обломкам, где каждый неосторожный шаг может стать последним. Любой может стать героем, но не все могут это оценить. Так в Раверхарне благодарят детей героев, ниссы и нистры. Вынуждая отказаться от своего дела, от единственного, чем они могли заработать себе на жизнь. — Его голос звучит грустно и в то же время торжественно. — И все исключительно потому, что они не люди. Или потому, что они осмеливаются приблизиться к вьерхам. Осмеливаются любить их. Не так ли, нисса Мэйс?

Это ударяет в меня с силой волны, которую я же и создала, вот только на этот раз спасти меня некому. Я рта не успеваю раскрыть, а на экранах уже снимки, на которых мы с Лайтнером сидим и пьем льяри. Снимки достаточно четкие несмотря на то, что сделаны сквозь стекло. Я помню этот день, мы с Кьяной как раз ходили в архив, а потом Лайтнер забрал меня, и мы сидели здесь.

Один из самых уютных и счастливых дней в моей жизни.

— Я ухожу, — я поднимаюсь так резко, что чудом не подворачиваю ногу. Лодыжку простреливает боль.

— Разумеется, вы уходите. — Джаред преграждает мне путь, но я вижу свое лицо на экране — белое, с расширенными глазами, потому что камеры здесь повсюду. — Точно так же, как вас вынудили забрать документы из Кэйпдора. Все потому, что у вас не было другого выбора, не так ли? Точно так же, как в свое время Лорана, вас вынудили отказаться от этих отношений.

Я пытаюсь его обойти, но он снова шагает в сторону.

— Но в отличие от людей, вьерхи очень быстро забывают о своих привязанностях. И что мы можем видеть сейчас? Каким мы можем видеть героя, который якобы спас ниссу Мэйс, когда прыгнул за ней в океан?

На этот раз на мониторах те самые снимки, те, на которые залипали все девочки в клубе. Лира и Лайтнер.

Джаред поворачивается к залу, чтобы что-то сказать, и это дает мне преимущество: я с силой бью его в грудь, отталкивая. От удара по микрофону выходит такой звук, словно рядом взорвалась маленькая бомба, но мне плевать. Я слетаю в зал и бегу к кулисам, на ходу срывая с себя микрофон. Швыряю его на пол, вылетаю в темноту, потом в коридор, но даже там мне не становится легче.

Сворачиваю к туалетам, запираюсь в одной из кабинок и обхватываю себя руками, чтобы унять дрожь. Это больше напоминает страшный сон, с той лишь разницей, что такое мне даже в страшном сне не могло присниться. Я сижу в этом туалете, уткнувшись лицом в колени, кто-то заходит, кто-то выходит, а я напрочь теряю счет времени, я понимаю, что мне нужно отсюда выйти, нужно переодеться и ехать домой, но сил в себе подняться просто не нахожу.

Перед глазами мелькают кадры из шоу, Алетта, Лоран, Джаред. Все это как смазанный калейдоскоп лиц и событий, включая зал и присутствующих зрителей, но четче всего лицо Лайтнера. Там, на тех снимках, где мы сидели в кафе.

Это ненормально, но именно он придает мне сил.

Я поднимаюсь, выхожу и иду по направлению к гримерной. Игнорирую попытки со мной заговорить, а когда вижу Джареда, шагающего ко мне со своей ухмылкой, сжимаю кулак. Очевидно, мой жест он понимает, потому что тут же отступает, вскинув ладони вверх.

На тапете мигает с десятков сообщений, большей частью от Вартаса.

«Вирна, где ты?»

«Я тебя заберу».

«Вирна, ответь».

Дальше все в том же ключе, несколько вызовов от Вартаса и одно сообщение от Кьяны. Я не решаюсь его открыть, потому что не представляю, что там будет. Точнее, представить как раз могу, но не уверена, что смогу это выдержать, поэтому просто выключаю тапет. Если когда я летела по коридору переодеваться, у меня было желание найти Дженну и высказать ей все, сейчас не осталось даже его.

Все, чего я хочу — это чтобы все от меня отстали.

Поэтому переодеваюсь, заворачиваюсь в куртку и вылетаю из студии прямо в холодный ветер и начинающийся снег.

Глава 18. Изгнанники

Лайтнер К'ярд

Благодаря ночным сменам в «Бабочке» мой распорядок дня отныне был таким: работа до пяти утра, пара-тройка часов на сон, посещение пар (сколько получится), обед, послеобеденный досып, выполнение контракта для «Эрры» и встречи с Лирой, снова работа в «Бабочке». Где-то в перерывах я умудрялся полистать конспекты, сгонять в бассейн, чтобы не терять форму, и лишний раз вздремнуть.

Решение вернуться на учебу было непростым, моя жизнь падала на дно, и я вместе с ней. Но одновременно с этим приходило осознание, что для меня действительно важно, а важным были мама и Эн. И если с первым было сложно, то никто не мешал мне искать любое упоминание о тех установках в библиотеке Кэйпдора.

Если бы это только помогало! У меня все время возникало чувство, что я блуждаю в лабиринте, но так и не нахожу выхода. Единственное, что удалось найти — упоминание про работу аспирантов Кэйпдора. Вроде как после Нресской волны несколько ученых пытались создать машину, которая в случае чего предотвратит новую катастрофу. Но у них ничего не получилось, проект закрыли и предпочли о нем забыть.

Один файл из тысячи просмотренных! Когда я его откопал, чуть ли не прыгал от предвкушения, считая, что нашел тропинку, которая приведет меня туда, куда нужно. Но через несколько дней пришлось признать, что это тупик. Кто бы не установил тех механических спрутов, он постарался замести все следы, и это наводило на мысли, что в этом замешан мой отец.

Хотя, возможно, мне просто этого хотелось.

Хотелось видеть его большим злом, чем он есть.

Потому что благодаря ему мама не могла связаться со мной. Не знаю, чем он ее запугал, но она больше не была на моей стороне, и это приводило меня в ярость. Возможно, будь моя жизнь чуть менее насыщенной на события, я бы варился в этой ярости постоянно, но она была именно такой. Слишком быстрой и не всегда приятной.

Пожалуй, самым приятным в моих буднях стали визиты к Эн — я наконец-то купил снаряжение и костюм в одном не совсем легальном магазине, и теперь примерно раз в неделю навещал раг'эну — и свидания с Лирой. Последние, к счастью, случались чаще. Петра пришла в восторг от того, что мы встречаемся и попросила чаще появляться на публике. Вроде как наш головокружительный роман поможет продажам. Благодаря этому с Лирой мы виделись чаще, чем с Эн.

Оказалось, что у нас очень много общего: не только бунт против родителей, но и вкусы. Общие любимые книги, художники, музыка и даже еда. На этот раз я не торопился забегать вперед, ухаживал за ней и наслаждался этим. По крайней мере, с Лирой я забывал о своих проблемах, забывал о своей ярости. Она умела перевести тему. С ней я смеялся.

С ней я почти забыл о Вирне. Наверное, забыл бы совсем, если бы не сталкивался с Мэйс в «Бабочке» или случайно замечал ее сестер в холле кондоминиума. Однажды малышка Тай широко мне улыбнулась, но я сделал вид, что не знаю их, и прошел мимо. Больше она мне не улыбалась.

А еще Мэйс начала мне сниться, будто решила преследовать меня в моем подсознании. В этих снах я все время спасал ее от надвигающейся волны. Вроде той, что пришла к дому Зорга. Случившееся на берегу подтверждало, что Вирна лгунья. В один из дней, когда я завис в библиотеке, я специально решил найти все про лиархов. В отличие от неизвестных установок, про сказочную расу в Кэйпдоре нашлось просто море файлов, и в большинстве статей говорилось, что лиархи управляли водой с той же легкостью, с которой вьерхи управляют силой земли.

Если она лиарха, то какого едха не остановила ту волну?!

После того случая я так разозлился, что в мифы больше не заглядывал, но тем не менее сны от этого не прекратились. Я раз за разом хватал Мэйс, защищая от разрушительной силы волны. Вот как сегодня!

Когда над ухом зажужжал звонок будильника, я попытался задержать дыхание и выплыть, таща за собой Вирну. Звонок повторился, а я отбросил в сторону подушку, которую во сне принял за Мэйс, и понял, что звонит не будильник — звонят в дверь.

Сегодня у меня не было занятий во второй половине дня, поэтому я вернулся домой и завалился спать, чтобы выдержать смену. Судя по времени, у меня было еще полтора часа как минимум. Но какой-то едх решил, что мне пора вставать!

Потому что снова нажал на кнопку звонка.

Я провожу ладонью по лицу, пытаюсь стереть остатки сна, и соскребаю себя с постели. Как есть, в спортивных штанах, майке и босиком, направляюсь узнать, кого там принесло.

— Какого едха?! — интересуюсь, открывая дверь, и осекаюсь, потому что на пороге стоит Кьяна.

Бледная, перепуганная, но главное — одна. Я не общался с друзьями с той злосчастной вечеринки. Не стремился, и они тоже. Это Мэйс тоже испортила, либо испортили мы вместе. Поэтому визит Кьяны неожиданный, и в голову приходит только одна мысль, от которой мне становится нехорошо.

— Что с Харом?

Кьяна стискивает свою сумочку так, словно собирается ее сплющить, но мотает головой.

— С ним все в порядке. Я здесь не из-за этого. Ты видел ток-шоу?

— Ток-шоу? — хмурюсь я. — У меня нет на это времени.

— И даже новости не видел? — выдыхает Кьяна.

— Нет. Я вообще спал... В чем дело? Ты выглядишь так, будто началась война.

— Я даже не представляю, что хуже.

Я знаю. Хуже всего, когда всем вокруг известен какой-то секрет, а я, как маруна, хлопаю глазами. Впрочем, когда я хватаю тапет с барной стойки и открываю новостную ленту, мои брови ползут вверх.

Потому что первый же заголовок просто кричит: «Супруга Диггхарда К'ярда откупилась от любовника!»

Что за едх?!

Пробегаюсь глазами по статье, в которой говорится, что Лоран Мэдгورد рассказал историю моей матери. Точнее, ту часть, в которой он взял деньги и уплыл в закат. Правда, почему-то СМИ выставляли его жертвой произвола вьерхов, а не маруной, не пожелавшей бороться за свою любовь. Все журналисты из статьи в статью, из видео в видео, которые мне подбрасывала контекстная реклама, смаковали, какая мать

ужасная, что выгнала семью Мэдгорд с насиженного места, насмеялись над видимой «безупречностью» К'ярдов.

— Лайтнер?

Я так погрузился в чтение, медленно закипая от гнева и преследуемый единственным желанием найти этого едха и утопить в какой-нибудь луже на Пятнадцатом, что напрочь забыл про Кьяну. Поэтому сейчас, наверное, посмотрел на нее так, будто видел впервые.

— Лайтнер, я сожалею, что так получилось с Вирной.

— С Вирной? При чем здесь Вирна?

Вопрос оказался риторическим, потому что следующими мне попались наши с Мэйс фото в кафе и статья с заголовком: «Отверженная девушка героя».

Камень от скалы недалеко падает. Сначала ньестра К'ярд откупила от своего возлюбленного, а теперь ее старший сын пошел по материнским стопам. Герой Ландорхорна поиграл простой девочкой Вирной Мэйс и бросил ее ради звезды парфюмерно-косметической компании «Эрры», конечно же, вьерхи, Лиран Р'харат.

Не знаю как смех сочетается с желанием убивать, но это были именно те эмоции, которые бились во мне. Но еще больше мне хотелось получить объяснения.

— Кьяна, что это вообще за хидрец? Откуда все это?

— Можно, я пройду? — интересуется девушка, и запоздало уточняет: — Ты один?

— Да, — отвечаю я на все вопросы, хотя в таком состоянии, наверное, согласился бы с чем-угодно.

Я делаю шаг в сторону, пропуская Кьяну, и она проходит в студию, но не снимает пальто, просто замирает посередине комнаты.

— Вся эта буря началась после сегодняшнего дневного шоу. Вирна выступила на нем.

— Мэйс на шоу? Против моей матери?

Теперь я не просто хочу убивать. Я хочу выйти, дойти до конца коридора, дождаться пока она откроет дверь и... я даже представить не могу, что я могу сейчас сделать.

У мамы слабое сердце! Оно может не выдержать всего этого кошмара. Но вряд ли кого-то это интересует. Вряд ли Мэйс это

интересует. Она уже не раз доказывала мне, что ей интересна только она сама. Как я мог так в ней ошибаться?

Ярость поднимается откуда-то изнутри, будто отравляет меня.

— Вирна не выступала против твоей матери, Лайтнер.

— Конечно, — цежу я. — Зачем ей это? Наверное, она обвинила во всем меня. Рассказала всем, что я ее бросил? — интересуюсь я, показывая на статью, по-прежнему открытую на тапете. — Просто потрясающе! Она послала меня морем, а виноват я.

В отличие от меня, готового не просто закипеть — взорваться, Кьяна даже не повышает голос.

— Она ничего такого не говорила, Лайтнер. Мне кажется, тебе стоит посмотреть шоу в записи, прежде чем судить.

Я швыряю тапет на диван и направляюсь к барной стойке, которая отделяет от комнаты зону кухни:

— Знаешь, я достаточно насмотрелся. Мне хватит и того, что есть. Хочешь льяри?

— Речь шла про Ромину.

— Д'ерри? — Я оборачиваюсь, чтобы поймать взгляд Кьяны. Она кивает.

— Теперь мне точно нужен льяри. Сейчас сделаю, а ты мне обо всем расскажешь.

Я делаю льярри, запускаю машину, и пока она готовит напиток, достаю из холодильника сэндвичи. Делаю все это на автомате, потому что мысленно я далеко. Мама. Вирна. Ромина. От всего этого голова водоворотом. Точнее, будто меня самого затянуло в этот водоворот, а вот испуг Кьяны, кажется, проходит — она берет себя в руки и устраивается на барном стуле.

— Они обвинили Ромину в прямом эфире. В том, что она сбросила Вирну в океан. Притащили на шоу девочку-инвалида, которая тоже пострадала.

— Стоп! Какую девочку?

— Подругу Вирны из Кэйпдора. Алетту, кажется.

— Пострадала? — приподнимаю бровь. — Именно она ее и подставила, сдав Ромине!

— Я рассказываю то, что было в шоу.

Машина пиликает, сообщая, что льяри готов, и я разливаю ароматный напиток по чашкам, подвигаю Кьяне ее порцию.

— Что еще?

— Вирне практически не давали сказать ни слова. Они подняли тему неравенства. Что людей ни во что не ставят, легко могут уволить, лишиться жизни выгнать из дома или из университета, как случилось с Вирной.

— Мэйс ушла сама, — напоминаю я.

— Нет, — отрезает Кьяна. — И у меня есть доказательства.

Она достает из сумочки тапет, быстро-быстро что-то на нем листает и наконец-то подает мне.

— Вирна моя подруга, — говорит она, и тут же неуверенно добавляет: — По крайней мере, была ею. Поэтому я провела свое исследование. Это уведомление об отчислении, такое отправляют студентам, которых выгоняют из Академии, а не тем, кто забирает документы самостоятельно.

Не хочу даже знать, каким образом Кьяна достала этот документ. Не хочу больше ничего знать о Мэйс.

— И что это подтверждает? Еще одну ложь Мэйс? Зачем ты вообще в этом копаешься? Она не считает тебя своей подругой. Наверняка, думает, что все вьерхи последние едхи, и наслаждается тем, что сделала.

А еще торжествует, потому что вытащила всю эту тину на поверхность. Пальцы сами собой сжимаются в кулаки.

— Это не так, Лайтнер. И если ты не сменишь тон, я встану и уйду. Прямо сейчас!

— Так что ты тут забыла? — рычу я. — Зачем вообще пришла и носишься со мной? Вы с Харом уже определитесь, друзья мы или нет.

— Хар не знает, что я пришла к тебе. Это исключительно моя инициатива.

— С чего бы это?

— Потому что я была на твоем месте. Я и сейчас на твоем месте. Меня тоже выгнали из дома. Мой отец выгнал.

— Дай угадаю, ты тоже влюбилась в человека, и папочка был против?

Кьяна с шумом отодвигает чашку и поднимается. У нее такой вид, будто она готова мне врезать, но вместо этого она просто выдыхает:

— Нет, я отказалась поддержать его во мнении, что люди это только грязь под ногами.

Она разворачивается и собирается уйти, а мне становится стыдно. Потому что в последнее время я привык обвинять всех и вся, кроме себя. Поэтому я обхожу стойку, удерживаю ее, положив руку на плечо, и прошу:

— Расскажи мне, что случилось.

Кьяна раздумывает секунду, потом все-таки кивает и возвращается на место. Очевидно, что пришла она сюда ради этой истории, а мне становится интересно, какое отношение к этому имею я или Мэйс.

Она делает глоток льяри и только после продолжает:

— Нам с тобой очень повезло. Мы не только родились вверху, но и в семьях, обладающих большим влиянием. Я же с детства принимала это как должное: дорогие подарки, игрушки, одежда на заказ, лучшие репетиторы, коучи, индивидуальные тренировки... Любые желания! Еще бы, единственный ребенок четы М'эль. Дочь. Родители очень любили меня, особенно отец, поэтому у меня было все, что я захочу. Точнее, у меня все появлялось даже раньше, чем я успевала о чем-то задуматься. Единственное, что меня расстраивало — что отец больше занят политикой, а мама саморазвитием и собственным благотворительным фондом. Но даже это в то время мною воспринималось как норма. Для меня было нормой, что я провожу больше времени с людьми, чем со своей семьей.

— С людьми? — уточняю я.

— Скажешь, в отцовском доме нет прислуги? У вас разве не было няни? Управляющего домом? Садовника? Горничных?

— Конечно, были и есть.

Представил, как Диггхард К'ярд сам застилает постель, и фыркнул.

— Но им запрещено обращаться к кому-либо из вверху первыми. Свою няню я практически не помню, а вот няня Джуборо была тихой и незаметной, его тенью.

— И тебя это не напрягало? — воинственно интересуется Кьяна.

— Раньше нет. Как видишь, у всех была своя норма.

Пока я не встретил Мэйс. Но дело было не только в ней, а, например, в малышке Тай. Она ничем не отличается от маленькой

вверху, точно такая же милая, открытая миру девочка, которая, к сожалению, большую часть своей жизни провела в лачуге. Или взять хотя бы официанток из «Бабочки». Они всю ночь проводят на каблуках, носят тяжелые подносы и прислуживают вверху, но все равно умудряются шутить и смеяться.

— А сейчас? — Голос Кьяны возвращает меня в реальность, и я смотрю ей прямо в глаза.

— Сейчас я отношусь ко многому по-другому. Но сейчас я живу почти как человек.

— Это неправда, Лайтнер. Ты никогда не станешь человеком. Никогда не перестанешь быть К'ярдом. С людьми не заключают контракты парфюмерные компании, рекламу с ними не крутят по всем каналам, их не назначают управляющими элитных ночных клубов, не требуя опыта работы.

Теперь льяри горчит на языке, потому что слова Кьяны попадают в самое болезненное место. В сердце. В мои сомнения.

Что без отца я никто.

— Ты вроде хотела мне рассказать о том, как ушла из дома, а не в очередной раз ткнуть мордой в песок, — напоминаю я. — И ты неправа насчет людей. Они могут попасть на все каналы, если начнут полоскать грязное белье какого-нибудь вверху.

Кьяна сердито сверкает глазами, причем даже не в переносном смысле, потому что ее зрачки растягиваются. Тем не менее продолжает она спокойно.

— Когда я была малышкой, я большую часть времени проводила со своей няней и с нашим шеф-поваром. Мне очень нравилось помогать ей с украшением пирожных или закусок. Так как отец выполнял любой мой каприз, то к моему странному хобби относились со снисхождением. С людьми мне было даже интересней, чем с вверху, потому что в них не было этой снисходительности, чопорности. Они казались мне более свободными. Ключевое слово здесь — казались.

Кьяна судорожно вздыхает и делает еще один глоток льяри, а я только замечаю, что проглотил сэндвич и не почувствовал его вкуса.

— Ее звали Эрин, — в противовес нашему серьезному разговору, подруга улыбается, будто вспоминает что-то приятное. Или кого-то

очень близкого. — Она всегда была очень солнечной. Всегда находила правильные слова, даже когда я злилась или расстраивалась. Говорила, что если выплакать обиду или прокричать злость, то они уйдут и не будут меня мучить. И я действительно никогда долго не плакала, рядом с ней я всегда смеялась. Она не заменила мне мать или что-то вроде этого, но стала мне лучшим другом.

Что-то мне подсказывало, что у этой истории несчастливый конец, но от комментария я удержался.

— Мне было тринадцать. Помимо Эрин у меня появились другие друзья. Вьерхи. Я больше времени проводила с ними, и не заметила того, что должна была. Однажды я пришла домой, и Эрин меня не встретила. Когда я поинтересовалась у родителей, почему, оказалось, что он ее уволил. Выгнал без пособия и рекомендаций. Причина? Причина тоже была простой. Недостойное поведение. К нам часто приходили друзья отца, его партнеры по бизнесу, и Эрин отказала одному вьерху. Он отказа не принял и попросту ее изнасиловал в нашем же доме. Но так и остался партнером отца, а Эрин... Мою милую Эрин выгнали на улицу!

Я готов хоть прямо сейчас найти этого урода и съездить ему по физиономии. Потому что на месте Эрин могла оказаться любая девушка. Одна из моих подчиненных в «Бабочке». Или сама Мэйс. Эта мысль особенно заставляет сжимать челюсти. Потому что случившееся с Эрин ничем не лучше падения в океан.

Кьяна всхлипывает и запрокидывает лицо вверх, чтобы не расплакаться. Но я тянусь к ней, сжимаю ее ладони в своих и говорю:

— Не сдерживайся, Кьяна. Боль нужно выплакать.

И плотину под названием «невозмутимая Кьяна» срывает, она плачет, а я ее обнимаю. Хар меня убьет, по крайней мере, за то, что расстроил его девушку. Но Кьяна не только его девушка, она мой друг.

— Ты пыталась ее найти?

— Я нашла ее, Лайтнер, — всхлипывает она. — Не сразу, потому что не знала про насилие. Родители выставили все так, будто была виновата сама Эрин. Я не поверила, нет, но мне было стыдно за их поступок... За то, что они ее обвинили. Мне было настолько стыдно, что я долгие годы оттягивала свой к ней визит. До тех пор, пока не стало поздно. Эрин несколько лет проработала в городской школе на Тринадцатом, но ее здоровье подорвала вся эта ситуация и жизнь в не

самом благополучном районе. Она умерла два года назад. Об этом мне рассказал ее муж. Он тоже работал водителем отца, и попал под раздачу вместе с Эрин. Но они не стали выступать на шоу, не стали переходить дорогу могущественной семье М'эль.

Последние слова она выдает с какой-то злостью и отвращением.

— Я их понимаю, Лайтнер, — говорит она, отстранившись. — Тех людей в прямом эфире. Не думаю, что они приходят на эти шоу, чтобы урвать пару минут собственной славы. Считаю, что они ищут справедливости.

— Я нашел справедливость для Мэйс и потерял все, — отвечаю, и понимаю, что во мне больше нет злости. Это просто факт. С появлением Вирны в моей жизни все изменилось, в том числе, я сам. Но едх, почему-то винить ее больше не получается.

— А ты случайно не спросил, что потеряла она?

Последний вопрос Кьяны возвращает меня на землю. Что я там говорил про не получается винить?

— Проблема в том, что сколько бы я не спрашивал, она все время лжет, — устало говорю я.

— Может, проблема в том, что ты не так спрашиваешь, Лайтнер? Может.

А может, мы просто несовместимы.

Кьяна осторожно стирает слезы с щек, шмыгает носом, но все равно умудряется выглядеть решительной, и я вспоминаю, что нужно от нее отодвинуться.

— Даже не представляю, что Вирна чувствует после того шоу. Она ушла на половине. Просто сорвала с себя микрофон.

Как это похоже на Мэйс.

— Не представляешь, но хочешь знать? — догадываюсь я.

— Очень. Я отправила ей сообщения со словами поддержки, но она даже его не прочитала. Понимаешь, она игнорирует все мои попытки ей помочь.

Еще как понимаю!

— Просто посмотри видео, — просит Кьяна, — вот увидишь, я права.

— Я посмотрю шоу и поговорю с ней, — обещаю я. — Нормально поговорю, а не как обычно. Но не могу ничего обещать. Мэйс для меня

загадка, и мне сложно сказать, когда она говорит правду, а когда лжет.

Одна байка про лиархов чего стоит!

— Просто поддержи ее. Пусть она не чувствует себя брошенной и забытой, как моя Эрин. Она тебя послушает, потому что любит.

А вот это будто удар под дых.

— Ты ошибаешься, — говорю я.

— Ты еще большая маруна, чем я думала, Лайтнер Кьярд. К тому же, совершенно слепая.

Я складываю руки на груди:

— Предлагаю перестать меня оскорблять, если ты по-прежнему хочешь встретиться с Эн.

— С раг'эной? — у Кьяны загораются от предвкушения глаза. — Я готова в любое время.

— Только возьмем с собой Хара, — предлагаю я, — а то я чувствую себя неловко.

— Мы доверяем друг другу. Попробуй как-нибудь, это приятно.

Кьяна уходит, а я нахожу запись шоу и просматриваю его. Нужно было начинать с него, не с глупых заголовков! Если бы не имя, я бы вообще не узнал Мэйс. Такой она никогда не была в Кэйпдоре, такой она не была, даже когда я выловил ее из океана. Бледной, безжизненной. Оживает Вирна только в мгновения, когда рассказывает про Ромину. Только тогда я узнаю яростную, живую Мэйс.

Отстраненно досматриваю шоу до конца, хотя после драматического ухода Вирны ничего интересного не происходит. И понимаю, что честно собираюсь выполнить обещание, данное Кьяне.

Я собираюсь поговорить с Мэйс об этом. Но теперь на своих условиях.

Тем более что у меня есть повод.

Глава 19. Мы другими не станем

Вирна Мэйс

Обычно я влетала в «Бабочку» на полном ходу, но сейчас просто физически не могла заставить себя туда войти. Изначально думала о том, чтобы не ехать вообще, но если не ехать вообще, тогда на все, что я делала, из-за чего я вообще согласилась на это интервью, можно было смело класть лапы. Поэтому я поглубже вдохнула и шагнула за двери служебного входа.

— Вирна, привет!

— Привет!

Разом поприветствовали меня охранники.

— Крутое интервью!

— Моя дочь в восторге. Здорово ты всех их сделала!

Я ничего не сделала, захотелось сказать мне. Я сбежала. Это первое. И второе — я совершенно не гордилась даже тем, что успела наделать, но в глазах охранников горели самые что ни на есть неподдельные восторг и восхищение.

— Как тебе вообще это удалось?

— Как это пропустили в вещание?

Хотела бы я знать, но это все были вопросы к Дженне, а я была настолько на нее зла, что не хотела видеть вообще. По крайней мере, сегодня.

— Ну хватит, не наседайте на девочку, — произнес Бардж. Тот самый охранник, с которым я познакомилась, когда впервые пришла в «Бабочку» искать Лэйс. — Она и так много всего сделала сегодня, а у нее еще смена. Дайте пройти.

Все охранники, четверо здоровенных мужчин, смотрели на меня как на героиню, и я сделала то же, что и сегодня в студии — попросту говоря, сбежала. Ладно, по крайней мере, это было не настолько плохо, как представлялось изначально. Потому что изначально представлялось очень и очень плохо, и разговор с сестрой стал тому подтверждением. Я уже начала привыкать к тому, что мы с Митри

либо не разговариваем вообще, либо рычим друг на друга. Но это вышло как-то совсем остро.

— Как это на тебя похоже, — заявила она, едва вернувшись домой. Честно говоря, я и сама недавно вернулась, потому что до этого сидела на берегу моря и смотрела на падающий в него снег. Пелена была настолько густой, что казалось, море стирает границы неба, а небо поглощает море.

— Ты о чем?

— О том. — Митри швырнула сумку на пол и пнула ее ногой, та отъехала в сторону шкафа. — У тебя пропала сестра, а ты ни словом... ни словечком о ней не обмолвилась, хотя обещала мне... нам, что ты ее найдешь!

— Тай, иди к себе, пожалуйста, — попросила я.

— Я тоже пойду. — Митри шагнула вслед за младшей, но я перехватила ее за локоть.

— Надо поговорить.

— С тобой? Нет, не надо. Не хочу говорить о том, как ты, краснея и бледнея, сбежала при одном упоминании Лайтнера К'ярда, хотя могла сделать их всех!

— О чем ты говоришь, Митри?!

— О том, что Лэйс исчезла, Ромина сбросила тебя в океан, вверх плевать, сколько людей сдохнет от голода, но все, о чем ты можешь думать — так это парень, которому нет до тебя никакого дела!

— Я, по крайней мере, за ним по льярийням не бегаю.

У сестры сверкнули глаза.

— Ненавижу тебя!

Митри рванулась с такой силой, что чуть не оставила у меня в кулаке рукав, а потом швырнула куртку на пол и скрылась за дверью. Я посмотрела ей вслед и пошла на кухню, варить себе льяри, потому что после заснеженного побережья в тепле начинало клонить в сон. Озябшие пальцы слушались плохо, но все-таки слушались, потом я сидела у себя в комнате и дула на дымящийся в чашке напиток, глядя как Ландорхорн укутывает снегом.

Словом, если брать разговор с сестрой и разговор с охранниками, то последний прошел весьма позитивно. Правда, сейчас мне еще предстоял разговор с девушками, поголовно влюбленными в К'ярда по

умолчанию. Когда я об этом думала, я начинала жалеть, что меня не смыло собственноручно вызванной волной в океан.

Обычно я делала макияж, потом шла переодеваться, но сегодня сначала надела форму. Закрyla шкафчик, взгляделась в свое отражение — не сильно, в общем-то, сейчас отличающееся от образа, которого добивался Джаред. Поморщилась и поспешно вышла из раздевалки: чем быстрее я встречу с девчонками, тем лучше.

— Куда ты так торопишься, Мэйс?

Голос К'ярда прозвучал так неожиданно и так близко, что я чудом не снесла настенный светильник-пирамидку, когда обернулась.

Как раз в тот момент, когда он вплотную шагнул ко мне, втолкнул обратно в раздевалку и заблокировал дверь.

— Это женская раздевалка, К'ярд, если ты не заметил, — сарказм в моем голосе было не разбавить даже океаном.

— Заметил. Еще я заметил, что ты собиралась сбежать.

— Общаться с тобой не входило в мои планы, — хмыкнула я. — Что тебе опять нужно? Рассказать мне, что я постоянно вру? Теперь еще и в прямом эфире?

— А это не так?

Интересно, это нормально желание — треснуть одного конкретного вьерха дверцей шкафчика? Впрочем, о чем я. Между нами никогда ничего нормального не было и не будет.

— Сам решай, — ответила я. — Возвращаясь к твоему вопросу, я шла на работу, поэтому отойди.

— Зачем? — поинтересовался этот едх. — Теперь все в курсе того, что между нами было. Ничего странного, что мы запираемся в раздевалке.

Дверцей шкафчика — это ему слабовато будет.

— Нет, согласно той версии это как раз странно, — ответила я. — Тебе положено таскать за собой прицеп по имени Лира и мило улыбаться на камеру. Дай пройти.

Что-то в выражении его лица подсказывало, что пройти мне не дадут. К сожалению, поблизости не было ни моря, ни океана, ни даже крохотного озерца, чтобы окатить его водой, поэтому я сложила руки на груди.

— Ладно. Говори, что тебе нужно, и уходи.

К'ярд потер лоб.

— Мне нужно понять, что вообще происходит. Почему ты так себя ведешь?

— Я тебе уже объяснила, что происходит. Несколько раз. Оба раза ты предпочел меня не слушать.

— Оба?

— Первый — когда я сказала, что управляю водой. Второй — когда объяснила, что клуб — прикрытие для ныряльщиков, — я понизила голос, — и что тебе здесь нечего делать. Хотя по-моему, второй был первым, а первый — вторым, но дела это не меняет.

— Это они устроили тебе интервью?

— О, у Лайтнера К'ярда заработал мозг!

Он поморщился.

— Нормально ответить можешь?

— Каждый раз, когда я с тобой говорю нормально, я потом огребаю.

— То же самое можно сказать о тебе!

С минуту мы играли в гляделки, а потом в дверь постучали. Очень, кстати сказать, в тему: я пожала плечами и ткнула ему за спину.

— Все, как ты и хотел, Лайтнер. Теперь нас увидят запертыми в раздевалке.

— Эй! Кто там закрылся? — недовольный голос я узнала сразу, Дон, одна из давно работающих девушек.

— Ну? Что? Так и будешь на меня смотреть? — поинтересовалась под пристальным взглядом.

— После смены не убегай, — предупредили меня. — Попытаешься это проверить — я тебя найду, и мало тебе не покажется.

Я подошла к нему вплотную, глядя на него снизу вверх. Кажется, я уже забыла, каково это — вот так задирать голову, стоя рядом с ним.

— Я тебя не боюсь, К'ярд. Хочешь со мной поговорить — научись говорить нормально. Просить, как минимум, а не приказывать.

— Хорошо, — неожиданно быстро произнес он. — Я тебя прошу. Не уходи после смены без меня.

— Я подумаю, — ответила я, обошла его и открыла дверь, в которую уже начали ломиться.

Лица собравшихся возле раздевалки надо было видеть, но будь я на их месте, наверное, точно так же глазела бы.

— Всем привет, — сказала я и направилась в гримерную раньше, чем кто-то успел вставить хотя бы слово.

Ничего, пусть Лайтнер с ними объясняется. Он же теперь управляющий, или помощник управляющего, к тому же, всеобщий любимец.

В гримерной на меня глазели в точности так же, как возле раздевалки. Правда, при моем появлении стихли все разговоры, и сразу стало понятно, что обсуждали сегодня не предстоящий вечер и не клиентов. Даже визажисты притихли, но к такому я была готова. Я ко многому была готова, только не к тому, что...

— Вирна, это было так круто!

— Ты такая смелая, что решилась обо всем рассказать! Я бы не смогла.

— Как ты вообще туда попала?

— Представляю, как бесится Диггхард К'ярд!

— А Лира — драная надра.

Все это вывалилось на меня сплошным потоком и так быстро, что мне оставалось только моргать.

— Это очень, очень смело!

— Как ты вообще себя чувствуешь?

Э...

— Хорошо, — осторожно ответила я, пытаюсь справиться с потоком внимания к собственной персоне и к тому, что меня не закидали... ладно, ничем не закидали.

— Надеюсь, Ромину посадят надолго!

— Посадят? Да ее прибить мало, — процедила одна из девушек.

— Это точно!

— Всех их мало прибить! За то, что они с нами делают!

Если шоу повергло меня в шок, то происходящее сейчас — в легкий ужас. Потому что девочки, которых я знала, вели себя так, как никогда раньше. Никогда раньше я не могла представить, что милая спокойная Рис может кому-то пожелать смерти. Или что остальные ее поддержат, шум в гримерной поднялся такой, что я уже и забыла, как звучит тишина. Тишина, которой меня встречали, превратилась в ярость, от которой воздух просто дрожал.

— Девочки! Девочки, в кресла! — перебивая общий шум, произнесла одна из визажисток, и стало тише.

Ненадолго, впрочем: до появления Тимри, Дон и всех видевших меня вместе с Лайтнером.

— Что он от тебя хотел? — на ходу влетая в гримерную, поинтересовалась Тимри.

— Придушить, чтобы я больше ничего не сказала, — вырвалось у меня. — Шучу! Девочки, я шучу!

— Я не хочу с ним работать. И с Н'эргесом тоже, — сказала Зимми.

— И куда ты пойдешь?

— К Дженне! Она должна что-то сделать!

— У нас все клиенты — вьерхи. Боюсь, если выкинуть их всех из нашей жизни, «Бабочка» просто закроется.

— Я сегодня точно плюну кому-то в коктейль!

— Вы с ума сошли?! — вырвалось у меня.

Вырвалось случайно, но все, как по команде, посмотрели на меня. От этого пристального внимания снова стало не по себе.

— Девочки, я пошла на это шоу из-за Ромины. Она действительно пыталась меня убить, и у меня действительно не было возможности достучаться до правосудия, но Лайтнер... — Я тут же поправилась: — К'ярд, меня спас. Он прыгнул за мной в океан, я не знаю, кто еще мог бы такое сделать, и не только он... я знаю вьерхов, которые действительно готовы помогать людям.

— И кто это?

— А с Лайтнером у тебя сейчас что-то есть?

— Ты уже знаешь, что будет с Роминой?

— Что ты думаешь про Лиру? Она такая же надра?

— Все, хватит! — Тимри шагнула вперед, закрывая меня собой.

— Отстаньте от нее, дайте выдохнуть. Не знаю как насчет вас, но прямо сейчас мне потеря работы не в тему, поэтому давайте сделаем макияж, а потом будем решать, кто и когда увольняется.

— Вот так мы всегда и терпим, — пробурчала Зимми, но все-таки отступила.

Оглушенная случившимся, я настолько провалилась в собственные мысли, что даже не заметила, как мне сделали макияж.

Очнулась только от голоса:

— Готово!

Едва успела спрыгнуть со стула, как ко мне подлетела Тимри (уже покрашенная и с прической), схватила меня за руку и потащила за собой. Стоило нам оказаться один на один в коридоре, как она еле слышно произнесла:

— Почему ты мне ничего не сказала?

— А должна была? — искренне удивилась я. — Тим, прости, но у нас с тобой несколько не те отношения, чтобы я рассказывала тебе про своих парней.

Тимри нахмурилась, я прикусила язык: какого я опять назвала Лайтнера своим парнем?!

— Вообще-то я не о парнях, — сказала она, увлекая меня за собой в сторону зала. — А о твоём интервью. Это же Дженна тебя туда запихнула?

— Не понимаю, о чем ты.

— Все ты прекрасно понимаешь, Мэйс, не надо изображать маруну, — еле слышно произнесла она. — С твоей сестрой она тоже пыталась провернуть подобное.

— Провернуть что? — уточнила я, холодея. Понимая, что я уже ничего не понимаю, и... откуда вообще Тимри об этом знает?!

— Они говорили о чем-то похожем. Я случайно услышала. Твоя сестра исчезла прямо посреди смены, и мне сказали найти ее в срочном порядке. Нашла я ее в кабинете Дженны, в смысле, я только подошла к двери, когда услышала, как твоя сестра говорит, что не станет марионеткой в ее представлении. Тогда я подумала, что она говорит о юбилее...

Я почувствовала, что мне не хватает воздуха. Мир сначала сузился до крохотной точки, коридор словно стянулся в полосу, сдавливая меня с двух сторон.

— Вирна! — Тимри помахала рукой у меня перед носом. — Буль-буль!

Я перевела взгляд на нее.

— После этого Лэйс исчезла.

— Ну... как бы да. Я не связала эти два события, потому что думала, что речь шла о юбилее, но теперь... в общем, будь осторожна.

— Мне нужно работать, — я направилась в зал, чувствуя себя не в своем теле, или, что еще хуже, не в своей реальности, которая стремительно разваливалась, как старая засохшая мозаика.

Лэйс предупреждала меня. Если, это, конечно, Лэйс присылала мне те банки, и она предупреждала меня о Дженне. Но мне даже в голову не приходило, что она могла бежать от нее. Эта мысль накрывает меня, как волна, я пытаюсь из-под нее выбраться, но она затягивает меня в океан с неумолимой силой. Единственное, за что удастся зацепиться — это за рифы столиков, лампы, сцену, за основной зал «Бабочки». Руками я цепляюсь за барную стойку и улыбаюсь бармену, который мне подмигивает.

— Вирна, ты девушка-огонь!

Моя улыбка по ощущениям сейчас потрескается, как та самая мозаика, тем не менее я ее держу. И держусь за нее, когда зал начинают заполнять посетители.

Дженна знала обо мне с Лайтнером с самого начала, это не может быть совпадением. Н'эргес. Наверняка, это дело рук Н'эргеса — эти снимки. Я думала, что Лэйс предупреждает меня о том, чтобы не связывалась с ныряльщиками и затеей Дженны, но что она хотела сказать мне на самом деле?

Я ношусь между столиков с подносами, как сумасшедшая. К счастью, сегодня очень много заказов, к еще большему счастью, меня не просят в ВИП-ложу. Я стараюсь крутиться так, чтобы не думать о том, что только что узнала, но не получается.

Лэйс отказалась участвовать в шоу Дженны? Или в шоу, в котором потом участвовала я? О чем она просила говорить ее? Почему Лэйс отказалась? Почему исчезла? Куда?

У меня в голове такой водоворот из водорослей, что странно, что я ничего не уронила и не разбила. Еще более странно, что я даже не сразу замечаю, как начинает пустеть зал, гости расходятся по домам. Смена заканчивается так неожиданно, что для меня это как вынырнуть из ледяной воды.

Я просто покидаю зал, привычно смываю макияж, выскакивая в реальность какими-то урывками:

— ... я все-таки плюнула ему в...

— ... посмотреть на лицо Д'ерри, когда...

— На ее месте я бы...

После того, как с макияжем покончено, я переодеваюсь, хватаю сумку и вызываю эйрлат. Уже иду к нему под продолжающим валить снегом, когда слышу за спиной:

— Почему я ни разу не удивлен?

Оборачиваюсь: К'ярд приближается ко мне, руки в карманах, взгляд — не сказать, чтобы добрый. В эту минуту я понимаю, что напрочь забыла о нашей договоренности. Не как обычно (признаюсь, было такое), а именно забыла. По-настоящему.

— Слушай, я...

— Да что с тобой не так, Мэйс?! Почему я все время должен за тобой бегать?!

— Ты никому ничего не должен, — говорю я. — Я забыла. Я действительно забыла, потому что у меня...

— Ты тоже никому ничего не должна, — неожиданно говорит он. — В том числе что-то мне объяснять. Ты едешь со мной или нет?

— Куда?

— На побережье. К Эн.

— На побережье? — переспросила я. И тут до меня дошло: — Хочешь проверить мои слова?

— Нет, — ответил он, но судя по заминке, с которой это было сказано, дело заключалось именно в этом.

— Кто-то совсем не умеет врать.

— Если откроешь курсы, я приду первым.

Я подняла руки вверх и развернулась к заказанному эйрлату. Правда, ни шага не успела сделать: меня схватили за плечо и развернули обратно.

— Мэйс, я пошутил. У тебя совсем чувства юмора нет?

— Оно скончалось в страшных муках, — ответила я. — Я не стану тебе ничего доказывать. Ты сказал, что тебе без разницы, что со мной происходит, мне без разницы, веришь ты мне или нет.

— Значит, врать я все-таки умею, — сказал он, сунув руки в карманы.

— По поводу?

— По тому, что мне не без разницы. — Лайтнер помолчал, глядя куда-то мне за плечо, потом добавил. — Мне очень даже есть дело до

того, что с тобой происходит. Гораздо больше, чем я готов себе в этом признаться.

После этого повисла напряженная пауза. Напряженная — потому что я не представляла, что на такое ответить. Настолько привыкла, что мы с ним постоянно цепляемся (признаюсь, в последнее время я либо с кем-то цеплялась, либо не разговаривала вообще), что нормальный человеческий разговор просто не укладывался у меня в голове. Насколько вообще может быть нормальный человеческий разговор между вьерхом и лиархой.

— Подожди. Я сейчас, — сказала все-таки, когда молчание стало уже совсем тяжелым. Добежала до эйрлата, заплатила за вызов и вернулась к нему. — Поехали к Эн.

Он кивнул в сторону парковки.

— Как она? — спросила и тут же поправилась: — Он.

— По ощущениям, полностью исцелился, но от берегов все равно не уходит.

— Почему?

— Хотел бы я знать.

Я вопросительно взглянула на него.

— Что, Мэйс? Это же ты у нас разговариваешь с рыбами.

— В настоящее время я разговариваю с самцом маруны. А раг'азна — не рыба.

— А говоришь, чувства юмора нет, — Лайтнер фыркнул, но тут же стал серьезным: — Мне кажется, я нашел причину, по которой он не уходит.

— Какую?

— Не здесь.

Я пожала плечами и села в эйрлат. Почти. Вовремя успела себя затормозить, потому что на сиденье лежали мои потерянные туфли.

— Что они тут делают? — поинтересовалась я.

— Лежат. Как дополнительный повод вызвать тебя на разговор, если бы ты не захотела поехать к Эн. — Он закинул туфли на заднее сиденье, и я все-таки села. Потом обошел эйрлат и сел рядом со мной. Двигатель мягко заурчал, а я обхватила себя руками. Как раз в тот момент, когда он включил обогрев.

Мы выдвинулись в сторону океана, и я, честно говоря, не знала, о чем еще с ним говорить кроме Эн. Поскольку с той темой мы вроде как

закончили, а новая не придумалась, я молчала и рассматривала Ландорхорн. Который, к слову, очень быстро остался позади, и теперь мы летели вдоль побережья, над кромкой прибоя, казалось, впитавшего всю белизну снега. Снег, к счастью, начал затихать еще в городе, а когда мы добрались, полностью прекратился.

Мы опустились почти у самого мыса, там, где высоченный обрыв врезался в океан, испарывая его. Волны здесь были такими, что сажать эйрлат пришлось достаточно далеко от воды.

— Эн это место нравится больше, — объяснил Лайтнер. — Здесь почти нет рифов.

— Да, заметно, — я взглянула на него.

— Как ты узнала? О своей силе?

— Сначала была волна, из которой ты меня вытащил. Потом Тай сказала, что у меня были странные глаза... потом они опять стали странными уже в городе, а потом я пошла к морю и проверила теорию на практике. Кстати, ожоги от твоих прикосновений тоже лечит вода.

— Что?!

— А что тебя так удивляет?

— Потому что мои ожоги лечит сила вверху. Пойдем?

Мы вышли на побережье как раз в тот момент, когда небо начинало светлеть. Еще месяц, и в Ландорхорне световой день станет совсем крохотным, а ночь — невыносимо долгой, но пока что еще можно было насладиться рассветом. Рассвет над океаном — это нечто незабываемое: ветер разогнал снеговые тучи, последние искры звезд таяли в синей дымке.

Залюбовавшись этим, я даже не сразу поняла, что мне на плечи накинули вторую куртку.

— Не боишься замерзнуть?

— Я горячий парень. Буквально, — Лайтнер хмыкнул. — Сила вверху подразумевает, что я могу греться за счет нее.

— И на побережье?

— Не совсем.

Я вернула ему куртку.

— Не хочу быть ответственной за твой сопливый нос. Позовем Эн?

— Сначала хочу кое-что проверить. — Он шагнул вперед, практически в волны: по крайней мере, удар воды о берег брызгами врезался в него и облизал подошвы ботинок.

— Хочешь проверить — что?

— Иди сюда.

Рядом с океаном я чувствовала себя странно, меня словно потряхивало изнутри. Такой силы и мощи рядом с морем не ощущалось, сейчас же каждая клеточка тела словно стала наэлектризованной, и этот ток, который шел сквозь меня — сила воды — словно манил шагнуть в воду.

Я представила, как шагаю — и как вода смыкается над головой, волна захлестывает, и не испытала даже крохотной доли знакомого удушающего страха. Стоило мне об этом подумать, как Лайтнер опустил на корточки и коснулся ладонью воды. Если быть точным, пены.

— Что ты делаешь?

— Дай руку, Вирна.

— Зачем?

— Просто положи ее в воду.

Я положила и вздрогнула, когда он накрыл ее своей — вместе с рассыпавшейся пеной соленой водой. Вздрогнула, потому что ожидала привычную боль от ожога, но ее не было, и ожога тоже не было: он убрал руку раньше, чем вода отступила, облизывая камни. Удивиться я тоже не успела, потому что Лайтнер резко вскочил и вздернул меня на ноги. В ту же минуту вода врезалась в нас с такой силой, что я не упала исключительно благодаря ему.

От промокания, впрочем, это все равно не спасло, равно как и от впитавшейся в тело силы.

Если раньше я просто чувствовала ток, то сейчас стала его источником, и вместо логичного холода ощущала сумасшедший струящийся сквозь меня жар. Хорошо, что я почувствовала это до того, как ударилась о темный взгляд Лайтнера и о его хриплое:

— Красивые у тебя глаза.

Он резко шагнул назад, в океан, и дернул меня за собой. Чтобы спустя мгновение врезаться поцелуем в мои губы.

От неожиданности меня захлестнуло снова. На этот раз не водой — чувствами, касанием горячих губ, таких же, как разгорающийся

внутри меня огонь, и головокружительным ощущением его близости. Настолько, что я невольно раскрыла губы, отвечая на поцелуй, впитывая каждое мгновение и каждое прикосновение. От этого полыхающий внутри меня жар взвился ввысь раскручивающейся тугой пружиной, и рассвет, полыхнув над нами ослепительно холодным солнцем, померк.

— Едх меня задери! А что ты еще умеешь?

Он едва оторвался от моих губ, чтобы это спросить, поэтому меня снова обожгло, на сей раз горячим дыханием. Я вскинула голову и увидела закручивающийся вокруг нас водный смерч, о который разбивались и волны, и солнечные лучи. Мы стояли в этой воронке, невидимые для всего мира, и его руки лежали на моей талии.

В ту минуту, когда я это осознала, смерч обрушился на нас со всей мощностью воды: сверху и со всех сторон, полностью накрывая, поглощая, швыряя на камни. На камнях я так и не оказалась, сначала меня что-то рвануло на глубину, а потом вытолкнуло на поверхность. Я вынырнула, кашляя и пытаюсь прийти в себя, оглядываясь по сторонам.

— Лайтнер! — крикнула, перепуганная до ужаса. — Лайтнер!

— Я здесь! — донеслось из-за спины, и я резко развернулась.

Он убрал с лица налипшие волосы и расхохотался.

— Что смешного?!

— Нет, ничего, — он все еще фыркал, когда плыл ко мне. — Предупреждать надо, что поцелуй может таким закончиться.

— А ты меня предупреждал, что собираешься целовать?!

— Если бы я тебя предупреждал, поцелуя бы не было... Погоди, пропустим волну.

Волна разбилась, а я почувствовала под ногами землю. В ту же минуту Лайтнер схватил меня за руку, и мы бегом вылетели на берег. Поскальзываясь на камнях, отбежали на безопасное расстояние, и в этот момент ладонь опалило болью. Он, кажется, отдернул ладонь быстрее, чем я успела прочувствовать эту жгучую силу нашей несовместимости. Отрезвляющую и слишком болезненную... не только физически.

— Пойдем в эйрлат. — Лайтнер указал на открытые дверцы, и мы, не сговариваясь, нырнули в них.

Вовремя, потому что холод ощущался слишком остро. Слишком остро ощущалась промокшая насквозь, ставшая колючей одежда. И

невозможность к нему прикоснуться. Снова.

Дверцы захлопнулись, обогрев заработал на максимум.

Он посмотрел на меня:

— Кажется, с Эн сегодня не получится.

Я кивнула.

— Но мы можем приехать завтра. На этот раз я не потащу тебя в воду, обещаю.

— Лайтнер...

— И еще я хочу попросить прощения за то, что сразу тебе не поверил. Честно говоря, я не знаю того, кто поверил бы, потому что...

— Лайтнер! — мне пришлось повысить голос, чтобы его перебить. Я повернула руку ладонью вверх, показывая красное пятно с пылающими краями. — Не будет никакой Эн. Нам нужно прекратить это сейчас. Пока мы еще можем.

— Пока мы еще можем — что?

— Прекратить. Я слишком долго от тебя отвыкаю. И это никогда не изменится. Мы не станем другими, ты всегда будешь вьерхом, а я — той, кто делает тебе больно.

— В воде все было по-другому.

— В воде. Там, где к воде запрещено приближаться. А даже если бы и было разрешено... — Я задыхалась от раздирающих меня чувств, потому что он сидел передо мной, я могла дотянуться и коснуться его лица кончиками пальцев, могла и не могла одновременно, и это выжигало меня изнутри. — Что мы будем делать? Приезжать сюда по выходным и праздникам с запасом теплой одежды? Как ты вообще это видишь?!

— Я не знаю! — он почти выкрикнул это. Так яростно, что я вздрогнула. — Не знаю. Понятия не имею.

Привычно скользнул ладонью по волосам, отбрасывая мокрые пряди с лица.

— Что-то наверняка можно придумать, — произнес он спустя какое-то время, посмотрел мне в глаза.

— Что? — я действительно хотела это знать.

— Я могу отказаться от своей силы.

— Что?!

— Тогда, когда я тебя спасал, я лишился силы. Полностью. Думаю, проделать это снова второй раз не составит труда.

Я покачала головой:

— Я никогда тебя об этом не попрошу. А если бы я такое позволила, от меня стоило бы бежать, — теперь я развернулась к нему полностью. — Сила вверху — часть тебя, я еще только начинаю чувствовать свою, но я уже не представляю, как могла без нее жить. И знаешь, что? Я люблю тебя таким, какой ты есть, с силой или без силы, Лайтнер К'ярд. Но я никогда не позволю тебе уничтожить часть себя ради меня.

— Ты сказала: я люблю тебя?

— Что?

— Ты это сказала. Только что.

Я хотела ответить, что была не в себе. В какой-то мере я действительно была не в себе, но я уже столько раз его теряла, что на последний у меня просто не осталось сил. Поэтому я просто судорожно вздохнула. Откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза.

Глава 20. Больше никаких секретов

Лайтнер К'ярд

Мэйс меня любит.

Она сама в этом призналась. Только что. Когда не стала ничего отрицать. Все остальное вдруг потеряло для меня смысл. Его смыло волной, слизало с песка и камня. Остался лишь соленый привкус на губах. Вкус поцелуя, который снился мне по ночам.

Даже та волна, накрывшая нас после водного смерча, была будто продолжением моего сна. Правда, из кошмара этот сон превратился в волшебство.

Вирна любит меня.

Не любила, а именно любит. Сейчас.

Но очень хорошо притворялась, пыталась оттолкнуть, и причина, как оказывается, вовсе не в моем отце. Она защищала меня и себя, нас. От боли. От ожогов. От шрамов, которые мы могли нанести друг друга. Ну и как объяснить этой глупой девчонке, что больнее всего мне было от ее равнодушия?

Вирна сама все решила, а меня забыла спросить. Как всегда!

При этом злиться на нее просто не получалось. Во-первых, мы столько времени потратили на ссоры и взаимные упреки, что продолжать в том же ключе просто глупо. А во-вторых, единственное, о чем я мечтал — это дотянуться до нее и снова поцеловать. Раскрыть ее губы, почувствовать ее ладони на своих плечах, увидеть, как распахиваются невероятные, сияющие цветом морских глубин, глаза.

Но всякий раз на этой мысли я напоминал себе, чем все может закончиться. Вне океана мы покроемся красными пятнами в считанные секунды. Моя сила просто не примет ее, и наоборот. А снова тащить замерзшую Мэйс в воду — так себе забота.

Хотя скорее замерзну я, а ей должно быть нормально. Вирна же лиарха. С ума сойти — лиарха! Легенда. Девушка, управляющая океаном. Моя противоположность.

Конечно, перспектива — хидрец. Потому что на суше я попросту не могу прикасаться к ней.

Вообще.

Меня накрыло этим осознанием, будто волной высотой в десяток валлов. Осознанием и чувством безнадежности. Единственный выход — отказаться от собственных сил, и попроси она меня, я откажусь. По крайней мере, я так думал в первые мгновения. Потом я вспомнил, как это было. Каким беспомощным я себя чувствовал. Никому этого не пожелаю, тем более Вирне, которая только-только обрела свою силу.

Едх! Почему все так сложно?

Но мы справимся, обязательно справимся. Если только будем действовать вместе. Одного моего желания мало.

— Это единственная причина, по которой ты не хочешь быть со мной? — спрашиваю я, изучая ее лицо.

— Разве этого мало? — устало интересуется Вирна. — Вспомни легенду, о которой я тебе рассказывала. Мы убиваем друг друга, Лайтнер.

— Пока не убили.

— Не смешно.

— Я и не смеюсь. Когда я к тебе не прикасаюсь, все нормально. Я не чувствую изменений в своей силе. Но раз сегодня день признаний и откровений... Без тебя мне погано, Мэйс. Как той горе, которую отодвинули вглубь суши от любимого океана. Ты мне снишься, каждую ночь. До сих пор. И что с этим делать, я не представляю. Что делать, если у меня не получается тебя забыть?

Она смотрит мне в глаза, и я снова тону в их глубине. Теперь понимаю, почему. Девушка-океан. Настоящая.

— А как же Лира? — спрашивает она.

— А как же Вартас?

— Между нами ничего нет.

— Между нами тоже.

— Неправда! Ты при мне ее целовал, и ваши фото во всех новостных лентах.

— Хочешь сказать, что ни разу не целовала патлатого?

Говорю, не подумав. Потому что в мою картину мира не вписывается поцелуй Вирны с Вартасом. Что уж говорить о большем. Но она мешкает, и я понимаю, что как минимум поцелуй у них был.

Там где сердце нестерпимо жжет, но больше всего на свете мне хочется найти этого Вартаса и открутить ему голову.

— Ты же сказала, что любишь меня.

— А ты сказал, что жить без меня не можешь.

Мэйс складывает руки на груди, но смотрит на меня с вызовом.

— Я и не могу, — не отказываюсь от собственных слов. — Но это ты меня бросила. Ради того, чтобы целоваться с... Вартасом.

— Я тебя бросила для того, чтобы ты не пошел волдырями, — цедит она. — А с Вартасом все равно ничего не получилось. Из-за тебя. Теперь доволен?

Мэйс толкает дверь с явным намерением выйти из эйрлата, но я подаюсь вперед и втаскиваю ее обратно. Мы одновременно шипим, потому что умудряемся соприкоснуться пальцами. Я отдергиваю руки, чтобы в ту же секунду перехватить ее за локти, через плотный слой мокрой одежды, и снова притянуть к себе.

— Ради тебя я готов хоть в волдырях ходить, — говорю я, разворачивая ее лицом к лицу.

— Лайтнер К'ярд, ты не вьерх, ты — идиот, — заявляет Мэйс, но вырываться прекращает.

Я снова смеюсь, потому что рядом с моей колючей Вирной чувствую себя пьяным. Если бы можно было, я бы поцеловал ее прямо сейчас, но приходится довольствоваться только такими объятиями и взглядами. После всего этого времени без нее мне хватает и того, что есть. Особенно когда Мэйс обнимает меня в ответ.

Это лучший момент моей жизни!

— У меня есть доступ к библиотеке Кэйпдора. Я раскопаю все, что можно раскопать, — обещаю я.

— В Кэйпдоре ничего о лиархах нет. Мы с Кьяной искали для нашей работы. Н'етх тогда нам выдал допуск в городские архивы Ландорхорна, помнишь?

Помню. Именно в тот день Вирна рассказала мне ту легенду. Легенду, которая ожила на глазах.

— Она его вернула? — спрашиваю, когда в голову приходит очередная безумная идея.

— Что?

— Допуск. Кьяна вернула допуск?

— Откуда я знаю. Меня отчислили раньше.

— Все-таки отчислили!

У Мэйс такой рассерженный вид, будто она готова отгрызть собственный язык.

— За что, Вирна? — Я не собираюсь давать ей возможности снова закрыться, спрятаться в раковину. — Почему тебя отчислили?

— Из-за кого, — тихо объясняет она.

— Отец. Он приходил к тебе и предлагал деньги. Хотел убраться подальше. И ты подумала, что я тоже этого хочу? Избавиться от тебя?

— А что я могла подумать? — В голосе Мэйс столько же горечи и боли, сколько в моих словах. — Ко мне должен был прийти ты. После всего, что между нами случилось. Но ты не пришел.

— Я не мог, Вирна. Знаю, это жалкое оправдание, но сначала у моей матери случился приступ, а затем мой отец решил поиграть в вершителя судеб и взять под контроль каждый мой шаг. Он заблокировал мой тапет, перекрыл все контакты. Я надеялся, что найду тебя в Кэйпдоре, но... не нашел. Поэтому я угнал эйрлат Д'ерри и собирался уплыть на материк вместе с Эн.

У Мэйс глаза становятся огромными-огромными.

— Ты — что?!

— Да, именно так.

Она отстраняется и ошутимо бьет меня по плечу.

— Ай!

— Ты не идиот, ты самая настоящая маруна!

— По-моему, это слова синонимы.

— Вверх в океане! Ты бы погиб!

— Спасибо за веру в меня, — ворчу я. — И за волнение, конечно, тоже. Но потом я передумал.

— Хорошо, что тебе хватило мозгов этого не делать.

— Не думаю, что за любовь отвечают мозги.

— За все отвечают мозги, К'ярд.

— Как мало ты знаешь о любви, Мэйс.

Я кайфовал от наших пикировок, от того, что Вирна почти лежит на мне. Вот это «почти» и было тем, что мешало быть мне абсолютно счастливым.

— Что было дальше? — спрашивает она. — После того, как ты передумал?

— Эту историю ты наверняка знаешь, если читаешь новости. Я случайно нашел зуб Ромины и сдал его в Центральное управление

политари.

— И ушел из дома.

— Нет, — кривлюсь я. — Когда я отказался делать, как нужно ему, он просто меня выгнал. Поэтому я работаю в «Бабочке» не для того, чтобы досадить тебе. Это единственное место, куда меня взяли без опыта работы и без страха перейти дорогу моему отцу.

Вирна молчит, и я тоже. Вообще раньше не представлял, что мне будет с кем-то настолько уютно молчать.

— Дженна знает, что между нами что-то было, — говорит она.

— Мэйс, не хочу тебя расстраивать, но после шоу весь Ландорхорн знает, что между нами что-то было.

— Я этого не хотела. Я должна была участвовать в интервью...

— Я тебя не осуждаю, — перебиваю я ее. — Ни разу. Мне нужно знать, как это связано с ныряльщиками.

— Я не стану тебе ничего рассказывать, — упрямо заявляет она в ответ.

— Потому что ты пообещала это Дженне?

— Потому что это опасно. Я уже говорила.

— Так же опасно, как волдыри?

— Хуже, — мрачно подтверждает она. — Зачем тебе ныряльщики, Лайтнер?

— Я расскажу. Лучше покажу, когда мы в следующий раз все-таки доберемся до Эн.

Вирна непонимающе хмурится:

— Что покажешь?

Ведь не пойдет никуда, если не объясню! В этом вся Мэйс.

— На дне океана есть какие-то установки. Машины, которые нагревают воду, и подозреваю, что не только. Они очень беспокоят раг'аэну.

Понимаю, что Мэйс ничуть не удивляют мои слова. Наоборот, она бледнеет, когда слышит о «неизвестных» установках.

— Ты о них уже знаешь, — киваю я. — Откуда?

Вирна упрямо сжимает губы, видимо, по привычке, но я не собираюсь ее пытаться.

— Больше никаких секретов, идет? — напоминаю я. — Мы либо в одной команде, либо...

Продолжать мне не хочется, потому что не хочется даже думать, что после всего того, что мы пережили, нас снова штормом отчуждения отбросит друг от друга.

Она долго раздумывает, но потом все-таки отвечает:

— Это установки вьерхов, создающие волны.

— Волны? Зачем нам волны?

— Чтобы держать всех в страхе. Ради власти.

У меня такое чувство, будто я попал в водоворот, и в то же время теперь все встало на свои места. Что-то подобное я предполагал, когда искал про эти машины. И охота на ныряльщиков теперь тоже понятна. Они вне закона не потому, что достают красивые безделушки и продают их. Уверен, из океана все равно самое интересное и относительно доступное уже выловили. Они вне закона из-за того, что могут увидеть. И, конечно же, в этом замешан отец.

— Этим занимаются ныряльщики? Хотят их отключить или разрушить?

Вирна с шумом выдыхает и отводит взгляд.

— Насколько мне известно, их слишком много, и отключить все сразу просто не получится.

— Тогда в чем их план? Вызвать волнения среди людей? Диггхард К'ярд любой бунт задушит в зародыше. Он уничтожит любого, раздавит. Поверь мне, Вирна, я знаю о чем говорю.

— Поэтому они хотели использовать меня, — я улавливаю дрожь в ее голосе. — Твои чувства ко мне. Дженна предложила мне подобраться к твоему отцу и отравить его.

Я отстраняюсь и недоверчиво смотрю на Мэйс, но она не шутит. Судя по виноватому выражению лица, совсем не шутит. Хотя мне проще поверить в существование лиархов, чем в Вирну-хладнокровную убийцу.

— Ты не послала ее к едхам?!

Я даже не знаю, на что сейчас злюсь больше: на то, что кто-то хочет грохнуть моего отца — уверен, многие этого хотят, или на то, что это собирались сделать с помощью Мэйс.

— Только не говори, что ты раздумываешь! Они держат тебя за маруну, хотят бросить на рифы, а сами — спрятаться.

— Я отказалась! Отказалась. Понятно?!

Мы снова на друг друга кричим, но как тут по-другому?

— Я не послала ее, потому что по-прежнему ищу свою сестру. Но это, Лайтнер, одна из причин, по которой я хотела, чтобы ты держался от меня подальше. Чтобы Дженна не могла тобой воспользоваться.

— А она приняла меня на работу, — мигом остываю я. — Она же не считает, что раз ты отказалась, я соглашусь прибить собственного отца?

— Я не знаю, что она считает. Дженна искусно манипулирует людьми и вьерхами. Она не рассказывает мне и половину того, что у нее на уме.

— А ты? Ты рассказала ей?

— Нет, — качает головой Вирна. — Ныряльщики не в курсе моих сил, и я бы хотела, чтобы так продолжалось дальше.

— Согласен.

Мы снова молчим, но это молчание уютным не назовешь. Они пронизано беспокойством и спешным поиском выхода из тупика, в который мы зашли. Я-то наивно полагал, что наша с Мэйс несовместимость — единственная проблема, а их оказалось больше, чем я мог себе представить. Если раньше я считал, что ныряльщики могут мне помочь, то сейчас понимаю, что мы с ними не на одной стороне.

В голову закрадывается страшная мысль, что я могу рассказать все отцу, сдать Дженну и весь ее рыбий косяк. Предложить ему сделку и тем самым вернуть себе прежнюю жизнь, снова увидеться с мамой и Джуборо. Но я тут же безжалостно отбрасываю эту идею. Самому становится противно от таких мыслей. Ведь как бы я не хотел встретиться с мамой, такая цена будет слишком высокой. Потому что ныряльщики потащат за собой Мэйс. Чего я не могу допустить.

Вирна не должна пострадать ни от рук Диггхарда К'ярда, ни по вине Дженны.

Сначала им придется пройти через меня.

— Мы должны придумать собственный план, — предлагаю я. — Как разрушить установки и в то же время не позволить Дженне и ныряльщикам захватить власть в Ландорхорне. Но одни мы не справимся. Нам нужна команда.

— Команда?! О ком ты?

— Для начала о Харе и Кьяне. Они знают про Эн и про ситуацию с моим отцом, и они те, кому я доверю собственную жизнь. К тому же, у Кьяны есть доступ в городской архив, это может нам помочь.

Мэйс слушает молча, но потом уточняет:

— Ты сказал: «Для начала». Ты имел в виду кого-то еще?

— Чем больше у нас будет союзников, тем лучше, ведь так?

— Не так!

— Но по-другому мы не справимся!

— Только не говори, что ты собираешься рассказать мой секрет Лире!

Вообще-то именно про нее я и подумал.

— Она мой друг и умеет плавать.

Глаза Мэйс снова загораются синим огнем. Хотя это у вьерхов огонь, а у лиархов тогда что — вода?

— Нет, — отрезает она. — Только не Лира. Она вьерха. И ты с ней целовался.

— С Кьяной я тоже целовался, но против нее ты ничего не имеешь.

— Это другое.

— Почему?

У Вирны такое лицо, будто она собирается мне врезать. С ноги.

— Неважно. Если мы действительно команда, ты и я, Лиру ты не позовешь. Лайтнер К'ярд, поклянись, что ты не расскажешь ей обо мне!

В ярких глазах за яростью мелькает страх, и я понимаю, что Мэйс боится. Очень сильно боится.

Потому что она лиарха.

Потому что она вне закона.

А я так долго добивался ее доверия, что не собираюсь все разрушать одной фразой.

— Я обещаю никому не рассказывать о твоей тайне, — говорю я, притягивая Вирну к себе. — Так же, как ты сохранила мою тайну об Эн. А Кьяне и Хару можешь все рассказать сама.

Мэйс расслабляется в моих объятиях, а я жалею, что благодаря новомодной системе «антидождь» наша одежда почти высохла, и нужно возвращаться в Ландорхорн, где все даже сложнее, чем здесь, на побережье.

Возвращаясь, мы больше не говорим про нас, только обсуждаем, когда в следующий раз сможем навестить Эн.

— Чем раньше, тем лучше, — предлагаю я. — Раг'аэны тоже часть легенд Раверхарна, возможно, бабочки знали таких, как ты, и он поможет раскрыть твою силу.

— Как?

— Если бы я знал. Но для этого нам и нужна помощь. По крайней мере, Кьяны.

Вирна со мной не спорит, и сейчас я, как никогда, чувствую, что у нас может все получиться. То, что между нами. Нужно только найти способ прикоснуться друг к другу.

Гудок машины политари выбрасывает меня из мыслей в реальность с изяществом взрыва. Потому что едх разбери, что я нарушил, и почему они заставляют нас сойти с трассы.

— Лайтнер, они же не знают, — шепчет Вирна. Она не спрашивает, но в ее словах все равно затерялся вопрос.

Я поглаживаю ее предплечье и достаю тапет, на который загружены все документы.

— Все нормально, — говорю я, — наверное, я слишком задумался и нарушил одно из правил.

— Какое?

Ответить я не успеваю, к нам подходит сразу два представителя дорожной службы, и приходится открыть двери со своей стороны.

— Что-то не так нистр?

— Выйти из машины! — приказывает один из политари и указывает на Вирну. — Всем выйти.

Мне это очень напоминает мой арест после угона эйрлата Ромины. Только дело в том, что сегодня я ничего не угонял и со мной Мэйс. Бледная, но не показывающая своего страха.

Это правильно.

Так и нужно.

Я ободряюще ей киваю и протягиваю главному свои документы.

— Я Лайтнер К'ярд. За что нас остановили?

Обычно отцовская фамилия действует волшебным образом, но не сегодня — политари весь подбирается, черты его лица становятся хищными.

— Что вы делали на побережье океана, ньестр К'ярд?

— Побережье? — Образ избалованного сыночка правителя Ландорхорна спасал меня не раз и не два. — О чем вы? К побережью противозаконно приближаться, я это прекрасно знаю.

— Тогда что вы делаете за Пятнадцатым кругом? Камеры засекли, что ваш эйрлат сошел с трассы больше двух часов назад.

Хидрец!

Почти.

— Нистр, все просто. Нам с моей девушкой просто захотелось немного уединиться подальше от цивилизации. — Я подмигиваю ему. — Ну, вы понимаете.

— А вашу девушку зовут...

— Вирна Мэйс, — подсказывает второй политари, проверяющий документы Вирны.

Все должно быть нормально.

Все должно быть нормально.

Но что-то идет не так.

Потому что главный политари хищно усмехается.

— Мэйс, значит. Разве вы не бросили ее ньестр К'ярд?

— Едхова популярность, — как можно беззаботнее улыбаюсь я. — Все так и норовят влезть в мою личную жизнь. Но разве это причина останавливать нас?

— Не причина, — суровеет политари. — Теперь кольцо побережья официально закрыто до окончания расследования. Каждый нарушивший это правило будет отвечать по закону. Вам повезло, что вы со своей девушкой уединились позже инцидента, иначе бы я вас арестовал. Держитесь отсюда подальше.

Он возвращает мне тапет, и я спрашиваю:

— Какого инцидента?

— Убийства Ромины Д'ерри.

Глава 21. Водоворот

Если то, что случилось на побережье, казалось мне сном, то услышанное сейчас выдергивает из него и швыряет в реальность изо всех сил.

Я не могу поверить. Мне кажется, что это какая-то дурная шутка, но кто будет затевать дурную шутку таких масштабов? Тем более что политари становится все больше и больше, эйрлаты садятся один за другим. И не только политари, последний эйрлат, который опускается чуть ли не рядом с нами — военный, и выходят из него тоже военные. Выходят и идут к нам.

В ту же самую минуту Лайтнер хватается меня за руку и чуть ли не силой тащит к эйрлату, из которого нам приказали выйти. Я сажусь, он ныряет на свое место, дверца закрывается, и мы взлетаем так резко, что это выглядит просто подозрительно. Постфактум я понимаю, что военные шли к политари, но сейчас они смотрят на нас: это я выясняю, когда оборачиваюсь.

— Хидрец, — произносит Лайтнер.

Хидрец? Это гораздо хуже.

Потому что убили ее после того шоу. После моего шоу.

— Включи вещание, — говорю я.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Включи. Пожалуйста.

На главном вещательном канале тишина, которая прерывается гимном Раверхарна. Потом — снова тишина. Потом — новости. То, что я хотела услышать, или то, чего не хотела.

— Доброе утро, жители Ландорхорна. Хотя сегодняшнее утро сложно назвать добрым, и мы уже не первый раз дублируем это сообщение. Многие из вас наверняка уже знают о трагедии: сегодня ночью была убита дочь Главного судьи, ньестра Ромина Д'ерри. Ньестра Д'ерри была арестована и содержалась под стражей, недавно ее отцу удалось добиться освобождения дочери под залог до начала слушания. Во избежание лишней огласки девушку было решено перевозить ночью, чтобы не подпускать к ней журналистов. Ромина Д'ерри вышла из участка предварительного заключения, но до дома

так и не добралась. На девушку и ее сопровождение было совершено нападение, телохранители погибли сразу, чего нельзя сказать о ньестре Д'ерри. Ее смерть была гораздо более страшной, видеозапись казни, как ее обозначили террористы, разошлась по сети ближе к утру...

Лайтнер ткнул в панель вещания, выключая звук, но я тут же рванулась вперед и включила ее обратно.

— ... с этим до окончания расследования в Ландорхорне объявляется военное положение и вводятся дополнительные ограничительные меры. Комендантский час общий для всех, кто живет с Пятого по Пятнадцатый круг. После девяти появляться на улицах строго воспрещается. Если вы работаете посменно, вам необходимо иметь при себе документ от работодателя с точным временем вашей смены, заверенный личной подписью генерального управляющего. Для всех, кто живет на Пятнадцатом круге: дополнительно к уже имеющимся на побережье будут установлены силовые установки, не позволяющие приближаться к воде. Любая попытка игнорировать введенные ограничения по передвижению будет считаться нарушением закона. Так же...

Лайтнер снова выключил вещание, и, когда я потянулась к панели снова, резко спросил:

— Зачем?

— Что — зачем?

— Зачем тебе это знать?

— Потому что Ромину убили из-за меня.

— Это не так.

— Это так! — мой голос сорвался на крик, и больше он меня не останавливал. Правда, когда я включила вещание снова, слушать больше было нечего, или почти нечего.

— ... всех быть бдительными и обо всех подобных случаях, в том числе попытках приближения к воде, сообщать политари или военным. Патрули комендантского часа...

Я сама ткнула в панель и подалась назад. Голова кружилась с такой силой, как будто я только что побывала в водовороте. Правда, что-то мне подсказывало, что в этом водовороте теперь побывают все.

— Вирна, ты не виновата в том, что с ней случилось.

— Тебе так проще, если ты это повторяешь?

— А тебе проще всегда и во всем считать себя виноватой?

Я судорожно вздохнула.

— Это я пошла на шоу, Лайтнер.

— Помимо тебя там была еще Алетта и этот мужик. Ты всерьез думаешь, что они бы не обошлись без тебя?

— Я не знаю, — сказала я. — Не знаю. Знаю только, что я... к этому причастна.

Мы молчим всю оставшуюся дорогу. Не знаю, о чем думает Лайтнер, но я вспоминаю ту ночь, когда Ромина швырнула меня в океан. Минуты, когда я сидела в участке политари (не последний раз, когда мои показания просто спокойно записали, а тогда, когда все вывернули наизнанку и заставили меня перед ней извиняться). Вспоминаю, и думаю, что это все скопом — даже это все — ни разу не заставило меня желать ей смерти. Да, я ее ненавидела, и с удовольствием врезала бы пару раз, как сделала с Лирой, но... казнь?!

В голову приходит, что я должна посмотреть это видео, но мы сбрасываем скорость. Я открываю глаза в тот момент, когда эйрлат садится на парковку нашего дома.

— Вирна, — Лайтнер разворачивается ко мне. — Я не могу заставить тебя думать иначе, но я не считаю, что ты имеешь к этому хотя бы малейшее отношение. К шоу — да, но не к смерти Д'ерри. Если бы ты погибла тогда, в океане, она — была бы убийцей. Ты нет. Надеюсь, ты понимаешь в чем разница.

Я открываю рот, чтобы возразить, но в этот же момент открывается дверца с моей стороны.

— Пойдем, — Лайтнер указывает в сторону дорожек, раскиданных по парковке для пешеходов.

Я выхожу на негнущихся ногах, иду к ближайшей, когда он догоняет меня.

— Ну и куда ты пошла?

Ответить я тоже не успеваю, потому что он снова набрасывает мне на плечи свою куртку. Меня окутывает его теплом, его запахом — этим знакомым ароматом туалетной воды, который я почувствовала в самую первую нашу встречу, и на этот раз я даже не отказываюсь. Просто иду вместе с ним, чувствуя его силу. Его поддержку.

Чувствуя его.

Мы вместе заходим в дом, вместе поднимаемся на лифте. У дверей моей квартиры мы останавливаемся, потому что я не представляю, что дальше. Наверное, будь мы обычными парнем и девушкой, в таких обстоятельствах поцелуй был бы очень кстати, но мы — не обычные. Мы даже нормально коснуться друг друга не можем.

— Вирна, мне нужно будет кое-что сделать, — говорит он. Ловит мой взгляд и добавляет: — Твоя тайна — только твоя, я помню. Я просто хочу, чтобы ты никуда не выходила, пока я не приду. И уж тем более не делала никаких глупостей вроде просмотра видео и так далее. Можешь мне это пообещать?

Я качаю головой.

— Хорошо. Тогда просто обещай быть дома и без меня никуда не ходить. Ладно? Я вернусь, и мы серьезно подумаем вместе, как быть дальше.

Вместе. Мы вместе.

Для меня это настолько непривычно и глубоко, что становится страшно. Это неправильно и нелогично, но такая уж я есть, для меня страшно все то, что хорошо, а это не просто хорошо, этому я даже слова пока не придумала.

Киваю, и Лайтнер улыбается. Когда я возвращаю ему куртку, мы касаемся пальцами через нее. Это прикосновение не обжигает, но отдается искрами прямо в ладонь, в руку, во всю меня.

— Вот и договорились. Помни, что я тебе сказал на парковке. — Он разворачивается, направляясь к своей двери, потом останавливается и подмигивает. — И кстати. У меня по-прежнему в заложенниках твои туфли.

С губ срывается смешок. Это точно не по обстоятельствам, но я просто не могу удержаться. Не могу удержаться, когда вижу его улыбку, и мысленно я бегу к нему и целую. По-настоящему, как тогда, на парковке — до того, как моя сила проснулась. Сейчас же просто достаю ключи и говорю:

— Будь с ними нежен.

Закусываю губу, а потом быстро прикладываю ключи к замку и скрываюсь в квартире. Потому что понимаю: не уйду сейчас — не уйду уже никогда.

Дома я пытаюсь лечь спать и не делать глупостей (цитируя Лайтнера), но сон не идет от слова совсем. То ли дело в льяри, который я пила, то ли в том, что случилось. Когда я говорю «что случилось» я имею в виду не только Ромину, но и то, что произошло на побережье. События накрывают меня волнами, одно за другим, и мне даже не хватает времени, чтобы остановиться и прочувствовать, каково это было... целовать его снова.

Чувствовать его губы на своих, свои — под его. Впитывать каждое прикосновение.

Все, чего я хочу — чтобы он пришел, и мы могли обсудить, что нам делать дальше.

«Нам» — это слово, к которому мне надо заново привыкать, и впервые за все время я не хочу от него отказываться. Больше того, я готова за него бороться. За то, чтобы быть с ним, пусть даже сейчас это не представляется возможным, и, увы, не только по причине нашей огненно-водной несовместимости.

Устав от попыток заснуть гораздо больше, чем если бы я просто сидела и смотрела в окно или что-то делала, я подтягиваю к себе тапет.

Военное положение.

Это ли не то, чего добивалась Дженна? Точнее, она хотела показать вьерхам пределы их власти, и я хотела этого тоже. Из-за Ромины и ее отца. Из-за Диггхарда К'ярда. Теперь Ромина мертва.

Я смотрю на мертвый экран тапета и оживляю его прикосновением.

Вбиваю в поиск запрос: «Ромина Д'ерри», и среди новостных лент о ее гибели не нахожу никаких видео. Нетрудно догадаться, что его уничтожили, стерли из всех источников, которые были общедоступны. В ту минуту, когда я об этом думаю, тапет вибрирует. Я выключила звук, потому что надеялась заснуть, а сейчас смотрю на имя Вартаса на экране.

Я с ним так и не разговаривала и не уверена, что хочу говорить сейчас. С другой стороны, просто не отвечать — тоже не вариант, поэтому я отвечаю.

— Да. — Голос почему-то звучит хрипло.

— Слава морю! Вирна, ты почему не отвечала на сообщения?

— Не уверена, что понимаю смысл претензии. После того, как мы расстались.

Короткая пауза.

— Я имею в виду... это так сложно — просто написать: со мной все в порядке?

— Не думаю, что «мое в порядке» имеет к тебе отношение после того, как ты просто бросил меня перед домом Хара и Кьяны.

— Ладно. Ты обиделась. Я понимаю, но сейчас, когда...

— Я? Обиделась? — мне почему-то становится смешно. — Нет, Вартас, я не обиделась, я просто не вижу смысла задавать такие вопросы девушке, которая осталась без документов и сумки на другом конце Четвертого. И это не претензия, поэтому если ты хотел узнать, как у меня дела, у меня все хорошо. На этом предлагаю попрощаться и просто закрыть тему нашего знакомства.

Может, это не совсем своевременно, но я вспоминаю, как Лайтнер выдал про то, что я с ним целовалась, и на губах невольно появляется улыбка. Если даже предположить, что у нас с Вартасом действительно что-то было бы, если бы он не уехал в тот вечер, я бы все равно закончила все здесь и сейчас. Потому что теперь я как никогда отчетливо понимаю, что в моей жизни никогда не будет других.

Только Лайтнер.

Как бы все ни повернулось дальше... только он.

Но Вартас не сдастся:

— Нашего знакомства или наших несостоявшихся отношений? — интересуется он. — Если насчет последнего я могу с тобой согласиться, то со знакомством — вряд ли. Я не могу вас оставить, Вирна. Особенно в такое время.

— Мы справимся, — сообщаю я. — Всегда справлялись.

Собираюсь уже отключить связь, когда слышу:

— Ты же видела, что случилось с Роминой Д'ерри. Как ты можешь оставаться такой спокойной?!

Меня снова словно ударяет изнутри. Разрядом силы вверху, доведенной до абсолюта. Таким, который способен остановить сердце. Я чувствую, как кожа покрывается мурашками, а вдоль позвоночника ползет ледяная змея страха, скручивается водной спиралью.

— Нет, — говорю еле слышно. — Нет. Не видела.

— Нет?

— Когда я узнала и вышла в сеть, видео уже удалили.

К счастью.

— Не отовсюду.

Спираль затягивается еще сильнее. Так, что, кажется, может раскрошить мои позвонки в пыль или заставить их разлететься тысячей брызг.

— Есть один ресурс, где видео еще осталось. Ресурс, до которого вьерхи не добрались и вряд ли когда-нибудь доберутся. Хотя пытаются. Уже очень давно.

— Откуда ты о нем знаешь?

— О нем знала Лэйс. Она показала его мне.

Не смотри, говорю я себе. Не проси ссылку и не смотри это видео. Вообще не вздумай туда заходить.

— Что это за ресурс?

— Вся правда о нашей жизни. Я пришлю тебе ссылку и дам свой доступ. Мы можем увидеться сегодня вечером и поговорить нормально?

— Нет.

— Вирна...

— Я сказала: нет.

Я все-таки отключаю связь, и, как зачарованная, смотрю на сообщения, появляющиеся на экране одно за другим. Первой идет ссылка, второй — данные для доступа. Потом:

«Удали все данные, когда зайдешь. И страницу просмотра тоже почисти».

«Я приеду вечером. До того, как ты уйдешь на работу. Хочешь ты того или нет».

«Ты не сможешь бесконечно от меня прятаться, Вирна».

Вартас — сейчас меньшая из проблем. Меньшая даже несмотря на то, что их новую встречу с Лайтнером я представляю смутно, но, наверное, мне придется все Лайтнеру рассказать. В том числе и тот факт, что Вартас изначально знал о моей сути лиархи, и о том, что со мной происходит. Рассказать это нужно до того, как они увидятся, но сейчас...

Я открываю ссылку и попадаю на пустую страницу, просто белый чистый экран, где всего два поля. Для ввода данных доступа. Несколько минут я смотрю на него, понимая, что пути назад уже не

будет, а потом ввожу код, который мне прислал Вартас. Сначала буквенный, потом числовой.

Главная страница расцветает красками новостей и заголовков, название ресурса: «Изнанка Раверхарна» — металлические, изъеденные ржавчиной буквы. Здесь сотни или даже тысячи статей, совершенно разные новости, но на главной, в центре — видео с надписью: «Казнь Ромины Д'ерри».

Я снова рывком втягиваю воздух и нажимаю «Просмотр».

— Доброй ночи, жители Ландорхорна, — сиплый голос звучит откуда-то из-за кадра.

Лица говорящего не видно, собственно, в кадре нет вообще никого — только ночной океан, волны с шумом обрушиваются на берег и отступают. Я узнаю это место, я слишком часто бывала там, и последний раз — сегодня утром. Это окрестности мыса Гор, где-то неподалеку живет Зорг.

— Эта ночь точно будет доброй, потому что сегодня свершится правосудие. Истинное правосудие, а не то, которое нам привыкли подсовывать вьєрхи.

Вот теперь в кадр выталкивают Ромину, она белого цвета, и на ней нет лица. Я никогда в жизни не видела эту девушку настолько напуганной и настолько беззащитной. Сложно представить, что в голову могло прийти такое относительно дочери судьи Д'ерри, но именно так она и выглядит. Перепуганная, беззащитная, с растрепанными волосами и залитым слезами лицом. От привычной манеры угрожать и прикрываться именем отца ничего не осталось, потому что сейчас она произносит одно и то же:

— Отпустите меня. Пожалуйста. Пожалуйста... Пожалуйста...

В кадр шагает мужчина в маске, просьба обрывается пощечиной, и я вздрагиваю. Тянусь, чтобы выключить видео, но меня наотмашь бьет собственным именем:

— Вирна Мэйс, — мужчина разворачивается и говорит прямо в камеру, все его лицо закрыто, только глаза сверкают в прорезях маски, — наверняка тоже умоляла. Алетта Грейм?

На этот раз он поворачивается к Родине.

— Или Алетта Грейм ничего не успела сказать перед тем, как вы накачали ее веществом, которое привело к ее инвалидности?

Ромина открывает рот, но не может произнести ни звука, я чувствую этот сковывающий по рукам и ногам страх, потому что сама была на ее месте. В тот момент, когда думала, что мне осталось жить несколько минут перед падением в черную бездну.

— Насколько нам известно, Вирну Мэйс выбросили из эйрлата связанной, — продолжает мужчина. — Но мы будем более милосердны. Мы не станем связывать тебе руки.

Он достает оружие, дуло которого упирается Ромине в грудь.

— Иди к океану.

Она снова открывает рот, а потом падает на колени.

— Пожал... уйста, н-не на... до. — Срывающийся голос подхватывает ветер и вплетает в шум волн. — Я прошу... по... пожал-л-луйста... Я н-не умею плавать.

Слезы льются из ее глаз, а я чувствую себя парализованной. Меня как будто снова связали, как будто это в меня целятся, заставляя смотреть весь этот кошмар.

Раздается щелчок, я не сразу понимаю, что это снят с предохранителя пистолет.

— Я не буду повторять, — резко произносит мужчина. — Иди. К океану.

Ромина, как зачарованная, смотрит в нацеленное на нее оружие, потом поднимается и идет в сторону бушующей стихии. Медленно, покачиваясь, и так же медленно на нее надвигается камера. В миг, когда в нее врезается волна, я все-таки оживаю и рывком выключаю видео.

Меня трясет так, что я не могу понять, как мне выключить тапет. На глаза попадают кадры, где тело Ромины — безжизненное, в мокрой одежде и со спутавшимися волосами лежит на пороге моего дома на Пятнадцатом. Это становится последней каплей, и я ору во весь голос. Хватаю тапет, швыряю его в стену, слышу треск.

Меня продолжает колотить, перед глазами мелькают кадры, снова и снова. Снова и снова звучит ее голос и голос того, кто ее убил, повторяющий мое имя: «Вирна Мэйс. Вирна Мэйс... Вирна Мэйс!». Он вползает в меня как морская змея, скручивается у сердца, отравляя изнутри и снаружи, я чувствую себя невыносимо грязной, как будто стояла там, и видела это все своими глазами, как будто сама сжимала в руках этот пистолет.

Это — последнее что я помню, а следующее, что слышу — уже перепуганный голос Митри:

— Вирна! Вирна, что с тобой?! Что происходит?!

Присутствие сестры возвращает в реальность. Сестры, а точнее, сестер: Митри белая, как была Ромина (я никогда не забуду ее лицо, это я точно знаю), а Тай испуганно прижимает к груди рюкзачок. Я понимаю, что сижу в душевой, прямо в одежде, и что вода течет по моему лицу. По стенам. Но не по полу.

Она стягивается ко мне, концентрируясь надо мной в живой вихрь, и тянется дрожащими нитями к потолку. Душевая лейка подрагивает, не справляясь с обрушившейся на нее силой, и отовсюду доносится странное, тянущее гудение.

— Вирна, твои глаза... — говорит Митри.

А я понимаю, что это гудят трубы, и что сейчас весь дом превратится в фонтан.

Осознание этого, а еще того, что передо мной мои сестры, заставляет окончательно прийти в себя. Я выдыхаю, и вода обрушивается вниз, гудение затихает, от всплеска и разлетевшихся брызг на полу целое море.

— Митри, уведи Тай, — говорю я. — Пожалуйста.

Как ни странно, она выполняет мою просьбу сразу же, а я выпутываюсь из насквозь мокрой одежды, отжимаю ее, ополаскиваюсь, плотно закрываю все краны и выхожу из душа. Как такое вообще могло произойти? Это же не та вода, которая отзывается на мою силу? По крайней мере, раньше никогда не отзывалась. У нее нет живого источника, а если есть, он очень далеко, или...

Уже не помню в какой раз за сегодня меня накрывает волной, хотя сейчас и не реальной, но от нее перехватывает дыхание не меньше, чем от настоящей. Что, если источник все-таки есть, просто он не на виду? Под землей. Глубоко. Или не очень. Так же, как в Кэйпдоре?!

Я думала об этом на побережье, пока меня не арестовал прибрежный патруль — за то, что я приближалась к воде. Правда, потом у меня это напрочь вылетело из головы, и больше я к этому не возвращалась.

Мысль о том, что под сердцем Ландорхорна может оказаться подземное море — фантастическая. Нереальная. Если бы это было реально, вверху бы об этом знали, его бы уже давно осушили, сделали

все, что возможно, чтобы убрать источник подавления их силы как можно дальше от себя.

Нет. Такого не может быть.

Или может?

Я должна рассказать об этом Лайтнеру.

Эта мысль — еще более фантастическая, но именно она придает мне спокойствия и уверенности. Я больше не одна. Я с ним. Мы вместе.

Мне приходится повторить это перед зеркалом несколько раз, чтобы окончательно успокоиться. Как раз в это время раздается тихий стук в дверь:

— Вирна?

— Я сейчас выйду, — отвечаю, отжимая волосы полотенцем. — Две минуты.

Дверь распахивается раньше, чем я успеваю хотя бы завернуться в полотенце.

— Митри, ты... — я осекаюсь, потому что на пороге двое мужчин, запечатанных в черное. Единственное, что на них светлое — это погоны, не классические военные, а знаки отличия Подводного ведомства.

— Вирна Мэйс, — металлическим голосом сообщает один из них. — Вы обвиняетесь в связи с Ныряльщиками и участием в организации убийства Ромины Д'ерри. У вас есть пять минут, чтобы одеться и пойти с нами по своей воле, в противном случае мы будем вынуждены применить силу.

Второй недвусмысленно кладет руку на кобуру, я вижу бледную перепуганную Митри, и дверь закрывается. Отрезая меня от той реальности, в которой это все происходит. В этой я еще могу сделать вид, что я просто приняла душ, сейчас выйду к сестрам, мы будем пить льяри и наконец-то поговорим откровенно. Вот только за этой дверью никакого откровенно не будет.

То, что случилось несколько минут назад, наглядно показывает, что я могу разворотить этот дом, но здесь мои сестры и еще множество невинных людей. К счастью, сейчас мои глаза обычные, а значит, этого они не увидели.

Не увидели.

К счастью.

От того, чтобы снова сорваться, меня отделяет очень тонкая грань, и чтобы на ней удержаться, я представляю лица сестер. И Лайтнера.

По крайней мере, я сказала ему все, что хотела. Даже больше того, что хотела.

От страха меня начинает тошнить, приходится опереться руками о раковину и глубоко дышать, пока паника не отступит. После этого я иду к двери, приоткрываю ее.

— Митри, принеси мне одежду, пожалуйста.

И тапет.

Этого я сказать не могу, потому что на нем — открыта едхова страница с едховыми запрещенными статьями, о котором мне вообще знать не положено. Остается только надеяться, что они этого не увидят, как не увидели глаз лиархи.

У сестры дрожат губы, она мотает головой под пристальным взглядом одного из агентов.

— Митри. Принеси, пожалуйста, одежду, — говорю я спокойно и четко. — Мне нужно одеться, а здесь ничего нет. Я не могу идти так.

Это срабатывает, потому что сестра срывается с места. Под взглядом мужчины, устремленным на меня, быстро захлопываю дверь. В довершение ко всему у меня начинает кружиться голова, и чтобы не сползти вниз, приходится прислониться к стене спиной. Там я снова напоминаю себе, что у меня здесь — две сестры, две маленькие перепуганные девочки, которым хватит того, что они увидели и того, что за мной пришли. Бьющаяся в истерике я — совсем не то зрелище, которое им сейчас нужно.

Снова стук в дверь, Митри отдает мне джинсы и свитер, хочет что-то сказать, но я качаю головой и снова закрываю дверь. Быстро одеваюсь и выхожу.

— Мне нужно высушить волосы.

На меня смотрят так, будто я сказала совершеннейшую глупость. Честно говоря, мне сейчас и самой так кажется, потому что в такой ситуации волноваться о мокрых волосах бессмысленно. Учитывая то, в чем меня обвиняют. Хорошо хоть, что здесь нет Тай, она в комнате, куда ее отвела Митри. Я безумно хочу увидеть ее, но ей лучше этого не видеть.

— Митри, все...

Я хочу сказать «будет хорошо», но слова застывают у меня на губах, потому что в руках одного из агентов мой тапет, а из моей комнаты доносится шум, похожий на то, когда просто открывают все подряд.

— Оставьте, — спокойно говорю я. — Здесь вы больше ничего не найдете.

Тот, кто со мной говорил, окидывает меня взглядом с головы до ног и кивает. Второй идет к дверям моей комнаты, командует:

— Прекратить обыск, — и выходят еще двое.

— Нисса Мэйс, — мне указывают на дверь, а я шагаю к Митри и обнимаю ее.

— Скажи Лайтнеру, — шепчу еле слышно, надеюсь, она хоть что-то слышит, — что под Ландорхорном живая вода.

У сестры расширенные глаза, особенно когда меня от нее отрывают, но я знаю, что он о них позаботится. Он не позволит, чтобы они остались одни, и чтобы с ними что-то случилось, и он во всем разберется.

Эти последние мысли придают сил спокойно шагнуть за порог. Обернуться и так же спокойно сказать:

— Я вас люблю. Передай Тай...

Мой голос обрывается захлопнувшейся дверью: последний агент покинул нашу квартиру, и мне становится легче. Настолько легко, насколько вообще может быть в такой ситуации. По крайней мере, сестрам сейчас ничего не угрожает, а потом придет Лайтнер.

Колющий ледяной ветер впивается в мокрые волосы тысячей игл, но замерзнуть не успеваю — меня слишком быстро запикивают в темный большой эйрлат с тонированными стеклами. Под сотнями взглядов, прямо на улице. Я слышу шум проспекта до тех пор, пока меня не запечатывает внутри.

Я смотрю на удаляющийся дом, потом отворачиваюсь.

Как раз в тот момент, когда в глазах сидящего напротив агента вспыхивает огонь вверху. Он выбрасывает руку вперед, и прямой удар в лицо отключает сознание.

Глава 22. Океан под запретом

Лайтнер К'ярд

Оставлять Вирну не хотелось. Особенно после того, что случилось, после того, что она узнала про Ромину. Но иначе я поступить не мог. Она дома, с сестрами, в безопасности, а мне нужно сосредоточиться на другом.

Сделаю все быстро, и смогу так же быстро вернуться к ней.

Больше не оставлю ее никогда.

Тапет завибрировал входящим вызовом, и я провел пальцем по экрану.

— Ты не торопился, — говорю с укором.

— Радуйся, что я вообще тебе ответил, — огрызается О'лль.

Мы познакомились на студенческой вечеринке, именно он привел меня к Зоргу и к океану.

— Где ты, и где то, что мне нужно?

— Товар в ячейке на станции гусеницы «Грэсбрей» на Четвертом, код восемь-девять-три. А я не хочу лишний раз светиться, учитывая новости.

Ромина. Он говорит про Ромину. От этого весь Ландорхорн перетряхнуло, как во время землетрясения.

— Я не только из-за костюма хотел встретиться. Ты можешь передать сообщение Зоргу? У меня нет ни его номера, ни возможности предупредить его лично. Он в опасности: побережье прочесывается политари, они могут отыскать его дом.

— Поздно предупреждать, К'ярд, — перебивает меня О'лль. — Зорга арестовали час назад, это теперь событие номер два во всех новостных лентах.

Пальцы чешутся сразу же влезть в сеть, но я понимаю, что О'лль не лжет.

— Забирай товар и сотри мой номер, я больше этим не занимаюсь. Хотя вряд ли в ближайшее время тебе понадобится костюм. Океан теперь под запретом.

Он нажимает отбой, а я смотрю на погасший экран тапета и не могу поверить во весь этот хидрец, что происходит.

Все-таки лезу смотреть новости, и первая фотография — подводное ведомство, уводящие закованного в наручники Зорга. Который не сделал ничего плохого, но его обвиняют в связях с ныряльщиками, а его хижину называют их убежищем. Прикрытием.

Я со всей силы ударяю по панели управления, но лучше не становится. Я задыхаюсь: от ярости, от боли, ото всей этой несправедливости. Будто я сам его подвел. Здравый смысл подсказывает мне обратное, потому что я не мог знать, что какие-то уроды захотят утопить Ромину. Мне даже не нужно видеть то видео, чтобы понять, что ее именно утопили, достаточно указания места казни.

Мне иногда самому хотелось это сделать. Но не всерьез же! А теперь Ромины нет, и доступа к океану, к Эн, к поцелуям Вирны — тоже.

Хочется ударить снова, разнести панель к едхам, но воспоминание о Вирне отрезвляет. Заставляет действовать.

Я завожу эйрлат и отправляюсь за костюмом. Учитывая тот хидрец, что сейчас происходит, он вполне может пригодиться. Я делаю все быстро, потому что Вирна меня ждет, и возвращаюсь домой.

Уже на подходе к дому слышу свое имя:

— Лайтнер!

Лира машет мне рукой и спешит навстречу.

— Привет! — говорю я, сжимая в руках пакет с костюмом. — Я сейчас очень спешу.

Хочу пройти, но она перехватывает меня за руку.

— Нам нужно поговорить, Лайт. Удели мне, пожалуйста, всего несколько минут.

Меня ждет Вирна, и я не планировал разговор с Лирой именно сейчас. Последний дружеский разговор, не считая контракта, потому что я собираюсь с ней порвать. Потому что я совершенно точно влюблен в Мэйс, несмотря на все едховы сложности, с которыми нам пришлось или еще придется столкнуться. Но расставаться с Лирой вот так, на бегу — не тот поступок, которым я буду гордиться.

Поэтому я киваю на льярийню в соседнем доме:

— Посидим там?

Серьезная и немного бледная до этого момента Лира улыбается.

— Да, конечно.

В это время здесь обычно много народа, но сегодня все столики почему-то пусты. Мы располагаемся в углу, и я кладу пакет с костюмом на свободный стул. Лира наблюдает за мной, но ничего не спрашивает.

— Сегодня тут тихо, — говорю я, когда официант принимает наш заказ и возвращается к стойке. Если честно, не знаю, с чего еще начать этот непростой разговор.

— Сегодня везде тихо, — отвечает Лира. — Политари перетряхивают весь Ландорхорна до последней песчинки.

— Откуда ты знаешь?

Она хмурится.

— Из новостей, Лайт. Откуда еще? — Она сцепляет пальцы и смотрит перед собой. — Это ужасно. То, что произошло с Роминой Д'ерри. Я ее не знала, не знала, какая она вьерха, но ничто не может оправдать этого зверства, того, как с ней поступили. Как она захлебывалась...

Лира осекается и обхватывает себя руками, будто замерзла.

— Ты видела видео?

Она нервно кивает.

— Почему люди такие жестокие?

— Уверена, что это сделали люди?

Лира смотрит на меня так, будто я свалился с горы.

— А кто, Лайт? Разве вьерхи могут поступить так? Со своими.

Вьерх вьерху рознь. Среди ныряльщиков тоже есть вьерхи. Но я не собираюсь говорить об этом Лире. Вирна права, не стоит ее во все это вмешивать.

— Ты об этом хотела поговорить?

— И об этом тоже. Все из-за Мэйс! — выпаливает Лира. — Не удивлюсь, если это ее идея, и что она там стояла и наблюдала за тем, как топят дочку судьи.

Это мне не нравится. Ее слова и те предположения, которые Лира также могла прочитать в новостных лентах. Вспышку ярости ловлю на подлете, чтобы не выругаться, потому что я до сих пор помню взгляд Вирны, когда она узнала про Ромину. Она была раздавлена новостью.

Она не хотела ей зла, а какой-то едх прикрыл свою задницу именем Вирны, чтобы не отвечать за свои мерзкие делишки.

— Вирна здесь ни при чем, — говорю, возможно, даже жестче, чем нужно.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что она всю ночь работала, а затем была со мной.

Лира молчит, смотрит на меня долго-долго, чтобы потом опустить взгляд на принесенную официантом чашку с льяри.

— Я знаю, — говорит она.

— Знаешь? — я приподнимаю брови.

— Я видела вас, когда вы вернулись. Как прощались возле двери в ее квартиру.

Теперь моя очередь молчать, а Лира продолжает:

— Я, наверное, не могу понять таких отношений. Даже не между вьерхами и людьми, а когда тебе причиняют боль, отталкивают тебя, но ты продолжаешь сходить с ума по человеку. Я этого не понимаю, но мне и не нужно. Я сейчас попытаюсь быть хорошей и пожелать тебе удачи, Лайт. От всего сердца. Пока не получается. Хотя нет! Как раз пожелать всего хорошего тебе у меня получается, но вот Вирне Мэйс я ничего, кроме того, что ей уже сегодня пожелали, не могу. Уж прости. Я по-прежнему твой друг, но точно не девушка. Пока.

Лира вскакивает, забыв про свой льяри, и убегает так быстро, будто боится, что за ней погонится вся армия морского едха. Или я.

Я гнаться за ней не собираюсь. Это ни к чему. Я ведь сам собирался с ней порвать, но почему-то все равно противно. В последнее время я только и делаю, что причиняю боль всем вокруг.

Пора это исправлять.

Расплачиваюсь, беру костюм и на этот раз поднимаюсь в квартиру Мэйс. Правда, на мой звонок нет никакой реакции. Приходится даже постучаться.

— Вирна, открой! Это я, Лайтнер.

Только тогда мне открывают.

Бледная, зареванная Митри и испуганный комочек Тай. Последняя бросается ко мне и обхватывает руками.

— Клайтнер! — всхлипывает она, а внутри меня что-то обрывается. Потому теперь я замечаю, что все вещи разбросаны по полу, будто в них рылись. А еще Вирна не выходит.

Я смотрю на среднюю сестру и каким-то совершенно не своим голосом спрашиваю:

— Где Вирна?

— Ее забрали. Приехали, все здесь перерыли, а ее забрали.

— Кто?

— Подводное ведомство.

Это не просто дурной сон, точно так же я чувствовал себя, когда увидел, как Вирну поглощает океанская бездна. Только в этот раз я не мог прыгнуть за ней. Прямо сейчас точно не мог.

— Зачем? — не спросил, потребовал я от девчонок.

Митри испуганно всхлипнула и замотала головой, по ее щекам покатились слезы.

Я оказался рядом с ней, сжал ее за плечи и слегка встряхнул, потому что девчонка явно собиралась скатиться в истерику.

— Митри, соберись! Пожалуйста. Когда это случилось?

— Где-то полчаса назад.

Едх! Если бы я не решил немедленно порвать с Лирой, то мог бы успеть. Я мог бы не позволить им забрать Мэйс. Если бы я не уехал, этого всего не случилось бы! Но от тупых самобичеваний толку ноль.

— Зачем Вирну забрали?

— Из-за воды.

— Из-за воды?

— Она. — Всхлип. — Подняла. — Еще один. — Воду. В воздух. В ванной.

Сила лиархи? Здесь, на суше?!

— Ты это видела?

— Да. Это было страшно. А потом они приехали.

— Подводное ведомство? Ты уверена, что это были они?

Митри подняла на меня большие, блестящие от слез глаза.

— А кто?

— Понятия не имею, — признаюсь честно. Сейчас все слишком непонятно.

Значит, Вирна использовала силу, или сила использовала Вирну, чтобы вырваться наружу. Но Подводное ведомство не всесильное, они не могли знать о том, что Мэйс лиарха, и уж точно не могли наблюдать за потоком в ванной.

— Митри, что они говорили? Из-за чего забрали Вирну?

И для чего? Я не уверен, что хочу сейчас об этом думать. Иначе сорвусь, превращусь в едха и сойду с ума от ярости.

Митри хмурится, глотает слезы, но все-таки вспоминает, выталкивает из себя слова:

— Он... Который главный из них, говорил, что ее обвиняют в убийстве Д'ерри. Что она была с ныряльщиками. Но Вирна никогда бы...

Я обнимаю девочку. Просто прижимаю ее к себе, позволяя разревется и выплеснуть весь страх.

— Я знаю, Митри. Вирна здесь ни при чем.

— Но они ее забрали!

— Я ее верну, — я не просто это обещаю, клянусь, и это клятва будто выжигается в моем сердце. Я не брошу тебя, Вирна. И не брошу твою семью.

Видимо, мои слова доходят даже до Митри, потому что она перестает дрожать и всхлипывать, отстраняется от меня:

— Как?

— У меня есть идея. — Самоубийственная идея. — Но вы должны мне довериться.

Они переглядываются с притихшей малышкой Тай, и одновременно кивают.

— Вирна сказала, что тебе можно доверять.

Вирна лучшая девушка в мире!

— Начнем с того, что я заберу вас отсюда.

— К Зоргу? — робко интересуется Тай.

— Нет, не к Зоргу. К моим друзьям.

Девчонки собираются быстро. Так быстро, будто за ними гонится целая армия едха, но сейчас это именно то, что нужно. Чем скорее я вытащу Вирну из Ведомства, тем лучше. Я набираю Хара, и несмотря на ту странную вечеринку, он соглашается помочь так же быстро. Что хорошо, потому что я не могу думать ни о чем и ни о ком, кроме Мэйс, запертой в камере.

Напуганной и бессильной.

Пока Митри и Тай разбирают вещи в спальне на втором уровне, я рассказываю друзьям правду. Не про способности Вирны, нет, это ее тайна, к тому же, сильно сомневаюсь, что Подводное ведомство в

курсе этого. Я рассказываю, что Вирна в беде из-за едховой казни Ромины.

— В беде весь Ландорхорн, Лайт, — говорит Хар. Обычно не отказывающая себе в том, чтобы влезть в любой серьезный и не очень разговор Кьяна сегодня молчит. — Вьерхи теперь ненавидят и боятся людей, а у людей срыгает предохранители, они считают, что инстинкт самосохранения не для них. Так начинаются войны. Поэтому неудивительно, что правительство хочет уничтожить символ восстания. Сейчас этот символ — Вирна. С нее все началось.

— Началось все с Ромины, — возражаю я.

— Ромины теперь нет, а Вирна есть. Я надеюсь.

От последних слов Хара, от его предположения холодок по коже. И я злюсь. Прежде всего на самого себя, потому что я вообще допустил такую мысль, что могу просто больше не увидеть Вирну.

— Вирна жива, — цежу я. — Слышите? Я знаю, и я собираюсь ее оттуда вытащить. Где бы она ни была.

— Ты хочешь обратиться к отцу, Лайтнер? — нарушает молчание Кьяна.

Это была первой идеей, но я ее сразу отмел.

— Нет, — качаю головой.

И вовсе не потому, что Диггхард К'ярд от меня отказался, ради Вирны я пойду на все. Но я даже не сомневаюсь, что арестовать ее — его идея. Хар прав, она угроза правительству, а правительство Ландорхорна — это мой отец. Отправиться к нему, значит сразу сдаться и потерять возможность спасти Вирну: однажды он уже приставил ко мне охрану. К тому же, этот продуманный мерзавец может снова начать шантажировать меня здоровьем и благополучием матери.

— Тогда как ты собираешься узнать, где ее держат? — спрашивает Хар. — А главное — как собираешься спасти?

— Я обращусь за помощью к ныряльщикам.

Глава 23. Сделка

Лайтнер К'ярд

Моя идея не вызвала у друзей восторгов. Кьяна и Хар дружно обозвали ее самоубийством. Но главным аргументом стало:

— Где ты их найдешь? — поинтересовался друг. — Сомневаюсь, что у них есть собственная страница в сети, а если она существует, то наверняка очень сильно засекречена.

Да уж, сомневаюсь, что мне бы ответили, напиши я им на почту.

— В «Бабочке». Этот клуб — прикрытие для ныряльщиков. Вирна рассказала, хотя я и сам догадывался, что с этим клубом что-то не так.

— Думаешь, они тебя послушают? — спрашивает Кьяна. — Ты все равно К'ярд. Станут ли они так рисковать?

— Станут, — киваю я. — Иначе бы они не приняли меня на работу. Я им зачем-то нужен.

Теперь я в этом не сомневаюсь. Как раз узнаю, зачем.

— Лайт, — выдергивает меня из мыслей голос друга, — что если ныряльщики и те, кто убил Ромину — одни и те же люди?

— Среди ныряльщиков не только люди, Хар. Вьерхи тоже.

— Зачем вьерхам убивать вьерхов?

— А зачем вьерхам убивать людей, или людям убивать вьерхов? Ради власти, ради денег, от злобы и ненависти. Едх знает от чего еще. Мне плевать на их вендетту, я хочу вытащить Мэйс, которая ни за что пострадала от этого хидреца, и я ее вытащу. Главное — позаботьтесь о ее сестрах.

— Об этом точно можешь не волноваться, — говорит Хар. — Здесь они в абсолютной безопасности.

Я хлопаю его по плечу.

— Знаю, брат.

— Удачи! — желает он.

Я смотрю на чересчур серьезную даже для себя Кьяну, и кажется, что она вот-вот снова скажет, что я ненормальный. Вместо этого она умудряется удивить: быстро обнимает меня и говорит:

— Верни ее, пожалуйста. Верни Вирну.

— Обещаю.

Собираюсь попрощаться с девчонками, узнать, как они, но в коридоре на втором уровне натыкаюсь на Митри.

— Я и забыл, что ты у нас любительница подслушивать.

Она не улыбается, и даже не злится, просто долго смотрит на меня.

— Много услышала?

— Достаточно. И я тебе верю. Верю, что ты спасешь нашу Вирну. Я не хочу потерять и ее тоже. Как Лэйс.

Замечаю, что у нее снова блестят глаза, поэтому поспешно говорю:

— Спасибо. За веру.

— Лайтнер, я должна тебе кое-что сказать. Вирна попросила, перед тем как ее забрали, передать тебе, что под Ландорхорном живая вода.

Что?!

Мое дыхание сбивается.

Это же значит, что она может использовать силу везде! Именно это случилось в ванной, как же я сразу не понял, когда Митри об этом рассказала!

— Знаю, звучит как бред, — она по-своему понимает мое молчание.

— Это не бред, Митри. — Меня просто распирает от новости. — Это наш козырь. Наш шанс все изменить. Нужно только вытащить Вирну из камеры.

Судя по виду, девчонка совершенно ничего не понимает, но кивает мне.

Я быстро выхожу из квартиры и отыскиваю среди контактов в тапете нужный. Отвечают почти сразу.

— Дженна, добрый вечер. Нам нужно встретиться. Это срочно.

Короткая пауза, Джена словно размышляет послать меня к едху или нет. Не пошлет, я знаю. Поэтому терпеливо жду.

— Я так понимаю, это касается не работы.

— Это касается Вирны. Ее арестовали.

— Я сейчас в «Бабочке», Лайтнер. Приезжай.

Я оказался в клубе через полчаса.

До открытия «Бабочки» еще далеко, поэтому внутри почти нет персонала, а коридоры пустынные, особенно тот, что ведет к кабинету Дженны. Управляющая сидит за столом и курит, глядя в окно, но при моем появлении отправляет сигарету к другим окуркам в пепельнице.

Нервничает? Или делает вид? Дженна вообще очень много курит для женщины, заботящейся о своей внешности и имидже. Но по ее лицу сложно сказать, что она чувствует.

— Добрый вечер, Лайтнер. Проходи, располагайся.

Она кивает на кресло напротив нее, и я плотно закрываю за собой дверь.

— Значит, Вирну арестовали? — вопрос звучит по-светски, будто Дженна спрашивает, идет ли на улице дождь, и мой контроль тоже идет. Трещинами.

— Вы это прекрасно знаете и без меня. Сомневаюсь, что вы поселили ее в той квартире, и при этом не «присматривали» за ней.

Читай, следили.

Я подаюсь вперед:

— Вопрос в другом, почему вы их не остановили?

— Я законопослушный гражданин Ландорхорна. Почему я должна препятствовать чьему-то аресту?

— Потому что вы ее в это втянули. Вирна мне рассказала.

— Что именно?

— Про то, чем вы занимаетесь.

— Я управляющая «Бабочкой», Лайтнер. У меня законный бизнес. Я опираюсь ладонями о стол.

— Я говорю не про «Бабочку», а про установки под водой, которые вы хотите отключить.

Взгляд Дженны неуловимо меняется, становится более хищным, она будто просвечивает меня насквозь. И, прежде чем она успевает ответить, поспешно добавляю:

— Я хочу того же.

Дженна смотрит на меня долго, а потом достает новую сигарету.

— Я не понимаю, о чем ты. И если честно, мне пора возвращаться к делам.

Это означает, что мне пора за дверь, но я не собираюсь сдаваться.

— Все вы понимаете, иначе бы не взяли меня на работу.

— Я сделала тебя своим заместителем, потому что увидела потенциал.

— И потому что мой отец — Дигтхард К'ярд.

Наши взгляды встречаются: это тоже своеобразная битва, только не на словах.

— Возможно, — пожимает плечами Дженна, а я понимаю, что мне надоела эта игра.

— Я знаю, что Вирна нужна вам. Для вашей революции. И я помогу вам ее вытащить.

— С чего ты взял, что я этого хочу?

Не сказать, что я об этом не думал. Хотя вернее, именно этого опасался.

— Вы ее в это втянули.

— Во что? — усмехается Дженна.

— Для начала, в участие в том шоу.

— Я знакома с Вирной не так давно, но мне уже известно, что ее сложно заставить что-то сделать, если она этого не хочет. Странно, что этого не знаешь ты.

Едх, знаю! А теперь еще знаю, что Карринг — искусная манипуляторша. Но я рядом с таким вырос.

— Хотите сказать, что предупредили ее о последствиях.

— Вирне было прекрасно известно о рисках и том, чего мы все хотим добиться. Свободы от вьєрхов. Она считала, что люди должны узнать правду о таких, как судья и его дочь, поэтому и согласилась на интервью. Абсолютно добровольно.

— Сильно сомневаюсь, что она хотела оказаться в Подводном ведомстве. Как и в том, что хотела смерти Д'єрри.

Дженна так и не закуривает, откладывает сигарету в сторону.

— Думаешь, я в этом замешана?

— Нет?

Карринг выдерживает мой испытующий взгляд, не моргая.

— Волна вдали от берега, Лайтнер, не страшна. Но чем ближе к суше, тем больше оборотов она набирает. Становится сильнее. Опаснее. Смертоноснее. Достаточно одного небольшого камешка, чтобы по воде пошли круги. При условии, что ты бросишь его в озеро. Но Ландорхорн не озеро, он давно бушующий океан. Поэтому

достаточно было одного интервью, чтобы поднять волну, достойную Н'ресской. Человеческую волну.

— Я не боюсь волн, — говорю я. — Но если вы хотите, чтобы люди пошли за вами, им нужен символ. Нарочно или нет, таким символом стала Вирна. Ни Алетта, ни тот мужик, в которого была влюблена моя мать, на это не способны. Они вызывают исключительно жалость и страх, в отличие от Вирны, которая своим примером вдохновляет бороться против системы. Сейчас этот символ заперт где-то в камерах Подводного ведомства. Без нее революции не случится.

— Ошибаешься, Лайтнер, — Дженна качает головой. — Люди уже готовы ради нее убивать, и когда они узнают, что система решила уничтожить их символ, они вряд ли будут довольны.

Она им не нужна, понимаю я. Для них Вирна — изначально расходный материал.

Дженна постукивает пальцами по столу.

— Ты ведь понимаешь, чего я хочу, Лайтнер. Мир для людей. Но мирным путем мира уже не добиться. Обеим сторонам придется заплатить немалую цену. Я готова ее заплатить, но что насчет тебя? Ты вверх. Более того, ты К'ярд. Откуда мне знать, что ты просто не выдашь нас всех, когда Вирна Мэйс окажется на свободе?

Карринг с самого начала показалась мне непростой, но тогда я считал, что она прикрытие какого-нибудь вверху, желающего подвинуть Диггхарда К'ярда. Теперь же смотрел на нее совершенно другими глазами. Сейчас я не сомневаюсь в том, что идея с шоу и с участием в революции Вирны, человеческой девушкой, попавшей в сложную ситуацию, принадлежит именно ей.

Точнее, идея с тем, чтобы подставить ее под удар.

Я делаю вдох и медленный выдох, как перед прыжком в воду.

— Лайтнер, — Дженна смотрит на меня в упор. — Ты знаешь, где находится Подводное ведомство?

— Разумеется.

Это здание на Третьем, которое все обходят стороной. Пожалуй, отлично соответствующее своему назначению: внушать страх.

— Тогда ты знаешь, что это один из самых охраняемых объектов во всем Ландорхорне. Ты представляешь, на какой риск я иду, и сколько своих людей — ценных людей, поставлю под удар, чтобы

вытащить Мэйс? Мне нужно понимать, что я могу тебе доверять. Нужно знать, что ты действительно с нами.

— И что ты предлагаешь? — спрашиваю я, глядя на нее в упор.

— Расскажи всем, что из себя представляет твой отец.

— Рассказать? — по инерции переспрашиваю я.

— Да, мы сделаем видео, которое покажет всю правду о Диггхарде К'ярде. — Слово «всю» она особенно подчеркивает. — Как проходило твое детство, какие у вас отношения в семье. Что отец запретил тебе любить обычную девушку, что за твой протест выгнал тебя из дома и теперь не позволяет видеться с матерью и братом.

Вспыхивающую внутри ярость я гашу на подлете, сжимаю кулаки.

— Откуда ты знаешь?!

— Я наблюдала за тобой Лайтнер. Ты же не думал, что я просто так возьму тебя на работу и не поинтересуюсь, что ты из себя представляешь? Он ведь вышвырнул тебя из семьи, а ее запер дома? Правитель Ландорхорна жесток не только со своими гражданами, он жесток со своими близкими.

Одно только упоминание мамы способно заставить меня разнести здесь все в щепки, но так я точно Вирне не помогу. Ни Вирне, ни маме, ни даже себе, если на то пошло.

— Как это поможет? — интересуюсь у Дженны. Я действительно раздумываю над этим безумием? Диггхард К'ярд не лучший отец, но поступить с ним вот так — это перебор. Не говоря уже о том, что это вполне может навредить матери и Джубо.

— Подводное ведомство могло устроить целый спектакль из ареста Вирны, но они предпочли забрать ее тихо и оперативно. Незаметно. Откуда ты узнал, что ее вообще арестовали?

— От ее сестер.

— Вот именно.

Дженна изящно подхватывает нетронутую сигарету, щелкает зажигалкой и прикуривает.

— В новостных лентах не единого слова о пойманной преступнице и ее будущей судьбе. С таким же успехом Вирна могла просто спрятаться. Заяви я о ее пропаже, это будет... никак. Кто я

такая, всего лишь управляющая ночным клубом. Другое дело ты. Вьерх, герой и...

Она делает паузу, и я заканчиваю за нее:

— Сын Диггхарда К'ярда.

— Который пошел против своего отца ради любви к обычной девушке.

Вирна на самом деле необычная, но Дженне это знать необязательно. Скажем так, она последний человек во всем Раверхарне, которому я готов это рассказать.

Карринг и ныряльщикам не нужна только Вирна, или только я, доходит до меня. Им с самого начала нужны были мы оба. История несчастной любви. Спектакль. Драма.

— Запиши видео, — Дженна кивает на свой компьютер, — прямо сейчас. Расскажи свою историю. О том, где Вирна, и почему. Кто ее туда отправил. Попроси ландорхорнцев о помощи. А я помогу тебе попасть в Подводное ведомство. Мы ее вытащим.

Ну разумеется. После того, как я это запишу, события после смерти Ромины Д'ерри станут цветочками, потому что на улицы выйдет весь Ландорхорн. Все, кто втайне боялся, ненавидел, презирал вьерхов или считал, что мы у них отнимаем их жизнь, выйдут, чтобы отнять жизнь у нас. А дальше это будет уже не остановить.

Начнется не просто переворот, начнется бойня.

Не такой ценой я хочу спасти Вирну. Я предам не только ее, не только свою семью, я предам себя.

— Нет, — говорю я. — Я не стану этого делать.

Дженна меняется в лице, ее взгляд становится жестким, а пальцы настолько напрягаются, что мне кажется — она вот-вот сломает сигарету.

— Ты же понимаешь, что счет для нее идет на минуты, Лайтнер? Понимаешь, что она нужна им только пока не расскажет и не назовет имена? Понимаешь, что они с ней сделают, если она не захочет рассказывать?

От ее слов мороз по коже, только усилием воли мне удастся сдержать рвущуюся наружу силу.

— Боишься, что она назовет твое? — спрашиваю я, глядя на нее в упор. — Не бойся. Вирна не из тех, кто сдает своих — в отличие от тебя.

— Думаешь, я тебя отпущу?

— Уверен, — говорю жестко. — Тебе же нужна история нашей с Вирной любви, а два мертвых героя на квадратный валл — это уже перебор. К тому же, мои друзья могут начать нервничать и свяжутся с моим отцом. Так что если я тебя правильно понял, ты вряд ли совершишь такую глупость.

Конечно же ни о чем таком с Кьяной и Харом я не договаривался, но рядом с ныряльщиками лучше перестраховаться.

Дженна кивает на дверь.

— Глупости здесь совершаешь именно ты.

Напряжение, сковывающее меня, не отпускает до тех пор, пока я не выхожу на улицу. Только оказавшись в эйрлате, в полной мере осознаю свой провал.

Провал ли?

Я выяснил, что мы с Вирной — расходный материал, и нужно справляться своими силами. Одному мне ее не спасти, а значит, мне нужна помощь.

И кажется, я даже знаю, чья.

Особняк отца возвышается над воротами, в которые меня не пустили. Но сегодня я проезжаю мимо, разочарованный только тем, что даже краем глаза, даже на минуту не увижу маму.

Моя цель дальше. Резиденция семьи Бигг.

Остается только надеяться, что Родрес меня выслушает, или, хотя бы, в отличие от Джубо, откроет ворота. Но то ли меня забыли вычеркнуть из списка друзей, то ли меня снова встречает ньестра Бигг, ворота разъезжаются в сторону, стоит свернуть на подъездную дорогу.

В общем, я готовлюсь беседовать с родителями Родди, но, распахнув двери дома, на пороге появляется он сам.

— Что ты здесь делаешь, Лайт?

На улице холодно, сыро, то и дело срываются капли дождя, но Родрес босиком, в спортивных штанах и в футболке, и, кажется, не замечает всего этого. Он смотрит только на меня: мрачно, напряженно, будто хочет прожечь взглядом.

— Нам нужно поговорить, — тупая фраза, но мне нужно с чего-то начать.

— Кажется, мы все сказали друг другу в прошлый раз.

— Это касается Ромины.

Взгляд Родди становится еще более злым, в глазах вспыхивают ромбовидные, яркие зрачки вверху. Вспыхивают и тут же гаснут, становясь темными и безжизненными.

— Она мертва.

— Да, — говорю я, хотя прекрасно вижу, что ему это не нужно. — Ее убили.

— Твоя Вирна Мэйс, — выплевывает Родрес с ненавистью, и я понимаю, что большинство вверху действительно винят Вирну.

— Она ни при чем.

— Ну конечно!

— Вирна не причастна к смерти Ромины, Родди. Я был с ней, когда это случилось. Мы вместе узнали обо всем из новостей.

По взгляду вижу, что он колеблется.

— Не своими руками.

— Я видел ее лицо, когда она об этом узнала, она была в шоке! Вирна пошла на это интервью просто потому, что хочет нормально жить.

— Ромина тоже хотела жить! Да, она заигралась в своем стремлении к популярности, помешалась на тебе, на статусе «девушки К'ярда», она ревновала тебя к этой Мэйс, но Ромина никому не хотела зла.

— Спорный вопрос, учитывая ее действия.

Родрес неожиданно бросается вперед и сбивает меня с ног. Мы кубарем катимся по газону, но мягкость земли совсем не спасает. Особенно, когда мне прилетает кулаком в челюсть. Да едх тебя забори! Я блокирую новые удары Родди, резко переворачиваюсь и кладу его на лопатки.

— Ты доволен?! — почти что рычит он. — Доволен, что ее больше нет? Что ее наказали?

Его зрачки снова вспыхивают, кажется, Родрес готов пустить в ход силу вверху. Об этом говорят и пылающие огнем пальцы.

— Нет! — рявкаю я, и это чистая правда. — Ты совсем маруна? Я не хотел смерти Д'ерри. Мы росли вместе!

Зрачки гаснут, а сам Родди перестает пытаться вырваться, чтобы утопить меня в ближайшем искусственном пруду.

— Я не хотел ее смерти, — повторяю я.

— Ты сдал ее, — напоминает он, но уже без ярости. Я отпускаю Родреса, он садится прямо на лужайке, и, кажется, не замечает этого. Его всего трясет. — Подставил под удар.

— Как и Вирну. Ее я тоже подставил. Если честно, я подставил всех, даже тебя.

Меня окидывают подозрительным, недоверчивым взглядом.

— Меня?

— Ты был моим другом. — Может, это невероятно, но я говорю искренне. — Но тогда я думал только о себе. Я не думал о Роми. О том, что она расстроится после нашего расставания, о том, что ее так заклинит на людях. Мы ведь с детства дружили, я и подумать не мог, что все так случится.

Не то, чтобы я хочу оправдывать Д'ерри, но может, кто знает, поговори я с ней тогда нормально, все произошло бы иначе.

Я поднимаюсь и подаю Родресу руку, которую он после недолгих раздумий принимает.

— Я даже о Вирне не думал. Пришел в клуб, где она работала, и посмеялся над тем, что она официантка. В общем, я повел себя не лучше Роми. И конечно, я не думал о тебе. О том, что она может тебе нравиться.

— Нравиться? — горько усмехается Родди. — Я ее любил. Но теперь ее нет, а эти едхи, те, кто ее убил, прячутся в своих трущобах-лабиринтах. Труссы!

— Поэтому я здесь.

Он снова смотрит на меня с недоверием.

— Хочешь найти убийц Роми, чтобы наказать их? Я не вчера родился, Лайт. Тебе на нее плевать, несмотря на всю эту твою большую пламенную речь о дружбе. Я на это не куплюсь!

— Нет, — говорю. — Это не ради Ромины, а ради Вирны.

Родрес складывает руки на груди, показывая, что нехотя, но все-таки решил меня послушать.

— Вирну арестовали за связь с убийцами Ромины. Но она невиновна.

— А ты знаешь, кто виновен.

— Почти уверен.

— Почему не сдашь их папочке? И не надо мне про неуважительное отношение к правителю Ландорхорна. Именно он допустил весь этот хидрец!

— Ты знаешь, какие у нас сейчас отношения с отцом. К тому же, Вирне это не поможет. Ее все равно приговорят, поэтому я хочу ее вытащить.

— Откуда?

— Из Подводного ведомства.

— Тебя волной что ли накрыло?! — с Родди мигом слетает весь его серьезный, сосредоточенный вид. — Оттуда никто не выходит, по крайней мере, без приказа свыше. Отец лично создавал для Ведомства охранную нейросеть.

Никто не говорил, что будет легко.

— Ты сможешь ее обойти? — спрашиваю откровенно.

— Возможно, — он пожимает плечами. — Не пробовал, но это своеобразный вызов самому себе. Другой вопрос — зачем это мне?

Я ждал именно этого вопросы.

— Поможешь вытащить Вирну из камер Ведомства, я помогу тебе добраться до тех, кто убил Роми.

Огонь вьерхов снова вспыхивает в его взгляде. Как бы Родди ни хотелось выглядеть безразличным, у него не получается. Любовь вообще странная штука: я, например, собираюсь войти в самую охраняемую тюрьму в мире, а главное — вернуться оттуда живым и вместе с Вирной.

— Договорились? — я протягиваю ему руку, но Родрес не спешит отвечать тем же.

— Если все получится, я смогу открыть для тебя любую дверь, провести тебя куда угодно, отключить защитные системы, но никто не отменял агентов Подводного ведомства.

— С этим я справлюсь сам, — киваю я. — Даже если меня поймают, ты все равно получишь имя.

Родди молча смотрит на меня какое-то время, но потом все-таки пожимает мою руку.

— Идет.

Глава 24. Подводное ведомство

Вирна Мэйс

Голова казалась тяжелой. Настолько тяжелой, что при попытке ее поднять я почувствовала, как она тянет меня вниз. Тем не менее все-таки разлепила веки и приподнялась, чтобы оглядеться.

Я лежала на полу в запечатанной со всех сторон металлической камере. Камера, или что бы это ни было, казалась просто огромной, и в ней не было ни единого опознавательного знака, где может находиться дверь. Помимо металлических стен и неяркого света, который излучали тонкие полосы ламп под потолком, здесь больше ничего не было. Вентиляционные отверстия располагались на высоте пяти-шести валлов, такой же камера была в длину и в ширину. На полу было несколько стоков, и на этом все.

Переносицу дернуло болью, и я невольно поморщилась. Осторожно коснулась пальцами лица, чувствуя запекающуюся кровь. Вообще-то мне повезло, что вверху ударил в перчатке, иначе я бы сейчас ходила с ожогом на пол-лица. Но еще больше мне повезло, что они не узнали мою тайну. Пока не узнали.

И сколько не узнают еще? До того, как кто-нибудь схватит меня незащищенной рукой за запястье? При мысли об этом прошло страхом, таким, какого я не чувствовала уже очень давно. Все внутри сжалось, дыхание перехватило, даже перед глазами стало темнее, как будто кто-то приглушил свет, но нет. Свет не приглушали, лампы по-прежнему мерцали, и я впечатала ладони в ледяной пол, чтобы прийти в себя.

Мне нельзя поддаваться страху. Нельзя позволять ему взять верх, или я просто сойду с ума. Что я буду делать, когда за мной придут, если меня сейчас так трясет?

Трясло и правда сильно: то ли от холода, которым было пронизано это место, то ли от осознания того, где именно я нахожусь. В голову разом пришли все страшилки, которые я когда-либо слышала про подводников, следом — видеозапись Лэйс. Я даже прикусила щеку, чтобы унять дрожь, но она все равно втекала меня сквозь кончики

пальцев, заставляя содрогаться всем телом. Упавшие на лицо по-прежнему влажные волосы отрезали меня от металлических стен и по-своему отрезвили.

Я вспомнила Вартаса, наши тренировки вар-до и его слова:

— Чтобы справиться с чувствами, Вирна, прежде всего надо научиться дышать. Все начинается с дыхания.

С дыхания я и начала. Сосредоточилась на вдохе — ровном, глубоком, рождающемся в животе, а после — на таком же глубоком выдохе. Не знаю, сколько прошло времени прежде, чем меня перестало трясти, но по крайней мере я уже не напоминала выброшенную на берег рыбину, а когда откинула волосы назад, поняла, что могу подняться. Мне просто необходимо было подняться, чтобы втекающий в меня холод снова не запустил этот процесс, а еще — чтобы размять непослушное затекшее тело и согреться по-настоящему.

Правда, я едва успела дойти до конца камеры и развернуться, когда раздался щелчок. На первый взгляд самая обычная стена разошлась в стороны раздвижными дверями, и вошли двое агентов Подводного ведомства. Идущий первым был мне незнаком, а вот второго я узнала очень хорошо.

Именно он меня арестовал.

Именно он меня ударил тогда, в эйрлате.

В его глазах было столько ненависти, что я отшатнулась. Точнее, отшатнулась бы, если бы было куда — в спину впечатался холодный металл.

— Вирна Мэйс, — произнес другой вверху, — расскажите нам все, что вам известно об убийстве Ромины Д'ерри и о ныряльщиках.

Мне кажется, что вокруг кончается воздух, потому что вдох — тот самый вдох, который мне нужно сделать, чтобы сохранять спокойствие — не удается. Поэтому я просто произношу:

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Возможно, это заставит вас понять?

Только сейчас я обращаю внимание на тапет, который говорящий держит в руках, и понимаю, что это тот самый тапет. Тот, который забрали из моей квартиры.

— Вы просматривали запрещенный сайт, нисса Мэйс. Сайт, доступ на который есть только у преступников и анархистов.

Он смотрит на меня в упор, у него тоже тяжелый взгляд, если быть точной — свинцовый, как холодное море зимой, но эта тяжесть не идет ни в какое сравнение с тем, что я видела в глазах второго агента. Поэтому на него я предпочитаю не смотреть и не думать о том, что именно я сделала ему. Что такого я ему сделала, за что он меня так ненавидит.

— Я не имею к ним никакого отношения.

— Неужели. Тогда откуда у вас доступ?

Мужчина шагает ближе и теперь возвышается надо мной. Он широкоплечий, чем-то напоминает Н'эргеса, седые нити в волосах поблескивают в свете ламп, глаза холодные. Я привыкла к подобным, просвечивающим взглядам — спасибо хотя бы тому же Н'эргесу, поэтому сейчас мне удастся держать лицо. Просто оставаться спокойной, потому что иного выхода я не вижу.

Я не могу говорить про Вартаса, про то, что видела этот сайт первый и единственный раз в жизни.

— Вам лучше побеседовать со мной, нисса Мэйс, — жестко произносит мужчина. — Потому что мой напарник недавно потерял брата. Потерял он его благодаря ныряльщикам, во время операции по захвату, и настроен не самым лучшим образом по отношению к тем, кто сеет смуту, хаос и совершает хладнокровные убийства в Ландорхорне.

При одном упоминании второго агента по телу проходит холодок, но я не позволяю страху вмешаться в мою линию поведения. Перевожу взгляд на того, кто, кажется, готов меня разорвать на месте — и снова возвращаюсь к тому, с кем говорила ранее.

— Я никого не убивала.

— Своими руками — возможно. Как насчет вашего интервью? Интервью, после которого убийство Ромины Д'ерри выложили в сеть со всеми подробностями. Кто устроил вам это интервью, нисса Мэйс? Назовите имя.

Я молчу.

— Послушайте, — голос его становится чуть менее жестким. — Я понимаю, что вы напуганы, но для вас уже ничего не исправить. Вас видели на побережье совсем недавно — что вы делали на побережье, нисса Мэйс? Зная, что к воде приближаться запрещено?

— Я никому не причиняла вреда! — мой голос все-таки срывается. — И политари...

— С прибрежным патрулем, арестовавшим вас, будет отдельный разговор. В частности о том, почему этот случай не был упомянут в официальном рапорте в наше ведомство. От вас мне нужно другое, нисса Мэйс. Все, что вам известно об убийцах ньестры Д'ерри, имена устроивших для вас интервью и любые ваши контакты с ныряльщиками.

— У меня не было контактов с ныряльщиками.

Мужчина покачал головой.

— Как я уже сказал, для вас все кончено. Ваша виновность очевидна, и ваша смертная казнь — вопрос времени, но только от вас зависит, какими будут последние часы вашей жизни.

Он говорит об этом настолько буднично, что меня снова бросает в дрожь. Я знаю, что Подводное ведомство — это государство в государстве, в любом регионе Раверхарна они наделены особыми полномочиями, они обращаются к верхушке власти только в случае возникновения каких-то спорных вопросов. Либо когда есть личная заинтересованность кого-то из правителей в рассмотрении того или иного случая. Что, впрочем, возникает нечасто, потому что ныряльщики и связанные с ними так или иначе автоматически приговариваются к смертной казни, и приговор приводится в исполнение прямо в Подводном ведомстве.

Наверное, только сейчас до меня доходит, что это уже приговор.

В ту же минуту мужчина отступает и кивает своему напарнику:

— Она твоя.

Мне стоило немалых усилий остаться на месте. Правда, после следующих слов мужчины я просто приросла к полу.

— Не забывай, что она должна рассказать, кто устроил ей это интервью, и откуда, — он сунул в руки напарнику тапет, — у нее такие знакомства.

— Не волнуйся. Мне она расскажет все.

У меня закружилась голова, но сосредоточиться на этом ощущении не получилось: меня просто схватили за локоть и швырнули в сторону выхода — туда, куда только что ушел говоривший со мной мужчина. Я скосила взгляд на руки агента: они по-прежнему были в

перчатках, но вряд ли сейчас меня должно заботить, останутся у меня ожоги от его прикосновений, или нет.

— Я не убивала вашего брата, — сказала я, и лицо его стало просто зверским. — Я даже его не трогала.

Подозреваю, что он не вцепился мне в волосы, исключительно потому что здесь повсюду были камеры. Я их не видела, но предполагала, что они есть — иначе как объяснить тот факт, что агенты появились сразу после того, как я пришла в себя.

— Шагай, — процедил он. — И не открывай рот, пока я не задам вопрос.

Мы вышли в коридор, металлический рукав которого протянулся в обе стороны, не отмеченный ни единой дверью. Впрочем, теперь я уже знала, что местные двери не видны, пока они не откроются.

Я могла бы сбежать отсюда?

Эта мысль пришла спонтанно, как вспышка, но я поняла, что понятия не имею, куда бежать. Все время, пока мы шли, раздавалось лишь эхо наших шагов, рикошетом отражающееся от стен, пола и потолка замкнутого пространства. До той минуты, пока мы не повернули за угол — впереди, в нескольких валлах, находилась уже реальная дверь. Замок был оснащен сканерами и панелью, к которой агент приложил ладонь.

Замок пиликнул, панель загорелась сканером для глаз.

— К стене, — скомандовали мне. — Руки держи так, чтобы я их видел.

Я подчинилась, перевела взгляд наверх.

На меня уставились сразу две камеры. Одна — под углом, чтобы был виден изгиб коридора, оставшегося за спиной, вторая — прямая.

Меня считают пешкой, куклой, которую использовали для интервью и пустили в расход. Это очевидно, потому что рядом со мной только один агент. С другой стороны, он меня вряд ли недооценивает, потому что даже сейчас, когда я стою и держу руки на стене, его ладонь на кобуре.

Оружие, которое, возможно, спасет мне жизнь.

Я же не могу об этом думать серьезно? Или могу?

Дверь открывается: растянувшиеся для меня мгновения выбрасывают в реальность. Реальность такова, что я один на один с

вверхом, который меня ненавидит, в лабиринтах Подводного ведомства, и, если меня не убьет он, меня убьет так называемое правосудие.

Наивно было полагать, что что-то изменится после того, как арестуют Ромину Д'ерри. Сейчас она просто мертва, и спустя несколько часов я к ней присоединюсь.

Если ничего не сделаю.

— Шевелись! — выплевывает вверх, с силой ударяет меня в спину, и я спотыкаюсь.

Это получается не нарочно, но очень вовремя. Я просто позволяю себе падать, и, когда он хватает меня за плечо, разворачиваюсь и бью раскрытой ладонью в грудь. Этот выпад в вар-до у нас с Вартасом никогда не получалось отработать нормально, потому что он перекрывает доступ кислорода — на несколько секунд, а следом приходит боль. Дезориентирующая человека или вверх, и мне остается только надеяться, что у меня получилось, потому что до сегодняшнего дня я была исключительно воздух.

То, что у меня получилось, я понимаю, когда вижу, как он хватается ртом воздух, а после его зрачки раскрываются так, что, кажется, ромбы сейчас порвут радужку. Рывком выдергиваю оружие из кобуры и бегу. По коридору вперед — в неизвестность, но там, по крайней мере, у меня есть шанс, потому что там, откуда пришли мы — только голые стены секретных камер и ничего кроме.

Интуиция меня не подводит: за первым же поворотом я вижу лифт. Ударяю в панель, искренне надеясь, что здесь не потребуются подтверждения личности, и она не требуется. Я просто влетаю в кабину, глядя на обозначенные на кнопках уровни. Судя по тому, что показывает панель, сейчас мы под землей, и мне нужен нулевой уровень. Нулевой уровень!

Когда дверцы лифта захлопываются, как створки ракушек, я перевожу взгляд на оружие. Мне как минимум нужно понять, как снять его с предохранителя — я никогда не держала в руках ничего, кроме шокера, но именно шокер однажды спас мне жизнь. Мне нужно найти предохранитель, но я не могу понять, где он, где он вообще, и в довершение всего оружие прыгает в руках, расплываясь перед глазами.

Щелчок дверей лифта открывает передо мной коридор в тот момент, когда я все-таки нахожу переключатель, и пистолет

включается, показывая уровень заряда на рукоятке. Я вылетаю в коридор и оказываюсь лицом к лицу с девушкой-вьерхой. Волосы у нее собраны в пучок, на лацкане пиджака — эмблема Подводного ведомства, в руках тапет. Ее глаза расширяются.

— Как отсюда выйти?

Она смотрит не на меня, а в прицел оружия, поэтому мне приходится крикнуть:

— Как отсюда выйти?!

В тот момент, когда она дрожащей рукой указывает в сторону поворота коридора направо, включаются сирены, сквозь которые пробивается резкий голос:

— Внимание всем сотрудникам: код девять. Повторяю, код девять.

Девушка бледнеет, переводит взгляд с оружия на меня, а я рывком бросаюсь в указанном направлении. Едва успеваю повернуть, когда прямо перед глазами вспыхивает переклестье лазерных лучей, движущихся в моем направлении. Бросаюсь назад и вижу похожую стену, идущую с другого конца коридора. Девушки уже нигде нет, перед глазами только бесконечная вереница дверей в равнодушном холодном освещении коридоров.

Лучи приближаются, кнопка лифта, как назло, не срабатывает.

С первого, со второго, с третьего раза...

На четвертый, когда я уже ударяю по ней с такой силой, что удар отдает в ладонь, двери все-таки открываются. Очень медленно, так медленно, что я едва успеваю протиснуться внутрь, когда лазерные лучи смыкаются на том месте, где я только что стояла. Я сижу на полу, сердце бешено колотится, кабина лифта запечатывается без моего прикосновения к панели и идет вниз.

Когда двери снова открываются, с недооценкой меня больше проблем нет: в меня целятся четверо, еще четверо их прикрывают.

— Набегалась? — интересуется агент, шагая ко мне, рывком вздергивая меня на ноги.

Так, что дуло оружия, которое я по-прежнему сжимаю в руках, упирается ему в грудь. В его глазах горит огонь вьерха, но помимо этого, в них горит безумие. То самое безумие, которое — я это понимаю отчетливо, на краю сознания, говорящее мне о том, что ему будет все равно, если я сейчас выстрелю.

Но я не выстрелю.

Я это знаю, и, возможно, он это тоже знает, и дело вовсе не в безумии. В следующий момент он просто швыряет меня в коридор, и меня тащат вперед. Вталкивают в комнату, и первое, что мне бросается в глаза — красные волосы. Красные спутанные волосы, падающие на лицо прикованной к стене девушки. Меня начинает трясти еще до того, как вверх проходит в комнату и сгребает пряди в горсть, заставляя ее запрокинуть голову резким рывком.

— Ты права, — говорит он. — Ты не трогала моего брата, но я совершенно точно трону твою сестру. Тебя тоже. И одна из вас точно заговорит.

Глава 25. Больше, чем сестры

У меня перед глазами все плывет, но я бросаюсь к ней. Подлетаю — лишь на миг удастся ее коснуться, скользнуть пальцами по щеке, когда меня рывком оттаскивают назад. Я кричу, кусаюсь, царапаюсь до тех пор, пока удар в солнечное сплетение не выбивает из груди воздух вместе с криком:

— Лэйс!

Меня толкают к стене, вздергивая руки вверх, запечатывают запястья в электронные кандалы, которые смыкаются с легким щелчком. То же самое проделывают с ногами, а следом вытягивают из стены металлический пояс, блокируя еще и за талию. Мне остается только биться, как бабочке в паутине, но это занятие абсолютно бессмысленное, и спустя несколько мгновений я просто замираю.

Глядя на Лэйс широко распахнутыми глазами, потому что она на меня не смотрит.

Она вообще без сознания.

— Спасибо за помощь, — он отпускает ее волосы, и голова сестры бессильно падает на грудь.

— Мы будем поблизости, — произносит один из сопровождавших нас.

— Дальше я сам, — он усмехается, и, когда все выходят, снова поворачивается ко мне. Эта комната меньше той, в которой меня держали, а может, она кажется меньше за счет стула и столов, на которых лежат самые различные приспособления. Есть еще вмонтированная в стену непонятная камера, тем не менее внешняя часть ее — куполообразная крышка, как в гигантском футляре — выступает вперед. Сквозь стекло видна вертикальная полка, металлические блокираторы, как на стенах и шлем.

Вверх переводит взгляд вслед за моим, усмехается.

— Это жемчужина нашей коллекции, нисса Мэйс. То, что наверняка заставит любого сказать правду, но у нее единственный побочный эффект: после использования допрашиваемый по интеллекту становится не умнее маруны. Именно поэтому использовать его нужно с большой осторожностью, никогда не знаешь,

какой вопрос понадобится задать следующим, а у всех разный предел. Вам с сестрой повезло, что я предпочитаю традиционные методы допроса. Правда...

Он заглядывает в лицо Лэйс.

— С ней я уже успел побеседовать несколько раз.

Он произносит это с таким... удовольствием, что все внутри сначала сжимается, а потом раскручивается, как невидимая пружина.

— Тронешь ее — и я тебя убью, — говорю я, глядя ему в глаза.

— У вас уже был шанс, нисса Мэйс. Следующий вам не представится.

Вверх касается панели, расположенной рядом с бессильно поникшей Лэйс, и сквозь кандалы проходит электричество. Я вижу взрезающие металл и воздух молнии, тело сестры выгибается дугой, и во мне кончается воздух. Я пытаюсь вдохнуть, не могу, перед глазами темнеет, и только когда Лэйс с ругательством обмякает снова, вдыхаю заставляющий меня закашляться живительный воздух.

— Лэйс, — шепчу хрипло. — Лэйс... Лэйс...

Голос кажется чужим, а потом сестра поднимает голову. Смотрит на меня, в упор, после чего выдыхает:

— Маруна!

Приветствие вполне в духе моей сестры, и я бы с радостью улыбнулась... Море, да я готова была бы выслушать все, что она обо мне думает, и при этом была бы счастлива, но обстоятельства, в которых мы оказались, не способствуют счастью. Даже кратковременная радость от сознания того, что она жива, гаснет, как вспышка, а взамен нее внутри рождается ярость, которую сложно удержать и еще сложнее контролировать.

Потому что в глазах сестры, в которых никогда не было страха, я сейчас вижу его. Едва уловимый, но достаточный для того, чтобы все внутри сжалось.

— Я вам все расскажу, — говорю я. — Назову все имена за две минуты, если вы отпустите мою сестру.

В глазах вверху мелькает что-то похожее на насмешку, только гораздо более злое.

— Мы не ведем переговоров с ныряльщиками, нисса Мэйс. Тем более что вы и так мне все расскажете.

Он касается панели, и Лэйс снова выгибается дугой. Только на этот раз она в сознании и кричит, а я пытаюсь дышать, потому что воздух врывается в грудь какими-то колкими малюсенькими порциями.

— Хватит! — ору я, почти срывая горло. — Хватит! Оставь ее в покое, ты, больной недоделок!

— Как ты меня назвала?

Он шагает ко мне, оставляя Лэйс за своей спиной. От ее криков судорогой сводит мое горло, поэтому так сложно вытолкнуть ее из себя:

— Выключи это. По...жалуйста.

— Пожалуйста? — уточняет он, глядя мне в глаза. — Или больной недоделок?

— Ты ее убьешь! — выдыхаю, пытаюсь справиться с сотрясающей все тело дрожью, как будто ток проходит через меня. — Как тогда будешь меня допрашивать?

— О, у меня есть множество методов в арсенале.

— Не сомневаюсь, — выплевываю я. — Но что-то мне подсказывает, что они не работают. Иначе бы мы здесь не оказались, верно? В такой ситуации.

Он разворачивается и возвращается к Лэйс, спустя мгновение она снова обвисает в кандалах, а мне остается только дышать. Это единственное, что у меня получается, потому что ничто другое уже не работает. Я медленно, но верно соскальзываю в то, откуда пути назад просто не будет, в кошмарную, не поддающуюся никакому контролю, панику. От ярости до отчаяния такой короткий шаг, и я его почти сделала, потому что не в моих силах ее спасти.

Не в моих силах ее защитить.

Я не могу...

— Итак, нисса Мэйс, — вверх снова разворачивается и приближается ко мне. — Имена.

Имена — это ключ.

То, что прекратит боль Лэйс. Мне больше не придется на это смотреть — как сейчас, когда она без сил в кандалах, судорожно вздыхает. Снова и снова, как будто не может надышаться. Я вижу, как

ее пальцы сжались на железных браслетах, блокирующих запястья, и как они разжимаются снова.

Но еще имена — это ключ к тому, чтобы наши с Лэйс жизни оборвались. Я не знаю, как это все происходит, но знаю, что мы не проживем долго после того, как я скажу хотя бы что-нибудь. Он об этом позаботится.

Поэтому я плотно сжимаю губы, а потом просто плюю ему в лицо.

Пусть отцепится от нее! Пусть бьет меня.

И он действительно меня бьет, пощечина больше напоминает удар, только благодаря плотной фиксации я не разбиваю голову о стену и не теряю сознание снова, хотя от звона в ушах и боли темнеет перед глазами. Я проваливаюсь в какое-то странное состояние, в котором теряются запахи и звуки, и мир реальный перестает существовать — а в нереальном я стою на берегу океана рядом с Лайтнером. Мне так легко и спокойно, а шум волн звучит как колыбельная. Мы почти касаемся друг друга, ключевое слово — почти, наши пальцы застывают в каких-то антваллах друг от друга.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, он смотрит на меня, и впервые в жизни я так отчетливо понимаю, что мне ничто не мешает его целовать. Он наклоняется ко мне, едва касаясь губами губ, и губы обжигает, а следом с ног сбивает волна. Она накрывает меня с головой, швыряет на камни, затягивая на глубину, все дальше и дальше от берега. Я пытаюсь ухватиться за его пальцы, но нас разбрасывает в разные стороны, и эта темная холодная глубина поглощает его у меня на глазах.

Я кричу, кричу изо всех сил, но вода поглощает все звуки, и вместо отчаянного крика только мой голос у меня в голове, закручивающийся, как воронка, которая впечатывает меня в самое дно, взрезая камнями кожу и заставляя выгибаться от боли.

— Вирна!

На поверхность выдергивает голос сестры, подбрасывает, возвращает в реальность. Я судорожно втягиваю воздух и понимаю, что меня до сих пор трясет — от тока, которым меня приводили в себя так же, как Лэйс. Я смотрю ей в глаза и вижу, что от страха там ничего не осталось. Только чистая неприкрытая ненависть, а еще... синева. Синева глаз лиархи.

У меня перехватывает дыхание на этот раз от того, сколько в ней клубится силы.

— Закрой глаза, Лэйс, — неожиданно твердо для себя командую я, и это звучит... правильно.

Так я могла бы сказать, если бы просила ее не смотреть на то, что со мной делают. На миг мелькает одна безумная мысль — могла бы я (мы?) добраться до воды, которая сейчас бьется под нами. Мелькает — и тут же отступает, потому что я совершенно не контролирую свою силу, но даже если ее контролирует Лэйс, мы просто уничтожим всех, кто находится в здании. Перед глазами вспыхивает перепуганная девчонка, на которую я наткнулась в коридоре. Она тоже умрет.

Я этого не хочу.

Я просто не могу так поступить.

— Дженна Карринг, — это раздается так внезапно, что я вздрагиваю.

Вверх оборачивается к Лэйс, и она смотрит на него в упор.

— Ты хотел имя? Дженна Карринг. Она регулирует ныряльщиков и все дерьмо, которое сейчас происходит в Ландорхорне. Эта надрашантажировала меня сестрами, но теперь эта проблема отпала, правда? Арестуйте ее и развлекайтесь, все, что вы хотели знать, вы точно узнаете от нее.

В глазах агента мелькает что-то похожее на разочарование, он приближается к Лэйс. Мне кажется, я слышу дыхание сестры с того конца комнаты, хотя сама сейчас дышу совершенно беззвучно. Чувствую только, как поднимается и опускается грудь.

— Если ты мне солгала, — произносит он. — Ты очень сильно об этом пожалеешь.

— Больше, чем о дне встречи с тобой, я жалею только о дне встречи с ней.

Он смотрит на нее.

Она — на него.

Не думаю, что долго, но мне кажется, проходит целая вечность.

Их молчаливый диалог завершается тем, что вверх разворачивается и выходит. Только когда за ним запечатывается дверь, Лэйс снова смотрит на меня.

— Она узнала обо мне, — произносит, хотя я не успеваю ничего спросить, и во взгляде ее снова мелькает знакомая сила. — Хотела,

чтобы я сделала для них кое-что. Я отказалась. И, разумеется, после этого мне пришлось исчезнуть.

— Ты уже... — я не договариваю, потому что я понятия не имею, как здесь ведется прослушка.

— Можешь говорить прямо, здесь нет звука.

— Совсем как в VIP-ложах «Бабочки».

С губ Лэйс срывается смешок.

— Да, у них определенно есть что-то общее. В VIP-ложах «Бабочки» есть прослушка, Вирна, а здесь... никому неохота слышать твои вопли. Достаточно того, что можно увидеть. Не все наслаждаются этим, как он. Хотя многие, определенно, наслаждаются.

— Ты не сказала, что произошло в «Бабочке».

— Я случайно узнала о своей силе. Один вверху в VIP-ке хватанул меня за руку, и заработал ожог. Все это привело к разбирательству, дошло до того, что переехало в кабинет Дженны. Учитывая, что со мной это было впервые, я даже толком ничего понять не успела, как она уже взяла меня в оборот. Сначала все было невинно — благие цели, благие намерения, потом я узнала о том, что под Ландорхорном подземное море, которое связано с одной стороны каналами с океаном, а с другой — с морем. Образно говоря, если представить это как картинку, море под землей — как сердце, каналы — как сосуды.

Значит, я не ошиблась. Это правда.

— Где именно оно находится?

— Ты это сейчас выясняешь с какой целью? Мы все равно отсюда не выйдем. А даже если бы и вышли, Дженна так или иначе сравняет Ландорхорн с землей. Хотя... — Лэйс снова фыркает, и сейчас это выглядит безумно. — В нашем случае правильнее будет сказать, с водой.

Я слегка холодею, но этот холод тут же отступает. Какой может быть холод после всего, что мне удалось пережить.

— Лэйс. Где оно?

— Само море расходится от первого и до четвертого, дальше идут каналы.

Весь центр. Все сердце Ландорхорна.

— Но эти каналы очень легко разрушить. Нырлящики вели работы в этих каналах. Знаешь, что они там делали? Ставили взрывчатку, Ви. Если это сработает, точнее, когда это все сработает — это не переживет никто. Или переживут единицы. Так или иначе, когда она узнала о моей силе, она сказала, что с моей помощью взломать каналы будет гораздо проще.

Мне не верится в то, что я это слышу. Дженна — далеко не образец для подражания, но она... она же не настолько безумна, чтобы уничтожить весь город? Если каналы соединятся, а взрывная волна разрушит Ландорхорн изнутри, если...

— погоди. Как она вообще собиралась это сделать? Ведь мало взорвать каналы, нужно еще вывести воду на поверхность.

— Она вырвется через руины Кэйпдора.

— Что?!

— Там, где стоит твоя надгробная Академия, море ближе всего к поверхности. Сначала она уничтожит ее, а потом — установки.

— Она рехнулась?! — вырывается у меня. — Она хочет умереть и погрести вместе с собой весь Ландорхорн?!

— У нее есть подводная база. — Лэйс усмехается. — Там, где вверху ее меньше всего бы искали — под одной из установок. Толща насыпного дна — всего лишь обманка, до Проседания там располагалась какая-то военная база. Сейчас там целый небольшой город, где можно переждать тот кошмар, который творится на суше, где, собственно, и переждут все, кого она решит оставить в живых. Ну и в довершение всего, Ви... ты же не думала, что Дженна — простой человек? Она такая же, как мы.

Прежде чем я успеваю осознать все, что сестра только что сказала, Лэйс добавляет:

— Она лиарха.

Дженна — лиарха?

Но...

— И много их... нас?

— Я знаю только троих, — хмыкает Лэйс. — Ты, я и она. Но больше чем уверена, что среди знакомых Дженны найдутся еще.

Это меняет все. Не просто все, это действительно способно разрушить мир. Начиная с Ландорхорна. Ландорхорн — сердце Раверхарна, самый большой мегаполис, оплот ныне существующей

цивилизации. Здесь жил Лидх Картерн, здесь наши предки боролись с Проседанием... или предки вьерхов, или море знает кто еще. Теперь я не уверена, что хотя бы слово в нашей истории правда.

На самом деле, это сейчас неважно. Важно то, что Дженна способна уничтожить город и миллионы жизней просто для того, чтобы все изменить. Кому-то повезет укрыться на вершинах высоток, но сколько их устоит, как быстро отступит вода? Зачем ей разрушать город, что она будет делать там, где почти ничего не останется?

— Зачем ей это? — спрашиваю я. — Зачем ей уничтожать город, где есть люди? Предположим, она ненавидит вьерхов и готова разрушить Кэйпдор, затопить круги с Первого по Четвертый... но весь?

— Она говорит, что наш мир спасет только полное очищение.

Если это так, она действительно безумна, но что-то здесь не сходится. Что-то очень крупно не сходится: я видела Дженну, я знаю ее. Она привыкла быть в центре внимания, она ни за что не откажется от власти, если таковая окажется в ее руках. Тогда чего она хочет добиться?

— Мы должны выбраться отсюда, — говорю я. — Слышишь, Лэйс?

— Слышать-то я тебя слышу, но как обычно, ты несешь глупости. В частности, я была бы рада узнать, как ты хочешь отсюда выбраться, и еще с большей радостью реализую твой план.

Что ни говори, а Лэйс всегда остается Лэйс.

— Одной из нас надо освободиться.

— По этому поводу я тоже с радостью выслушаю твои предложения.

— Лэйс, — не выдерживаю я. — Ты могла бы хотя бы сейчас не показывать свой надров характер?!

— О как она заговорила. Между прочим, слушай ты меня, обращай ты внимание на мои знаки, ты бы бежала от Карринг далеко-далеко, и мы бы не оказались в такой ситуации, а наши сестры не остались бы одни! Как думаешь, хорошо им сейчас, Вирна?! Хорошо им знать, что ты скоро сдохнешь?! И я! К счастью, обо мне они не знают, но все, о чем я могу думать с того момента, как оказалась здесь — это что я скоро сдохну!

Она выкрикивает это, но ее голос — пустой и обреченный. Понятия не имею, что ей пришлось пережить за все это время: пока она скрывалась от Дженны, и потом, когда попала в Подводное ведомство, но я знаю, что все можно исправить. Мы сможем исправить все, если выберемся отсюда.

— Мы выберемся, — говорю я. — Слышишь, Лэйс?

Сестра смотрит на меня, в ее взгляде теперь только усталость.

— Ты всегда была идеалисткой. Верила в лучшее даже тогда, когда хорошего ничего не было.

Она однозначно меня с кем-то путает.

— Когда Ромина Д'ерри швырнула меня в океан, я должна была умереть. Тем не менее я не умерла, потому что меня вытащил Лайтнер. Он прыгнул за мной в бушующий океан, и он не оставит меня сейчас.

— Я же говорю, идеалистка. — Лэйс вздыхает, но в глазах ее мелькает что-то такое, что пусть и весьма отдаленно, но можно принять за надежду. Это хороший знак, поскольку надежда — это уже полдела. Особенно в такой ситуации. — Океан — это не Подводное ведомство.

— Ты права. Здесь поспокойнее будет, — я киваю на дверь. — Отец Лайтнера правит городом. Думаешь, он не найдет способ вытащить нас?

Сама не знаю, кому я это говорю — ей или себе, но с каждым мгновением моя уверенность в собственных силах крепнет. Такое чувство, что сами по себе мысли про Лайтнера меня заряжают.

Силой. Желанием продолжать бороться.

Это совершенно несвоевременно, но я снова представляю его: те короткие последние мгновения прикосновений, состоявшихся и мысленных, взгляд — глаза в глаза, его — то темнеющий, то раскаленный.

— Сестричка, ты абсолютно поехавшая, если думаешь, что К'ярдам есть дело до таких, как мы. — Лэйс мне все еще не верит, но голос у нее уже гораздо бодрее.

— Не поручусь за всех К'ярдов, — говорю я, — но ему есть. Мы выберемся отсюда. Мы не позволим Дженне сделать то, что она задумала, и мы снова будем все вместе. Вчетвером. Мы больше, чем сестры, Лэйс. Мы семья.

— Что-то подсказывает, что вчетвером мы уже не будем. Как минимум у нас обозначится прицеп в качестве одного назойливого вьерха.

Я не успеваю ответить, потому что дверь открывается снова. Вьерх, который пытал нас, снова шагает в камеру.

— Думаете, вы самые умные?! — цедит он, и в глазах его разгорается пламя.

То, которое способно разворотить здесь пол, если я правильно понимаю. Здесь, в непосредственной близости от его одуряющей силы, меня почему-то начинает знобить. Такого раньше никогда не было, но раньше я никогда не видела вьерха в такой откровенной, бесконечной, абсолютной злобе.

— Чт... — начинает было Лэйс, но он бьет ее по лицу с такой силой, что я слышу глухой удар о стену.

— Дженна Карринг. Вы должны были здесь оказаться, да? Должны были сказать это все именно в то время, когда уже поздно?!

— Я не понимаю, о чем ты говоришь! — кричу я, чтобы отвлечь внимание от Лэйс, и он оборачивается ко мне так резко, что меня полосует его яростью и ненавистью, как хлыстом.

— Не понимаешь? О том, что она в прямом эфире, забивающем все вещание Ландорхорнских каналов? О том, что она говорит о вас — невинных жертвах, оказавшихся в застенках Подводного ведомства? Разумеется, ты ничего такого не знаешь! Я должен в это поверить?! Правда?!

Его зрачки, кажется, сейчас порвут радужки, потому что за черными ромбами почти не видно огня, я могу его только чувствовать. Эту обжигающую близость чужеродной силы. Мне кажется, если он сейчас ко мне прикоснется, мы сожжем друг друга дотла даже несмотря на одежду, но эта мысль обрывается механическим голосом, доносящимся из динамиков.

— Внимание всем сотрудникам: код девять. Повторяю, код девять. Код девять?! Но это же...

— Об этом ты тоже ничего не знаешь? — цедит он. — Кто за вами пришел?! Ваши друзья? Ну и отлично, они получают то, что хотели — несчастных жертв Подводного ведомства.

Он выхватывает оружие раньше, чем я успеваю сделать вдох. Звук выстрела кажется далеким и нереальным, равно как и широко

распахнутые глаза Лэйс, на груди которой расплывается кровавое пятно.

Я кричу, но голоса своего не слышу, зато слышу жуткий скрежет, будто кто-то сминает камеру или все Подводное ведомство в металлическом кулаке. Вижу, как вверх шарахается от изогнувшейся стены, а потом... моя боль прорывается потоками воды, хлещущей через системы пожарной сигнализации. Воды становится все больше, больше и больше, агент смотрит на меня — словно не может поверить в то, что видит, вскидывает оружие.

И в этот момент потолок обрушивается вниз.

Глава 26. Идеальный план

Лайтнер К'ярд

— Внимание всем сотрудникам! Код девять. Повторяю. Код девять.

Началось!

Я оглянулся на Хара, но по глазам друга, практически скрытых под козырьком фуражки младшего агента Подводного ведомства, сложно было понять, что он чувствует. Потому что «код девять» сообщал всем сотрудникам ведомства, что находится в коридорах небезопасно.

— Налево, — скомандовал голос Родреса в моем наушнике, и мы с Харом одновременно бросились в нужном направлении. То, что нас не поджарило лазерными лучами, уже было хорошим знаком.

Пока все шло по плану. По мнению Родди — простому и идеальному.

Началось все с костюмов, которые Родрес быстро нашел в Сети. Их владельцы делали какую-то фотосессию, отшивали на заказ, а теперь продавали тряпье на онлайн-барахолке. Но, когда костюмы доставили в квартиру Хара, даже я удивился насколько реалистично они выглядят. И, как назло, их было два!

С самого начала я не хотел, чтобы Хар шел со мной. Особенно, когда Родди рассказал о защитных системах Подводки.

— Ты же понимаешь, какой это риск, брат, — сказал я. — Почти самоубийство. Меня может поджарить лазером, могут подстрелить или арестовать еще на входе. Я не могу тебя так подставлять.

Вечно спокойный Хар недовольно прищурился:

— Вот именно — самоубийство, Лайт. Кому-то же надо прикрыть твою задницу от лазерных лучей.

— Кьяна! — я повернулся к ней. — Ты голос разума в нашей команде. Скажи своему парню, что никуда его непустишь!

— Не скажу. — Она сложила руки на груди. — Если бы дело было только в тебе, Лайтнер. Но все это очень серьезно. Вы туда не на спор идете, а спасти Вирну. Так что можете без нее не возвращаться!

Кьяна сказала это и ушла к девочкам. Хотя я понимал, что такая выдержка дается ей с трудом. Как и нам всем.

Тогда я кивнул:

— Спасибо, друг.

— Поблаговаришь, когда мы выберемся оттуда.

Вернулась Кьяна только когда мы собрались в Ведомство. Хар привлек ее к себе и долго-долго целовал: так, что я отвернулся к окну, не выдержав охватившую меня зависть. Я хотел целовать Вирну. Хотел держать ее в объятиях. Но не мог. Впрочем, сейчас было не время разбираться с проблемой нашей несовместимости.

Костюмы военных были нужны для первого этапа — попасть на территорию Подводного ведомства. Нам очень повезло, что Ведомство полностью доверяло техническому прогрессу, и на проходной мы встретили только одного агента. Когда мы проходили сканирование сетчатки и отпечатков пальцев, он лишь поинтересовался:

— Новенькие?

— Просто не пересекались, — ответил я, сосредотачиваясь на сканерах.

— Думаю, обычно их больше, — сказал Родди. — Но нам повезло, из-за ареста ныряльщика агенты наверное прочесывают оба побережья.

Не взломай Родрес их систему, завыла бы сирена безопасности, и нас бы с Харом тут же арестовали. Поэтому, когда я смотрел в сканер и прикладывал к нему ладонь, то тренировки под водой оченьгодились, потому что я несколько секунд не дышал.

— Понятно, — проворчал охранник, и мы оказались внутри.

— Что дальше? — в моих мыслях-воспоминаниях ярко вспыхнуло наше обсуждение плана.

— Я включу сигнализацию, Лайт, — говорит Родрес. — На всех этажах. Всем сотрудникам придется очень быстро закрыться в кабинетах, и у вас с Харом будет несколько минут, чтобы добраться до Мэйс.

— Почему они закрываются в кабинетах?

— Потому что иначе рискуют поджариться в лазерной сетке, но ее я тоже отключу.

Родрес выполняет обещание, потому что ни в одном коридоре нам не встречается ни единого лазера.

— У вас будет десять минут, не больше. Возможно, придется вырубить охранника на обратном пути, но думаю, вы с этим справитесь. Десять минут! Потом система перезагрузится, и меня из нее выбросит. Поэтому забираете Мэйс и выбираетесь оттуда.

Я впиваюсь взглядом в лицо Родреса.

— Ты знаешь, где она?

— Нашел по камерам.

Он развернул ко мне тапет, и от увиденного зрелища во мне заворочалась ярость. Вирна без сознания лежала в углу какой-то камеры, которую и камерой не назовешь. Просто клетка, куб из гладких серых стен.

Синеглазка. Любимая. Потерпи еще немного.

Вид Вирны, как ни странно, придал мне сил.

— Она под землей. Буду присматривать за ней.

Это было на Четвертом, когда мы ждали костюмы и только разрабатывали свой план, уточняя все до мелочей. Но стоило пройти первый этап, пересечь несколько коридоров, которые больше напоминали лабиринт, как на мой вопрос, где Вирна, Родрес ответил:

— Она в допросной, Лайт. Хотя я бы назвал это пыточной.

У меня не просто холодеет в груди, сердце будто обрастает льдом.

— Давно?

— Не более двух часов.

— И ты говоришь мне это сейчас?! — уже не говорю — рычу я. Если с ней что-то сделали, я разнесу все это здание. От макушки до самого дна их подземелий!

— Что бы изменилось? — безразлично интересуется этот засранец. — С твоей агрессивностью ты бы все испортил. Теперь спускайтесь на лифте. Остался последний этап.

Одно дело бежать по длинным коридорам, совсем другое — ждать, пока лифт доставит нас на самый глубокий этаж Ведомства. Там, где камеры для допросов, попросту пыточные, и там, где по словам Родреса держат Вирну.

Всего несколько секунд, а будто целая вечность.

Не хочется думать, что я могу опоздать.

— Едх, быстрее! — спокойствие, не оставляющее его ни на мгновение, подводит Родди. Его голос задрожал, а следом дрогнула

кабина лифта. Не просто дрогнула — подпрыгнула и застыла между последним и предпоследним этажом.

Раздался рев, скрип и звук ломающихся стен, будто какое-то громадное чудовище пыталось разворотить Подводное ведомство целиком.

— Родди! — прокричал я, но он не ответил. Свет погас и включилось красное, аварийное освещение.

Мы с Харом одновременно бросились к панели управления лифтом, друг нажал аварийную разблокировку, и дверцы медленно, со скрипом разъехались в сторону, чтобы показать нам темный, разрушенный, заваленный кусками стен и перекрытий и по колено затопленный прибывающей водой коридор.

Будто этого было мало, врубилась система охраны, и в нашу сторону пошли смертельные, ярко-оранжевые линии лазерных лучей.

Лазеры прокатились от конца коридора, с шипением испарявая воду, отскакивая от камней, и погасли перед раздвинутым проходом лифта, в который можно было протиснуться только по одному. Чтобы тут же вспыхнуть снова у дальней стены и повторить свой путь.

Кажется, мы с Харом выдохнули одновременно, потому что никого из нас не прельщало поджариться в подземельях Ведомства.

— Родрес! — повторил я. — Что с защитой, едх тебя на дно заberi?

Это не помогло: мой наушник молчал. Хар попытался использовать свой, но результат был тот же.

— Сигнал потерян, — подтвердил мои худшие опасения друг. — Электроника сдохла. Наверное, из-за обвала. Не представляю, что здесь могло произойти.

Время утекало, а вода прибывала в коридор. Вода, которой здесь в принципе не должно быть.

— Откуда она?

У меня в голове будто вспыхнуло. Догадка. Надежда.

— Вирна! Это сделала Вирна.

— Что? — обычно невозмутимый Хар смотрел на меня во все глаза.

— Потом объясню, — пообещал я и тут же исправился: — Она сама объяснит. Вирна где-то там, Хар. Она жива!

По крайней мере, она была жива, когда слегка затопила Подводное ведомство.

Ты не могла выбрать другой момент, синеглазка? Я ведь почти спас тебя!

Лазерные лучи в очередной раз вспыхнули совсем близко, освещая коридор наши лица. Погасли, и через долю секунды продолжили свой танец.

— Сигнал потеряли не только мы, — отмечаю я. — Смотри, лучи все время идут по одной траектории.

— И отскакивают от камней, — кивает Хар.

— Очевидно, что стены сделаны из какого-то суперпрочного материала.

Я прислонил руку к кабине лифта и металл и камень отозвались на мою стихию. Сила вверху вспыхнула во мне.

— Нам нужно только пройти лучи и добежать до поворота.

Очень быстро, потому что отмеренные Родресом десять минут почти на исходе, а мы застряли здесь.

— Помнишь тренировки у Адмирала? — спрашиваю у друга.

— Такое забудешь!

— Никогда не думал, что мне это пригодится, но действуем так же. Представь, что это просто полоса препятствий. И если пройдем с первого раза, нас не заставят чистить туалеты.

И не отрежет руку или ногу?

— Тот камень и вот та глыба, а еще потолок, — указал я, и поинтересовался у Хара: — Готов?

Друг мрачно кивнул, а я смотрел теперь исключительно на лучи. Запоминая и считая про себя. Выверяя все до мельчайшего мгновения. То, как будем выбираться, мы единодушно решили не обсуждать.

— Раз! — скомандовал я, когда луч вспорол воду в валле от нас.

— Два! — ответил мне Хар.

Полвалла — и удар лазера в стену.

— Три! — одновременно.

Вспышка промелькнула возле наших лиц, погасла, погрузив коридор в темноту, и мы сорвались со своих мест. Я первым протиснулся сквозь заклинившие двери лифта, и побежал к ближайшему камню, считая шаги и минуты.

Лучи заскользили по коридору, будто подмигивая и обещая скорую и мучительную смерть, но после изматывающих тренировок Адмирала, я знал, что делаю. Сила ожила на ладонях, большой камень взлетел и защитил нас от луча, будто щит. Лазерная линия отбилась от стены и прошла стороной.

— Раз!

Упасть в воду. Прижаться к глыбе. Пропуская новый луч, вспоровший черные реки.

— Два! — почти прорычал я.

Поднырнуть под часть стены, защищаясь от удара.

— Три!

Вскочить. Вверх. Вверх.

Проползти по камням, почти задевая головой частично выживший потолок.

— Четыре!

Ухватиться за штыри арматур, в прорехе углядеть верхний коридор. Подтянуться, уходя от новой обжигающей нити.

— Пять!

Спрыгнуть с высоты в два валла в воду, надеясь не сломаться о какой-то камень.

— Бежим! — проорать, преодолеть расстояние до поворота в долю секунды и рухнуть с той стороны.

Сердце билось словно сумасшедшее, адреналин в крови зашкаливал, поэтому вынырнув, поднимаясь по стеночке, я не сразу почувствовал жжение на плече. В дыре куртки виднелся почти почерневший ожог.

— Ты как? — прохрипел Хар.

— Цел. Ерунда.

А вот то, что воды стало больше — совсем не ерунда. Как и практически обвалившийся верхний этаж. Лучей здесь не было, но были камни, огромные обломки стен, которые будто кто-то решил смять. Они почти заслонили от нас заклинившую наполовину приоткрытую дверь, и пришлось буквально раскапывать, расчищать себе путь.

Сначала с помощью силы вьерха, а после, когда воды стало больше — с помощью обычной физической.

Осталось еще пара валлов, и в прорехе между камней я увидел комнату и девушку, прикованную к стене. Красные волосы падали на лицо, такого же цвета было пятно крови, расплывающееся на ее груди.

Вирна!

Все мое тело, всего меня прошибает болью, будто сердце насквозь пробил лазерный луч, или меня придавило огромной глыбой. Придавило, прижало, расплющило. Больше себя не контролируя, я с диким криком ударяю по камню, отправляя в него такой импульс силы, что последняя преграда между мной и Вирной просто осыпается крошкой.

Мэйс не шевелится, не вздрагивает, хотя мой удар по камню подобен землетрясению. Она просто висит на каких-то фиксаторах. Раненая. Даже при скудном аварийном освещении кровь на рубашке ни с чем не спутаешь. Во мне что-то умирает, оживая яростью. Я соскальзываю в воду. Здесь уже столько воды, что проще плыть, и я преодолеваю расстояние между нами в несколько широких гребков.

Только бы жива! Только бы Вирна была жива.

— Синеглазка, — зову я, оказываясь рядом к ней и дергая на себя фиксатор, сдавивший талию Мэйс. Но тут же понимаю, что ошибся. Мне даже не нужно убирать красные пряди намокшие и налипшие на лицо девушки, чтобы понять — это не Вирна. Незнакомка похожа на нее как... Сестра? Но это не Вирна!

— Лайтнер? — слабый шепот за спиной заставляет меня обернуться и рвануться к противоположной стене.

— Вирна.

Жива!

И цела!

Только висит на едховых фиксаторах. Я дергаю за тот, который на правой руке, но он не поддается, сенсоры не реагируют. Штуки просто пиликают, но не раскрываются. Кажется, электроника на этом этажа приказала долго жить: все силы ушли на лазерные лучи.

— Потерпи, может немного жечь, — прошу я и посылаю точечный импульс в наручники.

Вирна вздрагивает, когда фиксаторы с пискom раскрываются, но есть еще те, что уже под водой. Я ныряю и просто с корнем вырываю ленту, что удерживает ее за талию. А затем ухожу еще ниже, собираю все силы, хотя под водой это в сотни раз делать сложнее. Направляю

силу, но импульс проходит вхолостую. Приходится вынырнуть, растереть силу между ладонями, зажечь искру и погрузиться вновь. Вода смыкается над головой, здесь все темное, серое, безликое. Камни, плиты, металлические обломки какой-то капсулы. Из-под одной из плит торчит мужская рука, и я понимаю, что это вверх, который издевался над моей Вирной. Одна мысль об этом заставляет с яростью ударить, вырвать фиксаторы с корнем.

Вынырнуть. Сорвать со стены Мэйс. Стиснуть ее в своих объятиях.

— Ты пришел, — выдыхает она, и по ее телу прокатывается волна дрожи. По ее? Или по нашим?

— Тише-тише. Я здесь.

Я отстраняюсь, сжимаю ее за плечи. Едхова одежда не дает почувствовать ее кожу, но сейчас даже это не важно. Важно то, что я успел. Она жива. Во мне растекается облегчение. Радость. И еще что-то такое, что бывает только когда я смотрю в ее глаза. Я бы впился поцелуем в ее губы, но в последнее мгновение вспоминаю, чем это нам грозит.

— Лайт, у нас мало времени.

Реальность врывается в наш с Мэйс хрупкий мир. Вирна моргает и поворачивается на голос друга.

— Хар? Ты тоже здесь?

Друг как раз повторяет мой трюк с фиксаторами, и вторая девушка соскальзывает в его руки безжизненной куклой.

— Мы же друзья, Вирна.

Вирна быстро-быстро моргает, а потом бросается к нему. Если, конечно, это можно так назвать: вода достает ей практически до груди.

— Лэйс. Моя сестра. Она...

Вирна не договаривает, осекается, и я чувствую всю ее невысказанную боль.

— Она дышит, — говорит Хар.

Мэйс — которая моя — рвано выдыхает, и я ее понимаю. Потому что минуту назад чувствовал то же. Когда думал, что потеряю ее навсегда.

— Но она серьезно ранена. Ей нужна медицинская помощь, и я не уверен, что ее вообще можно трогать. Кровотечение не останавливается.

Дело даже не в кровотоке, хотя и в нем тоже: сестра Вирны хватается губами воздух, судорожно, через раз. Как будто борется за каждый вздох.

Хидрец!

Особенно нестерпимо видеть то, как Вирна гладит сестру по волосам. Отчаянно. Нежно, и в то же время яростно закусывает губу, очевидно, чтобы не начать кричать. Не сорваться.

— Вода — это жизнь! — вдруг восклицает она, и ее лицо озаряет даже не улыбка. Надежда.

— Опустит ее в воду, — не просит, приказывает Мэйс Хару.

— Ты уверена? — я перехватываю Вирну за плечо. — Она и так еле дышит.

— Она лиарха, — быстро объясняет она. — Это не океан, но тоже живая вода.

По виду Хара понятно, что ему ничего непонятно. Но под нашими острыми взглядами он осторожно опускает Лэйс в воду. Сначала ничего не происходит, а потом кровавое пятно на груди начинает светиться голубоватым светом. Вода вспыхивает, а девушка распаивает горящие синим пламенем глаза и выныривает на поверхность. Из ее груди вырывается хрип, и она выдыхает:

— Вирна!

— Лэйс! — она сжимает руку сестры, а та снова теряет сознание. Но теперь почему-то кажется, что все будет хорошо.

Вирна коротко обнимает меня. И это заставляет меня снова включиться, вспомнить, где мы.

— Понесешь Лэйс, — командую я, но Хар беспрекословно подчиняется, подхватывает девушку поудобнее.

— Обратно нам не пройти.

Я это прекрасно понимаю. Не с двумя девчонками, одна из которых без сознания.

— Тогда пойдем по-другому, — говорю я и киваю вверх, где в большом проеме виднеется верхний этаж. — Если мы не хотим здесь остаться, нужно спешить.

Я хватаюсь за камень, подтягиваюсь и выглядываю в дыру, но на следующем этаже все тихо и пустынно. Если, конечно, льющаяся

отовсюду вода подходит под определение тишины. Но сверху точно не видно других вьерхов и лазерных лучей — тоже.

— Чисто, — говорю и втягиваю наверх сначала Вирну, а затем мы втроем осторожно поднимаем Лэйс. Подаю руку Хару.

— Лайт! — мой наушник оживает голосом Родди, будто он нас ждал. — Живучий ты едх! Там половина Ведомства обвалилась, связь вырубило, и я потерял вас из вида.

— Главное, что сейчас нашел, — зло усмехаюсь я. Хотя все мои силы сейчас на пределе. — Выводи нас отсюда. Немедленно!

Глава 27. Миротворцы

Вирна Мэйс

— Налево, — командует Лайтнер, и мы идем, а точнее, бежим налево.

Здесь пустой коридор, совершенно пустынный, но за шумом воды, нашими шагами и дыханием я не слышу никаких больше звуков, и меня это пугает. Меня пугает то, что я не могу слышать, есть ли кто-то за поворотом, потому что мне постоянно кажется, что сейчас оттуда выбегут вооруженные до зубов агенты. Этот страх сковывает, поэтому удивительно, что я все еще бегу.

— Стоп. Назад. — Это Лайтнер.

— Родди, едхов ты проводник! — Это Хар.

Судя по выражению его лица, ему тоже отвечают что-то нелицеприятное.

— Придется идти в обход. Будем подниматься и выходить с другой стороны, — Лайтнер комментирует это для меня.

— Почему? — спрашиваю на бегу.

Спрашиваю, потому что разговор помогает отвлечься.

— Потому что Карринг устроила революцию. Сейчас полгорода идет на штурм Подводного ведомства, и они уже на подходах.

Нам приходится пробежать мимо развороченной стены и обойти разлом в полу, ведущий прямым в допросную. Сейчас она уже затоплена полностью, и мне стоит немалых усилий не смотреть вниз — туда, где остался наш мучитель и все, что там произошло. При мысли об этом начинает кружиться голова, я усилием воли толкаю себя вперед и стараюсь выбросить из нее все, что обрушивается на меня очень не вовремя.

— Вирна, ты в порядке? — Лайтнер внимательно смотрит на меня.

— Да, — выходит не очень уверенно. Я перевожу взгляд на Лэйс и говорю уже тверже: — Да.

— Пойдем по лестнице, лифты Родди не советует.

Лестницы здесь с таким количеством ступенек, что остается только благодарить Кэйпдор и себя за усиленные физические тренировки. Этажи-уровни похожи один на другой, они мельтешат перед глазами, как бесконечная чередá подъемов, поворотов и снова подъемов. Мы бы, наверное, пролетели нужный нам нулевой уровень, но к счастью, у нас есть Родди. В тот момент, когда я об этом думаю, Хар бьет себя по наушнику и морщится. Так резко, что Лэйс чуть не соскальзывает с его рук, но он успевает ее подхватить, Лайтнер тоже срывает свой и упирается руками в колени.

— Едхов хидрец! Они включили глушители.

— Глушители?

— То, что глушит любой сигнал, не имеющий отношения к их частотам. Не самая приятная штука.

— Полагаю, теперь нам туда. — Хар кивает в сторону выхода с нулевого уровня.

Здание снова содрогается, как от взрыва, а после — еще и еще. Крики и звуки выстрелов сливаются в единый гул, и мы, не сговариваясь, бросаемся вперед. К счастью, дверь разблокирована, за ней — еще один коридор. Шум доносится со стороны запечатанного крыла: справа от нас такая же дверь, как та, по которой меня вел агент, со сканерами и кодами.

Мы сворачиваем налево, лабиринт коридоров выбрасывает нас в холл, за стеклянными дверями которого я вижу огни Ландорхорна. Это выход на парковку. Выход на свободу. Служебный вход, над которым кривым козырьком нависает плотный металлический занавес — видимо, Ведомство пытались запечатать изнутри. Свет мигает, система, по-прежнему пытающаяся опустить защиту, рычит, как пробуждающийся вулкан.

— Ни с места!

До двери два шага, когда в стену рядом со мной вплавляется лазерный луч. Второй с шипением царапает пол под ногами Хара, он едва успевает затормозить. Мы оборачиваемся синхронно: трое агентов Ведомства держат нас на прицеле. Они не собираются брать нас живыми, я это понимаю в какие-то считанные доли секунды. За миг до того, как все будет кончено, со стороны затемненного коридора за их спинами возникают какие-то тени. Я вижу их смазанными, потому

что одновременно с этим Лайтнер шагает вперед, закрывая меня собой, и в ту же минуту раздаются глухие, отрывистые звуки ударов.

И ни единого выстрела.

— Едх... — выдыхает Лайтнер, чуть подается в сторону, и я вижу мужчин в масках.

У них нет оружия, лица полностью закрыты, как и тела, все черное — неудивительно, что я приняла их за тени. Агенты валяются на полу у их ног, без движения. Все происходит так быстро, что я не успеваю даже вздохнуть или что-то подумать, когда слышу:

— Лэйс!

Знакомый голос врывается в сознание, и один из мужчин бросается к нам.

На ходу срывая маску, светлые спутанные волосы падают ему на лицо, и он отбрасывает их назад.

Вартас?!

Это настолько неожиданно, что у меня нет слов. Судя по всему, у Лайтнера тоже: он сдвигает брови и резко шагает к нему.

— Ты что здесь забыл?

Вартас возвращает ему прямой и такой же резкий взгляд:

— Не благодари.

— Простите, что отвлекаю, — в голосе Хара не столько сарказм, сколько раздражение, — но я думаю, что все вопросы лучше решать с той стороны.

Я глубоко вздыхаю и киваю на выход.

Странная у нас процессия: я, Лайтнер, Хар с Лэйс на руках и идущий нога в ногу с ним Вартас, поглядывающий на него так, словно за одно неосторожное прикосновение к Лэйс просто оторвет ему голову. Наши с Вартасом взгляды едва цепляются друг за друга — и тут же расходятся. Я бы с удовольствием взяла Лайтнера за руку, но на нем нет перчаток, поэтому приходится просто идти рядом.

Что касается второго парня, маску он так и не снял, вышагивает сзади.

Мы оказываемся на улице, и холодный ночной ветер тут же бросает в лицо горсть колючих снежинок. Парковка с бронированными эйрлатами, отделенными от одиноко стоящих двух обычных гражданских моделей, сейчас кажется мертвой. Сразу за ней — обрыв.

Третий круг стоит на холме, высоченном крутом холме, который со стороны возведенного здесь одного из главных зданий Ландорхорна обточили и обили металлом — попасть в Подводное ведомство с этой стороны нереально. Только зайти с Центральной трассы на эйрлате: я видела в сети эти снимки, но поскольку меня везли без сознания, вживую я вижу это только сейчас.

— Возьмем эти? — спрашивает парень, который пришел с Вартасом.

Он кивает на эйрлаты, стоящие по «мирную» сторону.

— Без разницы.

— Как много я не знаю о твоих друзьях, Вирна.

Лайтнер был бы не Лайтнер, если бы этого не сказал. Вартас награждает его коротким емким взглядом, но к счастью, на этом все и заканчивается. То, как Вартас и его друг управляют с электронными замками эйрлатов, говорит мне о том, что я тоже многого не знаю о своих друзьях. Меня поражает то, как они все делают: быстро, четко, слаженно — спустя несколько мгновений дверцы уже открыты.

— Я возьму ее, — говорит Вартас Хару, явно имея в виду Лэйс.

Я киваю, и Вартас на удивление бережно подхватывает мою сестру на руки. Я смотрю, как он укладывает ее в эйрлат, на заднее сиденье, и, разумеется, иду к ним. Вижу, как меняется его лицо, когда он замечает пятно крови у нее на груди. Лайтнер и Хар подходят следом.

— Камеры на парковке Харрингтон уже спалил, так что без разницы, какую дорогу выберем, — говорит второй парень, — а электронику в машинах я добыю, не успеете завестись. На трассы выйдем уже с другими номерами.

Да, точно многого не знаю.

— Кстати, куда мы сейчас?

— На базу.

— Домой.

Последние слова Хара и Вартаса сливаются воедино.

— Ни на какую базу мы точно не едем, — Лайтнер на миг становится похожим на своего отца.

— Ей нужна медицинская помощь, — цедит Вартас. — Ты в какую клинику собираешься ее везти?

— А у тебя на базе, значит, медицинская помощь есть?

— Хватит! — почти рычу я. — Вартас, поклянись, что у вас, кто бы вы ни были, есть то, что поможет Лэйс.

— Я еще мало доказал тебе, Вирна? — резко говорит он. — Я пришел за тобой! Мы пришли за тобой.

— Ой, да убейтесь уже. Или убейте друг друга. Или я вас убью. Только закройте эту едхову дверь, пока я тут не заледенела. — Голос Лэйс слабый, а вот я поражаюсь своим силам, когда отталкиваю Вартаса и в один миг оказываюсь рядом с ней.

— Лэйс. Лэйс, ты как?

Я глажу сестру по волосам, вглядываясь в ее лицо.

— Жить буду. Если до сих пор не сдохла, — она смотрит мне в глаза. — Ему можно доверять, Ви. Задрот он страшный, конечно, но помочь может.

За спиной раздается какой-то странный звук, и я даже не сразу понимаю, что это смешок Лайтнера.

— Но я сдохну, если ты сейчас же не закроешь эту дверь и не включится сушка.

Я быстро целую ее в щеку и отступаю назад. Только сейчас понимаю, как мокрые джинсы впиваются в кожу ног, облепляя ее и вгрызаясь леденеющими на холоде зубами ткани.

— Значит, разделимся, — говорит Вартас своему напарнику. — Я забираю Лэйс на базу, ты поедешь с ними.

— Это обязательно? — хмыкает Лайтнер.

— Это обязательно, — в тон ему повторяет Вартас. — Иначе вы нас не найдете.

— Все, закончили? — парень усмехается. — Тогда можем выдвигаться. Номера уже готовы.

Он и правда ковырялся в электронике, пока мы говорили. Дальше мы все в том же странном ключе рассаживаемся по эйрлатам, мы с Лайтнером — на заднее сиденье, Хар — на переднее, парень все-таки сдергивает маску и занимает место водителя. Я смотрю, как взлетает эйрлат, увозя Лэйс и Вартаса, мы мгновенно присоединяемся к ним.

— Говорите, куда лететь, — как ни в чем не бывало, произносит парень, когда Вартас уводит свой эйрлат на одно из боковых ответвлений магистрали.

Хар оглядывается на Лайтнера, я вижу немой вопрос: ты ему доверяешь?

— Ему доверяю я, — отвечаю, глядя на Хара в упор. — Лэйс сказала, что им можно верить.

Лайтнер кивает другу, почти касается моей руки, но вовремя вспоминает. Дотрагивается до затянутого в мокрый свитер запястья, а потом притягивает к себе. Я слышу, как бьется его сердце. Чувствую его всем телом, ладонью — под жесткой форменной тканью, и именно сейчас мне начинает казаться, что это сон. Такой же, каким меня накрыло после удара вверху — когда я провалилась в бессознательное состояние и стояла на берегу. Мне стоит немалых усилий не начать всхлипывать и дрожать, только осознание того, что я рядом с ним, а в эйрлате помимо нас еще Хар и вообще непонятный парень, заставляет удерживаться на этой грани.

Я глубоко дышу, стараясь не смотреть на непривычно темный Ландорхорн: огни реклам выключены, искры окон высоток кажутся слишком слабыми, чтобы разогнать ночную тьму.

— Как тебя хоть зовут-то? — слышу голос Хара.

— Бэк.

То, что это не настоящее имя — понятно сразу, но я почему-то уверена, что обращаются к нему именно так.

— Хар.

— Приятно.

Беседа очень лаконичная, но у меня нет ни малейшего желания в ней участвовать. Мне кажется, я подавлюсь первым же словом, которое скажу.

— Девочки у Кьяны, — Лайтнер касается моих волос.

Осторожно, словно боится обжечь, и в нашем случае это даже не иносказательно.

— Я в этом даже не сомневалась.

— В чем? В том, что они у Кьяны?

— В том, что они в самом безопасном месте, которое только можно представить.

Вижу улыбку Хара в зеркале заднего вида, и...

Я вдруг понимаю, что нашла Лэйс. Я нашла Лэйс. Я нашла Лэйс, я сдержала слово, и при мысли об этом меня начинает трясти. Лайтнер чувствует это и прижимает меня к себе еще сильнее, я вцепляюсь в его рукав.

Она жива. Моя Лэйс жива. Мы все живы.

Совсем скоро я смогу сказать сестрам о том, что нашла Лэйс.

— Кто вы вообще такие? — снова голос Хара.

В ответ Бэк насмешливо фыркает.

— Думаю, поскольку ты едешь ко мне домой, кокетство уже излишне, парень.

На этот раз тот хохочет:

— погоди, я еще не сказал, что останусь у тебя ночевать.

— По-моему, мы тут лишние, — говорит Лайтнер, после чего мы хохочем уже все вместе, как сумасшедшие. Со стороны мы, наверное, и выглядим сумасшедшими, но я не могу остановиться. Мне приходится зажимать рот руками, чтобы запечатать смех, но он все равно прорывается каким-то бульканьем. Вдобавок ко всему я еще и дергаюсь. Не просто дергаюсь, я трясусь и содрогаюсь всем телом, слезы беззвучно катятся из глаз, а потом смех затихает, и понимаю, что уже просто дрожу — не от холода, хотя на этот раз сушка не помогла, меня все равно до костей пробирает озноб.

Все это видят и слышат, но остановиться я не могу. Если бы не объятия Лайтнера, я бы, наверное, напоминала помешанную, а так просто дрожу в его руках. Сквозь эту дрожь ловлю необычайно серьезный взгляд Бэка в зеркале заднего вида, а потом он произносит:

— Мы называем себя миротворцы.

— Это еще что за хидрец? — спрашивает Лайтнер.

— Хидрец — это то, что устроили вы на пару с вашими друзьями ныряльщиками.

— Мы? — прищуривается Лайтнер. — Мы устроили?!

— Вьерхи, — коротко поясняет Бэк. — Стоящие у власти.

— А вы бегаєте с флажками и кричите «я за мир во всем мире»?

— Лайтнер заводится мгновенно. — Или, может, вы вершите правосудие?

— На что это ты намекаешь?

— Не намекаю, говорю прямым текстом. Ромина Д'ерри — твоих рук дело?!

Эйрлат даже дергается, и в этот момент Хар чуть ли не рычит:

— Хватит!

Это, как ни странно, срабатывает, но теперь в салоне напряженная тишина. Я думаю о Вартасе и о том, что еще он мне не рассказал.

— Ромина Д'ерри, — глухо произносит Бэк, — дело рук ныряльщиков. Мы с ними... не дружим.

— Как это понимать?

— Это понимать так, что мы делали все от нас зависящее, чтобы не допустить революции. Вартас наверняка говорил тебе? — Он смотрит на меня через зеркало.

Что-то подобное Вартас мне действительно говорил, и я смутно это припоминаю. Что-то о том, что революция никому не сделает хорошо. Этот разговор состоялся давно, но он был.

— Он не говорил, что вы собираетесь что-то не допустить, — ответила я. — Говорил, что революция — это лишнее зло и невинные жертвы.

— И это действительно так.

— Тогда зачем ему была нужна Дженна?

На этот раз Бэк на меня не смотрит.

— Вы хотели ее убить, — догадываюсь я. — Он должен был ее убить.

— Очень по-миротворчески.

На этот раз я легонько тыкаю Лайтнера под ребра.

— Ай, — он показательно морщится.

— Не очень, — все-таки комментирует Бэк. — Но это единственный выход, с помощью которого можно было обойтись малой кровью. Дженна и Вартас — две жертвы вместо сотен, которые сейчас гибнут на улицах Ландорхорна.

Хар проводит рукой по волосам и упирается затылком в подголовник.

— Ничего, что я ничего не понимаю, брат? — интересуется он сурово, и этот вопрос явно адресован Лайтнеру.

— Я все тебе расскажу.

Как хорошо, что я не познакомила Вартаса с Дженной. Эта мысль крутится у меня в голове снова и снова, я даже не представляю, как ее остановить.

— Ваш миротворческий акт провалился. — Лайтнер кивает на погруженный в тревожную тьму Ландорхорн. Впрочем, лучше уж тревожная тьма, чем пожары и взрывы. Ночь взрезают сирены машин политари, которые, к счастью, от нас далеко.

— Не совсем. — Бэк перехватывает его взгляд и кивает на меня. — Мы все еще можем убить Дженну. Это как отрезать главную голову едха. Остальные сами отвалятся.

— Попробуетесь втянуть в это Вирну — и я отрежу голову вам, — комментирует Лайтнер таким тоном, что в салоне холодает. — Любому. Прямо так запомните и запишите. И передайте всему остальному вашему чокнутому сообществу. Все понятно?

— Это решение принимать не тебе, — сообщает Бэк.

Лайтнер едва успевает податься вперед, когда Хар произносит:

— Не думаю, что кто-то в этом эйрлате сейчас способен принимать какие-либо решения. В настоящий момент я лично оторву голову тому, кто помешает мне наконец-то обнять свою девушку, поэтому заткнитесь. Если не можете нормально общаться, давайте просто помолчим.

Больше тишину во время полета не нарушает никто. Лайтнер прижимает меня к себе, напряженный, сосредоточенный и злой. Не знаю как, но я это чувствую, и все, что могу сделать — просто касаться его запястья, практически лежа у него на груди. Эйрлатов на трассах почти нет, а те, что есть, мечутся испуганными рыбками от одних регулирующих сигналов до других. То и дело слышен вой сирен политаров, то набирающий силу, то затихающий, отдаляющийся. Один раз мимо нас проносится кордон темных бронированных эйрлатов, каждый из которых раза в три больше нашего.

— Военные, — коротко комментирует Бэк. — Они стягивают в центре регулярную армию.

К счастью, мы уже на месте. Садимся на парковке дома, где я последний раз была на нашей неудавшейся вечеринке. Все это кажется смазанным, забытым, далеким, как из прошлой жизни, хотя времени прошло всего ничего. Впрочем, смазанными я сейчас воспринимаю даже сцены из настоящего: вот мы идем к дому, а вот уже в лифте. Вот открывается дверь, и Кьяна шагает к Хару, а он к ней. Закрывает ее лицо в ладони, а она обнимает его, и, кажется, плачет.

Митри и Тай стоят чуть поодаль, словно не понимают, что делать дальше. Или просто время растягивается так, что мне это кажется? Потому что сейчас я уже вижу, как сестренки бегут ко мне, а в следующий момент меня так стискивают в объятиях, что становится

нечем дышать. Я обнимаю их — и дышать становится легче. Потом Кьяна отрывается от Хара и бросается к нам.

— Вирна, — ее голос — сдавленный, дрожащий, доносится как будто издалека. Она обнимает меня, почти коснувшись щекой щеки, но я вовремя отстраняюсь. Сначала Кьяна смотрит непонимающе, и только потом вспоминает.

Улыбается.

Ее щеки действительно мокрые от слез, а глаза все еще блестят.

Она отпускает меня, обнимает Лайтнера, а я смотрю на сестер.

— Лэйс жива, — тихо говорю им.

Тай кричит, как могут кричать только дети — от радости, Митри смотрит на меня так, будто не верит.

— Скоро мы ее увидим, — обещаю, и теперь уже это не просто слова. — Скоро мы все будем вместе.

Я снова обнимаю своих девочек и думаю о том, что мне надо продержаться еще чуть-чуть, чтобы они видели, что все хорошо. Я соскальзываю в это «хорошо» так неожиданно, что сил сопротивляться накрывающей меня волне просто не остается. Только что я видела Митри и Тай, сидящих рядом со мной на полу, и вот уже их лица уплывают, отдаляются, становятся выше. Митри что-то говорит, но я уже не слышу. Я покачиваюсь на волнах темноты, которая затягивает меня в свою глубину мягко, плавно, как океан. Но так же неотвратно.

Глава 28. Штиль перед штормом

Ночка выдалась насыщенная.

Конечно, когда ты студент, это нормально. Но только когда вся насыщенность относится к веселому времяпровождению, а в проникновении в Подводное ведомство ничего веселого не было. Может, когда-нибудь я смогу вспоминать об этом, не поминая едха, сейчас же я просто был счастлив, что Мэйс снова со мной.

Стоило Вирне сползти на пол, я подхватил ее и, не спрашивая Хара, отнес синеглазку в спальню. Знал, что с другом мы потом сочтемся, а вот моя Мэйс и так пережила больше, чем кто-либо. Ей нужен был отдых. Пусть это будет кровать, пока я не могу отвезти ее к морю. Я видел, что случилось с ее сестрой, она буквально ожила от воды, но до живой стихии сейчас бесконечные круги Ландорхорна и его агрессивно настроенные жители. Что люди, что вьерхи.

Устроив Вирну на постели и осторожно стянув с нее обувь, я занял вторую половину кровати и просто наблюдал за ней. Наблюдал до тех пор, пока меня тоже не вырубило. Видимо, я исчерпал свой лимит, когда выбил тот камень и использовал силы под водой. Если честно, раньше я не представлял, что способен на такое. Но не игнорировать же тот факт, что после возвращения сил все изменилось. Мой резерв. Способности. Все! Только сейчас я не видел в этом плюсов. Ведь это означало, что пропасть между мной и Вирной только увеличивается.

Кажется, вчера заглядывал Хар, говорил, что Кьяна успокоила девочек, и они сейчас в гостевой комнате, сам он переночует у Кьяны, и что надеется, что оставшийся на первом уровне квартиры миротворец его не ограбит. Краем ускользающего сознания догадался, что это было что-то вроде шутки. Вряд ли Хар оставил в собственной квартире того, кому не доверяет, в людях и вьерхах друг разбирался. В этом они с Кьяной похожи.

Мэйс по-прежнему сопела рядом. Когда я засыпал и когда проснулся. Непривычно солнечный для Ландорхорна день заглядывал в полуприкрытые жалюзи. Так как я лежал лицом к окну, то солнце меня и разбудило.

Я почесал глаза, стирая дремоту, потянулся к Мэйс и тут же отдернул руку.

Едх! Никак не привыкну.

Как назло до одури хочется закопаться пальцами в ее волосы, коснуться губами ее губ и целовать. Долго. По-разному. Со вкусом. Целовать каждую веснушку на ее коже. Прижиматься к ней всем телом. Руками, губами, отдавать ей всего себя. Моей Мэйс. Моей синеглазке. Только моей.

Она распахивает глаза так внезапно, что я почти забываю, как дышать. Тону в ее взгляде, в этой девушке, подобной океану.

— Привет.

— Привет.

Безумно хочется отмотать время до той ночи, когда мы были вместе в ее домике на Пятнадцатом. Все изменить. Не везти ее к Э'реру, не бросать, не верить словам отцам и собственной боли в груди. Просто наслаждаться тем, что мы есть друг у друга. Не терять время.

— О чем ты думаешь?

— О том, каким бы было наше утро, не будь всего этого.

Я жду, что она скажет: «Это ты во всем виноват», но она не говорит. Просто протягивает руку и касается моего плеча, проводит пальцами по руке, застывает и хмурится.

— Больно?

Только сейчас вспоминаю про след от лазера, который ничто по сравнению с тем, что мы с Вирной вместе. Вообще если не тыкать прямо в ожог, о нем можно благополучно забыть.

— Ерунда, — отмахиваюсь я. — Ты лучше продолжай, не отвлекайся и не смотри на меня так, будто снова готова треснуть меня подносом.

— Здесь нет подносов!

— Здесь только мы.

Ее лицо смягчается, и прикусив губу, Вирна опять прикасается ко мне. Обводит пальцем по ткани разрыв в рубашке и двигается ниже. Я закрываю глаза, стараясь представить, что между ней и мной нет одежды. Прочувствовать эти движения, как она ведет по сгибу локтя, предплечью, до самой манжеты. Замирает на пару мгновение, не двигаясь дальше, а затем ведет обратно. Каждое ее прикосновение

легче касания перышка и жарче, чем любой ожог. Каждое из них отпечатывается на моей коже невидимыми следами. Ее руки путешествуют по моей груди, животу, и я еще никогда не был настолько счастлив и одновременно несчастен от того, что на мне так много одежды.

Я распахиваю глаза, встречаюсь с ней взглядом и касаюсь ее сквозь свитер. Ткань слишком толстая, чтобы почувствовать мягкую, нежную кожу Вирны, но я представляю, что делаю это. Прикасаюсь к ней без преград. Да и плевать на все преграды, когда она рядом!

С губ Вирны срывается тихий стон, когда я провожу по ее груди, сжимаю вершинку в ладони. Но глаза она не закрывает, продолжая смотреть на меня. Мэйс сладко мстит — скользит пальцами вниз на ткань моих брюк и сжимает меня так, что приходится прикусить язык, чтобы не поминать едха, ничем не испортить этот момент.

Я повторяю за ней, вожу вдоль тугого шва джинсов. Наши прикосновения теряют легкость, мягкость. Хочется сильнее. Больше. Ближе. Но этого мало, и я готов зарычать от невозможности почувствовать ее так, как мне хочется. Упасть за ту грань, из-за которой нет возврата.

Я резко отстраняюсь, а Вирна хмурится и выглядит разочарованной.

Синеглазка, ты даже не представляешь, какое разочарование испытываю я, вынужденный на тебя только лишь смотреть!

Смотреть...

— Прикоснись к себе, — прошу я.

Ее глаза распахиваются широко-широко, будто Вирна не верит, что я это предложил. Точнее, что я предложил именно это. Но я не собираюсь отказываться от своих слов. Я слишком скучал по ней.

Ее бледные щеки слегка розовеют, а любимые веснушки становятся ярче, когда Мэйс со смущением смотрит на двери в спальню.

— Нам не помешают, — всерьез обещаю я. — А если помешают, я оторву им голову.

У Мэйс вырывается смешок.

— Я хочу тебя увидеть, — я ловлю ее взгляд и падаю в него. — Без преград.

— Ты уже меня видел.

— Это было так давно, что мне нужно освежить память.

Теперь мы смеемся вместе и не сговариваясь начинаем избавляться от одежды. Рубашка отправляется вслед за свитером, брюки и джинсы мы сбиваем в изножье кровати. Мое белье улетает куда-то на пол, а вот Вирна не торопится, осторожно стягивает сначала одну бретельку бра, затем другую. Я как под гипнозом наблюдаю за тем, как она медленно обнажается передо мной.

Она заводит руки за спину, щелкает застежкой, и от вида ее груди я выдыхаю сквозь зубы. Выдыхаю нестерпимое желание касаться ее, чертить следы из поцелуев там, где она проводит по коже пальцами. Но я могу только смотреть, взглядом просить Мэйс: «Еще!» И она это понимает.

Вирна ласкает себя неумело: сразу видно, что для нее все это непривычно. Для меня, в общем-то, тоже. Но я никогда не видел ничего сексуальнее этого зрелища!

Она проводит пальцами, а я повторяю за ней, будто мы синхронизировались. Совпали друг с другом в абсолютных мелочах. Представляю, что это ее руки, что это она касается меня, сжимает, двигается. То сильнее и быстрее, то до невозможности нежно и медленно. Кровь шумит в висках, а напряжение все нарастает. Я забыл, что нужно моргать, жадно ловлю каждое ее движение, каждый вздох, каждый взгляд из-под ресниц.

Между нами меньше половины валла, но будто целая пропасть, которая заполняется тихими вздохами, сдавленными стонами удовольствия, едва уловимым шелестом простыней. Я не закрываю глаза, не отпускаю взгляда, когда Вирна начинает дрожать, сжимает в кулаке одеяло, откидывается на подушку и тихонько выдыхает:

— Лайтнер.

Ее черты искажает блаженство, и яркое, почти болезненное удовольствие взрывается в моих мозгах, плавит их, захватывает меня целиком, заставляет выругаться сквозь зубы.

И когда я прихожу в себя, собираю себя по осколкам, по камешкам, то счастливее меня в Ландорхорне никого нет. Разве что Мэйс может с этим поспорить, потому что ее необычайные глаза сияют как звезды.

Я протягиваю ей ладонь, и опять она понимает меня без слов, подставляет свою, и мы почти касаемся друг друга. Вот такой обман ее

и моей сути.

Дверь распахивается так неожиданно, что я чуть не касаюсь ее ладони.

— Вирна, я хочу есть, — произносит мелкая. Потом глаза ее округляются, и она спрашивает: — А почему вы голые?

Я резко, инстинктивно закрываю Вирну. Мы вздрагиваем одновременно, потому что все-таки соприкасаемся: на ее бедре и моей ладони тут же вспыхивают красные полосы. Шипим тоже вместе, больше от неожиданности, хотя ощущение, что в меня впился лазерный луч.

— Едх! — ругаюсь сквозь зубы.

— Едх? — переспрашивает мелкая, хлопая своими большими глазищами.

— Нет! — почти ору я, и добавляю мягче. — Не надо повторять, это плохое слово.

— Хорошо, — соглашается девочка, но вместо того чтобы уйти или испугаться злого меня, переминается с ноги на ногу и снова спрашивает: — Так почему вы голые?

Вирна то ли всхлипывает, то ли шмыгает носом — явно сдерживает смех, но не собирается приходить мне на помощь.

Для полного счастья в комнату врывается вторая мелкая.

— Тай, я же говорила, не трогай Вирну. Дай ей отдохнуть...

Митри осекается и смотрит на меня во все глаза, но совсем не в глаза, а гораздо ниже. Так смотрит, что я, опомнившись, спешно накидываю край покрывала на свою мужскую гордость. Вторую гордость, первую уже раздавили бесцеремонные детишки!

— Я смотрю вы уже не спите, — без тени смущения замечает она и осматривает меня с энтузиазмом подростка, впервые зашедшего на канал для взрослых. С любопытством, от которого мне хочется не просто накрыться, а закопаться в одеяло.

— Почему вы голые? — требовательно напоминает о себе мелкая, и мне хочется закрыть лицо руками. Потому что все, включая Вирну смотрят почему-то на меня. И от ответа не уйти.

— Нам стало жарко, Тай. Со взрослыми это случается. Им становится жарко в присутствии друг друга, и они раздеваются, а потом им становится холодно, и они обнимаются, чтобы согреться.

— Можно же снова одеться, — возражает малышка.

— Можно, но обниматься приятнее без нее.

Детское личико озаряет улыбка.

— Меня ты тоже обнимешь?

— Только когда оденусь. Без одежды я могу обнимать только твою старшую сестру.

— Пойдем, — толкает ее Митри. — Найдем Кьяну.

Стоит двери за сестрами закрыться, Мэйс падает на кровать и начинает хохотать.

— Что смешного? — строго интересуюсь я.

— Надеюсь, ты не станешь отрывать головы моим сестрам!

Только сейчас вспоминаю свое обещание и лениво улыбаюсь.

— Нет, но в следующий раз запрем дверь, я не хочу заработать психологическую травму.

Вирна перестает веселиться, смотрит на меня так, что хочется запереться с ней в этой комнате на месяц как минимум.

— Думаешь, следующий раз будет? — спрашивает тихо. — Думаешь, мы сможем прикасаться друг к другу?

— Обязательно, — обещаю я. Не знаю, как этого добьюсь, но добьюсь.

Наша одежда грязная, а моя — еще и дырявая. Поэтому я без зазрения совести пользуюсь гардеробом Хара, натягиваю штаны. Мэйс спасает Кьяна, которая, в отличие от мелких, умеет стучаться и входит в комнату только после моего ответа.

— Доброе утро, — улыбается она. Как мы все давно не улыбались: искренне, от души. М'эль протягивает Вирне стопку чистой одежды. — Я выше ростом, тебе вряд ли подойдут мои джинсы, поэтому я принесла свитер и юбку.

Мне достается строгий взгляд:

— Тебе не нужно в душ? Вот Вирне надо, еще и привести себя в порядок.

Меня выпроваживают из комнаты раньше, чем успеваю слово сказать. Поэтому действительно отправляюсь в душ, но не позволяю себе там задержаться. Необходимо найти Хара и Бэка и выяснить, какие у нас дальнейшие планы.

Парней обнаруживаю на первом уровне: Хар возле стойки на кухне, Бэк на диване. Девчонок не видно, а значит отправили к себе

собираться. Судя по крошкам хлеба и кусочкам салата на доске, друг уже покормил мелких. По крайней мере, вручил им по сэндвичу. Но не хватает не только сестер Вирны.

— Где Родрес? — вместо приветствия спрашиваю я.

Перед вылазкой в Подводное ведомство Родди оставался здесь, в квартире Хара. Когда мы вернулись, я был слишком измотан и завязан исключительно на Мэйс, и просто про него не вспомнил.

— Он ушел, — почему-то вместо друга отвечает миротворец.

— Куда?

Бэк усмехается:

— Он не отчитывался передо мной. Между прочим, крутой парень, раз смог взломать нейросеть Ведомства. Даже несмотря на то, что вьёрх!

— Мы здесь все вьёрхи, если не заметил, — я складываю руки на груди.

— Это внушает надежду, что не все из вас засранцы.

Мы с Харом напрягаемся, а этот самоубийца лишь ржет.

— Ладно, расслабьтесь! Лучше поторопитесь. Парень вырубил сигналы на ваших тапетах, их теперь невозможно отследить, но его родителям, — он кивает на Хара, — известно это место. Могут сами наведаться или отправить за вами политари.

— Это правда, — соглашается Хар. — Мать уже звонила и просила меня немедленно приехать к ним на Первый. Родители Кьяны тоже, но она убедила их, что поедет со мной.

Едх! Мама! Я надеюсь, что она не в курсе происходящего кошмара, что отец и защита Первого круга оградили ее от этого. Но зная Дигтхарда К'ярда, его вряд ли волнует ее здоровье!

Взглядом нахожу собственный тапет: Родрес оставил его на подоконнике. Подхватываю и вижу входящее видео. Жму воспроизвести, но оно оказывается не от мамы, и не от отца, а от Родди.

— Привет, Лайт. — Родрес записал видео, стоя возле окна: за его спиной видно жалюзи и ночной Ландорхорн. — Я зашифровал сигналы на ваших тапетах, пользоваться ими можно, а вот отследить, где вы находитесь — нельзя. Если сами никуда не сунетесь и не станете рассказывать родственникам и друзьям, где вы, то будете большие молодцы. Считай это моим последним тебе подарком. —

Родди усмехается и поправляет очки. — На твоём месте я бы уехал туда, где тебя не достанет отец. Хотя бы попытался. Назревает большой хидрец, а ты — К'ярд, вряд ли он оставит тебя без защиты.

Уверен, отец уже забыл обо мне, но не спорить же с записью.

— В общем, пока. Может, ещё увидимся.

Родрес отключается, а я, если честно, ни едха не понимаю. Потому что Родди уехал, не попрощавшись — это ладно. Он уехал без имени, которое я ему обещал.

— О чем вы ещё говорили? — не спрашиваю, требую у Бэка. Руки чешутся его как следует встряхнуть. — С Родресом.

Парень мигом теряет всю свою напускную веселость, напрягается.

— О миротворцах.

— И о ныряльщиках, — я швыряю тапет на место рядом с Бэком, и он вскакивает. — Едх! Ты сказал ему про Дженну Карринг? Назвал её имя? Вы секретная организация или сообщество марун?

Ну почему Родди такой гений и при этом такой тупица?

Бэк так сжимает зубы, что на его лице играют желваки.

— Я думал, он с вами. Какого едха не предупредили?

— Он и был с нами! А теперь этот идиот пойдет к Дженне.

— Лайт, Родрес не герой, — Хар подходит и кладет руку мне на плечо. — Мы не знаем, куда он пошел. Я ставлю на то, что он как всегда трусил, и сейчас дома.

Сжатая внутри пружина слегка отпускает, но только слегка. Да, Родди не я, он никогда ничего не делает напрямую, но я видел его глаза, когда Родрес говорил про Ромину. У него будто все тормоза сорвало!

— Что случилось? — Голос Вирны отрезвляет сильнее, чем что-либо.

Я оглядываюсь, она вместе с малышкой спускается по лестнице, следом идут Кьяна с Митри. Все одеты, собраны. Вирна хмурится, и я отступаю от миротворца.

— Всё в порядке, — говорю как можно спокойнее.

— Всё, — подтверждает он. — Нужно ехать, пока мы ещё можем выбраться с Четвертого.

— А как же вещи? — спрашивает Митри. — Мы не вернемся на нашу квартиру?

Но под взглядом Вирны осекается.

— Это не наши вещи, Мит.

— Не волнуйтесь, — Бэк почему-то обращается к моей Мэйс, отчего хочется ему врезать гораздо сильнее, — на базе у вас будет все необходимое.

— Мы встретимся с Лэйс? — тихо интересуется Тай.

— Да, — кивает Вирна, — чем быстрее соберемся, тем быстрее встретимся.

Этот аргумент срабатывает и в случае со средней сестрой: она больше не возражает.

— Я готова, — говорит Кьяна.

— Тогда едем. Мы и так сильно задержались. — Бэк направляется к выходу первым, следом мы.

Я равняюсь с Вирной, и наши предплечья соприкасаются: такой странный способ взять ее за руку. Но синеглазка улыбается и слегка краснеет. Наверняка, вспоминает наше пробуждение. Что касается меня, это воспоминание отпечаталось в памяти навсегда.

Мой тапет вибрирует, и я выхватываю его из кармана. Но это снова не мама.

Это Лира.

Вирна, конечно же, видит имя на экране и вмиг перестает улыбаться, но я не могу не ответить. Тем более что Лира упорно не завершает вызов, и на меня уже оглядываются все.

Поэтому я нажимаю «Принять».

На экране бледная перепуганная девушка. Волосы торчат во все стороны, ни капли косметики, покрасневшие от слез глаза. От уверенной в себе утонченной, ухоженной модели не осталось и следа.

— Лайт! Как хорошо, что с тобой все в порядке! С тобой же все в порядке?

— Со мной — да.

Лира всхлипывает и плачет:

— Забери меня отсюда! Пожалуйста. Тут везде люди, они захватывают город, стреляют, грабят. Я боюсь выйти на улицу. Я звонила политари, но там все время занято.

Она закрывает ладонью рот.

— Прости.

— Все нормально, — успокаиваю я. — Дыши глубже, как во время плавания. Помнишь, я показывал?

Она быстро-быстро кивает и начинает дышать, взяв истерику под контроль.

— Где ты?

— Дома.

— Отлично. Оставайся там. Я недалеко, так что смогу тебя забрать.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Я отключаюсь и встречаю обращенные на меня взгляды. Всех, кроме Мэйс. Она на меня не смотрит. Тогда я смотрю на Бэка.

— Нам нужно забрать еще одну девушку. По пути.

— Откуда?

Я называю адрес, и слышу в ответ:

— К едхам это по пути! Там сейчас как на вулкане. Ты готов рисковать детьми?

Я не готов рисковать Тай, Митри или Вирной. Но и Лиру бросить я не готов.

— Скажи, куда ехать, я вас догоню.

Бэк ругается так, что Кьяна зажимает уши Тай и шипит на него.

— Плевать на тебя, вьех! — Он указывает на семейство Мэйс: — Мне нужно ее доставить.

Вирна делает шаг вперед и твердо заявляет:

— Я поеду с Лайтнером. — Теперь она смотрит мне в глаза. — Я поеду с ним.

Бэк открывает рот, ловит строгий взгляд Кьяны, и закрывает его, очевидно, выругавшись мысленно. А после все-таки протягивает ей руку:

— Ладно, давай свой тапет.

— У меня его нет. Его забрал агент Подводного ведомства.

Миротворцу приходится воспользоваться моим. Он вводит координаты и предупреждает:

— К полудню они исчезнут. Во избежание.

— Это за чертой города, — замечаю я. — Вдруг мы не успеем?

— Этого более чем достаточно.

Внизу Бэк взламывает электронику моего эйрлата, меняя номера, и мы разделяемся: все остальные идут к угнанному эйрлату, а мы с Вирной садимся в мой.

— Передайте Лэйс, что я скоро буду, — говорит она сестрам, обнимает Кьяну. Для меня у нее слов не находится.

Вывожу эйрлат на шоссе и только тогда нарушаю невыносимое молчание:

— Спасибо. Я знаю, что тебе не нравится Лира. Но я не могу ее просто бросить.

Мэйс поворачивается, смотрит на меня, а потом снова вперед.

— Я делаю это не ради нее, а ради тебя, Лайтнер.

Я хочу накрыть ее руку своей, но не могу. Поэтому все, что мне остается — просто смотреть на дорогу.

Глава 29. Воссоединение

Вирна Мэйс

Я боялась, что нас кто-нибудь остановит. Задержит. Боялась, что политари или Подводное ведомство просто остановят наш эйрлат, но на трассах нет ни одного патруля политари. В эйрлате тихо, как в тот момент, когда на небе стягиваются тучи. Перед первым порывом ураганного ветра. Издалека вижу дом, в котором жила по милости Дженны: это снова отбрасывает меня к рассказу Лэйс, к воспоминаниям о том, что ей на самом деле нужно. Внизу дымятся несколько бронированных военных эйрлатов, чуть поодаль — перевернутые эйрлаты политари с разбитыми стеклами, смятые, как огромным металлическим кулаком. Кулаком вверху, потому что они обугленные.

Я отворачиваюсь резко, чтобы не увидеть что-то еще, но поздно. Я уже увидела достаточно, тела людей — в форме и в гражданском. Дымятся не только машины, дымятся разбитые витрины бутиков и продуктовых супермаркетов, но если погромы и перестрелки с политари еще можно объяснить прокатившейся по Ландорхорну волной человеческой ярости, то военных со всей их техникой, которых разбросали как малышку с игрушечными машинками — нет. Это уже совсем другие силы. Это уже война.

Дженна готовилась к войне? Мне все еще в это не верится. Я все еще до конца не могу осознать, что она на это способна, что она это устроила, и что собирается сделать нечто еще гораздо более страшное.

— Вирна, скажи что-нибудь, — произносит Лайтнер.

— Что-нибудь.

— Я знаю, что ты не в восторге от того, что мы едем за Лирой.

— Я не в восторге от того, что происходит. На Лиру мне наплевать.

Я правда сказала это вслух? Ну и ладно. Никогда не стеснялась говорить правду.

На парковке почти нет эйрлатов, а те, что есть — с разбитыми стеклами, электронные турникеты разворочены, а на улицах — никого.

— Пойдем. Быстро.

— Не надо. Мной. Командовать. Я сама способна оценивать обстановку.

Или ему в голову пришло, что я пойду медленно, наслаждаясь видами?

Сканер на двери изуродован до неузнаваемости, панель выломана, отовсюду торчат провода.

— Некоторые люди рождены только для того, чтобы везде гадить, — цедит Лайтнер, оглядываясь. Дергает дверь, которая, разумеется, не поддается. Потом достает тапет, и я отворачиваюсь. Проходит буквально мгновение — и замок с тревожным щелчком открывается, мы заходим.

Видимо, он попросил эту драную надру, чтобы она открыла дверь.

Мне бы по-хорошему думать о том, что эта девушка напугана и нуждается в помощи, а я думаю о том, что мало я ей тогда врезала.

— Да, с такой властью Ландорхорн точно будет в надежных руках, — выплевывает Лайтнер, когда лифт реагирует на вызов только с десятой попытки.

— Ну разумеется, под властью твоего отца он идеален.

— Что ты хочешь этим сказать?!

— Только то, что сказала.

В лифте я прислоняюсь спиной к стене и предпочитаю считать этажи.

— Я не просил тебя идти со мной.

— При чем тут это?!

— При том, что ты бесишься из-за нее.

— Откуда тебе знать, из-за чего я бешусь? Может, меня просто достало, что я всю жизнь провела на Пятнадцатом, не имея даже возможности никуда на работу устроиться, кроме как официанткой и полomoйкой.

— Дженна Карринг весьма неплохо устроилась.

Раньше, чем мы поругаемся окончательно, двери лифта распахиваются. Совершенно неудивительно, что там нас встречает Лира. Точнее, не нас, его: меня она явно не ожидала увидеть, потому что с ее губ срывается:

— А она тут что делает?!

— Она тут едет спасать твою задницу, — отвечаю я. — Поэтому если у тебя есть, что взять, чтобы на нее надеть, надеюсь, ты это уже взяла. А если нет — поедешь как есть.

«Как есть» — это в дорогой пижамке, пару пуговиц на груди расстегнуты. Интересно, она его так встречать собиралась?

— Лайт, это вообще нормально?! — выдыхает она и смотрит на него так, как будто он по меньшей мере должен заткнуть мне рот.

— Лира, Вирна права. — Мне достается резкий взгляд на тему «это можно было сказать иначе». — Нам надо срочно отсюда уезжать. Ты собрала вещи?

Она глубоко вздыхает.

— Да. Права. Хорошо. Я кое-что собрала... Пойдемте.

Ой нет, это выше моих сил. В ее квартиру я не пойду точно. Или пойду?

Я останавливаюсь на полпути: напротив распахнутой двери. Сумка с наполовину вываленными вещами стоит в коридоре, рядом лежит тапет.

— Это выкладывай, — командую я, когда Лира пытается запихнуть его прямо поверх вещей.

— Что это значит?!

— Это долго объяснять, — Лайтнер смотрит на нее.

— Но я не могу связаться с родителями... они... — Она снова глубоко вздыхает. Несколько раз. — Делаю, как ты меня учил. Видишь? Только это и спасает.

Еще парочка таких выпадов — и тебя уже ничто не спасет.

К счастью, я не говорю это вслух, просто складываю руки на груди и смотрю на это ходячее недоразумение, даже не пытаюсь проникнуться ее положением. Я должна ей сочувствовать, должна ей сочувствовать, повторяю про себя. Но у меня не получается от слова совсем. Даже слова про родителей меня не растрогали, хотя должны бы — ведь для меня семья — это все. Но я просто не могу сосредоточиться ни на чем другом, кроме того, что она меня бесит. Причем с каждой минутой все больше, больше и больше.

— Мы поможем тебе связаться с ними на месте. Все будет хорошо. Ты мне веришь?

Лира молчит, обхватив себя руками, потом, опомнившись, кивает.

— Да. Верю. Верю... Лайт. Прости за вчерашнее. За то, что я наговорила тебе вчера, когда мы пили льяри. Я не должна была...

Вчера?! Когда мы пили льяри?

— Я вас у лифтов подожду, — сообщаю я. — Когда закончите переодеваться и выяснять отношения, дайте мне знать. Постарайтесь делать это не слишком долго, время все-таки самый ценный ресурс. Особенно сейчас.

Просочившийся в мой голос сарказм даже не пытаюсь скрывать. Не знаю, что у них там происходит, но, когда я заворачиваю к лифтам, меня догоняет Лайтнер.

— Ты можешь хотя бы попытаться? — почти рычит он.

— Что именно? Попытаться опять ей не врезать? Я стараюсь.

— Почему ты так ее ненавидишь?!

— А почему ты шляешься с ней по льярийням после того, как...

Все, я не собиралась этого говорить. Меня это не волнует.

— После того как что? — Вот теперь он уже натурально рычит. — Договаривай! После того, как мы один раз подержались за руки в океане, а перед этим едх знает сколько времени ты от меня шарахалась и вообще всячески показывала, что я тебе очень-очень нужен?!

— О, ну зато она точно умеет показывать, что ты ей очень нужен!

— Я сжимаю кулаки. — Спорим, она тебе многое показывала?!

— У нас с ней ничего не было!

— Ну разумеется.

— Ты мне не веришь, Вирна? — Его глаза вспыхивают, а я ловлю себя на мысли, что с меня хватит. Хватит этих ссор.

— Достаточно того, что ты веришь ей, — говорю я. — Этой насквозь фальшивой двуличной...

— Хватит! — резко перебивает он. — Я не просил тебя помогать мне, ты сама захотела. Если у тебя с этим проблемы, надо было ехать с остальными, а не со мной. То, что ты терпеть не можешь Лиру, еще не значит, что нужно ее оскорблять.

— Я готова, — в коридоре снова появляется Лира. Она успела переодеться, а еще наверняка успела услышать, как мне тут выговаривали из-за нее.

— Да, ты прав. — Говорю я. — Нужно было ехать с остальными.

После чего разворачиваюсь к лифтам.

К счастью, на этот раз двери открываются быстро. Я стараюсь не смотреть в сторону Лир, но это плохо получается, потому что внутри лифта не разгуляешься. Мне нужно смотреть либо в пол, либо в потолок, либо в сторону Лайтнера. Все три варианта исключаются, потому что первые два — это слишком заметно, а смотреть на Лайтнера я сейчас не хочу. Особенно после того, как он взял у нее сумку и даже не поморщился. В смысле, Лир он может касаться спокойно — так же, как и она его. Может быть, это не совсем своевременная мысль, но как уж есть.

— Эти люди... они ужасные, — говорит Лира, и голос ее дрожит. Потом смотрит на меня, и произносит: — Я сейчас не имею в виду тебя.

Да мне без разницы, даже если бы и имела.

— А я не человек, — говорю я, и с удовольствием наблюдаю, как у нее вытягивается лицо.

— Не человек? Это шутка такая, да?

— Нет, — за меня отвечает Лайтнер. — Вирна — лиарха. Именно поэтому у вьерхов от прикосновения к ней ожоги.

Лира как-то неосознанно отодвигается в сторону.

— Это же легенда!

Двери лифта раскрываются, выплевывают нас в холл. Через который мы ускоряемся, чтобы оказаться на парковке, где какой-то парень пытается взломать наш эйрлат. Заметив нас, он оборачивается и скидывает оружие. Лира визжит так, что у меня закладывает уши, а Лайтнер одним движением уходит вниз. Трещина от его ладони вспарывает землю и покрытие обломками взлетает в воздух, выстрел уходит в небо, а парня отбрасывает в сторону. Пистолет вылетает из его рук, ударившись о соседний вскрытый и развороченный эйрлат, он вопит.

Но очень шустро вскакивает и ковыляет в другую сторону, подальше от нас.

— Достали все, — цедит Лайтнер, стряхивая с ладоней крошку пыли.

Я приподнимаю брови, а он забрасывает сумку Лир в багажник и кивает. Раньше, чем я успеваю сделать к эйрлату хоть шаг, Лира влетает на переднее сиденье. Жаль, что нельзя запихнуть в багажник ее.

Мысль обрывается: до нас доносятся крики и шум. Парень, которого Лайтнер швырнул в сторону, вернулся с подкреплением — со стороны ближайшего поворота вылетает человек двадцать, не меньше.

— Вон они! — орет он, так, что срывает голос. — Вон! Едховы вьерхи!

Толпа устремляется к нам, Лира сползает вниз, а с ее лица сползают все краски. Я шустро влетаю на заднее сиденье, Лайтнер — на водительское. Эйрлат срывается с места с такой скоростью, что мы рискуем не вписаться в поворот, но обходится: оставляя за спиной орущих людей, выстрелы, которые несутся нам вдогонку, мы вылетаем на магистраль. Эйрлат мчится по опустевшим, полуразрушенным улицам. Я не так долго здесь жила, но сейчас мне больно видеть развороченные витрины, перевернутые тележки, разбросанную по улице разбитую технику.

Если бы только технику.

Я снова отворачиваюсь, когда натываюсь взглядом на продавца из супермаркета, где мы не так давно встретились с Кьяной. Он лежит лицом вниз, и эта картина, кажется, врезается мне в память так же остро, как все, что я вижу, начиная со вчерашнего дня.

Лира начинает всхлипывать:

— Как... как это возможно? — бормочет она. — Как они... они же просто... просто...

— Люди, — резко подсказываю я. — Те, кто долгое время считался отбросами общества?

— Лира хочет сказать, что не понимает, как им это удалось, — хмуро произносит Лайтнер. — Это спланированная акция, Дженна к этому основательно подготовилась.

— Дженна? — переспрашивает Лира.

— Неважно.

Он говорит то же, что я думала, когда мы летели сюда. То, что Дженна основательно подготовилась, ясно: зияющая дыра в огромном рекламном экране, протянувшимся между двумя высотками, явно не из детского водяного пистолета сделана. Те люди, которые сейчас бегут по городу, поднимая оружие мертвых политари и военных, к этому отношения не имеют. Здесь явно развернулось что-то посерьезнее. Именно в этой части Четвертого.

Почему?

Ответ приходит сам собой: именно здесь меня забрали в Подводное ведомство. Подводное ведомство находится по этой линии магистрали, только на Третьем. При воспоминании о них и об агенте, который навсегда остался погребенным под упавшим потолком, меня передергивает, но сейчас не время об этом думать. Мне непонятно другое.

— Почему военные отступили? — спрашиваю я у Лайтнера. — Разве они не должны защищать город?

Он молчит и хмурится.

— Нет.

— Нет?!

— Второй и Первый круги защищены системой циклического купола.

— Это что такое?

— Это то немногое, что рассказывал мне отец о системе внутренней безопасности Ландорхорна. Энергетический щит, любая попытка пройти сквозь который любое живое существо превратит в обугленную головешку. В случае, когда ситуация выходит из-под контроля — так, как сейчас, он опускается, отрезая Первый и Второй круг от остальных. Все военные силы стягиваются по периметру Второго, у внутренней стены щита.

— Зачем? Какой в этом смысл?

— Смысл — минимизировать потери вьерхов, военных, студентов Кэйпдора, элиты.

— И безвылазно сидеть под куполом, ожидая, пока все утихнет?

Лайтнер смотрит на меня через зеркало заднего вида, потом снова на дорогу.

— Нет.

— Нет?!

— После того, как всё, что нужно, и все, кто нужен, замкнется внутри, начнется зачистка.

Уже от самого этого слова у меня по коже бежит холодок, поэтому сейчас Лира меня опережает:

— Что такое зачистка?

— С помощью силы вьерхов точечные удары по массовым скоплениям мародеров, армии противника, протестующим.

А что? Очень выгодно. Сидишь в своем роскошном доме, отдаешь приказы и смотришь, как рушится город, и армия противника превращается в угольки. Знала ли Дженна о щите и обо всем этом, когда решила затопить Ландорхорн? Не представляю. Но ни в первом, ни во втором случае людям, которые просто оказались на пути столкновения двух стихий, не выжить.

— Потрясающе, — говорю я. — Просто чудесно.

— Не я это придумал, — огрызается Лайтнер. — Но те, кто сейчас творит весь этот беспредел на улицах...

— Их нужно просто убить, так? А заодно всех тех, кто просто случайно оказался рядом?!

Его глаза становятся огненными.

— Лайт, куда мы летим? — в разговор вклинивается Ли́ра.

Лайтнер выдыхает ругательство, а потом подключает тапет к навигатору, заливая координаты.

— Это что? Мыс Гор? Но там же океан, и нам туда нельзя! — выдыхает Ли́ра. — Там могут быть эти ужасные ныряльщики, и...

— Если тебя что-то не устраивает, ты всегда можешь выйти, — сообщаю я.

Судя по сверкнувшим глазам, Ли́ра явно собиралась ответить, но промолчала. Видимо, инстинкт самосохранения в ней оказался сильнее желания высказать мне все, поэтому дальше мы просто летели молча. По практически пустому городу. Мне на глаза не попало ни единой гусеницы, ни единой платформы, а то, что попало, лучше бы не попадалось вовсе. Я смотрела на окна домов, жизнь за которыми превратилась в кошмар, начиная со вчерашнего дня. Тот кошмар, в котором мы жили, не шел ни в какое сравнение с тем, что творилось сейчас.

Многие действительно вышли на улицы, недовольные тем, что творили вверху, но многие оставались дома. Тишина, которая звенела в ушах, нарушалась лишь регулярными объявлениями по громкой связи: «В Ландорхорне введено военное положение. Пожалуйста, оставайтесь дома. Находиться на улицах, а особенно в местах скопления людей, может быть небезопасно».

В свете того, что мне рассказал Лайтнер, это звучало как последнее предупреждение, и с каждым разом все сильнее действовало на нервы. Поэтому я была искренне рада, когда мы

вырвались за Пятнадцатый, к океану. От вчерашнего оцепления предсказуемо остались развороченные эйрлаты и тела. Здесь тоже прошла волна, только не такая, какую мы все боялись.

Всю жизнь, начиная с самого детства, меня тянуло к воде. Несмотря на все запреты и угрозы. Вода никогда не казалась мне опасной, и сейчас я понимала, почему.

Гораздо опаснее для Ландорхорна оказались мы сами.

— Лайт, мне страшно! Я имею право знать, куда мы летим, — сдавленно прошептала Лира.

Я в очередной раз подавила желание вышвырнуть ее из эйрлата, сверху добавив ее же собственной сумкой, и уставилась в окно. Было бы чем, заткнула бы уши, а так приходилось выхватывать урывки их разговора:

— ... миротворцы.

— Это не опасно? Разве они не преступники?

— Нет. Они...

— ... но как же тогда...

В конце концов я просто прижалась щекой к стеклу и стала смотреть на океан. Это побережье уже в каком-то смысле стало мне родным: не менее родным, чем тот берег, где стоял наш старенький дом. Один из самых хлипких, на первой линии «угрозы», которая угрозой никогда не была.

Я хотела бы верить в то, что у тех, к кому мы летим, есть план. По поводу Дженны — когда я им все расскажу, по поводу того, что сказал Лайтнер. Но я не представляла себе, как остановить две схлестнувшиеся стихии, в эпицентре противостояния которых окажутся невинные люди и вьерхи. Не те, кто сейчас громил город. Не те, кто принимал участие в заранее спланированной военной атаке. Не те, кто убил Ромину и не те, кто сейчас просчитывал возможные потери, сидя в роскошных особняках на Первом круге.

Те, кто просто оставался в своих домах и в своих квартирах, не желая никому зла. Те, кто просто хотел сохранить свои семьи, уберечь любимых. Так же, как это пыталась сделать я.

Мы обогнули мыс Гор — впервые оказавшись так далеко, и от побережья углубились в леса. Точнее, летели над лесом, следуя навигатору, по которому задали координаты. Он то ли устал ругаться,

что мы находимся в запрещенной зоне, либо Лайтнер его просто отключил и следил за маршрутом, но как бы там ни было, следуя за изгибом шумящей внизу реки, мы подлетели к возвышающейся за лесом цепочке гор.

— Если верить координатам, это где-то здесь, — произнес Лайтнер, нахмурившись. — Хотя я понятия не имею, где.

Тем не менее он снизился, заглушил двигатель, и мы все вышли из эйрлата. Здесь еще холоднее, чем в городе: несмотря на отсутствие ветра, температура явно была ниже, чем в Ландорхорне. Лира обхватила себя руками, а я огляделась. С одной стороны лес, с другой — горы.

— Где они, едх их дери?! — процедил он.

— Понятия не имею.

— Садитесь в эйрлат, пока мы все тут не примерзли, — скомандовал Лайтнер.

Лира, разумеется, тут же запрыгнула на сиденье, продолжая зябко ежиться, а я посмотрела на возвышающихся над нами каменных исполинов, и шагнула в сторону излома горной гряды.

— Вирна, ты куда собралась?

— Собралась найти место, куда отвезли моих сестер, — ответила я.

— Хочешь окончательно замерзнуть?

— Не хочу сидеть рядом с ней.

Я приблизилась к скалам, коснулась ладонью холодного камня.

— Зачем было приводить нас сюда, если здесь ничего нет?

— Здесь что-то есть, осталось понять, где.

Лайтнер очень показательно закатил глаза.

— Вернись в эйрлат, Вирна. Пожалуйста. Ты достаточно мерзла в последнее время.

Да мне вообще в последнее время всего было через край. Тем не менее я решила не спорить и вернуться. Минут пятнадцать мы сидели в тишине, размышляя над смыслом жизни — по крайней мере, даже Лира молчала. Потом Лайтнер выругался и приглушил отопление.

— Аккумулятор садится, — процедил он.

— Мы тут замерзнем, — прошептала Лира.

А я пристально посмотрела в сторону леса: показалось, что глаз уловил какое-то движение.

— Вирна, держи. — Лайтнер протянул мне куртку, но я покачала головой.

— Там кто-то есть.

— Кто?

— Где?!

Все, как по команде, немедленно посмотрели в сторону, куда смотрела я. Движение действительно было, но человек (или вьёрх) перетекал из глубины леса так стремительно, и в то же время так текуче и плавно, что почти сливался с деревьями. Лайтнер ощутимо напрягся, я увидела, как в его глазах разгорается огонь, но уже спустя несколько мгновений стало понятно, что никакой угрозы нет.

— Бэк! — выдохнула я и первой вылетела из эйрлата.

— Никогда не думал, что спустя день знакомства девчонка будет так рада меня видеть, — ухмыльнулся он. Потом посмотрел на вышедших следом за мной Лайтнера и Лиру: — Простите, что пришлось вас немного здесь подержать. Надо было убедиться, что за вами никто не придет. Пошли.

Он кивнул в сторону леса и развернулся.

Мы шли следом за ним, и я искренне старалась не забегать вперед. Здесь уже кое-где лежал снег, и белые островки на черной земле казались чем-то неестественным. Мы шли минут десять, углубляясь в лес все дальше, и я старалась не думать о том, что Лира вцепилась в руку Лайтнера. Заодно и о том, что у меня это не получится.

— Здесь. — Бэк остановился достаточно резко, а потом наклонился и, отбросив кучу пожухлой листвы, поднял крышку люка. Вниз уходила лестница, и он кивнул:

— Дамы вперед!

Я не стала заставлять себя просить дважды, шагнула к раскрытому зеву и быстро спустилась вниз. Меня встретило достаточно тесное помещение и узкая кишка коридора, освещенного тусклым светом, по которому мы шустро прошли гуськом. Коридор расширялся холлом с гораздо более высокими потолками, встречало нас человек двадцать. Стоило нам всем войти, как вперед выступил высокий темноволосый мужчина в светло-сером комбинезоне.

— Добро пожаловать к миротворцам. Меня зовут Гордон Уилл, — он обращался ко всем, но смотрел исключительно на меня.

Что неудивительно, я же тут вроде как секретное оружие против Дженны Карринг.

— Я хочу видеть своих сестер, — сказала я.

— Ваши сестры в безопасности, нисса Мэйс.

— Не сомневаюсь. Тем не менее сначала я хочу видеть их, все остальное — потом.

Гордон кивнул.

— Ваше право.

Только сейчас я заметила Вартаса, который приблизился ко мне.

— Пойдем. Я тебя провожу.

— Я пойду с тобой, — Лайтнер шагнул к нам, но прицеп в виде Лиры ощутимо его затормозил:

— Не бросай меня!

— Не бросай ее, — хмыкнула я и в отместку взяла Вартаса за руку: — Пойдем.

Мы мгновенно свернули в один из боковых коридоров, оставив позади всех встречающих, а заодно и Лайтнера с Лирой. Уже в коридоре я отпустила пальцы Вартаса.

— Гордон у вас здесь главный?

— Да. Я хочу, чтобы ты знала...

— Потом, — оборвала я. — Сейчас для меня имеет значение только семья.

В отличие от коридора, по которому мы шли изначально, этот понемногу уходил вверх. Подъем не был крутым, но чувствовался, не считая того, что визуально его тоже было видно: потолок становился все ниже. Вартасу даже пришлось наклониться в самом конце — ниже, ниже и ниже, пока, наконец, потолки не взметнулись стремительно вверх.

— Мы в скале, — пояснил он.

— Внутри камня?!

— Внутри камня. Случись вверху узнать об этом месте, нам бы не поздоровилось.

Я вздохнула.

— Не все вверху наши враги.

— Я надеюсь, — ответил он. И на этот раз замолчал первым.

Новый коридор закончился развилкой, а после каменных кишок мы оказались в огромном холодном пространстве, где двое мужчин и одна женщина в белых халатах что-то обсуждали между собой.

— Здесь медотсек, — пояснил Вартас. Кивнул на установленную у стены металлическую ширму: — Лэйс там.

Не дожидаясь продолжения, я метнулась за ширму. Лэйс лежала на переносной койке, рядом парил высоченный конусообразный обогреватель. Митри сидела у нее в ногах, Тай умудрилась забраться под одеяло, и теперь обнимала нашу старшую, удобно устроившись у нее на плече. Младшие уставились на меня, Лэйс улыбнулась, и в это мгновение с моих плеч рухнул камень размером со скалу, внутри которой мы находились.

Я судорожно вздохнула и быстро шагнула к ним.

Глава 30. Одна жертва против миллионов

Мы говорили, говорили и говорили. Преимущественно, младшие — Лэйс запретили говорить долго, а мне просто хотелось молчать. Молчать и наслаждаться тем, что мы все живы и в безопасности. Впервые за долгое время вся моя семья собралась вместе. Мы с Митри сидели в широком кресле, которое от стола медиков притащил Вартас, а Тай категорически отказывалась вылезать из-под одеяла. Она обнимала Лэйс так, что та периодически морщилась (ее грудь была туго забинтована).

— У вашей сестры сломано несколько ребер, плюс луч раскрошил ребро рядом с сердцем, — пояснил мне медик миротворцев, пока Вартас обустроивал наш семейный уголок. — Легкое было пробито, но сейчас благодаря ее способностям и воде все гораздо лучше, чем могло бы быть.

Гораздо лучше — это он выразился слабо. Я видела, что произошло. Я видела, что Лэйс умирала, сейчас же у нее на щеках был румянец от температуры, но она разговаривала и даже шутила в своем стиле. Ее спасла вода. Мысль об этом немного успокаивала и позволяла сосредоточиться на настоящем, а не на том, что творилось там, за мысом Гор, в растрепанном гудящем от взаимной ненависти городе.

— А помнишь, как мама пошла с нами на берег? — Митри посмотрела на меня. — Помнишь, это было летом, и вода была совсем не холодная?

— Помню, что тогда нас арестовали и продержали в участке политари, пока за нами не приехал отец. Мы выплачивали штраф четыре месяца.

— Вирна была бы не Вирна, если бы вспомнила что-нибудь «позитивное», — фыркнула Мит.

— Ты тогда была совсем маленькая. Откуда ты это помнишь?

— Я много чего помню. — Митри демонстративно сложила руки на груди.

— Обед! — нас прервал Вартас, заглянувший за ширму. — А Лэйс пора отдохнуть.

— Не-ет. Нет-нет-нет! — возмущенно запищала Тай, когда я попыталась вытащить ее из-под одеяла.

— Мне нужно немного поспать. — Голос у нее был слабее чем обычно, но Лэйс была бы не Лэйс, если бы показала собственную слабость. Она чмокнула Тай в нос и улыбнулась: — Чтобы когда ты пришла в следующий раз, мы с тобой могли бы играть. Понимаешь?

— Ты уже сможешь играть? Тебе разрешат вставать? — Тай широко распахнула свои и без того большие глазищи.

— Возможно. Если сейчас я хорошо отдохну.

Мелочь вылезла из-под одеяла самостоятельно и заявила Вартасу:

— Где там обед?

— Обед в общей столовой, — он взял ее за руку.

Митри поднялась и шагнула к ним, а я кивнула:

— Идите. Я вас догоню.

Мы совсем не говорили о том, что случилось, и это было очень кстати. Я до сих пор не была уверена, что младшим стоит знать хотя бы что-то из того, что сейчас творится на самом деле. Сегодня ночью я просто провалилась в темноту, но что-то мне подсказывало, что этой ночью мне просто повезло, и что мои сны в ближайшее время отнюдь не будут такими спокойными.

— Ты поэтому не хотела, чтобы я училась в Кэйпдоре? — спросила я, опускаясь в кресло. — Потому что знала, что там? Под ним?

Лэйс не ответила.

— В тот вечер, когда мы поссорились, перед тем, когда ты исчезла, все и произошло?

Она молчала достаточно долго, а я просто ждала. До той самой минуты, когда Лэйс прошептала:

— Предыдущей ночью она сказала мне, что скоро все начнется. Я сказала, что не стану участвовать в этой бойне, и тогда Дженна ответила: «Тебе есть за что бороться, Лэйсандра. Твоя семья. Если ты об этом забыла, я тебе напомню».

— И ты решила исчезнуть?

— Да. Я догадывалась, что Дженна не тронет вас, потому что я действительно исчезла. Для всех. Я знала, что о сестрах ты

позаботишься, но мне даже в голову не приходило, что ты сунешься в «Бабочку». Что ты свяжешься с ней.

— Почему ты просто ничего не сказала? Сразу?

— А почему сейчас во время разговора с мелкими ты все время сливалась с этой темой? Я тоже считала, что смогу тебя защитить. Что тебе это все не нужно. Изначально, когда у нас все шло хорошо, Дженна обещала вам защиту. Обещала, что вы все переждете шторма на базе.

— Ты верила ей.

— Ну ты же верила, — Лэйс усмехнулась. — В конце концов, мы все верим в то, во что хотим верить, не так ли?

Возразить на это мне было нечего. Я помнила видео, которое записала Лэйс — где глаза сестры горели идеями Карринг, и помнила свои первые чувства, ощущения от встречи и общения с Дженной. Для меня она была недостижимым идеалом, обычной женщиной, которая в мире вьерхов возвысилась настолько, насколько это вообще возможно. Потом я верила в то, что она хочет изменить мир к лучшему, а потом...

— Та, первая банка с мертвой бабочкой в воде тоже была предупреждением?

— Предупреждением, в которое ты не врубилась, — усмехнулась Лэйс. — Какое-то время я вообще не могла приблизиться к дому, за ним постоянно следили агенты Дженны и Н'эргеса. Потом стало попроще. Видимо, они решили, что я окончательно вас кинула, и я смогла подобраться.

— Почему было просто не написать все как есть? Помадой... да хоть на зеркале?

— Потому что они регулярно обшаривали наш дом. Каждый день заходили, проверяли, не пытаюсь ли я с вами связаться и рассказать что-нибудь. Паранойе Дженны можно только позавидовать. Оставь я там что-то понятное всем, подставила бы и себя, и вас. Я думала, ты вспомнишь о родителях... о том, как мы играли.

Что самое смешное, я вспомнила.

— Но там еще была эта история с Д'ерри, и я этого не учла. С одной стороны, это сыграло мне на руку, потому что Н'эргес эту банку списал на угрозы дочери судьи. С другой стороны, не очень, потому что ты тоже.

Голос Лэйс становится хриплым, и я поднимаюсь.

— Тебе действительно нужно отдохнуть. Поспи.

Она перехватывает меня за руку.

— Есть еще кое-что. Я не понимаю, где прокололась, но я почти уверена, что в Ведомство меня сдала она. И тебя тоже.

— Как?! Почему?!

Если вспомнить все, что я знаю о Дженне в настоящий момент, она — чудовище, но мне совершенно непонятно, зачем ей было сдавать Лэйс. Если меня еще можно было отнести к разряду вынужденных жертв, чтобы поднять людскую волну, то сестра здесь вообще ни при чем.

— Месть, — шепчет Лэйс.

— Месть?!

— Я ее кинула.

— Ей было все равно, что ты о ней расскажешь?

— Пока ты была на свободе, я не могла ее сдать — я бы сдала и тебя вместе с ней. А потом ты стала ей нужна как жертва обстоятельств, и с той минуты, как мы оказались там вместе, счет пошел на часы.

Дженна действительно провернула это все очень быстро, но, если верить Лэйс, она и готовилась к этому очень долго.

— Я провела там не так много времени. Хотела с тобой связаться сразу после интервью... вроде вычислила, что слежки не было. Но что-то не учла. И это что-то сейчас не дает мне покоя.

Я накрываю ее руку своей.

— Лэйс, сейчас это уже неважно. Тебе просто нужно отдохнуть, а мне, видимо, на обед. Ты хочешь есть?

— Пока что я хочу только спать, — еле слышно произносит она.

— Значит, спи. И не смей больше ничего говорить. — Я перебиваю ее раньше, чем она снова откроет рот. — Мы во всем разберемся. Обещаю. Ты и так много болтала сейчас.

На губах сестры мелькает быстрая улыбка, а потом она закрывает глаза. Я наклоняюсь, целую ее в щеку и выхожу из-за ширмы.

— Вы слишком долго, — недовольно произносит помощница врача. Немолодая женщина с седыми прядями в темных волосах. — Ей нельзя столько разговаривать.

Я не отвечаю, иду в сторону коридора, когда навстречу мне выходит Вартас.

— Что, обед уже кончился?

— Он в самом разгаре.

— Проводишь меня?

Он качает головой.

— Нет?

— Нас ждет Гордон Уилл. Хочет поговорить о Дженне Карринг и о ее устранении.

Море, как же я от всего этого устала. Я не хочу говорить ни о чем устранении, я вообще не хочу ничего больше слышать о Дженне Карринг, но моя сестра, моя старшая сестра лежит в медотсеке после пыток в Подводном ведомстве, куда она попала, судя по всему, именно благодаря Дженне Карринг. Полгорода в огне из-за Дженны Карринг, а еще полгорода скоро будет под зачисткой, и, наконец, весь он окажется под водой. Поэтому я просто провожу руками по лицу, откидывая волосы назад.

— Веди.

Мы возвращаемся в тот же коридор, из которого пришли, но сворачиваем на развилке в другую сторону. Только сейчас я понимаю, что мне напоминает это место: нору и подземные ходы. Хотя сейчас они вполне себе наземные, просто в скале. Гудит вентиляция, холод от камня впивается в кожу, лампы иногда мигают.

— Давно существует это место?

Вартас кидает на меня короткий, отрывистый взгляд.

— Ты всерьез думаешь, что я стану что-то с вами обсуждать, если не можешь толком ответить ни на один вопрос?

— Ты сама не захотела говорить по пути к девочкам.

— Потому что по пути к девочкам для меня были важны только девочки.

— И еще Лайтнер К'ярд.

Я складываю руки на груди.

— Ты это серьезно? Сейчас?

— Когда, если не сейчас.

— Никогда, — отвечаю я. — Ты говорил, что влюблен в мою сестру. Ты говорил, что она тебе не доверяла, а сам ни слова не сказал

о том, кто ты и чем занимаешься. Мне ты тоже этого не сказал, Вартас. Какого едха?!

Он вздыхает.

— Хорошо. Я солгал. Лэйс не доверяла мне настолько, чтобы рассказать, почему она исчезла, чтобы найти меня и попросить убежища, я не доверял ей настолько, чтобы привести сюда. Тебе я тоже настолько не доверял, Вирна.

— Отлично, с доверием и его отсутствием разобрались. Теперь вернемся к моему вопросу.

— Прежде чем мы вернемся к твоему вопросу, — он остановился под одной из мигающих ламп, из-за чего тени на его лице то становились четче, то исчезали, — я хочу, чтобы ты поняла, почему я не доверял. Ныряльщики — анархисты. В их планы никогда не входило раскрытие тайны вьерхов и защита мирного населения. Все, чего они хотели — это перевернуть власть. От того, что место Диггхарда К'ярда займет Дженна Карринг, ничего не изменится. Все, кто работает с ней, хотят переворота, а не мира.

— Ты хочешь мира.

— Мы хотим. Поэтому все это время мы делали все, чтобы не допустить того, что случилось.

— Плохо делали, — я смотрю на него в упор. — Исключительно в миролюбивых целях ты подсунил мне адрес сайта, где можно посмотреть на запись жесткого убийства Ромины?

— Я подсунил его тебе, чтобы ты поняла, с кем связалась! И на что они способны. Лэйс, когда я ее встретил, была абсолютно упоротая. Она не видела никого и ничего, кроме своей идеи свергнуть вьерхов.

Я покачала головой и замерла. От обрушившейся на меня догадки в каменном коридоре стало еще холоднее.

— Ты встретил Лэйс не случайно. — Я шагнула к нему, сокращая расстояние между нами до минимума. — Кем она была для тебя? Твоим заданием, верно? Через нее ты точно так же пытался подобраться к Карринг? Она ведь не просила тебя о нас заботиться?

— Она сказала, что у нее есть сестры. Которых она любит больше жизни, и что если вдруг с ней что-то случится, она бы хотела, чтобы о них было кому позаботиться, — он не отвел взгляда. — Когда я

говорил ей о том, что ей надо завязывать с ныряльщиками, она от меня отмахивалась. Она отмахивалась от меня до тех пор, пока не стало слишком поздно. Так же, как ты. Большой любви между нами не случилось, Вирна. С тобой... все было иначе.

Я выставила вперед руку, и вовремя: одно его движение могло привести к тому, что между нами не осталось бы расстояния. Не привело, потому что моя ладонь уперлась ему в грудь.

— Ты не ответил про задание.

— Да. Ты угадала. Лэйс была моим заданием. Все могло измениться. Но...

— Все уже изменилось, Вартас. Я видела тебя, когда ты бросился к ней. И даже во мне ты искал ее.

— Ты видишь только то, что хочешь видеть.

— Я вижу, что ты был готов умереть, — поразительно, как сейчас складывается все то, что долгое время не складывалось. — Ты собирался пойти к Дженне и стать смертником, потому что считал, что она мертва. Ты считал, что она для тебя задание, но сам не заметил, как все изменилось, так? Даже когда она исчезла, к моей семье могли отправить кого угодно, но вызвался ты.

Я потеряла виски.

— Может быть, ты даже собирался все ей рассказать, но она исчезла. Потом ты пришел к нам, и там была я.

— И что это, по-твоему, доказывает?

— Только то, что я уже сказала.

— Каким образом?

— Очень простым. От любви не хочется умереть, Вартас. От любви хочется жить.

Я кивнула в сторону, куда мы шли.

— Не будем заставлять Гордона ждать.

Коридор изогнулся еще двумя поворотами, а после раскрылся сводом-пещерой. Правда, поменьше той, где был медотсек, в отличие от просторного холодного помещения с медицинскими запахами, это место больше напоминало кабинет. Теплее здесь не было, и я понимала почему: организовать в таком месте вентиляцию достаточно затратно само по себе, а любой обогрев, от какого бы источника он ни шел, отлично сжигает кислород.

Гордон дожидался нас, стоя у стола, справа от которого на неровной стене распласталась карта. Я обратила внимание, что на ней красные, оранжевые и зеленые зоны. Зеленых почти не было.

— Нисса Мэйс, — мужчина кивнул мне на стоящий прямо под картой диван. — Присаживайтесь.

Я приблизилась к нему.

— Что это?

— Это интерактивная карта Ландорхорна, показывающая районы, охваченные переворотом.

— Оранжевые и красные, я так понимаю, те, куда лучше не соваться.

Гордон глянул поверх моего плеча на Вартаса, но я покачала головой:

— Он мне ничего не говорил до сегодняшнего дня. Просто электрошоковое общение в Подводном ведомстве здорово стимулирует мозговую деятельность.

— Мне жаль, что вам довелось это пережить.

— Мне тоже. — Я всмотрелась в карту: на ней пунктиром были отмечены синие коридоры, проходящие через весь город. Пятнадцатый, Четырнадцатый и Тринадцатый искрились сразу красным, оранжевым и синим. Внутри Второго круга синим было залито все.

— Предполагаемое распространение затопления, — произнес Гордон, оглаживая темную бороду, в которой серебрились нити седины.

— Вы так быстро ее составили? — Я посмотрела на него в упор. — После рассказа Лэйс?

— Мы составляли ее годами. — Он коротко посмотрел на меня, потом — снова на карту. — Когда-то мы и ныряльщики были единым целым.

Я повернулась к нему, забыв про карту.

— О затоплении Кэйпдора впервые заговорили лет двадцать назад. Я тогда был еще мальчишкой, немногим старше твоих друзей. — Гордон обошел стол и опустился в массивное старинное кресло, ножки скрежетнули по телу каменного пола. — Тогда наши мнения разделились. Кардинально. Кто-то говорил, что это то, чего заслуживают вьерхи, их семьи, привыкшие шиковать в роскоши. Кто-

то сомневался. Я примкнул к тем, кто был категорически против. Мы не считали, что насилие можно остановить насилием.

— То есть вы...

— Да. Когда-то я был ныряльщиком. Уходил под воду в поисках разгадки тайны установок вьерхов, ходил в рейды, обучал новеньких как обходить прибрежный патруль. Как и у большинства из нас, у меня была капсула с ядом на случай, если я попаду в руки Подводного ведомства.

Я прикрыла лицо руками и опустилась на диван. Правда, тут же их отдернула — почему-то этот жест показался мне невыносимо-беззащитным, а чувствовать себя невыносимо беззащитной перед мужчиной, которого я видела впервые в жизни...

— Мы — те, кто был категорически против, оказались в меньшинстве. Поэтому от нас решили избавиться.

— То есть... как?

— То есть так, — Гордон развел руками. — Из тридцати семи нас осталось двое. Я и мой друг, и то исключительно потому, что нам удалось сбежать и запутать следы. Мы выживали в лесах, как умели — среди диких зверей и ядовитых растений. Потом я остался один. С тайной, которая должна была стать началом конца известного нам Ландорхорна. Разумеется, в то время о полном затоплении города речи не шло.

— Это все сделали вы? — Я неверяще обвела взглядом импровизированный кабинет.

— Разумеется, нет. Я собирал команду долгие годы. Искал тех, кто был недоволен существующим строем, но не хотел массовых убийств.

— Достаточно для того, чтобы доверять нам, Вирна? — Голос Вартаса прозвучал глухо, но я все равно вздрогнула.

Я совершенно забыла о его присутствии, а он все это время стоял за моей спиной. Гордон усмехнулся.

— После всего, что с вами случилось, нисса Мэйс, я бы не доверял никому.

— Я и не доверяю. Но я точно знаю, что Дженну Карринг нужно остановить.

— В этом наши цели совпадают.

Цели.

Затопление Второго, уничтожение Кэйпдора, разрушение жилых районов — с одной стороны. И зачистка — с другой.

— Вы знаете про систему зачистки? — Я посмотрела Гордону в глаза.

— Система зачистки?

— Система безопасности вьерхов, запечатывающих Второй и Первый круги в чрезвычайных ситуациях? Позволяющая атаковать город без потерь среди своих.

Мужчина покачал головой.

— Нет. О таком мне неизвестно.

А Дженне?

Я хотела задать этот вопрос вслух, но не успела. Потому что поняла, что она хочет сделать: когда начнется зачистка, сработают заложенные ныряльщиками устройства. Когда на город пойдет волна — изнутри и снаружи, все решат, что это дело рук вьерхов. Затопленный Ландорхорн станет началом переворотов во всем Раверхарне. Если Кэйпдор — сердце нашего города, то Ландорхорн — сердце Единого государства. Спровоцировавшие столько массовых смертей вьерхи окончательно утратят авторитет, их просто сметут с лица земли, а Дженна станет народной освободительницей и Лидхом Картерном Новой эры.

— Мы обращаемся к вам за помощью, нисса Мэйс, — говорит Гордон. — Сейчас вы единственная, кто может подобраться к Дженне Карринг. Ей не известно о том, что вы говорили с Лэйсандрой, ей не известно, что вы знаете о нас. Только вы можете ее уничтожить. Только вы можете остановить бойню.

— Одна жертва против миллионов, — со смешком выдыхаю я.

Глава миротворцев моего «веселья» не поддерживает.

— Именно так, — отвечает он совершенно серьезно.

— Мне нужно подумать.

— Разумеется. Вартас проводит вас к вашим друзьям и сестрам.

— Мне нужно подумать там, где я могу побыть одна.

Гордон кивает, и Вартас протягивает мне руку.

— Пойдем.

Я даже не всматриваюсь в коридоры, которыми мы идем. Только когда останавливаемся перед очередным выходом в жилую капсулу наподобие медотсека или кабинета, Вартас говорит.

— Здесь мы собираемся, чтобы пообщаться, но пока все на обеде. Даже если кто-то попытается сюда сунуться, я сделаю так, чтобы тебя не потревожат. Вирна, — он удерживает меня за руку, хотя я уже почти шагнула к первой ступеньке выточенной из камня лестницы. — Ты не обязана это делать.

Я молча отнимаю руку и вхожу в очередной зал. Он даже больше медотсека, удобная система сообщающихся пещер для миротворцев стала новым домом. Здесь четыре дивана, расставленных по бокам, справа и слева от длинного низкого стола. Интерактивные экраны, сейчас погасшие, и тишина. Если не знать, что в коридоре остался Вартас и остальные, можно представить, что я оказалась в каменном мешке, который кто-то извращенно богатый отделал таким образом, чтобы уединиться от цивилизации.

Впрочем, уединиться от цивилизации — это то, что мне сейчас нужно. Я сажусь на диван, сбрасываю ботинки. Подтянув колени к себе, обхватываю их руками. Юбка Кьяны задирается до неприличия, но мне все равно. Я смотрю на царапины на матовом стекле стола. Они напоминают штрихи улиц Ландорхорна на той интерактивной карте, и она вспыхивает у меня перед глазами. Потом перед глазами вспыхивает город — тот, каким я видела его до переворота, и сегодня утром. Вспоминаю Кэйпдор: шумный, наполненный голосами студентов.

— С дороги, калейдоскопница! — Чей-то голос звучит в памяти так отчетливо, как будто это было вчера.

Неужели это то, за что мы готовы убивать? Лидх Картерн восстановил права вьерхов, Дженна станет править людьми, возвышаясь над вьерхами, как уже было когда-то. Пройдет две тысячи лет, и все повторится снова. А может быть, и нет.

Я смотрю на царапины на столе, пока от них не начинает рябить в глазах, а после утыкаюсь лицом в колени.

Глава 31. По другую сторону

Лайтнер К'ярд

Въерхам должны нравиться камни. Наша стихия земля, и под землей, возле земли мы должны чувствовать себя нормально. Ключевое слово должны, потому что я себя нормально здесь, в логове миротворцев, не чувствую. Особенно когда Мэйс уходит с патлатым и оставляет меня одного. Пусть даже меня окружает целая толпа или, как сейчас, несколько человек и одна въерха. Когда Вирна отдаляется, я чувствую себя бесконечно одиноким и настолько же бессильным.

Лира пытается ухватиться за мою руку, но я ее резко стряхиваю.

— Хватит! — говорю, почти рычу. — Я спас тебя, привел в безопасное место.

— В безопасное? К людям?

— Если хотела к въерхам, попросила бы кого-нибудь другого.

Глаза девушки становятся влажными и испуганными, но это вызывает у меня только раздражение. Хочется уйти, что я и делаю, двигаюсь в сторону одного из каменных коридоров. Мне нужно найти Кьяну и Хара.

— Лайт, я понимаю, что ты взвинчен, что тебя расстроила ваша ссора с Вирной, но мне сейчас дико страшно.

— Мне тоже! — рявкаю я, разворачиваясь к ней. — Представляешь? Город в руинах. Вокруг множество смертей. Я не знаю, что с моей матерью. Что с братом. Я сам вчера чуть не умер. Мне не просто страшно, Лира. Я в ужасе!

Она тянет руки, чтобы до меня дотронуться, но я отшатываюсь. Мне не нужны ее объятия. Все, чего я хочу — обнять Мэйс. Которая ушла вместе с Вартасом. Едх! Хочу, но не могу.

Лира все понимает, по моим глазам понимает, и отступает, обхватывает себя руками, будто мерзнет:

— Я думала, мы друзья.

— Мы друзья, — отрезаю я. — И только.

— Значит, я была заменой. Заменой Вирны Мэйс. На той вечеринке.

Сжимаю кулаки.

— Да. Я хотел сделать ей больно.

— А сейчас делаешь больно мне.

— Зато теперь ты знаешь, какой я.

Разворачиваюсь и ухожу в неизвестном направлении, в один из коридоров. Чувствую себя неблагодарной скотиной, потому что Лира действительно меня поддерживала, когда все от меня отвернулось. Когда от меня отвернулась Мэйс. Но лучше быть последним едхом, чем пытаться стать хорошим для всех. Плавал в этом, знаю.

Безумно хочется побыть одному. Если бы мне еще позволили!

Меня догоняет Бэк.

— Не ходи здесь один, К'ярд.

— Могу заблудиться? — огрызаюсь я.

— Нет, заставишь остальных нервничать. Нам сюда.

Мне все равно, кто там будет нервничать, но продолжать этот бессмысленный спор тоже не хочется.

Мы петляем по узким тоннелям, напоминающим катакомбы. Камень меня совсем не успокаивает, только заставляет сильнее нервничать. Одно прикосновение ладони вверх способно обрушить здесь все и погresti под собой всех нас.

Самое безопасное место совсем не безопасное.

Именно с такой мыслью я следую за миротворцем, и мы внезапно выныриваем в достаточно большой карман. Здесь стоят длинные столы, пока что пустые, на стенах висят темные экраны. Сейчас они выключены, но я прекрасно представляю, что показывают в новостях: выстрелы, взрывы, смерть. А может как раз ничего не показывают, чтобы скрыть то, что уже совершенно точно скрыть нельзя. Сейчас достаточно посмотреть в окно, чтобы узнать о новостях. Только здесь окон нет.

— Лайт!

Поворачиваю голову и замечаю за одним из столов Хара и Кьяну. Они сели в углу, но люди в столовой все равно бросают на них хмурые взгляды и отсаживаются как можно дальше. Боятся? Ненавидят?

Это злит гораздо больше созданного Дженной Карринг кошмара! Но я заставляю себя опуститься на скамью рядом с друзьями, оставить этих марун за спиной. Бэк за мной не идет, переговаривается с миротворцами за ближайшим ко входу столиком.

— Привет. Рад, что вы в порядке.

— Думал, что нас бросят в лесу? — Хар поднимает бровь, но привычного веселья в его голосе нет. На лице друга растерянность, настороженность. — Потому что я думал. Или просто забрасают камнями.

— Нас встретили, мягко говоря, не очень, — смущенно объясняет Кьяна.

Я холодею.

— Что они сделали?

— Тапеты отобрали несмотря на то, что сделал Родди. Обыскали. Хотели нас запереть, — с омерзением выплевывает Хар, — когда поняли, что на их базу попали вьерхи. Как будто мы зверье какое-то.

До меня доходит, почему Бэк меня провожал, и почему неизвестный мне миротворец буквально вталкивает Лиру в столовую. Он указывает ей на нас и что-то говорит.

— Их можно понять, — объясняет Кьяна. — Некоторые из нас не очень хорошо относятся к людям.

Хар сжимает кулаки.

— Я ко всем отношусь так, как они того заслуживают! За их поступки, а не за принадлежность к какой-либо расе.

Девушка мгновенно вспыхивает:

— Не все такие умные, как ты!

— Кто бы говорил, ньэстра Всех-понимающая.

Я смотрю то на одного, то на другого, и не могу поверить своим глазам:

— Ребят, у вас что, первая семейная ссора?

— Не твое дело! — одновременно шипят они на меня.

Лира опускается на скамейку рядом с Кьяной, на меня демонстративно не смотрит, говорит:

— Нам здесь не рады. Они забрали все мои вещи. Облапали меня всю!

— Это называется — обыскать, — поясняет Кьяна.

— Для людей это нормально?

Кьяна пожимает плечами, не скрывая, что от Лире она не в восторге.

— Потом я захотела пройтись, — продолжает Лира, — но мне и этого не позволили.

— Добро пожаловать в клуб! — зло хмыкает Хар. За что получает прищуренный взгляд от своей девушки:

— Я считаю, что нам нужно поблагодарить этих людей. Они предоставили нам убежище.

— Это больше похоже на тюрьму, — морщится Лира. — А что дальше?

— Хороший вопрос, — подхватывает Хар, на этот раз без тени усмешки или издевательского тона. Он абсолютно серьезен и смотрит на меня: — Мы здесь, пока Мэйс этого хочет, — он кивает на людей, — и пока они хотят Мэйс.

На этот раз прищуриваюсь я:

— Перестаньте накручивать себя! Нам ничего не угрожает. Если бы угрожало, мы бы здесь не сидели.

— А ей? — интересуется Кьяна, они с Харом снова неосознанно объединяются. — Для чего она им?

— Для чего-то серьезного, — подхватывает друг, — раз ради этого они готовы терпеть здесь ненавистных им вьерхов.

Сердце будто сжимают в стальной кулак, меня сковывает страх, не за себя, а за Вирну. Я видел, на что способны они с сестрой. Они — оружие, которого ни у ныряльщиков, ни у миротворцев никогда не было. Любой захочет, чтобы к нему примкнули лиархи.

Только Мэйс не оружие! Она моя девушка.

Я поднимаюсь. Хватит, я дал ее время остыть. Пообщаться с семьей. Этого достаточно.

Если, конечно, ее не заманили в какую-нибудь ловушку.

— Я найду ее.

Подхожу к столу с миротворцами, за которым резко повисает тишина. Среди них нет Бэка, но есть парень, что привел Лиру.

— Где Вирна? — спрашиваю без предисловий.

— Кто? — интересуется миротворец, который явно старше остальных парней и по возрасту, и по статусу.

— Моя девушка. Вирна Мэйс. Отведите меня к ней.

— Уилл сказал всем вьерхам сидеть здесь. Значит, сиди, К'ярд.

— Откуда ты меня знаешь?

Я смотрю в светлые глаза и вижу в них ненависть.

— Тебя показывают по всем каналам. Вернее, показывали. Сейчас благодаря твоему отцу там ничего не показывают.

— Мой отец не устраивал революций.

— А надо было.

Я сжимаю кулаки: руки так и чешутся ударить в пол, чтобы по нему пошла трещина и утащила в недра гор этого едха. И разжимаю пальцы, потому что горные породы легко потревожить, а вот остановить потом сложнее. Моих сил и умений может не хватить.

— Я не отвечаю за действия своего отца.

— Оно и видно, К'ярд. Ты даже за своей девчонкой уследить не можешь.

Я не могу воспользоваться силой вверху. Зато могу набить ему морду!

Я делаю шаг и готов разукрасить его так, что родная мать не узнает. Он видит это в моем взгляде и поднимается.

— Клайтнер! — В меня врежется миниатюрный огненный смерч Тай, пресекая мои кровожадные планы, и рядом с этой яркой, радостной рыбкой ярость мгновенно испаряется. Мы с миротворцем только обмениваемся взглядами, о которые можно пораниться, но мне до него уже нет дела, я опускаюсь рядом с младшей Мэйс.

— Привет, малышка. Скажи, где Вирна?

— Она с Лэйс, — тут же выдает все тайны ребенок. — Мы пришли на обед.

— А Вирна придет?

— Конечно!

Значит, я зря себя накручиваю.

Я вижу вошедшую в столовую Митри и улыбаюсь ей. Несмотря на все что происходит, почему-то улыбаться сестрам Мэйс получается легко и искренне.

— Сядешь со мной? — спрашивает малышка.

— Я сижу там. С Кьяной и Харом.

— Тогда я сяду с вами. — Тай деловито направляется к нашему столику для вьерхов, влезает между Лирой и Кьяной и обнимается с последней, а после к ним присоединяется Митри.

Уверен, такого миротворцы еще не видели!

Их лица вытягиваются, а кулаки сжимаются. Они следят за каждым нашим движением, но, если честно, мне уже плевать. Я

возвращаюсь, сажусь рядом с Мит, вполоборота, чтобы видеть вход в столовую.

Зал понемногу заполняется миротворцами, конечно же, среди них только люди, но я этому не удивляюсь. В какой-то момент вкатывают тележки с башнями тарелок и большими контейнерами, стоит подняться крышкам и умопомрачительному аромату поплыть по комнате, общий интерес сосредотачивается на еде. Я пытаюсь вспомнить, что и когда ел в последний раз, и вспоминаю только энергетический батончик перед вылазкой в Подводное ведомство. Мне тогда нужны были силы, но его вкуса я не почувствовал. У миротворцев простая еда: лапша с расплавленным сыром, овощные оладьи, хлеб, и это самое вкусное, что я ел за последнее время. Моя тарелка становится пустой за несколько минут.

— Жду не дождусь, когда ты познакомишься с Лэйс, — говорит Тай, кажется Кьяне. Они вообще успели подружиться за один вечер и утро, но сейчас это проходит мимо меня. Все мои мысли исключительно о Вирне и о том, где она. — Она тебе понравится.

— А я ей понравлюсь?

— Конечно!

— Уверена? — вклинивается в разговор Лира. В отличие от остальных, она поковырялась в лапше и съела только оладьи. — Мы все-таки вьерхи.

— Ну и что? — вздергивает нос Митри. — Вирна встречается с Лайтнером, а он хороший человек, пусть даже вьерх.

Я усмехаюсь этому сравнению. Что бы сказал отец, когда узнал, что меня называли хорошим человеком?

Друзья заканчивают обед, и не только друзья: все миротворцы понемногу складывают тарелки на специальную тележку и расходятся, а Мэйс все не появляется.

Где она?

— Митри, — обращаюсь к девочке, — где Лэйс? Ты можешь отвести меня к ней после того, как закончишь?

— Конечно, — кивает она и отодвигает тарелку. — Я уже закончила.

Я поднимаюсь, но Хар перехватывает меня за руку.

— Уверен, что не стоит подождать ее здесь, брат?

— Нет. Я нужен ей, пусть даже Вирна в этом ни за что не признается.

Проходя мимо тележек с едой, интересуюсь у разносчика:

— Я могу взять что-то с собой? Вирне Мэйс тоже нужно поесть, но кажется никто об этом не догадался.

Тучный парень смотрит на меня неприязненно, но все-таки отвечает:

— Я заверну хлеб.

— И оладьи. Они у вас остались, я видел.

— Хорошо, — он вытаскивает термоконтейнер и складывает туда большую порцию еды.

— Спасибо.

Когда мы с Митри выходим, нас не останавливают, хотя и цепляют хвост в виде высокого и тощего, как палка, миротворца. При желании я его одним ударом перешибу, если захочу. Но я не хочу. Я хочу к своей Мэйс.

— Вирне с тобой повезло, — говорит Мит, кажется, она ориентируется в этих коридорах даже лучше меня.

— Почему?

— Ты красавчик.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Все равно здесь неинтересный потолок.

— Заботливый и бесстрашный. Я бы тоже хотела, чтобы меня спасли из Подводного ведомства!

— Я не бесстрашный, Митри. Мне до едха было страшно за себя.

Средняя Мэйс раскрывает от удивления рот:

— Тогда почему ты туда пошел?

— Потому что за Вирну мне было страшнее.

Равно как сейчас страшно за наши отношения.

Она ведь по-прежнему не верит, что из-за нашей едховой несовместимости у нас что-нибудь может получиться. Смогу ли я доказать, что она ошибается?

В медотсеке нас, в частности меня, ждет неприятный сюрприз — Лэйс спит, а по словам медика, Вирна давно ушла.

— Вместе с Вартасом.

Кто бы сомневался, что белобрысый едх от нее не отходит. У него есть своя Мэйс, которую он так торопился сюда привезти, какого он

привязался к моей?

— Куда?

— Откуда мне знать, — пожимает плечами женщина.

«На помощь» приходит наш молчаливый сопровождающий:

— Они или у Гордона, ну или в гостевой, — ухмыляется он. —

Мы ее используем, если надо пообщаться всем вместе или побыть с кем-то наедине.

Учитывая, что среди миротворцев я видел девушек, а судя по благоустройству этих пещер, здесь многие живут, то намек более чем прозрачен.

— Проводи меня.

— Куда?

— Для начала в гостевую, и если Мэйс там нет, то к Уиллу.

Я говорю спокойно, насколько это вообще возможно, вежливо, но кажется, этому человеку все равно.

— Тебя не приглашали к Гордону, К'ярд! — Он складывает руки на груди. — Тебя вообще сюда не приглашали.

— Я заметил, что у вас с гостеприимством напряженка. Не волнуйся, я только заберу свою девушку, и мы уйдем. Все уйдем.

Бледное лицо миротворца наливается красным.

— Если она захочет с тобой идти.

Запас моего спокойствия практически исчерпан. Его осталось на доньшке. Я слишком устал от всего этого.

— Мне искать ее самому?

— Ты мимо меня не пройдешь, — уперся этот самец маруны, а мне стало смешно.

— Парень, я вьерх, и мы сейчас в скале. Проводи меня к Вирне Мэйс, или я сделаю так, что тебя потом долго будут выпиливать из камня.

Теперь он бледнеет и косится на стены.

— Это угроза?

— Предложение устроить незабываемые впечатления.

Миротворец кривится, но все-таки кивает:

— Пойдем.

Я двигаюсь следом.

— Напряженненько, — взволнованно шепчет Митри за спиной. — Ты крут, Лайтнер!

Я едва не забыл про среднюю сестричку, которая теперь в моей команде.

— Возвращайся в столовую, — прошу я.

— И пропустить шоу, как ты закатаешь Вартаса в скалу? Ни за что!

— Я не собираюсь никого закатывать в скалу.

— Правда?

— Не знаю.

Я действительно не знаю. Я доверяю Вирне, но не этому белобрысому едху.

— Тогда тем более остаюсь, — хмыкает девочка.

— Ты бойкая, Мит. Надо тебе познакомить с моим братом, ты бы его немного растормошила.

— А сколько ему?

— Одиннадцать.

— П-ф-ф. Он слишком маленький.

Кто бы говорил!

Впрочем, не представляю, как Джуборо отреагирует на знакомство с простой девчонкой с Пятнадцатого. А как поведет себя Митри? Сегодня я увидел достаточно: как люди смотрели на нас, вьерхов, и как вьерхи смотрели на людей. Не все готовы понять и принять другую сторону. Это значит, война неизбежна?

Но простой разговор с Митри заставляет меня отвлечься. Ненадолго. Оказывается, до их гостевой всего несколько поворотов. И для начала я вижу подпирающего стену Вартаса. Моей Мэйс рядом не наблюдается. Это и обнадеживает, и заставляет меня беспокоиться о ней.

— Где Вирна?

— Она не хочет никого видеть, К'ярд. Особенно тебя.

— Откуда тебе знать, чего она хочет?

— Вирна сама об этом сказала, — он кивает на арку. — Ей нужно побыть одной.

Она там одна?! Да вы все издеваетесь!

— Едх тебе заberi! — рычу я, и чувствую, как вибрирует земля под моими шагами, когда ядвигаюсь к Вартасу. — Мэйс отработала ночную смену, потом ее упекли в Подводное ведомство и пытали, чуть

не убили сестру у нее на глазах, а после она увидела весь этот кошмар на улицах Ландорхорна. Вирна — не солдат, белобрысый, она просто девочка, какой бы необычной она не была. А ты даже не покормил ее, едхов миротворец!

Камень идет волнами, с потолка сыпется крошка. Вартас бледнеет и вскидывает руку.

— Полегче, К'ярд. Ты ничего не понимаешь.

Это я ничего не понимаю?!

— С дороги! — Я действительно готов впаять его в скалу и оставить там, но из арки вылетает синеглазка:

— Лайтнер?! Что ты делаешь?

Вирна такая бледная, растерянная, беззащитная, но теперь она рядом со мной. Бурлящая во мне сила разом отступает, схлопывается, и камень под ногами приобретает первоначальный вид.

— Я пришел к тебе и принес еду.

— Еду? — Она только сейчас замечает контейнер в моих руках.

— Да.

— Почему тогда трясся пол?

— Потому что Лайт показал мастер-класс! — восторженно пищит Митри, практически как Тай. Оборачиваюсь, и понимаю, что второй парень оттащил мелкую подальше.

Мы с Вартасом переглядываемся, и он выплевывает:

— Слабо сразиться со мной честно, К'ярд? Без твоих фокусов.

— Я к твоим услугам, но позже. — Делаю шаг к Вирне. — Мне нужно поговорить со своей девушкой.

Теперь смотрю только на нее. «Не вздумай прогонять меня, Мэйс!» — говорю взглядом.

Она колеблется, и я добавляю:

— Пожалуйста.

Выдыхаю облегченно, когда Вирна отступает в сторону комнаты, приглашая меня идти за ней.

Глава 32. Только ты

Вирна Мэйс

Это поразительно, но именно при виде контейнера с едой я вспоминаю, когда ела в последний раз. Кажется, чуть меньше двух суток назад и, похоже, все это время я прожила на воде и адреналине. Хотя с водой тоже напряженка, если так можно выразиться в моем случае.

С губ срывается смешок, и Лайтнер интересуется:

— Я сказал или сделал что-то смешное?

Лучше бы что-то смешное.

— Нет, — я киваю на еду. — Давай это сюда.

У нас самые неправильные отношения изо всех, которые только можно себе представить. На миг кажется, что еда из меня попросится обратно, стоит откусить хотя бы кусочек, но стоит мне открыть крышку, как я забываю обо всем. Вообще обо всем, а прихожу в себя уже когда облизываю пальцы под пристальным взглядом Лайтнера.

Контейнер пустой. А я, наверное, выгляжу очень дикой и очень невоспитанной, хотя кому какая разница.

— Что? — интересуюсь я, думая о том, что салфетка даже мне явно не помешала бы.

— Ничего. Я ел так же. Только что говорил с Харом и Кьяной, а очнулся, когда еда уже кончилась.

— Как они?

— Они — нормально. Это же Хар и Кьяна.

Звучит так, как будто он говорит: «Это образец благоразумия и идеальных отношений». Но даже в самом образцовом образце бывает всякое, особенно в такой ситуации. Вспоминаю о ситуации и ставлю контейнер на стол, пожалуй, слишком резко.

— Спасибо.

— Не за что.

Кажется, мы оба не знаем, о чем говорить дальше, а если бы даже и знали, что бы это изменило?

— Мне...

— Я хотел...

Мы произносим это одновременно, поэтому одновременно замираем. Лайтнер кивает, но я подаюсь назад, вжимаюсь в уютный угол дивана.

— Говори первый.

— Первый так первый. Я хотел сказать, что мне сейчас до едха сложно, Вирна. Мой мир рушится с такой скоростью, что я за ним просто не успеваю. Ни за ним, ни за событиями, ни за чувствами.

Лайтнер замолчал, но, судя по всему, только потому что ему было сложно подбирать слова. В этом я его понимала, потому что у меня на эту тему вообще слов не было.

— Я просто пытаюсь все делать правильно, но не всегда получается. Раньше я таким вообще не заморачивался. Честно говоря, раньше я вообще ничем не заморачивался. До тебя. Я не думал о том, как живут люди. Я не думал о чьих-то чувствах. О своих, к слову, я тоже не думал, — все это он говорил, глядя куда-то за мое плечо, но сейчас посмотрел на меня. — Ты меня этому учишь. Чувствовать. Точнее, я этому учусь рядом с тобой. Точнее... Едх!

Он вздохнул, взъерошил волосы и снова посмотрел на меня.

— Все не то. Я люблю тебя, Вирна Мэйс, и это сводит меня с ума. Потому что я этого не умею.

Я молчала. Не знала, что еще сказать. Я очень многое сказала ему там, на берегу (это было вчера, а по ощущениям, несколько лет назад), но сейчас во мне как будто перекрыли краник со словами.

— Ничего не скажешь? — Его глаза на миг стали ярче.

Я плотно сжала губы.

— Ладно. — Он поднялся. — Если захочешь поговорить...

— Я тоже этого не умею, — это получилось как-то само собой. — Я и в лучшие времена этого не умела. Ты вообще стал первым парнем, которого я к себе подпустила. Которому позволила до себя дотронуться.

Парадокс или насмешка судьбы, но единственный парень, которому я позволила до себя дотронуться, до меня дотрагиваться не может.

Я поднялась, шагнула к нему.

— Но я не представляю, что нам делать дальше. Даже если отбросить все, что сейчас происходит... наша несовместимость никуда

не денется. Она не рассосется сама собой. Мы не сможем быть вместе, по крайней мере, как нормальная пара.

— Где мы, и где нормальность? — Он неожиданно усмехнулся и положил руки мне на плечи. — Я тебя касаюсь. Видишь? Я могу тебя обнять.

Лайтнер привлек меня к себе так неожиданно, но так осторожно, что я едва успела вздохнуть. Сейчас, правда, дышать хотелось еще глубже. Дышать им. Полной грудью.

— В воде мы друг друга не обжигаем, и, если понадобится, я буду жить с тобой здесь — только чтобы иметь возможность тебя касаться. Или тебя целовать.

Он говорил, и его слова отдавались во мне, я их чувствовала. Буквально. Потому что сейчас прижималась к нему всем телом.

— Зимой океан холодный, — сказала я.

Его смешок тоже ударил в меня. В самое сердце.

— Значит, буду ждать лета. Мне все равно, сколько придется ждать, и где придется жить. Вчера утром я ездил тебе за костюмом.

— За костюмом? — я отстранилась, чтобы заглянуть ему в лицо.

— Да, за таким же, как есть у меня, в котором я покорял волны.

— Зачем?

— На случай, если бы нам пришлось бежать из Ландорхорна. В том числе вплавь.

Я не нашлась, что ответить.

— Я просто хочу быть с тобой, Вирна Мэйс. Неважно, где и неважно как, но я сделаю все, чтобы мы были счастливы.

А вот сейчас просто не успела, потому что со стороны арки, через которую мы пришли, донесся шум и повышенные голоса, в одном из которых я узнала голос Кьяны. Мы с Лайтнером обернулись одновременно, как раз в тот момент, когда она вбежала к нам:

— Вирна... Лайт... — Я никогда раньше не видела Кьяну в таком состоянии. Она не плакала, но в глазах плескался самый что ни на есть настоящий страх. — Там...

Мы бросились к ней, не сговариваясь.

— Что? — резко поинтересовался Лайтнер. — Что случилось?

— Лира... она попыталась уйти. — Кьяна указала в сторону арки. — Пойдемте. Скорее!

Она выбежала в коридор, мы — за ней.

— Какого едха здесь творится?! — прорычал Лайтнер.

Вартас сделал вид, что к нему это не имеет никакого отношения.

— Вартас!

— Твоя знакомая пыталась уйти. Ее поймали, — прокомментировал он. — Что предсказуемо. Твой друг за нее вступился...

Дальше я уже не слушала. Кажется, мы с Лайтнером бежали чуть ли не впереди Кьяны, а все, кто попадался нам на пути, провожали нас настороженными, злыми взглядами. Я ожидала увидеть драку или что-то вроде, но точно не то, что увидела. Не стоящих на коленях Лиру и Хара, руки которых были заложены за голову, и уж точно не нацеленное на них оружие.

Лайтнер рванулся вперед, но я перехватила его за руку.

— Какого едха?! — Мой голос звенел от напряжения и плохо сдерживаемой ярости.

Некоторые миротворцы обернулись к нам, расступились, и я увидела, что у Хара рассечена скула, а один глаз заплыл. Кьяна ахнула и бросилась к ним, но ей пройти не позволили.

Я же шагнула вперед.

— По какому праву вы так обращаетесь с моими друзьями?!

— С какой стати мы должны тебе отчитываться? — поинтересовался один из миротворцев. Вид у него был такой, будто он не прочь продырявить всех нас разом. — Ты, если не ошибаюсь, спуталась с вьерхом? Не считая того, что была ныряльщицей и работала с Карринг?

— Историю знаешь хорошо, молодец, — процедила я и сдвинула пальцы на запястье Лайтнера. — В таком случае, ты еще должен знать, что мы здесь по приглашению Гордона Уилла, и что я и мои друзья неприкосновенны. Если, разумеется, вам нужна моя помощь.

Не дожидаясь ответа, я отпустила запястье Лайтнера и шагнула в круг, следом за мной туда бросилась Кьяна. Она помогла Хару подняться под недовольный ропот, я протянула руку Лире. Правда, тут же вспомнила про свою особенность и наклонилась, чтобы поддержать ее под локоть, но она стряхнула мои пальцы. Глянула на меня с такой ненавистью, что желание помогать ей отбила на всю последующую жизнь.

— Что здесь происходит?! — Голос Гордона прозвучал очень вовремя: я всей кожей ощущала растущее вокруг нас недовольство, а глаза у Лайтнера и Хара стали подозрительно огненными.

— Здесь, — я перебила всех, кто попытался начать до меня, — происходит то, что ваши люди напали на моих друзей. Тех, кого я добровольно привела сюда и доверила вам.

— Она пыталась сбежать! — выкрикнул кто-то.

— Я хотела подышать воздухом! — заорала Лира. — Я боюсь замкнутых помещений! Мне надоела ваша ненависть! Я не могу здесь больше находиться!

Она приложила ладони к лицу и разрыдалась, а я приблизилась к Гордону Уиллу. Вплотную.

— Со мной здесь, — процедила ему в лицо, а следом обвела взглядом остальных, — только мои друзья. Те, кому я доверяю, как самой себе. Если у вас с этим проблемы, скажите — и мы уйдем. Все вместе.

Глаза Гордона сверкнули, тем не менее он взглянул на своих подчиненных.

— Кто из вас это начал?

— Но мы поймали ее в подземном коридоре...

— Я спрошу еще всего один раз: кто все это начал?!

Вперед выступили двое: девушка и два парня. У парней, к слову сказать, тоже был достаточно потрепанный вид — не считая взлохмаченных волос, у одного была рассечена губа, у второго из носа торчали тампоны. При этом он еще морщился, держась за ребра.

— Она попросилась в туалет, — хмуро объяснила коротко стриженная девица. — Потом попыталась сбежать, мы догнали ее в коридоре, притащили сюда...

— За волосы, — всхлипнула Лира: коротко, рвано, а потом опять сорвалась в плач.

— Это правда? — Гордон посмотрел на них в упор.

— Это правда, — за миротворцев ответил Хар. Он обнимал Кьяну и смотрел жестко. — Когда я за нее вступился, на нас набросились остальные.

— Вы трое, ко мне в кабинет, — Гордон посмотрел на тех, кто все это спровоцировал. — Остальные...

Ли́ра сползла на пол. Она рыдала так, что ее колотило: когда Кьяна опустилась рядом с ней и попыталась ее поднять, ей это не удалось, зато затрясло еще и Кьяну. Из-за рыданий, которые заставляли содрогаться сразу двух девушек, едва удалось расслышать чей-то голос:

— Ей нужно в медотсек.

— Мне не нужно в медотсек! — завизжала Ли́ра так, что у меня заложило уши, а ее крик заметался под сводами пещерного камня. — Я хочу подышать воздухом! Просто уйти от вас всех, хотя бы ненадолго! Я что, многого прошу?!

— Нам нужно на воздух, — я посмотрела на Гордона. Поскольку он мгновенно нахмурился, добавила: — Под мою ответственность.

— Ради моря! — выдохнула Кьяна. — Вы нас обыскали с ног до головы! Или вы думаете, что мы что-то припрятали в лесу по дороге сюда?!

— Я пойду с ними, — вперед шагнул Вартас. — Если хочешь, возьму с собой еще людей.

— Хорошо, — коротко обрубил Гордон. — Когда вернетесь, нисса Мэйс, я жду вашего ответа.

Он вышел, за ним потянулись трое зачинщиков. Кьяна и Хар помогли Ли́ре подняться, кто-то из миротворцев даже протянул ей салфетку, но она отшатнулась. Я впервые за все это время выдохнула и посмотрела на Лайтнера: у него на скулах играли желваки, а руки он сжал так, что побелели пальцы.

— Где Митри и Тай? — спросила я у Кьяны.

— Они попросили, чтобы их отвели к Лэйс. Сказали, что будут сидеть тихонечко и не потревожат ее.

— Хорошо. Пойдем? — последнее уже относилось к Лайтнеру.

Я коснулась его руки, чтобы поймать жесткий, напряженный взгляд.

Обратный путь в лес показался мне короче, а может быть, мы просто быстрее шли. Оказавшись на поверхности, вдохнув влажный, морозный воздух, я повернулась к Лайтнеру, чтобы продолжить наш разговор. Не получилось.

— О чем вы говорили с Гордоном? — В глазах его разгорался огонь вверху. — Какого ответа он ждет?!

Я посмотрела на остальных: Кьяна и Хар стояли рядом с Лирой. Он отдал ей свою куртку — накинул поверх ее пальто, чтобы помочь согреться, а сам грелся о Кьяну, которая обхватила его руками и прижалась крепко-крепко. Вартас и еще двое миротворцев стояли чуть поодаль, но я все равно невольно понизила голос:

— Они хотят, чтобы я помогла устранить Дженну.

— Что?!

— Она лиарха, — пояснила я. — К тому же, абсолютно безумная. Она собирается разрушить город, начиная с Кэйпдора. Используя подземные воды, которые находятся под Ландорхорном.

— Так, — Лайтнер вскинул вверх руки. — Я уже говорил, что в моей жизни все происходит очень быстро. Поэтому помедленнее, пожалуйста. С самого начала. И по порядку.

Я вздохнула. Снова посмотрела на Хара с Кьяной, шагнула к нему ближе и обняла.

— Под Кэйпдором существует подземное море. С него Дженна хочет начать, а после — затопит весь Ландорхорн...

Я рассказала ему все, что мне рассказала Лэйс. Все свои догадки про то, что зачистка станет сигналом ко взрывам и окончательной катастрофе. Про то, что (предположительно) Дженна рассчитывает делать дальше. Наверное, если бы я столько говорила про свои чувства, особенно сразу, мы бы избежали многих проблем, но про проблемы мировые у меня получалось говорить гораздо лучше. Когда я закончила, у меня даже слегка першило горло, а Лайтнер долго молчал. Гладил меня по спине — это был самый приятный на свете жест, и молчал. А я думала о том, что, если бы можно было задержаться в этом моменте, остановить его, заморозить время — я бы это сделала.

— Значит, они хотят, чтобы ты помогла им. Именно поэтому мы здесь и удостоены такой чести.

Я промолчала.

— По-моему, нам пора выдвигаться в сторону эйрлата.

Я запрокинула голову:

— Что?

— Я лучше закопаю их всех, чем позволю тебе рисковать собой.

Он сказал это так, что без вопросов становилось понятно: не позволит. Причем не позволит именно в том самом ключе, когда это не

обсуждается, потому что Лайтнер К'ярд так сказал. Я слишком хорошо знала эти интонации.

— Лайтнер, ты меня слышал? Она безумна! Она...

— Она — да. Ты — нет, — он произнес это как отрезал. Даже взгляд его стал более жестким, как застывающая лава. — Ты не убийца, Вирна. Надеюсь, ты это понимаешь? Если они решили, что могут использовать тебя в своих целях, я им объясню, что они ошибаются.

— Но...

— Есть другой способ. Я могу пойти к отцу.

— О да. Это определенно решит все наши проблемы. Особенно проблемы зарядов, заложенных под Ландорхорном!

— Расскажи мне, как их решит смерть Дженны. Которая, кстати, сейчас сидит в «Бабочке» и ждет, когда ты придешь к ней в гости. Ты серьезно думаешь, что сможешь ее найти?

— Я думаю, что меня захочет найти она. Зачем-то я была ей нужна.

— Нужна. Чтобы устроить революцию. О чем мы вообще говорим?! Ты к ней не пойдешь — и точка.

— Значит, пусть Ландорхорн будет разрушен?! — Я чувствую, что начинаю заводиться, упираюсь ладонями ему в грудь. — Пусть миллионы погибнут, потому что я...

— Потому что ты — что? — Он хватает меня за плечи и встряхивает. — Вирна, опомнись. Дженна — убийца. Она так или иначе реализует свой план, если она умрет, его реализуют ее помощники. Мы не сможем это остановить. Если только...

— Если только?

— Если только я не пойду к отцу. Если остановить зачистку, ее план полетит ко всем едхам. Она уже не сможет выглядеть защитницей, она станет убийцей. В глазах своих людей в первую очередь. Ей либо придется менять планы, либо превращать Ландорхорн в филиал Дна без оправданий вроде жестокости вьерхов. Но если отец узнает про Кэйпдор...

— Ты не хочешь отпускать меня к Дженне, но хочешь, чтобы я отпустила тебя к отцу? — уточняю я.

— Он — мой отец, — его взгляд становится еще жестче. — Он меня выслушает.

— Как слушал тебя всегда? — Я поднимаю руки вверх. — Лайтнер, тогда почему ты с нами сейчас? Почему в Подводное ведомство пришел ты, а не Диггхард К'ярд с приказом просто меня освободить? Он, или его люди? Правда в том, что...

Я качаю головой.

— Он такой же, как Дженна.

— Не смей так говорить о моем отце.

— Хорошо. Не стану. Просто спроси себя, почему ты не пошел к нему изначально, — я отстраняюсь, но он перехватывает меня.

— Вирна. Не уходи. Я не хочу сейчас с тобой ссориться.

— Я тоже не хочу. Но есть правда, которой нужно смотреть в глаза. Ты веришь, что он согласится отменить зачистку? Что ему не плевать на людей?

— Это угроза не только людям! Вьерхам. Первому, Второму... всем — от первого до последнего жителя Ландорхорна. Мой отец может быть кем угодно, но он не станет обрекать на смерть всех.

Я не хочу с ним спорить. На самом деле, я больше всего хочу, чтобы он оказался прав. Пусть Диггхард К'ярд смотрит на людей, как на грязь под ногами, пусть он сделал все, чтобы нас разбросало по разным полюсам наших миров, но, если он сможет это остановить... я безумно хочу в это верить. Если сил остановить это нет у него, тогда у кого они есть? Я проговариваю это про себя снова и снова, снова и снова, и мне становится немного легче.

Может быть, действительно есть другой выход? Может быть, получится остановить Дженну иначе? Не так, как предлагает Гордон?

— Ты меня почти убедил, — говорю я.

— Почти?

— ... надоело! Я не хочу возвращаться! Зачем?! К этим... которые нас просто избили?! Ты такой всепрощающий, Хар?! Оглянись — мы в лесу, и они могут сделать с нами все, что захотят, и никто ничего не узнает. Да тут минут десять только идти до этих пещер под землей! Этот их бункер... они там власть. А мы бессильны, потому что не можем даже воспользоваться своей силой, чтобы нас не завалило камнями!

Лира размахивает руками, потом указывает на Вартаса:

— Думаете, они с нами заодно? Когда она, — на сей раз ее палец упирается в меня, — сделает все, что они захотят, что сделают с нами? Или, может, ты уже это знаешь?! Лиарха?!

Последнее она просто выплевывает, но ее обрывает Кьяна:

— Достаточно, Лира. Вирна ни в чем не виновата.

— Она никогда ни в чем не виновата, — цедит она.

Лайтнер шагает было к ним, но на этот раз я перехватываю его.

— Хватит, — говорю тихо.

— Хватит?

— Хватит ссор. Хватит ругани. Сейчас мы вместе пойдем к Гордону и обсудим то, что ты предлагаешь. Возможно, у него есть план расстановки зарядов или хотя бы какие-то наработки на эту тему, не просто же так миротворцы следят за ныряльщиками. Должен же у него быть план по нейтрализации бомб после устранения Дженны.

— Надеюсь, что от них хоть какой-то прок будет, — рычит он, глядя на Хара, а после снова смотрит на меня. Его взгляд смягчается, и это мгновение я тоже стараюсь поймать. Сохранить в памяти. Такие драгоценные мгновения близости, в которых я просто теряюсь. Тону.

Возможно, он чувствует что-то подобное, потому что тянется к моей щеке, но за миг до прикосновения сжимает пальцы в кулак.

— Так что? — спрашивает Лайтнер. — Ты согласна жить со мной на берегу океана? В продуваемом всеми ветрами домике, пока я не придумаю, как сделать его посolidнее?

То ли напряжение выходит, то ли просто сама мысль о Лайтнере К'ярде в продуваемом всеми ветрами домике кажется мне нереальной, но с губ срывается смешок.

— Я так жила всю жизнь, — замечаю я и касаюсь прядки его волос. — А ты сможешь?

— Если рядом будешь ты — запросто.

Я смеюсь.

— Погоди. Ты еще не спал на старом скрипучем диване возле окна, которое очень любят зимние ветра.

— Будет повод попробовать что-то новое, — Лайтнер тоже улыбается. — Главное, что мы будем вместе, все остальное неважно. Только ты.

— Возвращаемся!

Голос Вартаса врывается в наш ненадолго ставший одним на двоих мир слишком резко. Меня награждают яростным взглядом, после чего указывают в сторону откинутой крышки.

На этот раз Лайтнер спускается первым, внизу протягивает мне руку. Я уже автоматически кладу ладонь на его запястье поверх одежды. Возможно, он прав, и к этому можно привыкнуть? Можно привыкнуть к тому, чтобы чувствовать через одежду? Чтобы целовать друг друга в океане, в сбивающих с ног волнах. К тому, чтобы минуты близости были такими, как сегодня утром у нас?

Я правда начинаю в это верить, и это... еще страшнее, чем верить в то, что ничего не получится. Я понимаю это только когда сердце пропускает удар.

Я безумно хочу быть с ним, и так же безумно этого боюсь.

Что, если мы разрушим друг друга? Своей силой.

К счастью, сосредоточиться на этой мысли не успеваю: мы снова приходим в столовую.

— Гордон сказал...

— Гордон сейчас занят, — отрезает один из миротворцев. — Так что ждите.

— Я могу проводить тебя к сестрам, — теперь Вартас демонстративно на меня не смотрит.

— Нет, спасибо.

— Все? Твоя семья тебе больше не важна?

А вот теперь смотрит: напряженно, прищурившись. Зло.

— Они тоже моя семья. — Я подаюсь назад, и Лайтнер кладет руки мне на талию. Прижимаясь спиной к его груди, я чувствую себя в безопасности. А еще — как будто меня захлестывает волна: безумная, высокая, способная увлечь на глубину или поднять над землей до неба. Это совершенно точно не страх. Это — восторг и бесконечное, безграничное новое чувство единства.

Смотрю на Хара с Кьяной:

— Все они.

Лиру я, разумеется, не имею в виду, но она и отсаживается от нас подальше.

Вартас морщится и уходит, а мы вчетвером размещаемся за одним столом.

— Что, можно выдохнуть? — хмуро интересуется Хар.

Кто-то из миротворцев предлагает ему пройти в медотсек, но он смотрит в его сторону так, что парень тут же испаряется.

— Относительно, — отвечает Лайтнер.

Потом он пересказывает друзьям все то, что ему рассказала я, и по мере того, как Кьяна и Хар становятся все более серьезными, я почему-то наоборот расслабляюсь. Возможно, именно потому, что понимаю: они действительно на моей стороне, а может быть, потому что все мы сейчас здесь, и мы в безопасности. В относительной безопасности, здесь и сейчас, равно как и мои сестры, но это уже гораздо больше, чем было у меня вчера.

— Мы пойдем к этому Гордону все вместе, — говорит Хар, когда Лайтнер заканчивает объяснять.

Кьяна кивает.

— Ты всерьез собиралась это сделать? — спрашивает она у меня.
— Пойти туда, к ней?

— Нет, — за меня отвечает Лайтнер. — Просто Вирна очень любит взвалить на себя больше, чем способна утащить.

— Эй!

— Гордон тебя ждет, — прерывает наш разговор приблизившийся миротворец.

Мы поднимаемся все вместе.

— Я сказал: тебя.

— Мы идем все вместе, — я смотрю на него в упор. — Или не идем.

В итоге мы идем все вместе, но едва переступаем порог кабинета Гордона, он складывает руки на груди.

— Я приглашал тебя одну, Вирна.

Это последнее, что он говорит до того, как земля под ногами содрогается. С такой силой, что меня швыряет к Лайтнеру, он едва успевает меня подхватить. Дрожь прекращается, но лампы отчаянно мигают, и перед глазами пещера все еще ходит ходуном. Тем не менее сверху не сорвалось ни единого камушка, это меньше всего похоже на землетрясение. Еще до того, как Хар, Лайтнер и Кьяна переглядываются, я понимаю, что это вьверху.

В следующее мгновение по стене идет трещина.

Одна, другая, третья.

Включается сирена, Гордон выхватывает оружие.

На моих глазах скала разваливается на части, но вместо того, чтобы погрести нас под обломками, взмывает вверх. Я невольно вскидываю голову и вижу над нами огромные пласты камня, которые парят в воздухе.

Небо. Кусочками. Там, где его не закрывает выломанная из земли скала.

И бронированные эйрлаты.

Глава 33. Время разбирать камни

Лайтнер К'ярд

Палящие камни.

В детстве я проделывал этот фокус с маленькими камушками. Сначала строил из них пирамиду, а потом разбирал ее с помощью силы. Что-то подобное мы позже делали в школе и на тренировках Адмирала. Разве что там камни были уже не крошечными, а размером с эйрлат. Но это не шло ни в какое сравнение с тем, как на наших глазах вьерхи разбирали скалу.

Даже я залип на долю мгновения, время будто замерло для всех нас. Как в том коридоре, когда между мной и Мэйс была смертоносная программа, желающая разрубить меня на части.

Секунда.

Две.

Мой судорожный вдох.

— Вы окружены! — раздается сверху приказ. — Сдавайтесь!

— Подводное ведомство, — выдыхает кто-то.

Лучи лазеров миротворцев вспыхивают, словно залп праздничного фейерверка. Ударяют о бронированные машины. В военные эйрлаты, которые за гигантские лопасти и возможность подниматься высоко в небо, все называют стрекозами. Каждая из которых рассчитана на шестерых военных.

Хидрец!

— Не стреляйте! — кричу я, сбивая с ног Вирну и закрывая ее собой.

Едх вас заберите! Это не Подводное ведомство.

— Они же в эйрлатах! Если повредите цепь, нас размажет по камням!

Даже мой отец в одиночку не способен поднять в воздух горный хребет. Для этого нужны другие вьерхи. Сильнейшие вьерхи. На небольшом расстоянии, а значит они в эйрлатах. Начальные источники силы — на земле, в непосредственном контакте с ней, но где именно, непонятно. Они могут быть в лесу или по ту сторону гор, важно, что

это единая нерушимая цепь. Сила вьерхов в эйрлатах питает тех, кто сейчас держит каменные плиты.

Не говоря уже о том, что мы все оказываемся на площадках, отсюда видно даже медпункт.

— Там Лэйс, — кричит или шепчет Вирна. Во всем этом шуме настолько не разобрать, что я буквально читаю по ее губам. — Девочки!

Там люди. Едховы люди, которые сами сейчас выкопают себе могилу!

Отец и другие вьерхи это понимают, потому что одна ракета «стрекозы» способна сровнять это место с землей, но они всего лишь парят в воздухе.

— Не стреляйте! Они в эйрлатах! — это уже кричит Хар, закрывающей собой Кьяну. Он тоже узнал цепь, которую вьерхи используют для защиты от гигантских волн, он все понял. Но кто бы нас еще слушал!

Выстрел одного из миротворца попадает в скалу, и часть ее просто отваливается.

Наш синхронный рывок с Харом замедляет ее падение. Сила горит на пальцах, вырывается на поверхность. Краем глаза вижу Кьяну, которая кладет руки другу на плечи и сцепляет зубы: делится собственной энергией. Благодаря нам, а может, благодаря помощи военных, осколок замирает в воздухе.

Гордон Уилл первым опускает оружие и кричит:

— Не стрелять!

Наконец-то!

Вот только предводитель миротворцев делает рывок ко мне, наводит пистолет на меня.

— Это все ты, — он яростно цедит слова. — Ты привел их сюда, К'ярд!

— Он тут ни при чем! — Вирна выскакивает из-за моей спины, становится на линии огня.

— Мэйс! — ору я, но камень над головой начинает крениться, и поэтому я не могу пошевелиться. Не могу ей помочь. — Назад!

— Я считал, что вы хотите все исправить. — Гордон теперь целится в Вирну, и это мой оживший кошмар.

— Опустите оружие, — теперь в динамике звучит голос отца. — Все. Если кто-то из этих детей пострадает, вам не выжить.

— Нам все равно не выжить, — горько усмехается Уилл Гордон. — Дайте нам уйти!

— Куда? — скучающим тоном интересуется отец. — Сдайтесь. Отпустите детей, и никто не пострадает.

— Ваши дети не пострадают, если вы не станете ничего предъявлять моим людям. Всем присутствующим здесь.

— Это невозможно. Вы нарушили закон Ландорхорна. Всех вас ждет суд.

Как это похоже на отца!

Миротворец поднимает пистолет над головой, прямо над глыбой, что мы с Харом держим.

— Тогда мы все погибнем. У нас есть оружие, мы его просто активируем.

Я не знаю, блефует этот гад или нет, но я точно знаю, что вместе с этими марунами погибать не хочу. Ни мы с Вирной, ни мои друзья не должны пострадать.

— Подожди! — кричу я. — Дай мне с ним поговорить.

— Ты уже достаточно сделал, К'ярд, — выплевывает Вартас слева от меня.

— У тебя есть другой вариант, патлатый?

Нет, конечно, у него нет другого варианта. Миротворцы собираются пафосно сдохнуть. Очевидно, для того, чтобы войти в историю. Вот только вряд ли у них это получится, когда Дженна Карринг разрушит весь город. Вспоминать о каких-то миротворцах просто будет некому.

— Отец, — говорю я. Уверен, благодаря навороченным эйрлатам «Бигихор» и системе усиления звука на расстоянии он прекрасно меня слышит, хотя между нами множество валлов. — Эти люди не те, за кого ты их принимаешь. Они не имеют никакого отношения к ныряльщикам. У них есть информация, которая спасет Ландорхорн. Информация в обмен на их жизни.

— Я не собираюсь торговаться с людьми, Лайтнер, — разносится над скалами ответ Диггхарда К'ярда.

— Я не человек, — говорю зло. — Я твой сын. Я думаю прежде всего о спасении города, города, который находится в опасности, а о чем думаешь ты? Это твой город. Твои люди, за которых ты отвечаешь.

Долгое молчание, которое будто растягивает нервы на пределе и наматывает их на кулак. Настолько долгое, что я уже теряю надежду, что отец мне ответит. Но от все-таки отвечает:

— Чего ты хочешь?

Пока рано радоваться, но мне становится даже легче глыбу держать.

— Чтобы всех людей отсюда забрали. Живыми, целыми и невредимыми. Отвезли в безопасное место. Чтобы Вирна и ее сестры поехали вместе со мной. Чтобы ты пообещал им защиту и безопасность.

Еще пауза, но уже не настолько долгая, как первая.

— Хорошо. Пусть будет по-твоему. У тебя есть мое слово.

Я оглядываюсь на вцепившихся в свои пистолеты миротворцев и повышаю голос:

— Вы должны сложить оружие. Чтобы мы помогли вам.

Я смотрю на Гордона Уилла, только на него, потому что вряд ли остальные меня послушаются, а вот его слово здесь решающее. Он колеблется, но все-таки сдается и опускает пистолет на камень, показывая, что согласен на такие условия.

— Как ты понимаешь, Лайтнер, всех эйрлаты не поднимут.

Я ищу в словах отца подвох, но пока все выглядит разумно. «Стрекоз» всего восемь, и всех миротворцев не унесут.

— Тогда забирайте людей группами, — предлагает Гордон Уилл, и я ему киваю.

— Вартас! — команду патлатому, когда один из эйрлатов опускается вровень с площадкой, на которой мы стоим. — Собери всю семью Мэйс, они полетят первыми.

К счастью, он понятливый и действует быстро, быстро находит девчонок. Правда, его путь назад выходит сложнее из-за Лэйс, но и тут белобрысый справляется оперативно, хотя и несет девушку очень осторожно.

Двое военных выпрыгивают из «стрекозы», когда опускается мостик между машиной и каменной платформой, подхватывают перепуганную малышню на руки.

— Вирна, — говорю я. — Иди вместе со своей семьей.

Синие глаза сначала широко распахиваются, а потом она гневно прищуривается.

— Нет. Я останусь с тобой.

— Ты нужна им.

— Я нужна тебе.

Я улыбаюсь. Среди всего этого кошмара я искренне ей улыбаюсь. Только ей.

— Даже не представляешь, насколько сильно ты мне нужна. Именно поэтому я прошу тебя лететь. Я улечу следующим, совсем скоро мы снова встретимся. Обещаю.

— Нет. Только с тобой.

Упрямая синеглазка!

— Вартас!

Белобрысый все понимает, потому что перехватывает мою Мэйс за талию и тащит в сторону эйрлата. Ему приходится несладко: Вирна отбивается как морской едх, и судя по взгляду и отборным ругательствам, сейчас меня ненавидит, но мне плевать, если она будет в безопасности.

— Есть еще одно место, — объявляет вьерх из первого эйрлата, лицо которого закрыто маской и шлемом.

Словно едх из морской глубины откуда-то выпрыгивает Лира. Вид у нее безумный: волосы всклокочены, губа прокушена, расширенные глаза.

— Я здесь не останусь! — кричит она и запрыгивает на платформу. Я бы предпочел, чтобы с Вирной отправились Кьяна и Хар, но военный уже хватает девушку за руку, двери сдвигаются, и «Стрекоза» с семейством Мэйс, Вартасом и Лирой мигом взмывает вверх, а ее место сменяет второй эйрлат. Миротворцы заскакивают внутрь. Все быстро и слаженно.

— Хар! Кьяна! Идите! — кричу я. Они смотрят на меня сосредоточено, судя по лицу, друг вообще готов остаться, но я киваю на его девушку.

Хар отступает, хватает Кьяну за руку, и они вбегают в эйрлат.

Скалу теперь удерживать сложнее.

— Я уйду последним! — отвечаю на незаданный вопрос друзей, которые оборачиваются. Не из-за скалы, конечно, а потому что

пообещал этим людям защиту.

Ловлю на себе одобряющий взгляд главного миротворца. К едхам его одобрение! Второй эйрлат тоже набирает высоту, а я взглядом нахожу первый, в котором моя Мэйс.

Машина должна быть уже далеко, но она почему-то делает круг в воздухе, разворачивается и зависает прямо за другими эйрлатами.

Что за едх?!

Приказ отца? Или что?

Додумать не успеваю: третья «стрекоза», забитая миротворцами не успевает отлететь, как первый военный эйрлат выпускает снаряды в сторону остальных. Боеголовки вспарывают воздух, и две машины просто взрываются, осколками и ударной волной цепляя остальных и скалы над моей головой.

Камень обрушивается.

Надо мной. Подо мной. Грохот такой, что закладывает уши.

Вдох — и бегу по камню, скольжу, но карабкаюсь наверх. Прыгаю с глыбы на глыбу. Потому что если не буду прыгать, если не потороплюсь, то останусь погребенным под этими расколами.

Я будто внутри извержения. Будто в самом эпицентре землетрясения. Земля буквально уходит из-под ног, и я скольжу по движущимся плитам. Сползаю вниз, чтобы рвануть вверх.

Кьяна! Хар! Отец!

Что с ними?

Какого едха вьерхи нападают на своих же?!

Прыжок на одну шатающуюся глыбу, увернуться, затормозить осколок, который раскалывает новый взрыв. Взрывы.

Грохот оружия палящих друг в друга стрекоз.

Мэйс!

Короткий выдох — прыгаю вперед.

Новая ударная волна выбрасывает меня со скалы, грохот сменяется противным звоном в ушах. Сила дрожит на пальцах. Вырывается из меня, чтобы в воздухе остановить осколки.

Не успеваю. Ударяюсь о камни.

Лечу вниз. Это как прыжок в океан, как в ту ночь, за Вирной. Вот только внизу нет Вирны, и океана тоже.

Там лишь камни.

Когда я падаю на них, невыносимая дикая боль простреливает все тело.

Синеглазка, прости.

Тьма.

Глава 34. Вся правда о людях

Вирна Мэйс

Когда Вартас забрасывает меня в стрекозу (военные эйрлаты так называют за усиливающие скорость лопасти), в мой локоть вцепляется уже Тай. С расширенными от страха глазами и застывшим взглядом, и это не позволяет мне рвануться назад даже через Вартаса, который явно намерен сдохнуть, но не выпустить меня отсюда. На соседнее сиденье напротив падает Лира — она рядом с Митри, поддерживающей бледную Лэйс, и сразу же после этого нас запечатывает бронированной дверью.

Мы взлетаем, набираем высоту так стремительно и такую высоту, на какую не поднимаются обычные эйрлаты. С такой скоростью, что на мгновение начинает кружиться голова, а потом я притягиваю к себе сестренку и оборачиваюсь. Напрасно: стрекоза запечатана со всех сторон, ее обзор ведется через камеры и системы навигации. Крохотные окошечки — полосы вдоль обшитых металлом стен, не позволяют увидеть практически ничего.

Да они мне и не по росту. Здесь все сделано под военных вьерхов, под их рост и ширину плеч. От пилота и сопровождающего тоже отделяют пласты металла.

— Вартас! — шиплю я.

Он награждает меня резким взглядом.

— Тай. Ребенок... Я сейчас. — Я смотрю на Вартаса в упор, передаю ему мелкую, а потом лезу через него к этой единственной обзорной полоске, чтобы увидеть, что происходит.

Там, внизу.

Пролететь здесь не представляет труда, собственно, из-за размеров. Я вообще чувствую себя так, словно меня сожрало какое-то чудище. Сожрало и не подавилось, но сейчас стоя прилипаю к мутному огнеупорному стеклу в несколько слоев. Разумеется, я вижу только полосу леса и гор, а в следующий момент меня швыряет на Вартаса: так резко мы разворачиваемся.

Стрекоза содрогается, как если бы чудище что-то выплюнуло.

Тай плачет, Митри и Лира визжат, а я, оттолкнувшись от сиденья снова прилипаю к полоске стекла.

Выплюнуло.

Ракету.

Здесь, на расстоянии и из-за брони почти не слышно грохота, но один из эйрлатов буквально разваливается на части, а внизу, там, где остались Лайтнер, Кьяна и Хар, и миротворцы, творится крошечный хидрец. Развороченная скала осыпается смертносным дождем обломков, по сравнению с которыми люди кажутся просто хлипкими крохотными бумажными фигурками. Камни еще парят, но следующая ракета превращает зависший пласт камня в град.

— Что это?! Что это?! — верещит Лира, и я оборачиваюсь.

Салон наполняется дымом. Не едим, но от него сознание становится вязким и тяжелым, последнее, что я вижу в ускользающей реальности — это как стрекозы поливают землю огнем, а потом резкий разворот снова швыряет меня на тщетно закрывающего лицо рукавом Вартаса и на уткнувшуюся ему в грудь Тай.

На этот раз я уже не поднимаюсь.

Смотрю, как воздух над нами превращается в сгущающийся плотный туман и такой же туман милосердно расплывается у меня в сознании, не позволяя сосредоточиться на мысли о том, что Лайтнер и мои друзья остались в этом кошмаре. Я проваливаюсь в вязкую, зыбкую тьму, а выныриваю из нее под яростный голос Дженны:

— ... какого едха было травить ее вместе со всеми?!

— Ну извини, не подумал, что ей нужно было предоставить отдельное место в кабине пилота. Когда она билась в истерике.

Сознание по-прежнему вязкое, липкое, как давно висящая паутина. Веки кажутся тяжелее каменных плит...

Камень...

Плиты...

Разваливающаяся на части скала...

Лайтнер! Хар! Кьяна!

Я рывком выдергиваю себя на поверхность и жмурюсь от бьющего по глазам света. Медицинского. Надо мной склонились несколько людей в халатах и Дженна.

Я рычу, никогда бы не подумала, что мое горло способно исторгнуть такой звук, и пытаюсь подняться, но фиксирующие ремни

вдавливают мое тело обратно в койку.

— Тихо, — говорит Дженна. — Действие усыпляющего газа еще не прошло.

Усыпляющего?! Газа?!

— Где моя семья?! — рычу я. — Вартас. Лира?!

Запоздало до меня доходит, что эти вьерхи — те, что стреляли по своим — это тоже команда Дженны. Да, в ее команде были вьерхи, с самого начала, едхов Мильен Т'ерд и Н'эргес, чтоб их Бездна забрала! Им-то все это зачем понадобилось?! Рушить собственный мир, выбивать землю у себя из-под ног?

— Твоя семья в безопасности. Пока, — она произносит это, опираясь на мою койку в изголовье. Сейчас, когда ее длинные волосы собраны в пучок, я вижу, насколько она неидеальна. Морщинки в уголках глаз, в глазах — на самом их дне, тьма, от которой даже макияж не спасает. На ней сейчас не одно из ее роскошных платьев, а удобный комбинезон темно-синего цвета. — Лайтнер К'ярд тоже жив, по крайней мере, был жив, когда его забирали оттуда.

— Я тебя убью, — рычу я. — Убью!

— Сомневаюсь, — Дженна отталкивается от койки и смотрит на кого-то.

Приподняв голову: единственное, что мне не зафиксировали — видимо, чтобы не придушить, я вижу Н'эргеса. Он смотрит на меня в упор, а после переводит взгляд на Дженну.

— Оставьте нас, — командует она.

— Но мы еще не закончили... — это произносит кто-то из медиков.

— Остальное за вас закончит капельница. Пошли вон. — В ее голос добавляется металл, и докторов просто сдувает в сторону, а судя по звукам, еще и за дверь. — Будь так любезен.

Н'эргес смотрит на нее в точности так же, как смотрел на меня, потом разворачивается и выходит. Дженна тоже исчезает из поля зрения: поскольку держать голову на весу нереально, я резко роняю себя на койку. К счастью или нет, там мягко. Не подушка, но какой-то валик прямо под одноразовой простыней.

— Наконец-то мы можем спокойно поговорить, — хмыкает Дженна. — Спокойно, а главное, откровенно.

— Я не собираюсь с тобой разговаривать.

— Все вы так говорите, — хмыкает она. — Родрес, например.

Родрес? Родрес?!

— Да, тот мальчик который помогал вытащить тебя из Подводного ведомства. Надо признать, у него талант. Жаль, что этот талант погибнет таким молодым.

Сердце камнем падает на дно, потому что в этом скучающем голосе звучит приговор. Действительно скучающем, спокойном до неестественности. Дженна часто так говорила, но сейчас это звучит страшно. В сочетании со словами.

— Он, кстати, тоже собирался меня убить. За Ромину Д'ерри. Кто-то сказал ему... кто-то очень глупый назвал ему мое имя. Не знаешь, кто это мог быть? А впрочем, неважно. Говорить с тобой я собиралась не об этом.

Мягкий скрежет спинки стула говорит о том, что Дженна садится. Либо подтягивает этот самый стул поближе ко мне, и, как выясняется спустя несколько секунд, верно второе. Я вижу пальцы с идеальным маникюром на черной спинке, а после она опускается на сиденье, снова оказываясь совсем рядом со мной.

— Итак, Вирна. Что тебе успела рассказать Лэйс?

— Что ты окончательно рехнулась, — цежу я. — Что у тебя маниакальный психоз и идея уничтожить мир, затопив его.

— Ну, это не совсем так. — Она потирает ладони друг о друга: то ли пытаюсь их согреть, то ли наслаждаясь мыслью о том, что собирается делать. — На самом деле, я собираюсь затопить только Ландорхорн. Это первое. И второе — я собираюсь возродить мир. Таким, каким он был много тысячелетий назад. Изначально.

— Уничтожив миллионы?

— Изменив миллионы. Вряд ли Лэйс тебе о таком рассказала — потому что об этом я не говорила даже ей, и оказалась права.

— О том, что в детстве тебе выдали справку в психлечебнице, но ты умудрилась уничтожить свое досье?

Дженна перестает улыбаться, взгляд ее становится жестким.

— О том, что все люди — лиархи, Вирна. Все до единого человека. Мы не раса из легенд. Мы — реальность.

Если что-то могло прозвучать еще безумнее того, что одна лиарха в приступе помешательства готова затопить многомиллионный город,

оно только что прозвучало.

— Серьезно? — произнесла я. — О море. Даже не представляю как мне теперь с этим жить.

Дженна одним рывком подалась вперед. Глаза ее вспыхнули. Так ярко, что синева залила радужку в считанные мгновения, и в эти же мгновения она перестала походить на человека окончательно.

— Ты обрела свою силу, когда почти утонула, — она коснулась тыльной стороной ладони моей щеки. — Именно тогда в тебе проснулось то, что вьерхи долгое время прятали от нас ото всех. Будучи настолько бессильными против того, на что мы способны...

В ее глазах не было безумия, только чистая, неприкрытая сила. Первородная, как океан, и такая же мощная. Я почувствовала ее на физическом уровне, потому что в голове прояснилось окончательно. Мерзкий привкус горечи на языке, не оставлявший меня с того мгновения, как я очнулась, растворился. Растаяли остатки дымки перед глазами, а сила, бушующая в Дженне, невольно отозвалась во мне.

— Ты изначально выбрала не ту сторону, Вирна, — она облокотилась на мою койку. Ее лицо было так близко, что дыхание скользило по коже шершавой лентой. — Сын вьерха? Того, кто ненавидит нас за один лишь факт нашего существования? Только потому, что мы можем разрушить привычный устой их хрупкого... каменного мира. Мира, построенного на фундаменте лжи. Твой Лайтнер — один из них. Он ведь приходил ко мне за помощью, когда ты оказалась в Подводном ведомстве. Я попросила его выступить против отца, чтобы я могла помочь ему как можно скорее. Помочь вытащить тебя. Скольких неприятностей, скольких минут боли ты могла бы избежать, если бы он согласился? Сразу.

— Он вытащил меня из Подводного ведомства. Сам. — Я нарочно не поворачивалась, чтобы не смотреть ей в глаза. — И он рассказал бы мне все, что ему известно, если бы ему это было известно.

— Правда? — Дженна рассмеялась. — Вьерхи так отчаянно цепляются за свою власть, что готовы пойти на любые жертвы.

— А ты — нет? — теперь я все-таки впилась в нее взглядом. — Это не по твоему приказу устроили бойню? Там, на побережье.

— По моему приказу? — Дженна вскинула брови. — Мне просто нужно было вытащить вас оттуда. Тебя, твою неблагодарную сестру и ваше младшее поколение. Неужели ты думаешь, что Дигтхард К'ярд действительно доставил бы вас на Второй?

Она выпрямилась и сложила руки на груди.

— Вас всех расстреляли бы по пути в Ландорхорн. Вывезли подальше и расстреляли, как они сделали с миротворцами. С этими наивными идиотами, которые предполагали, что мне ничего не известно об их существовании.

— Он обещал...

— Да-да, я знаю, — Дженна сделала неопределенный жест. — «У тебя есть мое слово». Так, кажется, он сказал. В любом случае, ты видела, чего стоит слово Дигтхарда К'ярда. Не мои люди открыли огонь по тем, кто находился внизу под нависшими скалами. По тем, среди которых все еще оставался его сын. Мои люди защищали тебя. И еще один эйрлат, в котором тоже были мои люди, оттуда уже никогда не вернется, потому что они приняли огонь на себя. Они их отвлекали.

Последнее она процедила, раздувая ноздри.

— Хватит жить в мире грез, Вирна Мэйс. Этот мир разваливается как игрушечный домик под порывами ветра уже сотни лет.

— Да. Я поняла. Ты станешь той, кто просто дунет посильнее.

Вот теперь Дженна прищурилась.

— Что бы я ни сказала, ты не захочешь со мной сотрудничать, правда?

— Да, в проницательности тебе не откажешь.

— Хорошо. — Она коротко улыбнулась, заправила выбившуюся из строгой прически прядь за ухо. — В таком случае мне придется напомнить тебе о том, кто находится в полном моем распоряжении. Когда-то я пожертвовала своей семьей и своей дочерью, чтобы иметь возможность реализовать все то, что я делаю сейчас. Но ты не такая. Ты же не станешь жертвовать Лэйсандрой? Или Митри? Может быть, Тай?

Сил во мне стало больше, поэтому ремни до боли впились в мое тело, а койка содрогнулась, когда я рванулась к Дженне.

— Тронешь их, и...

— Ты меня убьешь. Да. Я помню. Мне придется их тронуть, если ты вынудишь меня это сделать, потому что сейчас я как никогда близка

к тому, чтобы открыть миру правду. Очень скоро, во время затопления, все люди вернутся к своей изначальной природе, природе лиархов, и тогда все вьверху лишатся своей власти автоматически. Власти, основанной на тысячелетиях лжи.

Я все еще не могла поверить в то, что она говорит, но, как бы безумно это ни звучало, Дженна была абсолютно уверена в том, что делает. Она была уверена в том, о чем рассказала мне.

— Что дальше? Будем жить в затопленном городе, зато с новыми знаниями? Не боишься, что тебя все возненавидят после такого? После того, что ты сделала?

— Во-первых, милая, — в устах Дженны последнее слово звучало как какое-то непристойное ругательство или издевка, — затопленным город останется ненадолго. Ты видела, на что способны лиархи? Одна? Такая девочка как ты. Теперь представь, на что способны все вместе. Заставить воду отступить, отодвинуть ее от берегов так далеко, как позволяет естественный ландшафт, нам не составит труда. Конечно, многое придется восстанавливать...

— А если люди не выживут? Сколько людей просто погибнет, когда пойдут волны?

— Это война, а на войне без жертв не обходится, — она отмахнулась. — Тем не менее все вместе мы восстановим новый Ландорхорн и откроем всему миру, всему Раверхарну правду.

— Ценой стольких жертв, — повторила я. — Не боишься, что весь мир все-таки не оценит твои методы?

— Не боюсь. — Дженна холодно улыбнулась. — Потому что затопление начнешь ты.

Глава 35. Небольшие исторические искажения

Лайтнер К'ярд

Мягко.

Тепло.

Безмятежно.

Меня окутывает чувство защищенности. Откуда-то доносится тихая мелодия. Приятная.

Все вокруг приятное.

Только на краю сознания бьется запертая мысль — что-то не так.

Я забыл что-то важное. Что-то нужное. Чувство, когда пытаешься вспомнить, но не получается, начинает разъедать изнутри. Стоит ухватиться за эту мысль, потянуть, как безмятежность сменяется раздражением, раздражение — паникой.

Вирна!

Мои друзья!

Отец. Миротворцы. Взрывы. Развороченная скала. И боль.

Боль, которую я сейчас не чувствую, но она по-прежнему живет в моей памяти. До меня доходит, что я сейчас вообще ничего не чувствую. Окружающий меня теплый кокон заставляет задыхаться, а поверхность, на которой я лежу, теперь кажется нереально колючей.

С огромным трудом я открываю глаза и вижу только крышку восстанавливающей капсулы, небольшое окошко света, лучи которого рассекают темноту. Я пытаюсь подвигать руками и ногами, повернуть голову, но тело не слушается. Я не могу пошевелить даже пальцем. Пульс грохочет в висках, и музыка исчезает, сменяется тревожным писком.

Крышка капсулы открывается, надо мной мелькают сосредоточенные лица медиков.

Я хочу спросить: «Какого едха?»

Что со мной? Что с остальными? И главное — что с Вирной? Где она? Она в порядке? Мне жизненно необходимо это знать, но язык тоже не слушается.

Передо мной возникает отец, холодный и неприступный, как мыс Гор. Он кладет руки мне на грудь, и я чувствую, как в меня втекает сила. Я вижу ее потоки. Она заполняет меня, как воздух воздушный шар, вспыхивает во всем теле, и мир перед глазами начинает расплываться.

— Он не заслуживает этого. — Отец говорит явно не мне.

— Ты мой должник.

Мама?! Она здесь?

Я силюсь ее рассмотреть, но у меня не получается — проваливаюсь в темноту.

Следующее мое пробуждение ничем не напоминает первое. Я чувствую себя так, словно пробежал полосу препятствий Адмирала. Несколько раз подряд. Мышцы ломит, голова болит, а в горле пересохло, но это сущая ерунда по сравнению с тем, когда не чувствуешь ничего. Лучше чувствовать, чем не чувствовать вовсе.

Я толкаю крышку капсулы, и она поддается, отъезжает в сторону, а я сажусь. Голова слегка кружится, но скорее всего, это эффект моего резкого подъема.

— Лайтнер!

Мне не показалось: мама оказывается возле капсулы раньше, чем я успеваю подняться.

— Лайтнер, — она обнимает меня, а я обнимаю ее в ответ. — Ты жив.

— Могло быть иначе?

Мама бледная, осунувшаяся, но она слабо улыбается, когда приглаживает мои волосы, протягивает мне бутылочку с водой, которую я открываю и жадно опустошаю. Осматриваюсь и узнаю наш домашний медицинский кабинет. Мы на Первом, в особняке отца.

— Ты упал с огромной высоты и чудом не повредил позвоночник, очевидно, успел сгруппироваться. В остальном... Я не знала, что может быть столько сломанных костей. Доктору Э'реру и медикам пришлось «заморозить» твоё тело, чтобы исключить болевой шок, и провести три восстановления за шесть часов.

Эта цифра заставляет меня поперхнуться.

— Сколько?!

— Да, это слишком много за такой короткий срок, — тон мамы сменяется на извиняющийся, — так что может наступить откат. Но ты

жив.

Я боюсь задавать следующий вопрос, но лучше узнать все сразу, чем мучиться неизвестностью:

— Я жив, а мои друзья?

— С Харом и Кьяной все в порядке. В отличие от тебя, они отделались царапинами. Насколько я поняла, эйрлат, на котором они летели, успел набрать высоту. Взрывная волна его зацепила, но пилот смог вовремя выровняться и долететь до Первого.

— А Мэйс? Там был еще один эйрлат с Вирной и ее сестрами! Что с ними?

Мама опускают взгляд в пол.

— Знаю, что вернулись только три «стрекозы».

Три из восьми.

— Думаю, об остальном тебе стоит спросить отца. Но он сейчас слишком занят тем, что происходит.

— Спрошу, — киваю я и поднимаюсь. — Прямо сейчас. Для меня он найдет время. Ему придется это сделать.

Я пошатываюсь, и мама хватается меня за руку, подставляет плечо, когда я начинаю заваливаться:

— Лайтнер, ты слишком слаб, чтобы геройствовать. Лучше останься в капсуле.

— Только после того, как узнаю, что с Вирной.

— Ты же не успокоишься, пока с ним не увидишься? — уточняет мама.

— Нет, — мой голос звучит твердо. Если бы еще таким же твердым был мой шаг!

— Я свяжусь с ним, — обещает она. — Прямо сейчас. Только, пожалуйста, ложись обратно. Тебе нужно беречь силы.

— Только при условии, что Диггхард К'ярд придет ко мне.

— Хорошо-хорошо. — Мама надавливает мне на плечо, заставляя вернуться в капсулу. Без верхней крышки это практически кровать с мягким матрасом.

Она отходит и достает свой тапет.

— Он очнулся, Диггхард. Требуется встречи с тобой. Ты просил предупредить.

Я не свожу с нее взгляда, но больше мама ничего не говорит, возвращает тапет на место и возвращается ко мне:

— Он придет. Попросил подождать несколько минут.

Это, по меньшей мере, неожиданно, потому что раньше отец не особо жаждал со мной разговаривать.

— Попросил? — морщусь я, а она пожимает плечами.

— Ты знаешь своего отца.

— Я уже не уверен в этом, мам.

В голове множество вопросов. Не только к отцу, к ней тоже, но я не знаю с чего начать.

— Меня спасло не восстановление, да? Я ведь переломался на тех камнях. Когда очнулся впервые, подумал, что меня парализовало.

Мама приподнимает брови:

— Ты помнишь это?

— Да.

— Тебя спасла сила вверху, твоя и твоего отца. Он вернул тебя к жизни, сын.

— Почему ты назвала его своим должником?

Теперь она бледнеет. Даже больше, чем сейчас.

— Это неважно.

— Важно, — отрезаю жестко. — Хватит уже лжи. Я едва не погиб там, поэтому мне нужна правда.

Мама раздумывает, но всего минуту.

— Потому что я многие годы отдавала ему свою силу. Делилась с ним ею. Для того, чтобы Дигтхард К'ярд стал в разы сильнее. Видишь ли, он поэтому женился именно на мне. Моя сила идеально ему подходит.

Сказать, что меня это шокирует — значит, ничего не сказать.

— Что значит — подходит? Ты отдавала ему свою жизнь. Буквально! Свое здоровье. Твоя сердце изначально не было слабым, так? — Страшная догадка заставляет меня похолодеть. — Что же ты получила взамен?

— Лайтнер, успокойся! — прикрикивает на меня мама, и я понимаю, что снова почти вскочил. — Иначе я ничего больше тебе не расскажу.

Ее угроза заставляет меня сжать зубы и вернуться в капсулу.

— Я получила очень много. Защиту. Дом. Двух прекрасных сыновей. Возможность заниматься благотворительностью, как я всегда и хотела. Помогать вверху и... — Она запинаясь, но потом сразу продолжает: — Помогать людям. Я организовала несколько дополнительных стипендий для участников учебной лотереи Калейдоскоп.

— Диггхард К'ярд тебя купил, — выплевываю. Мама всегда была моим идеалом, и сейчас этот идеал разрушался на моих глазах, как еще недавно рушилась база миротворцев. — Ты поэтому так легко от меня отказалась, когда он меня прогнал? Наверняка, отец пригрозил отправить тебя следом, если станешь со мной встречаться?

Мама вспыхивает.

— Не смей так со мной разговаривать! Я по-прежнему, твоя мать, а он — твой отец. Диггхард не отказывался от тебя, он лишь хотел немного тебя проучить.

— Заставить приползти к нему на брюхе?

— Нет. Научить тебя самостоятельности. И ты справился, Лайтнер. Я видела рекламу с тобой.

Я на это не ведусь.

— Толку от этой рекламы, если в Ландорхорне сейчас война!

Только маму это несколько не пугает.

— Мы под надежной защитой, сын.

— Мы? Кто — мы? Первый и Второй круги? А остальные? Ты же занималась благотворительностью, тебе же не должно быть совсем наплевать на людей.

Я яростно цежу все это, и оборачиваюсь, когда двери кабинета отодвигаются в сторону и к нам присоединяется отец. Он морщится и вместо приветствия присоединяется к нашей «милрой» беседе:

— Они не люди.

— А кто? — я сжимаю кулаки, с какой-то извращенной радостью замечаю, что отец выглядит уставшим и потрепанным. На лице залегли глубокие складки морщин, рубашка мятая, даже из взгляда ушло привычное высокомерие. — Отбросы?

— Нет, Лайтнер, я не об этом. Все, за кого ты так переживаешь, не люди. Они лиархи. Раса, которая тысячи лет назад желала нас поработить.

Не знаю от чего больше у меня кружится голова: от того, что Э'рер и медики вернули меня практически со Дна, или от слов Диггхарда К'ярда.

— Как?.. Что? — Я перевожу дыхание, встречаюсь взглядом с отцом. — Мне давно не пять лет, чтобы ты мог скормить мне очередную сказочку. Это даже звучит как бред!

— Лиархи — сказка? — У него даже голос хриплый, и я понимаю, что Диггхард сам на пределе — он отдал слишком много сил. — Я думал, что ты видел новые способности Вирны Мэйс. Не просто так на нее ставят ныряльщики. Или она считает, что она избранная, уникальная? Нет, сын, их целый Раверхарн. Просто девчонке Мэйс повезло больше остальных, она упала в океан и, вместо того чтобы пойти ко дну, узнала самую важную и опасную тайну нашего мира.

Правитель Ландорхорна умеет размазать словами по поверхности, он слишком давно в политике, но сейчас меня размазывает правда. Правда, в которую я отказываюсь верить. Отец это понимает, читает по моему лицу, потому что презрительно усмехается.

— Как такое возможно? И как такое произошло? Ты сказал, что лиархи хотели... Поработить в'єрхов?

— Именно. Древние развязали долгую и яростную войну, которую сейчас называют Глобальной катастрофой. Что ж, как раз глобальной она и была. Лиархи затапливали материки, наши города, чтобы потом занять их. Ведь они могут спокойно жить на суше. Все тонули в крови, и Лидх Картерн придумал план: заманить выживших лиархов в ловушки, объявить перемирие, пообещать, что никто не станет пользоваться силой, а на деле отрезать их от морей и океанов навсегда. Взрослых они уничтожили сразу, оставили только детей. Новые поколения лиархов сами верили, что они пустышки. Что они люди.

Поэтому любое приближение людей к воде в Раверхарне карается смертью.

— А как же Проседание? Это тоже придумано, чтобы никого не подпускать к океану?

— И да, и нет. Наша сила не способна отменить природные катастрофы, но даже их можно использовать для политики.

— Менять настоящую историю по своему усмотрению? — морщусь я. — Люди считают, что они преследовали в'єрхов!

— Лиархи преследовали. Это небольшое историческое искажение, не меняющее сути происходящего.

— Ты знала? — поворачиваю голову к притихшей матери.

— Узнала совсем недавно.

— Дай угадаю, когда. В день приступа, да? Ты тогда передумала насчет меня и Вирны, начала отговаривать, хотя до этого была на моей стороне.

Видно, что мама чувствует себя неловко под пронизывающим взглядом отца, но все равно кивает.

— Да, тогда я узнала всю правду.

И ничего мне не сказала!

Потому что она с отцом заодно. Потому что считает так же.

Я отворачиваюсь от матери, если честно, даже видеть ее сейчас не хочется.

— Почему для остальных въерхов это тоже тайна?

Теперь морщится отец:

— Потому что всегда и во все времена были такие идиоты как ты, готовые связать свою судьбу с людьми. Испытывающие чувства.

— Ты сказал, что Вирна вернула себе силу, когда Ромина столкнула ее в океан. Значит, это активатор. Живая вода. В воде лиархи снова обретают свои способности. А как же Нресская волна? Тогда океаном накрыло все побережье Ландорхорна. Неужели никто не открыл в себе силу?

Улыбка отца снисходительная, будто я сказал сущую глупость.

— Открывали, и не только во время катастроф. Но везло далеко не всем. К тому же, для того, чтобы ее использовать, нужна практика и подпитка стихией, а, как ты знаешь, в нашем мире это заканчивается знакомством с агентами Подводного ведомства. Именно этим они занимаются — оберегают наши тайны. Вирна Мэйс не единственная любительница поплавать, но в последнее время их стало слишком много.

— Ныряльщики.

— Ныряльщики. Миротворцы. Анархисты. Мне без разницы, как они себя называют, если мешают установленному порядку в Ландорхорне.

— Ты хотел сказать диктатуре? Или геноциду?

Дети. Вьерхи древности оставили только детей. Возраста Тай или меньше, чтобы те не могли ничего вспомнить. По-моему, обе расы могли поспорить между собой в жестокости!

Наши взгляды скрещиваются. В глазах отца столько ненависти, что даже меня пронимает.

— Изменники, — выплевывает Диггхард К'ярд, — из-за которых сегодня погибли мои лучшие бойцы.

— Это Дженна Карринг, — говорю я. — Миротворцы здесь не при чем. Они хотели мира между людьми и вьерхами.

— Поэтому взяли в заложники тебя и твоих друзей?

— Это не так! Разве Хар не рассказал правду? Они помогли нам спастись от Дженны. Помогли спрятаться. Они не хотят войны.

Отец смотрит на меня, не мигая, а потом вздыхает:

— Какие бы цели они не преследовали, они узнали о лиархах, а это недопустимо.

Меня цепляет прошедшее время, которое он использует.

— Что значит «преследовали»? Где они?

— Остались там, где им и место, под теми скалами.

Я вскакиваю. Оказываюсь на ногах раньше, чем успеваю додумать последнюю мысль, которая со скоростью молнии проносится в моем сознании. На бешеном адреналине меня даже почти не шатает.

— А Вирна? Где Вирна и ее семья?

Я пытаюсь за него ухватиться. Я готов на него наброситься, трясти до тех пор, пока Диггхард К'ярд не скажет правду. Но отец уворачивается, толкает меня в грудь, и мне приходится вцепиться за крышку капсулы, чтобы не рухнуть на пол.

— Хотел бы я ответить, что на Дне, — цедит он, — но эта девчонка невероятно живучая.

Жива!

Только я не спешу радоваться, потому что глаза отца зажигаются огнем вьерхов.

— Эти отступники открыли по нам огонь, а потом сбежали. Но не учли, что захватили с собой на борт Лиран Р'харат.

— Лиру?! При чем здесь она?

— Она работает на меня. Я продолжал присматривать за тобой через нее. Лиран помогла нам обнаруживать, куда так называемые миротворцы вас забрали. Подала сигнал.

Значит, все эти люди погибли из-за меня? Потому что я привел туда Лиру?

В голове просто не укладывается, а на языке металлический вкус крови — я прокусил щеку и не заметил этого. У предательства действительно отвратительный привкус, и я бы окунулся в это, если бы не Вирна. Если бы не сходил с ума от волнения за синеглазку.

— Значит, ты все-таки знаешь, где она?

Взгляд отца вспыхивает сильнее, яростно, и я понимаю, что он не знает.

— Эти... люди умеют прятаться. Как и в случае со скалой, сигнал пропал возле берега.

База Дженны? О ней рассказывала Вирна.

— Но это все больше не имеет значения, — продолжает отец. — Благодаря твоим друзьям, я знаю, что цель отступников — Кэйпдор. Чтобы разрушить Ландорхорн, им нужно прийти сюда, и здесь их ждет самый теплый прием.

Глава 36. Все круги ведут в Кэйпдор

Вирна Мэйс

— Я даже знаю, о чем ты сейчас думаешь, — произносит Дженна после того, как сообщила мне новость, что собирается моими руками начать массовые убийства. — О том, сколько пострадает невинных. Но невинные и так страдали. Все это время. Все это время вьерхи не просто держали нас на грани выживания, как ничего не значащий сброд. Они бросали нас на первую линию защиты.

— Очередные легенды?

— Нет, Вирна, это не легенды. Вьерхам мало было превратить нас всех в людей. Они уничтожили все поколения, которые могли что-то рассказать о настоящей истории. Просто собирали всех по городам и уничтожали. Оставляли только маленьких детей. Тех, кто был настолько мал, чье сознание не способно было удержать никакую информацию.

Я все еще ей не доверяла. Хотя не доверять и не верить — разные вещи, и кажется, она прекрасно это понимала. Потому что на ее губах мелькнула тень довольной улыбки.

— Это сделал великий национальный герой Лидх Картерн. Тот, кто придумал уничтожить целую расу, стереть воспоминания о ней с лица земли. Буквально.

— Я тебе не верю.

— Тогда как именно люди забыли о том, кем они были изначально? Просто люди? Правда? Никто. Никчемные. Ничего из себя не представляющие. В свое время жестоко угнетающие бедняжек вьерхов из-за их силы. Все перекручено, Вирна, и ты, наверное, догадываешься, в чью пользу. Историю пишут те, кто стоит у власти.

Представить, что кто-то способен на такой жестокий геноцид, особенно после разыгравшейся трагедии глобальной мировой катастрофы, было сложно. Тем не менее раньше я многого не могла себе представить.

— Зачем им было оставлять детей? Если они так стремились уничтожить всех?

— Затем, что мы им были нужны. Как держать в страхе тех, кто рано или поздно начнет задавать вопросы — о том, почему цивилизация подчиняется власти вьерхов? О том, почему нельзя приближаться к воде? Силовые установки создавали волны, но проблема в том, что с волнами вьерхам не справиться. Они инициировали тех, кто может это сделать. Отбирали раз за разом, в каждом поколении. Все почести спасателей доставались им, а тех, кто на самом деле удерживал воду, просто-напросто убивали. Чтобы спустя какое-то время снова повторить эту схему.

Сочинить такое на ровном месте вряд ли кто-то смог бы. Если взять и сопоставить информацию, которая была доступна всем, то выходило, что Дженна говорит правду. Вьерхи всеми силами защищали нас от повторного Проседания, останавливали волны, но рядом с водой они слабели. Удерживать оборону перед натиском сильнейшей противоборствующей силы — вряд ли бы они это смогли. Поэтому слова Дженны были похожи на правду.

Страшную, грязную и очень неприглядную правду.

— Нресская волна. Помнишь ее? — Дженна усмехнулась. — Мой отец был из тех, кто не позволил ей превратить берега Ландорхорна в кошмар. Нресская волна не была природным явлением, Вирна. Рано или поздно у людей, как они нас называли, начинались вопросы. Вопросы. Сомнения. Волнения.

— Но тогда погибло множество вьерхов...

— Разумеется. Они и должны были погибнуть. Им пришлось принести эту жертву, в которую нам нужно было поверить, нужно было увидеть их горе. Только вот горе семей тех, кто погиб вместе с ним, и о ком не осталось даже упоминаний, их совершенно не беспокоило. Я даже не помню отца, однажды он просто не вернулся со смены. Я выросла с мыслью, что он нас бросил, меня и маму. У меня не было возможности учиться в Кэйпдоре — Калейдоскоп случился позже, поэтому я просто работала официанткой. Однажды пришла в «Бабочку» на кастинг, и там познакомилась с Мильеном Т'ердом. Именно он открыл мне глаза на то, что происходит в мире.

— Зачем это вьерху?

— Затем, что существуют единицы вьерхов, которые считают кошмаром то, что устроили остальные. Во времена Лидха Картерна их почти полностью истребили. Знаешь, как определяли несогласных? По

построению фамилий. Лидх Картерн предложил ввести эту систему — отделения первой буквы апострофом — как знак превосходства вьерхов над остальными. Сейчас — даже если ты встретишь вьерха с ровно звучащей фамилией, он ничего тебе не расскажет. Эта информация была только для избранных. Для верхушки власти. Для особой элиты. Аристократов. Все родители твоих друзей знали это, Вирна. Хорошо, если только родители.

Я знаю, на что она намекает, и начинаю ее ненавидеть. Я ненавижу ее за это еще больше, чем за то, что она пытается вылепить из меня оружие.

Плевать.

Я никогда не стану сомневаться в Лайтнере. В Харе и в Кьяне.

Главное, что там, в скалах, был Диггхард К'ярд, и он вряд ли позволил бы, чтобы с ними что-то случилось.

— Значит, Мильен Т'ерд решил вернуть в прогнивший мир справедливость, — использую ее же оружие. — Как это благородно, Дженна. И он, разумеется, ни разу не использует ни тебя, ни ныряльщиков, чтобы самому встать у власти.

Дженна улыбается:

— Откуда в тебе такой цинизм, Вирна?

— Сама не знаю, — пожимаю плечами, насколько позволяют ремни. — Что помешает ему избавиться от тебя, когда ты затопишь Кэйпдор, раскрыть правду, совершить переворот и встать во главе Ландорхорна?

Дженна пожимает плечами.

— На твоём месте я бы волновалась о другом.

— О том, что я уничтожу Кэйпдор и стану мишенью номер один?

— О том, что не все катастрофы были спровоцированы вьерхами, некоторые были природными. Например, сильные шторма и ураганы, наподобие того, в котором погибли твои родители.

Она произносит «твои родители», и сердце камнем падает на дно. Я помню слова Лэйс о том, что ее после их смерти таскали в Подводное ведомство. О том, что они погибли в сильнейший шторм. О том, что тогда погибло много людей — об этом даже писали в сети. О том, что...

— Мам, ты не боишься?

— Чего, малыш?

— Урагана, который идет? О нем говорят уже пару недель.

— Не боюсь. — Мама убирает прядь волос у меня с лица, а потом наклоняется и, почти касаясь губами моего уха, произносит: — Вода — это жизнь, Вирна. Не бойся ее. Никогда не бойся. Спокойной ночи.

Я замираю, неподвижно глядя в потолок. Как так получилось, что этот разговор начисто стерся у меня из памяти? Не стерся, видимо, отложился, будучи запечатанным в памяти наглухо, до этой минуты. Или до той, когда я погрузилась на глубину?

Мне становится все холоднее, холоднее и холоднее, а Дженна кивает на капельницу.

— Скоро ты будешь в порядке. Не трать силы на глупости, они тебе еще пригодятся. — Она переводит взгляд куда-то, я сейчас не понимаю, куда, потому что угол обзора не позволяет увидеть то, что видит она, но мне это сейчас и не нужно. Я не просто оглушена, я чувствую себя так, будто на меня упала одна из этих глыб, которые ворочали вьерхи. Только последние ее слова отрезвляют: — Сегодня великий день, Вирна. Сегодня ты положишь конец власти Дигтхарда К'ярда и всех, кто стоит за ним и такими же, как он, в веках.

После Подводного ведомства глупо было бояться чего-то еще, возможно, именно поэтому в моих чувствах включилась временная заморозка. Меня не трясло, у меня не было истерики, никаких мыслей о том, в какой опасности оказалась моя семья. Я просто знала, что должна это прекратить. Кэйпдор не должен быть затоплен. Ландорхорн не должен быть затоплен, иначе чем мы тогда лучше вьерхов, которые все это время кроили историю так, как было выгодно им.

Поэтому, когда за мной пришли медики и Н'эргес (привет, старые-добрые времена, когда в тебя вливается сканирующий взгляд и просвечивает до костного мозга), я встретила их спокойно. Вьерх смотрел на меня так, как смотрел всегда — изучая малейший жест, малейшее движение, смотрел так, что я едва удержалась от вопроса, с какой радости он предаст свою вьерхозвучащую фамилию, но прикусила язык. Мне нужны были все и каждый, чтобы остановить то безумие, которое собирается устроить Дженна.

А для этого нужно было стать ими.

Изучать их так, как они изучали меня и мою семью.

— С ней все в порядке. Все показатели в норме. Уровень силы на высоте, — произнес один из врачей, и Н'эргес кивнул.

За ширмой я переодевалась в одежду, которую для меня принесли. Когда потянулась за юбкой, увидела, куда, предположительно, смотрела Дженна. Окно, больше напоминающее иллюминатор погружного подводного аппарата, который фигурировал на картинках в книгах по истории. За ним была глубина. Вода казалась бесконечной, она расстилалась за плотным стеклом, первородная стихия, с которой началась в нашем мире жизнь.

В этот момент я себе поклялась, что смертью она не станет.

— Линзы, — произнес врач, когда я вышла из-за ширмы.

Принял коробочку из рук Н'эргеса и протянул мне.

Что ж, очень символично: прикоснуться друг к другу нам точно не стоило.

— Зачем?

— Нам нужно пройти на Второй, они помогут, если потребуются сканирование. Не считая того, что твоя сила активна и может выдать нас в любой момент.

Больше я ни о чем не спрашивала. Надела линзы, а после мы с Н'эргесом прошли глухими запечатанными коридорами, напоминающими мне о Подводном ведомстве. В просторном зале нас уже дожидалась Дженна, Мильен Т'ерд и еще несколько человек (человек ли?), которых я видела впервые. На них едва обратила внимание, скользнув взглядом по лицам с пока что обычными глазами, и перевела взгляд на карту.

— Схема затопления, — хмыкнула, сунув руки в карманы модной юбки.

В таких ходили девушки-вьерхи последние несколько месяцев. Разумеется, чтобы попасть на Второй, мне нужно было выглядеть как они.

— Откуда она знает про схему? — Мильен явно напрягся.

— От миротворцев, — ответила я и посмотрела ему в глаза. — Вы вообще как? Голова не кружится? Не тошнит? Все-таки здесь столько воды.

Он метнул на Дженну пристальный взгляд:

— Эта девчонка неуправляема. Я всегда тебе об этом говорил, и повторюсь сейчас. Ее нельзя брать, нужна ее сестра.

— Ее сестра еле дышит, — отмахнулась Дженна. — И чтобы это «еле» не прервалось, Вирна сделает все. Правда, Вирна?

Я улыбнулась. Было в этом что-то от безумия, хотя, находясь рядом с безумцами и сама становишься немного безумной. Теперь я это понимала.

— У меня свои требования. Все мои сестры пойдут со мной. Родрес. Лира. Вартас.

— Нет.

— Ладно. — Я обошла длинный стол и села на ближайшее к карте место. — Тогда развлекайтесь сами. У вас и без меня много людей.

То, что им нужна именно я, я поняла еще лежа на кушетке, пока медицинский раствор выводил из меня остатки отравляющей дряни. Я, наверное, никогда так сосредоточенно не думала. Если в распоряжении Дженны был целый Ландорхорн лиархов, почему она сначала заиклилась на Лэйс, а потом на мне? Здесь явно было что-то, чего я пока не видела, и в пользу этого чего-то говорил тот факт, что каналы будут взрывать. Будь в распоряжении ныряльщиков сила лиархов, им бы не потребовалась взрывчатка. Им достаточно было найти источник воды, и все улицы Ландорхорна превратились бы в фонтаны, если не сказать, в гейзеры. Моя сила была слабой и неконтролируемой, когда я разворотила раковину Кэйпдора.

Так зачем им взрывчатка?

Еще я думала о Лире. Много думала, и поняла, зачем она выходила на поверхность. Под камнем не проходил сигнал, который она должна была подать, и почти наверняка этот передатчик все еще с ней. Если его не «увидели» миротворцы, значит, он активируется и деактивируется. Когда Лира орала там, в лесу, она называла меня лиархой, говорила, сколько идти под землей, а значит, это не просто маячок, через него можно передавать сообщения.

Что касается Родреса, Дженна сказала, что он меня спас. Точнее, помог вытащить меня из Подводного ведомства, и я не собиралась его здесь оставлять. Наверняка, если он до сих пор жив, он нужен им как страховка. Его родители с наибольшей вероятностью из тех, кто входит в ближний круг Диггхарда К'ярда, и, если что-то пойдет не так, у ныряльщиков будет Родрес.

— Оставьте нас, — голос Дженны.

Те, кого я не знаю, незамедлительно выходят.

— Только твоя семья и Вартас. Вьерхи останутся здесь, — жестко произносит она. — Хотя ты совершаешь большую ошибку, Вирна. Вести их в самую гущу событий не лучший вариант. Я думала, мы договорились.

Я впитываю последние детали карты затопления, отмечаю каждую жилу улицы, которую хотят превратить в канал, и поворачиваюсь к ней.

— Самое безопасное место для моей семьи в этом мире — рядом со мной.

Можно подумать, я не знаю, что меня собираются принести в жертву, после чего мои сестры станут не нужны. Пока они рядом со мной, у меня есть шанс. У всех нас есть шанс.

Дженну слегка перекашивает: она не привыкла стоять, когда кто-то сидит.

— Вьерхи тоже пойдут со мной, — говорю я. — Или можешь пристрелить меня прямо здесь. Это мое последнее слово.

Времени у них нет. Ни на поиск лиархи, ни на восстановление Лэйс, потому что как только упадет купол между Вторым и Третьим, нам туда будет уже не попасть. Вероятно, Родди именно тот, из-за кого этот купол до сих пор не опущен.

— Хорошо, — произносит Дженна. — Они пойдут с тобой. Но если ты попытаешься что-то выкинуть, они умрут на твоих глазах. Все. Надеюсь, ты меня понимаешь?

Боюсь, что я слишком хорошо тебя понимаю.

Мне стоит немалых усилий оставаться на стуле и смотреть на нее так же, как она смотрит на меня.

— Подготовьте остальных.

— Мы совершаем ошибку, — произносит Т'ерд.

В ответ Дженна кивает в сторону выхода, и мы остаемся с Н'эргесом один на один.

— Обидно, когда тебя посвящают в свои планы не до конца? — спрашиваю я.

Его взгляд из сканирующего превращается в убийственный.

— Я знаю, на что ты рассчитываешь, Мэйс, — говорит он. — И я буду рядом с тобой, все время.

— Меня это определенно радует, Ригман, — я складываю руки, ладонь к ладони. — Постарайся не обижать мою семью и моих друзей. Или я тебя утоплю.

Впервые за все время нашего знакомства его броня трескается, и сквозь недоумение просачивается удивление. Страх. Мгновенный, как судорожный вздох, но он есть, а потом возвращаются Дженна с ее вьерхом.

— Время, — сухо произносит Т'ерд, и я поднимаюсь.

Дверь открывается, и в зал влетают Митри и Тай, следом входит Вартас — он поддерживает Лэйс, замыкают процессию Лира и Родрес. У Лире затравленный взгляд, но нос она вздернула так, что как крючком может им за что-нибудь зацепиться. Родрес, напротив, смотрит в пол, Митри и Тай бросаются ко мне. Я едва успеваю их обнять, когда в зал входит Тимри, и следом за ней — вооруженная группа. Рыжая одета в военный комбинезон, как и остальные.

Я на миг замираю, но одного короткого взгляда в глаза мне хватает, чтобы понять, что она всегда была с ними. Она всегда все знала. Про Лэйс. Просто играла свою роль рядом со мной. Или...

В ее глазах на миг отражается синева волн, потом Тимри усмехается.

— Что застыли? — командует она. — Выдвигаемся. Кэйпдор сам себя не затопит.

Глава 37. Последний рубеж

Лайтнер К'ярд

Теплый прием.

Так отец говорит об убийстве невинных.

Как будто мало смертей. Как будто мало мне разочарований в тех, кого я считал семьей.

— Вирна и ее сестры не виноваты в планах Карринг. Она просто использует их. Шантажирует.

— Это не имеет значения. — Отец пожимает плечами. — Лиархи и все, кто знает о них, заберут эту тайну с собой на Дно. Такова цена нашего мира.

Едхова мира, где одна из рас всегда будет рабами!

— Не смей ее трогать! — предупреждаю я.

— Попробуй меня остановить, — усмехается Диггхард К'ярд. Нет, этого морского едха больше не получается считать отцом.

Сила во мне вспыхивает в секунды, наполняет меня целиком, дрожит на пальцах. Она все еще нестабильна, но она есть. Я могу ударить Диггхарда. Прямо сейчас. Возможно, у меня даже получится его достать. Достану...

И лишусь единственной возможности спасти Мэйс.

Во взгляде вверху насмешка и вызов: именно этого он добивается. Чтобы я вспылil, вышел из себя, растратил последние силы, а еще сделал все, чтобы меня снова закрыли в капсуле, усыпили на время, пока власти Ландорхорна не справятся с помехой в виде повстанцев.

Я сжимаю кулаки до хруста в костяшках, сглатываю слюну с привкусом крови и сосредотачиваюсь на мыслях о Вирне. Синие глаза, светлая в веснушках кожа, аромат океана. Храбрость, стойкость, вера в лучшее. Любовь. Я здесь не для того, чтобы отстаивать свою правоту, а для того, чтобы защитить мою Мэйс. Защищать ее из искусственной комы будет проблематично.

Я разжимаю кулаки, усаживаюсь на кушетку и опускаю глаза. Чтобы не испепелить взглядом вверху, который только что совершенно точно перестал быть моим отцом.

Контроль.

Вдох-выдох.

И еще раз.

— Молодец, — даже в похвалу Диггхард умудряется вплести ноты собственного превосходства. — Поражение тоже нужно уметь признавать.

Я снова сжимаю зубы.

— Поговорим позже, — обещает он. — Когда все закончится.

Диггхард уходит: я вижу его спину сквозь приоткрытые веки, слышу быстрые шаги. Он идет убивать, а будто — на деловую встречу.

Я медленно считаю до десяти и выпрямляюсь, поворачиваюсь к матери:

— Мне нужна твоя помощь.

Очевидно, в моем взгляде мелькает что-то такое, из-за чего она в первый миг от меня отшатывается. Потом мать ведет плечами, слабо улыбается и отвечает:

— Конечно, Лайтнер. Что тебе нужно?

— Попасть в Кэйпдор. Помешать его планам.

Хватит лжи и уловок, мне нужна правда, а еще союзники. Без союзников Диггхарда не остановить.

— Я не могу. — Замечаю в глазах мамы испуг, прежде чем она отворачивается, прячет взгляд.

— Потому что боишься его? — горько усмехаюсь я. — Если все получится, ты освободишься от его власти.

— Я не за себя боюсь, — вспыхивает она. — За тебя. Я знаю Диггхарда слишком хорошо. Уверена, в своей войне он не пощадит даже сына. Никого не пощадит.

— Именно поэтому я должен быть там, мам.

— Ты еще слишком слаб.

— Чушь! — Я отталкиваюсь от капсулы, и понимаю, что адреналин вымыл из моей крови сонливость и вялость. — В меня влили слишком много сил.

— Лайтнер, я не могу, — она обхватывает себя руками, а я прищуриваюсь:

— Не можешь или не хочешь?

— Не могу, — повторяет мама. — Ты прав во всем, в том, что Диггхард полностью контролирует мою жизнь. Я сама вместе с тобой

узнала про ловушку, что они готовят в Кэйпдоре! Он мне не доверяет, поэтому в последнее время со мной везде ходит Шадар. Присматривает за мной, а теперь и за тобой. У меня просто не получится помочь тебе пройти его и его боевиков. Прости.

— Значит, устрой мне встречу с Харом и Кьяной. Где они? Вместе мы что-нибудь придумаем.

Я осекаюсь, потому что дверь в медицинский блок снова отъезжает в сторону, но к счастью, это не отец. В комнату шагает мама Родреса. К несчастью, она слышала мою последнюю фразу.

— Студенты Кэйпдора против команды лучших вьерхов? Очевидно, стоило запретить моему сыну общаться с тобой, Лайтнер.

Ньестра Б'игг выглядит как минимум непривычно: сегодня на ней темно-синий мундир, строгие брюки и ботинки на низкой подошве. Никаких летящих юбок, высоких каблуков и идеальной укладки. Ее вьющиеся волосы забраны в хвост, а на лице ни следа косметики, отчего она выглядит еще бледнее мамы.

Б'игги — главные союзники отца, поэтому я весь подбираюсь, но до меня вдруг доходит смысл ее слов. Даже не смысл, ярость, с которой это сказано. А еще я замечаю покрасневшие, как бывает после долгих слез, глаза.

— Разве Родрес не на Первом, Зыира?

Ньестра Б'игг коротко смеется, но это больше напоминает едва сдерживаемую истерику. Она вытаскивает из кармана тапет, подходит ко мне и показывает интерактивную карту Ландорхорна. На ней мигают две точки: красная и синяя. Две точки, движущиеся в центр города.

— Родди — мой единственный ребенок, — говорит она, и ее голос на миг смягчается. — Мой мальчик, который слишком гениален для этого мира. Он принимает все близко к сердцу. Поэтому я не могла оставить его без присмотра.

— Одна из этих точек — Родрес?

— Да. Я сама придумала эту систему, поэтому у меня есть доступ. Она отслеживает месторасположение и состояние объекта.

Та система, после установки которой на тапет Родди все в нашей компании пару месяцев над ним смеялись. Он согласился на это отслеживание исключительно потому, что иначе ему грозил

«мамочкин» комендантский час, а так смог свободно ходить по вечеринкам и где ему хочется. Особенно над этим смеялась Ромина.

— Еще несколько минут назад она была неактивна, и не передавала жизненные показатели. Я решила, что случилось страшное. — Зыра выдыхает, прежде чем продолжить: — Как оказалось, был всего лишь потерян сигнал. Я считала, что вы все вместе, в этих скалах, потом, что его везут вместе с вами... до того, как не пропал сигнал. Но он жив. Он вместе с этой девчонкой, но жив.

— С девчонкой? — Я снова смотрю на экран. — Второй сигнал — это Лира?

Что я чувствую по поводу ее предательства? Пустоту.

— Да. Она тоже жива. Почему так получилось, Лайтнер? Почему Родди был не с тобой?

Наши взгляды встречаются, и я понимаю, что ей нужна правда, как и нам всем.

— Родрес не пошел со мной. Он хотел отомстить за смерть Ромины. Убить Дженну Карринг. Я бы остановил его, если бы мог, но твой сын действительно гений, Зыра. Он провел всех.

Ее лицо искажается, не то от боли, не то от злости, но ньестра Б'игг быстро берет себя в руки.

— Это на него похоже. Главная сила моего мальчика — его интеллект.

— Если он жив, — вклинивается мама, — значит, волноваться не о чем.

— Столько лет рядом с Диггхардом, — издевательски произносит Зыра, — а все такая же наивная, Келлин. Понятно же, что если мой Родди пошел к этой Карринг, то сейчас он заложник ныряльщиков.

— Ты рассказала Диггхарду про них? Что они живы?

— Конечно, мой муж предложил их перехватить. Но наш правитель решил не нарушать своих планов и ждать их в ловушке Кэйпдора. В ловушке, из которой никто живым не выйдет. Он сказал, что Родрес не пострадает, но он забыл, что все системы видеонаблюдения в этом городе принадлежат нам. Я знаю, что они там устроили, и это будет кошмар. Он готов жертвовать нашими детьми. Готов жертвовать вверхами ради своей власти.

Да, Диггхард многим перешел дорогу, даже своим. Ньестра Б'игг — союзник, о котором можно только мечтать.

— А ты не готова? — спрашиваю, едва сдерживая собственное воодушевление.

— Мне плевать на тебя, Лайтнер К'ярд. Плевать на твоих друзей, на твою лиарху, на твоего отца и на всю твою семью. Я хочу снова обнять Родди. Я помогу тебе сбежать, если ты вернешь мне сына живым.

— Зыира! — снова повышает голос мама. — Что ты такое говоришь?!

— Я согласен, — отвечаю, не раздумывая. — Помоги мне, и я верну Родреса живым.

И не только его.

В этот момент красная точка на карте тапета мигает и гаснет.

Вирна Мэйс

Подводная база Дженны напоминает Подводное ведомство. С той лишь разницей, что здесь до дрожи в кончиках пальцев чувствуется вода. Она чувствуется здесь так, как никогда и нигде, поэтому, когда мы идем по длинному шлангу коридора к посадочным капсулам, я не могу отвести глаз от бесконечной расстилающейся за стеклом синевы. Здесь я вспоминаю про океанариум, в котором впервые оказалась с Лайтнером. Длинный рукав изгибается и уже почти заканчивается, когда я вижу огромный бурлящий столп вокруг массивного металлического цилиндра.

— Установка, — комментирует Тимри, а Вартас подхватывает Лэйс на руки.

Я вглядываюсь в лицо сестры — бледное, осунувшееся, и тут же отворачиваюсь. Оставлять ее рядом с Дженной было нельзя.

Тай и Митри, хотя и перепуганные, тоже смотрят на бурлящий столп.

— Эта дрянь создает волны, которых мы с вами так боимся, — снова комментирует рыжая.

База находится прямо под «дрянью», точнее, под пластом насыпи, очевидно, искусственной, которую вьерхи создавали, чтобы поставить сюда установку, и под каменным выступом — наростом, уходящим своим корневищем так глубоко в дно, что его начала даже не видно. Здесь нет ни обломков, ни руин, которые так любили показывать в

новостях в передачах о прошлом. Здесь вообще нет жизни, это я замечаю только сейчас.

Ни рыб. Ни марун. Ни черепах.

Вообще никого, даже светящихся искр планктона. Даже водорослей.

Хидрец. Что за дрянь эта установка?

Мы уже почти подходим к посадочной станции, в отличие от коридора наглухо запечатанной за металлическими стенами, когда я вижу очередной столп пузырей, вот только в отличие от предыдущего, на него смотрят все, включая Тимри и Н'эргеса. Какое-то мгновение, а после из темной глубины вырывается Эн. Он несется к нам столь стремительно, что Тай начинает визжать: со стороны кажется, что раг'эна и правда сейчас в нас врежется, но океанская бабочка замирает в нескольких антиваллах от стекла. Прямо рядом со мной. Красивые полупрозрачные плавники раскрываются, как крылья. Мощные боковые — прижимаются к бокам.

— Это что, раг'эна?! — выдает Тимри.

— Хотите сказать, раньше вы ее не видели? — вырывается у меня.

— А должны были? — Этот вопрос задает уже Н'эргес.

Учитывая, где находится их база — да. Но я, разумеется, не отвечаю, просто смотрю Эн в глаза. По ощущениям — вечность, хотя на самом деле мгновение. Он разворачивается так же стремительно, как и пришел, а после уходит на глубину.

— Шевелитесь, — первой в себя приходит Тимри.

— Вирна, эта рыба хотела нас съесть? — интересуется Тай.

— Нет, просто покусать, — фыркает Митри, за что получает убийственный взгляд от Лэйс.

Похоже, ей изменило даже ее весьма специфическое чувство юмора, и я ее очень хорошо понимаю.

— Это не рыба, — говорю я. — Это раг'эна.

— А это что?

— Океанская бабочка. Она живет в воде, но может над ней парить.

— Ух ты! — Тай впервые за все время улыбается, но потом снова хмурится. — А эти люди плохие. Я не хочу с ними идти.

Иногда я жалею, что я не на ее месте и не в ее возрасте.

— Я тоже не хочу. Но мы договорились с ними, что сыграем в игру, и, если я выиграю, нас отпустят.

— Какую игру?

— Игра называется «пусти волну», — насмешливо говорит Тимри. — Но некоторые правила твоя сестра придумывает на ходу.

— Мне больше нравилось у Бэка. — Тай прижимается ко мне, когда двери отрезают нас от стеклянного коридора и запечатывают на посадочной станции. — С Кьяной и Харом. И с Клайтнером.

— Вот сыграем в игру и обязательно к ним поедем, — говорю я, оборачиваясь якобы к Лэйс и Вартасу, но смотрю на Лиру и Родреса. Мне бы хотелось, чтобы они понимали: мы в одной команде, вот только Лира на меня демонстративно не смотрит, а Родрес... тот вообще смотрит исключительно себе под ноги. Только сейчас я замечаю на его шее ожоги. То, что выглядывает из-под расстегнутого воротника рубашки поразительно напоминает отпечаток ладони.

Это единственное, что я успеваю выхватить взглядом, потом техники провожают нас к капсулам.

— Вся моя семья поедет со мной, — говорю я.

— Даже не думай, надьеррская бабочка, — Тимри кивает на капсулы. — Здесь мы разбиваемся поровну. И половина моего отряда будет с тобой. А половина...

Она кивает, и Вартаса с Лэйс, Родреса и Лиру отрезает от нас вооруженная стена. Я делаю шаг вперед, но натываюсь на ее взгляд. Быстрый — Тимри уже командует посадкой своей группы под руководством встретивших нас на станции техников, но мне почему-то его хватает. Я отступаю.

Прокручивая у себя в голове ее слова: «Даже не думай, надьеррская бабочка». В ночь юбилея Тимри впервые мне помогла. Значит ли это, что она готова помогать мне сейчас? Или я просто настолько в отчаянии, что выдаю желаемое за действительное?

Внутри капсулы восемнадцать мест, скамейки по обе стороны, и место для пилота. Оно уже занято, он ждет только нашей загрузки. Вперед садятся вооруженные люди из группы Тимри, один дожидается Н'эргеса, чтобы замкнуть нас между собой и теми, кто сел впереди.

Напряжение собирается в кончиках пальцев: настолько сильное, что мне приходится с силой вдавить руки в колени. Это замечает Митри и накрывает мою руку своей. Сестра выглядит серьезной не по

годам, и я ее обнимаю. Я бы все сейчас отдала, чтобы снова оказаться в нашем домике на Пятнадцатом и все сделать по-другому, но я не могу.

Двери запечатывают нас внутри, слышно, как закрываются двери станции. С легким щелчком капсула «отстегивается» и плывет вверх. В эти краткие мгновения передышки я думаю о Лайтнере. О том, как мы целовались в воде. Почему, если сила вверху оставляет ожоги на суше, не оставляет ожогов в воде? Потому что слабеет? Но почему тогда сила лиархов не оставляет ожоги в воде? Ведь я становлюсь сильнее? Или дело в том, что его сила становится меньше, и мы больше не обжигаем друг друга именно поэтому?

Да, в тот момент, когда мне надо думать о спасении Ландорхорна, я думаю о том, как мне целоваться с Лайтнером.

Кажется, я все-таки сошла с ума.

К счастью, сосредоточиться на этой мысли я не успеваю: нас выплевывает на поверхность раньше, а после аппарат «присасывается» к берегу задом наперед, то и дело окатываемый штормовыми волнами. По иронии судьбы, на глубине океан спокоен, а снаружи напоминает то, что сейчас творится в Ландорхорне.

— Боюсь, если меня окатит хотя бы раз, я буду не в состоянии изображать девочку из элитного района.

— Не переживай, — произносит Н'эргес. — Сушка работает хорошо.

Из капсулы меня выносят чуть ли не на руках, как и моих сестер, так что мне достаются только брызги в лицо. В нескольких валлах от нас так же высаживаются Лира, Родрес, Вартас с Лэйс и Тимри со второй частью своего отряда.

Искренне надеюсь, что Лира уже активировала маячок.

Я не сторонница методов Диггхарда К'ярда, но прямо сейчас это нужно остановить. По эту сторону мыса Гор волны настолько сильные, что капсулы кажутся просто крохотными. Особенно когда срываются с места и исчезают в бурлящей пучине.

— Наш транспорт там, — Тимри кивает на крутой изгиб берега, и в этот момент Лира начинает орать:

— Это все из-за тебя! — Она тыкает пальцем в меня. — Это из-за тебя, если бы не ты, я бы не оказалась в такой ситуации! Мы все!

Я понимаю, что она хочет сделать еще до того, как до меня доходит смысл ее слов. Вскидываю руки, шагаю вперед, пытаюсь перехватить взгляд, но Лира уже смотрит на Родреса.

— Родрес Б'игг! Его ты тоже подставила! Из-за тебя нас притащили на подводную базу рядом с этим... что бы это ни было! Что это было там, под водой, где она бурлит?!

Лира пытается провернуть тот же трюк, что проделала с миротворцами, вот только сейчас за моей спиной стоит Н'эргес, который всех и вся читает на раз, и я едва успеваю сделать еще один шаг, когда раздается выстрел. Глаза Лир удивленно распахиваются, из аккуратной дырочки на лбу стекает струйка крови. Девушка оседает на камни, а я слышу голос вверху:

— Это был твой план, Вирна Мэйс?

Лайтнер К'ярд

— Что это значит? — спрашиваю не своим голосом.

— Ты и сам догадался, — потрясенно отвечает Зыра. — Сигнал идет, но жизненных показателей нет.

— Родрес?

— Лиран, — выдыхает она.

Судорожно втягивает в себя воздух, а вытолкнуть его как будто не может.

— Успокойся, Зыра, — снова вмешивается мама. — Дыши глубже. Думай о тех, кто жив. Родди жив.

Ньестра Б'игг бросает на нее острый взгляд, но, как ни странно, выдыхает:

— Сообщение!

Она включает его, и я слышу последние слова Лир. Стараюсь не думать, что они действительно последние.

Конечно, она обвиняет Вирну. Я даже не сомневаюсь, кому адресованы упреки, а вот вторая часть сообщения...

— О чем они? — интересуется мама. — Что там бурлит?

Подводные установки.

— Это неважно, — отмахивается ньестра Б'игг и смотрит на меня: — Это слышали не только мы, но и Диггхард. Если ты готов, то пойдем.

Я шагаю за ней, но мама перехватывает меня за руку.

— Лайтнер, я никуда тебя не отпускаю. Диггхард не всегда поступает правильно, но он не станет...

Что он там не станет, я узнать не успеваю, Зыра делает подсечку, и мама падает в капсулу. Ньестра Б'игг нажимает на какие-то кнопки, и мама оседает, крышка автоматически закрывается.

— Это лишнее, — говорю я.

— Келлин слишком труслива, поэтому ей лучше поспать пару часов. Она действительно может все рассказать Диггхарду, и тогда пострадает не только Родди. Все, кто сейчас на нашей стороне. Думаю, ты понимаешь это, как никто другой.

Понимаю.

Возможно, именно поэтому не стремлюсь спасти ту, что в спасении совершенно точно не нуждается.

— Кто на нашей стороне?

— Мой муж, наши телохранители, несколько вьерхов из числа военных. Диггхард собрал в своей резиденции только тех, кому доверяет на сто процентов. После той бойни на скалах никому нельзя верить. Мы не знаем, кто еще поддерживает Карринг. Не хотелось бы все время опасаться нового удара в спину.

— Мать сказала, что Шадар в особняке.

— Мы с этим разобрались.

Я не хочу уточнять, что это значит. Того, что есть, и так чересчур — знаний хватит на несколько лет.

Мы выходим из медицинского кабинета, петляем по коридорам. Дом пустой и какой-то темный. За окнами галереи ничего не видно из-за тьмы. Зыра все время смотрит на экран тапета, периодически с чем-то сверяясь.

— Тебе нужна одежда. И обувь.

Это точно, потому что сейчас на мне только пижамные штаны, футболка и мягкие одноразовые тапки.

— Где мой брат? — спрашиваю, когда мы выходим в холл и сворачиваем в сторону площадки для стрекоз.

— В своей комнате, о нем не беспокойся.

— А Хар? Кьяна?

— В безопасности, но тебе сейчас стоит думать не об этом.

Мне лучше сейчас вообще ни о чем не думать, кроме Мэйс. Потому что если остановлюсь и задумаюсь, мой контроль просто развалится крошкой, как та скала.

Мы подходим к нужной комнате, там, где нас должны ждать, и к нам навстречу внезапно шагает отец моего лучшего друга.

— Генерал Р'амриш? — Глаза Зыры расширяются. — Вы разве не командуете захватом в Кэйпдоре?

Хар с отцом настолько похожи, что генерал выглядит так, словно он его постаревшая копия. Разве что у Р'амриша-старшего более жесткий, пронизывающий взгляд, которым он меня сейчас сканирует с головы до ног.

Мое сердце делает кульбит в груди. Потому что по виду нэстры Б'игг ясно, что эта встреча не часть ее плана, и что в отличие от моей мамы, отца Хара так просто в сторону не отодвинуть.

— Это моя обязанность, — отвечает генерал, — но не мой выбор.

Из комнаты выходит Хар. На нем военный комбинезон и ботинки на толстой подошве.

— Отец с нами, — говорит он, и я перевожу дыхание. — Он тоже считает, что все это нужно остановить.

Генерал всегда казался мне суровым, но сейчас его лицо становится особенно жестким, будто выточенным из камня.

— Я не стану подчиняться тому, кто бросает на передовую детей.

— Мы знаем, где Родди. — Я смотрю то на друга, то на генерала. — Очень надеюсь, Вирна там же. Они еще на побережье. Если успеем их перехватить перед тем, как они войдут в город, предотвратим бойню в Кэйпдоре и, возможно, выясним точные схемы закладки бомб.

— Всем бы нам твой оптимизм, Лайтнер, — говорит отец Хара. — Переодевайся, и выдвигаемся.

Гостиная что-то вроде мини-штаба для тех, кто не согласен с политикой Диггхарда К'ярда. Их бы он тоже счел предателями. Здесь военные, гораздо больше, чем рассказала Зыра — видимо, они пошли за генералом, нэстр Б'игг со своими телохранителями. Хар и Кьяна. Последнюю видеть здесь удивительно.

— Родители хотели ее забрать, но я сказал, что никуда ее не отпущу, — объясняет друг. — Рад, что с тобой все хорошо, брат.

Мы коротко обнимаемся и хлопаем друг друга по спинам.

Один из военных поворачивается ко мне лицом, и я не могу поверить своим глазам, потому что передо мной будто восставший с самого Дна едх Бэк.

— Как? — могу только спросить.

— Эти парни и девчонки прилетели на стрекозе вместе с Харом, — объясняет генерал. — Их должны были расстрелять, но я убедил Диггхарда оставить их для допросов, а после освободил их. Сейчас способности миротворцев нам пригодятся, тем более что мы боремся за одно. За Ландорхорн.

Я киваю Бэку и остальным, натягиваю врученный мне военный комбинезон и ботинки, беру шлем.

Генерал и ньестр Б'игг рассматривают интерактивную карту, растянутую на стене. На ней мигает не только синяя точка-Родрес, еще и множество оранжевых.

— Мы предполагаем, что они зайдут с этой стороны Пятнадцатого круга. Это самый короткий путь в Кэйпдор, — говорит отец Родди, и на карте выстраивается предполагаемый маршрут.

Переодевшись, подхожу ближе:

— Что означают оранжевые точки? Другие вьерхи?

— Нет, — качает головой генерал. — Это наша возможность сдержать воду хотя бы частично, если взрывы все-таки прогремят.

— Как мы доберемся до Пятнадцатого?

— У нас две личные стрекозы, — говорит ньестр Б'игг. — Наша и генерала Р'амриша. Полетим на них. О плане расскажу в небе.

— Я оставлю своих телохранителей, чтобы они присмотрели за Келлин и Джуборо, а мы с Кьяной будем ждать в нашей резиденции, — обещает Зыра, пока мой друг целует свою девушку. Меня она просто касается, хлопает по плечу без слов.

Где-то там, в этом кошмаре, моя Вирна, поэтому я только рад, когда мы выдвигаемся.

— Зыра сделает так, что Диггхард нас не увидит, — говорит отец Родди. — Радары нас не увидят, но если он поймет, что тебя нет в Кэйпдоре...

— Мы рискнем, — отвечает генерал. — Других вариантов у нас нет. Придется довериться моим людям, которые долгие годы находились под моим командованием.

Я слушаю все это краем уха, выполняю команды на автомате. Мысленно сосредотачиваюсь на синеглазке. Только она сейчас важна. Наверное, встречай нас армия во главе с Дигтхардом, я бы пошел напролом, но эйрлаты охраняют четверо военных, которые при виде генерала вытягиваются по струнке.

Нам везет: машины нового класса разогреваются мгновенно, и мы поднимаемся во тьму ландорхорнской ночи. Берем курс на Пятнадцатый, со стороны океана. По одну сторону от меня Бэк, по другую — Хар, но никто не нарушает молчания, которое сейчас красноречивее любых слов.

Нам везет. Может, повезет дальше. Я действительно всегда был оптимистом. Мы не знаем, что нас ждет, но каждый из нас готов ко всему.

Только бы лимит моего везения не подошел к концу. Только бы его хватило на мою Мэйс.

Вирна Мэйс

Я смотрю на упавшую Лиру. Перевожу взгляд на Н'эргеса и за миг до того, как он снова нажмет на спуск, бросаюсь вперед и закрываю Родреса собой.

— Нет! — ору я. — Не надо! У него ничего нет!

— Хочешь, чтобы я просто поверил тебе на слово?

— Вирна, отойди. — Голос Родреса хоть и хриплый, но не дрожит. — Не стоит закрывать меня от того, кто стреляет в безоружную девушку.

Митри прижимает к себе ревущую Тай, Лэйс белеет еще сильнее, только Вартас в лице не меняется, остальные в шоке. Даже Тимри, которая переводит на меня потрясенный взгляд и, только запнувшись о мой, говорит:

— Все, хватит здесь драмы устраивать. — Ее голос звучит насмешливо, особенно когда она обращается к Н'эргесу. — Мы пойдем? Или сам будешь объяснять Дженне, почему выбиваемся из графика?

Он обходит замерших ныряльщиков и приближается ко мне вплотную.

— Надеюсь, ты поняла, чем заканчиваются твои сюрпризы?

— Да. Да, я поняла.

Я никогда не чувствовала себя настолько мерзко. Я не вела Лиру на смерть. Я не заставляла ее делать то, что она сделала, но все равно мысль о том, что я думала о ее маячке, или что у нее там, как о шансе все изменить, сейчас вымораживает меня изнутри. Усилием воли справившись с тем, что вижу (белое лицо, широко распахнутые глаза), я опускаюсь и закрываю ее глаза. Понимаю, что мы сейчас просто оставим ее на камнях, сглатываю этот ужас, который останется со мной навсегда, выпрямляюсь и пару мгновений смотрю на Н'эргеса в упор.

Потом разворачиваюсь в сторону излома прибрежной линии и иду.

— Вы с ума сошли? — доносится голос Родреса. — Нельзя же просто бросить ее здесь?!

— Шагай! — и звук оплеухи сливаются воедино.

Камни под ногами скользкие от корочки льда, и сейчас я стараюсь думать только о ней. Об этой корочке на камнях. О Митри с плачущей Тай, о Лэйс, которые за моей спиной, но к которым я не могу обернуться, чтобы посмотреть им в глаза.

Это я захотела, чтобы Лиру взяли с нами. Это я попросила ее взять.

— Мэйс. Куда разогналась? — меня догоняет Тимри.

— Отвали.

— Разговор вполне в твоем духе. Шаг сбавила.

Я сбавляю, но на нее по-прежнему не смотрю. Мне плевать, даже если она собиралась помогать. Нет, если она собиралась мне помогать, мне стоит держаться от нее как можно дальше. Потому что я иду вперед, а перед глазами по-прежнему стоит лицо Лиры.

Еще утром я бы с удовольствием врезала ей. Сама.

Но эта картина не хочет стираться из памяти. Я просто не могу поверить, что ее нет. За последнее время я видела столько всего, что хватит до конца жизни, но именно сейчас я чувствую, как во мне кончаются силы.

Силы, которые мне так нужны, чтобы защитить семью. Но что самое ужасное, я не представляю, как их защитить. Обладая такой

убийственной мощью стихии, я не представляю, как мне защитить свою семью от вооруженных безумцев.

Не убив их всех на глазах у своих сестер.

Чтобы не скатиться в панику, я смотрю себе под ноги и считаю камни, отмечая их цвета.

Один. Черный.

Два. Белый.

Три. Серый.

Четыре. Белый.

Как лицо Лиры.

Пять. Коричневый.

Шесть. Серый.

Семь. Темно-синий.

Как глубина. Глубина глаз лиархи.

Я вспоминаю взгляд рыжей на базе, и там, на берегу. Тимри тоже лиарха. Вот только она никого не убивала. Я видела, как она смотрела на Лиру. Как застыла ее команда.

Никто из них никого не убивал, понимаю я. Они все впервые держат оружие, а если не впервые, то раньше держали только на учениях с голограммами мишеней. От внезапной догадки меня начинает тошнить, причем так сильно, что я останавливаюсь.

— А я говорила, чтобы шла тише.

Н'эргес вплотную приближается к нам, остальные невольно замедляются.

— В чем дело? — спрашивает вьерх.

Это ты мне скажи, в чем дело! Кэйпдор ведь далеко не главная цель. Это просто отвлекающий маневр для вьерхов, для Дигтхарда К'ярда. Бывший безопасник «Бабочки» просто сопровождает нас на верную смерть, вот и все. Мы все изначально — расходный материал. Не только моя семья, Вартас, Родрес и Лира. Все вооруженные парни и девушки, Тимри — тоже. Основная атака начнется не на Втором.

— Не каждый день у меня на глазах убивают, — цежу я и выпрямляюсь.

Поворот уже совсем рядом, и до него я погружаюсь в себя. Снова и снова прокручиваю в голове карту затоплений, сопоставляю варианты всего, что увидела и услышала. Каналы, которые Дженна собиралась взрывать — как сосуды, Кэйпдор — сердце. Взорвать

сердце проще всего, но можно просто отравить кровь, идущую по сосудам. Достаточно запустить цепочку взрывов и направить силу лиархи оттуда, где она сильнее всего. А сильнее всего она... здесь, в океане. Со стороны Пятнадцатого.

Пятнадцатый — наш последний рубеж.

Я оборачиваюсь к Лэйс.

— Как ты себя чувствуешь?

— Бывало и лучше, — сестра кривится.

Вартас по-прежнему несет ее на руках, но сейчас я цепляюсь за его взгляд — чтобы дать понять, что он мне нужен, и насколько он мне нужен. В его глазах мелькает вопрос, но я уже отворачиваюсь: мы пришли. Там, в пещерном углублении камня, которое явно затапливает водой во время штормов и приливов, стоят три стрекозы, и «скупают» пилоты.

— Мы думали, уже не дождемся, — произносит один.

— Меняемся, — говорю я Тимри. — Теперь со мной Лэйс. Ей плохо, я не посажу ее к тебе.

— Да мне без разницы, — фыркает она, но в ее глазах я тоже вижу ответ.

Мы рассаживаемся. На этот раз со мной оказываются Родрес и Лэйс, Вартаса отодвигает Н'эргес.

— Он полетит отдельно.

Вартас собирается возразить, но Лэйс фыркает:

— Даже не думала, что скажу спасибо за возможность отдохнуть от его занудства.

Иди к девочкам, мысленно повторяю про себя. Иди к моим сестрам. Иди к ним. Иди.

И он уходит. К счастью.

— Ты тоже вылезай, — последнее относится к Родресу.

Парень подается назад, вжимается в сиденье.

— Нет.

— Хочешь присоединиться к своей подружке?

Родрес просто взлетает со своего места, явно собираясь на него броситься. В этот момент Лэйс успевает незаметно сползти на сиденье, чтобы выставить ногу, и парень растягивается на полу салона. Стоящие снаружи ныряльщики хохочут.

— Вытаскивайте его. И сажайте к себе, пока я не передумал.

Подняться Родресу не помогает никто, я усилием воли заставляю себя остаться на месте и мысленно благодарю сестру за то, что она сделала.

Когда парень все-таки выходит, внутрь забираются еще шестеро ныряльщиков. Несмотря на просторный салон, нам приходится потесниться.

— Летим строем, — командует Н'эргес остальным пилотам. — Вы все за нами.

Строем — это хорошо. Похоже, Лэйс тоже так думает, потому что стоит бронированным дверям запечатать нас внутри, она мне подмигивает. Понимает ли она, что я собираюсь сделать? А если понимает, осознает ли, насколько это опасно?

— Что, если в нас будут стрелять? Вьерхи? — спрашиваю я у сидящего рядом со мной ныряльщика.

— С чего бы вьерхам стрелять в своих?

— Да мне плевать! Я не хочу сгореть заживо.

— Заживо не сгоришь, — хохочет один из ныряльщиков. — Если не развалишься на части в воздухе и не умрешь от удара о землю, вот здесь есть кнопка аварийной разблокировки. Она работает даже в условиях полного краха электроники, от двух автономных источников.

Я смотрю на две боковые панели, с одной и другой стороны. Рука так и тянется проверить, как это работает, и работает ли, но рядом с пилотом сидит Н'эргес, и при нем это явно делать не стоит. Остается надеяться на то, что этот парень прав, и на то, что Лэйс меня поняла. Равно как и Тимри.

На легком ходу стрекозу выводят из пещеры, а после мы стремительно набираем высоту. Я откидываюсь на сиденье и глубоко дышу. Пытаюсь просто почувствовать воду так, как чувствовала ее будучи рядом. Она и сейчас рядом: моя родная стихия, мой океан. Я не представляю, сколько от точки за мысом Гор до Пятнадцатого, но явно быстрее, чем на обычных эйрлатах.

Поэтому уже сейчас прикрываю глаза, снова и снова пытаюсь «достучаться» до стихии, и она откликается. Кончики пальцев начинает легко покалывать, будто к ним тянутся невидимые нити, а в груди разрастается сила, способная затопить меня всю.

— Эй, ты! Припадочная! Опять тошнит, что ли? — цедит один из ныряльщиков.

— Отстаньте от нее! — Лэйс сжимает мою руку в своей, и меня ударяет импульсом силы.

Слабым, но достаточным для того, чтобы понять: старшая сестра понимает, что я задумала.

Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, говорит ее взгляд.

Я тоже на это надеюсь.

Как и на то, что Тимри все-таки с нами. Что я в ней не ошиблась.

Дальше я просто сижу, уставившись в одну точку, считаю про себя. Мне только считать и остается, в стрекозах и время, и расстояние неразличимы, я даже не представляю, где мы сейчас находимся. У меня будет всего несколько мгновений, чтобы все сделать, а потом — несколько мгновений, чтобы ударить по панели разблокировки.

И сделать это после того, как мы окажемся под водой.

— Меня сейчас стошнит, — говорю я.

— Только на не на меня! — ныряльщик отодвигается в сторону.

— Мне нужно к окну. Пустите меня к окну.

— С какой стати кто-то решил, что она вообще на что-то способна? — выплевывает парень, но все-таки двигается, и я прижимаюсь к окну. Бескрайняя гладь океана, над которой мы летим, сейчас кажется черной. Ночью вообще сложно что-либо рассмотреть, как в ту ночь, когда Ромина везла меня сюда, чтобы сбросить в воду.

По какой-то черной иронии, я собираюсь сделать то же самое.

Именно эта ночная темень, разрываемая только приглушенным светом фар стрекозы, сейчас играет мне на руку. Прижавшись к стеклу, я вглядываюсь в побережье, чтобы не пропустить знакомый изгиб, за которым начинается выход на Пятнадцатый. Промышленный Пятнадцатый, где живет Алетта. И еще больше миллиона людей — если верить статистическим данным, которые ежегодно оглашались для всех.

Не знаю, сколько проходит времени, когда я вижу его. Вдалеке.

Пятнадцатый. Огни.

Поэтому закрываю глаза, опускаюсь на сиденье и полностью отпускаю силу. Она врывается в меня сплошным неконтролируемым потоком, таким, от которого я на миг перестаю чувствовать себя собой, а после погружаюсь в него как в воду, чтобы получить ее отклик. Я

действую наугад, но чувствую, как бурлит стихия в груди, и чувствую, как она отзывается снаружи. Мне не нужно даже смотреть, я вижу ее внутри, эта волна поднимается из недр океана, такая же черная, как черное небо, и закрывает его собой.

За миг до того, как она ударит в нас, я чувствую рывок: стрекоза пытается уйти в сторону, но не успевает. Вода обрушивается на нас, накрывает и поглощает, увлекая за собой вниз. Я падаю грудью на колени и закрывая голову, слышу вопли, ругательства. Приоткрываю глаза, на миг, чтобы увидеть Лэйс — она тоже подобралась.

Удар.

Меня швыряет, как игрушечный мяч. На кого-то.

Боль в правом плече, крики, на мгновение кажется, что из меня выбило воздух, мысли, биение сердца. Я резко открываю глаза, делаю глубокий вдох и бью по панели разблокировки.

— Ты что дела-а-а...

Я уже забыла, каково это — когда ледяная вода разом ударяет во все тело и впивается в кожу тысячами игл. На глубине она не просто холодная, она кажется неестественно ледяной, но я хватаю Лэйс за руку, выдергиваю нас из крутящейся в водовороте стрекозы. Нас бултыхает под водой, как игрушки, но все, что я могу сейчас сделать: это просто не отпускать ее руку. Запястье простреливает болью, я же только сильнее сжимаю пальцы. Нырятьщики выбирают из металлической коробки один за другим.

Стоит водовороту чуть уйти в сторону, как я рывком устремляюсь вверх, от Лэйс исходит голубоватое свечение, но мне сейчас не до этого. Мы вырываемся на поверхность, судорожно вдыхаем холодный воздух, глаза сестры — сплошная полыхающая синева.

— Ты еще более безумная, чем я думала! — она кашляет и хохочет. Несмотря на глубокую ночь, на ее лицо вернулась жизнь. Черты больше не заострившиеся — похоже, океанская вода сделала то, что не успели завершить подземные воды в Вedomстве.

Лэйс вскидывает руку:

— Смотри! — Одна из стрекоз зависла над берегом, другая направляется к нам. Осветительный луч шарит по черной воде.

— Эй! Эй, мы здесь! — кричат за моей спиной. — Заберите нас!

Оглядываюсь: ныряльщики откашливаются, бултыхаются в воде, как поплавки. Это последнее, что я успеваю увидеть на поверхности, потому что резкий рывок увлекает меня под воду. Перекошенное лицо Н'эргеса, горящие ненавистью глаза. Он выбрасывает вперед руку, и его пальцы сжимаются на моем горле. Все темнеет еще сильнее, чем сейчас, я тщетно пытаюсь его оттолкнуть, вцепляюсь ногтями в запястье.

Сердце колотится на пределе сил, пальцы сжимаются все сильнее, сильнее и сильнее. Его. Мои, напротив, слабеют, когда из глубины змеей взлетает светящаяся водная плеть, оплетает его тело. На миг в глазах вверху мелькает непонимание, но потом он вцепляется в мою шею второй рукой. Водная плеть на его теле стягивается с такой силой, что глаза вверху почти вылезают из орбит. Хватка на моем горле слабеет, ладони соскальзывают вниз. Я вижу стекленеющий взгляд, который поглощает затягивающая тело Н'эргеса глубина, и начинаю биться в воде. Кто-то обхватывает меня сзади, не позволяя выйти на поверхность, я пытаюсь кричать, но горло обжигает огнем, вместо крика из меня вырываются только пузырьки воздуха.

Это продолжается по ощущениям вечность, потом меня рывком выдергивают на поверхность, я резко разворачиваюсь и вижу рядом с собой Лэйс.

— Прости, — она обхватывает мое лицо руками, вглядывается в глаза. — Прости, Вирна, прости. Этот урод недоделанный чуть шею тебе не свернул, тебя нужно было подержать под водой. Иначе...

— Спаси... бо, — я это сейчас выдыхаю и понимаю, о чем она говорит.

В горло будто битого стекла насыпали, как во время сильной простуды. Я едва могу говорить и дышать.

— Давай. Еще раз нырни. Пока они разворачиваются.

Часть ныряльщиков болтаются на тресе, который сбросила стрекоза, их везут на берег. Еще часть бултыхаются чуть поодаль от нас. К моему облегчению, пилот тоже.

Я делаю глубокий рваный вдох, но Лэйс кладет руки мне на плечи.

— Не вдыхай. Поверь мне. Не вдыхай. Просто погружайся.

Я выталкиваю воздух через силу и опускаюсь под воду. Первые мгновения кажется, что я сейчас задохнусь, а потом меня тоже

окутывает странное свечение. Такое же, как было вокруг Лэйс после падения. Эта магия окружает меня как воздушный пузырь или что-то вроде, но в нем я могу дышать, я могу дышать, как на поверхности. Больше того, отступает холод, и раздирающая на части горло боль — тоже.

Невероятно.

Это просто невероятно.

Я провожу ладонью в воде, и от моих пальцев тянется сияющий голубой свет. Несколько мгновений я наблюдаю за ним, а потом, когда вдохи перестают напоминать рваные хрипы, возвращаюсь к Лэйс.

Оглушенная случившимся, смотрю на сестру, а она указывает на трос:

— Остались только мы и пилот. Готова?

— По крайней мере, если я упаду, ничего страшного не случится.

— Да уж, страшнее, чем ты сейчас, точно ничего не случится.

Мы обе хохочем, как безумные, пилот помогает мне зацепиться за трос. Руки кажутся слабыми, юбка облепляет ноги. Я с трудом сжимаю леденеющие вне воды пальцы на витом металлическом шнуре.

— Главное, крепко держитесь.

Я думаю, что превращусь в ледышку, пока нас довезут до берега. Может, и превращусь, только мысли о сестрах, о Лайтнере, о том, что все еще только начинается, заставляет все сильнее сжимать коченеющие пальцы.

Стоит ногам коснуться скользких мокрых камней, к нам подлетает Вартас:

— Сушиться. Обе. Все вопросы потом.

Я успеваю разве что сделать шаг к стрекозе, где уже греются ныряльщики, когда рокот зависшей над нами второй машины усиливается. Не сразу понимаю, что происходит, а когда поднимаю голову, к нам со стороны Пятнадцатого приближаются еще два военных эйрлата въерхов.

Глава 38. Моя вторая смерть

Вирна Мэйс

— Вьерхи! — рычит один из ныряльщиков.

— Вирна! Вирна! — Ко мне бегут Митри и Тай.

— Не стреляйте! — Я не узнаю свой голос, он глухой, низкий и хриплый, еле слышный, поэтому приходится напрячь все силы, чтобы крикнуть: — Не стреляйте!

Это Лайтнер. Он вернулся за мной, он же обещал. Нахлынувшее на миг облегчение сменяется ужасом, когда я вижу вспышки над городом. Эти вспышки, когда пламенные следы разрезают небо и падают во тьму, чтобы превратить ее в огненный вихрь, не перепутаешь ни с чем. Это — зачистка.

Мы все замираем, или это время замирает раньше. Потому что я не могу объяснить, как взгляд может выхватывать столько деталей сразу. Разворачивающийся эйрлат, который забирал нас из океана, которым командует Тимри. Медленно открывающийся ракетный отсек.

Еще две стрекозы, которые вылетают из расцвеченной багровым тьмы, из-за двух первых.

Вспухающий огненным рубцом след от снарядов, ударяющий в океан где-то за мысом Гор — там, где база Дженны, где она осталась с Мишенью и остальными ныряльщиками.

Стрекоза Тимри ракету выпустить не успевает, зато успевают вьерхи. Взрыв прямо над нами такой, что содрогается земля. Меня подбрасывает в воздух, всех, кто стоял внизу, подбрасывает, швыряет в стороны, лишает слуха. В лицо летят камни, брызги, в ушах и над головой словно толща воды. Я ударяюсь о гальку спиной и вижу, как с неба осыпается огненный дождь.

Обломки пылающей стрекозы.

Лэйс! Митри! Тай!

Я пытаюсь подняться, но мир перевернут, а тело кажется вросшим в землю, вращающуюся со скоростью сотни тысяч валлов в мгновение. Почему-то хруст заледеневших камней под ногами слышен гораздо

отчетливее, чем крики и выстрелы, которые доносятся откуда-то издалека.

— Жива. Я, кажется, тебе говорил, что она нам нужна живой?

Этот голос я очень хорошо знаю: голос Диггхарда К'ярда, хотя он тоже доносится словно из-под воды. А вот ответный, торопливо-резкий, мне безразличен, и, к моему ужасу, мне сейчас безразлично даже то, что неслышанные мной оправдания обрываются выстрелом. Тело вверху валится на гальку рядом со мной, а меня, напротив, вздергивают наверх. Поднимают на руки.

— В стрекозу ее. Остальных убить.

— Нет! — кричу я, пытаюсь вывернуться из чужих рук. — Нет, нет, нет!

Мои крики похожи на полупридушенные, пытающиеся прорваться из груди вздохи, я пытаюсь царапаться, кусаться. Зубы впиваются в жесткую ткань мундира, вверху, который меня держит, сдавленно шипит, когда моя раскрытая ладонь впечатывается в его колючий подбородок. Из-за широких плеч ничего не видно, и я вдавливаю ладонь сильнее, чувствуя, как в пальцы брызжет огонь ожога.

— Митри! Тай! Лэйс! — срывая голос, ору, пытаюсь вывернуться из железного захвата. И мне это почти удается.

Укол в шею я чувствую скорее потому, что игла ледяная, сознание выключается раньше, чем я успеваю увидеть хоть что-то, кроме погон и нашивок.

Следующее пробуждение начинается с дикой головной боли. В последнее время я только и делаю, что прихожу в себя в медицинских отсеках, но в этот раз моей ярости хватит на то, чтобы разнести здесь все, даже будучи спеленутой по рукам и ногам металлическими ремнями. Я просто врезаюсь взглядом в склонившегося надо мной медика, а после пытаюсь дотянуться до воды. До любой воды, до которой могу.

— Слишком далеко, Вирна Мэйс, — ко мне приближается Диггхард К'ярд. — На таком расстоянии вода не откликнется даже тебе.

Что он имеет в виду под «даже тебе»?

Отец Лайтнера почти мгновенно теряет ко мне интерес, поворачивается к мужчине в белом халате.

— Она готова?

— К такому нельзя подготовиться, — отвечает тот. — Но да, жизненные показатели в норме.

— Отлично. В камеру ее.

В камеру? На этот раз вверху, которые ко мне приближаются, в защитных масках. Как во время разгона толп и демонстраций, у них нет ни единого открытого участка кожи, и мне впору смеяться, что на меня — целых трое военных. При моем росте и комплекции это и впрямь смотрится комично: один отстегивает ремни, второй мгновенно перехватывает ноги, третий — руки.

Правда, сейчас я на них не смотрю.

Я смотрю в глаза Диггхарда К'ярда.

— Ты убил мою семью, — говорю я, и внутри все переворачивается. Сметая волной все человеческое, что жило во мне.

— Очень скоро тебе станет все равно.

Все равно?!

Я понимаю куда меня тащат, только когда перед глазами возникает вертикальная камера. Наподобие той, что я видела в Подводном ведомстве, для мгновенных допросов.

— Мне нужно знать все, что знает она, — произносит К'ярд. — И все, что знают они. Кто еще это знает. Вытаскивайте из нее любые воспоминания, все до малейшего. Все ее контакты. Мне пригодится все.

— Я смогу вытащить только то, что будет в ее живом разуме. До той минуты, пока ее мозг не поджарится.

— Вы сможете вытащить все. Иначе следующим мозгом, который поджарится, будет ваш.

Воды действительно нет. Нет отклика. Я выгибаюсь в руках вверху, рискуя сломать себе позвоночник раньше, чем меня запихнут в камеру, но меня перехватывают поудобнее. В камере запечатывают ремнями с такой силой, что я едва могу дышать, а после фиксируют на голове шлем. За спиной — обманчиво-мягкая поверхность, которая сейчас кажется жуткой, затягивающей трясинной.

Я думала, что страшнее уже не будет, но сейчас мне страшно.

— Нет, — шепчу я. — Нет, нет, нет... я не хочу так!

Вспышка перед глазами — на интерактивном, как выяснилось, стекле, ослепляет, а потом перед глазами начинают мелькать узоры. Это не похоже ни на что из того, что мне доводилось видеть, узоры становятся объемными, заполняют все, складываются в калейдоскопные.

Калейдоскоп.

Нас восемнадцать. Восемнадцать лучших выпускников по Пятнадцатому кругу, у нас лучшие результаты, и сейчас мы собрались в Образовательном Центре Ландорхорна, учрежденном десять лет назад для проведения Первого Калейдоскопа. Сейчас здесь пройдет лотерея, которая определит судьбу каждого из нас. Которая выберет только одного победителя.

Я чувствую, как бешено колотится сердце, пока электронный генератор перебирает наши имена, а потом оно останавливается и, по ощущениям, проваливается в пятки. В то же мгновение, когда на экране высвечивается имя.

Вирна Мэйс.

— Вирна Мэйс! — объявляет сухощавая, с зачесанными назад короткими волосами, вверху в деловом костюме. — Вирна Мэйс, два шага вперед, пожалуйста! Поздравляем!

Я делаю шаг вперед, всей кожей чувствуя впивающиеся в меня взгляды. Никто из них не хочет меня поздравлять, потому что именно я отняла их шанс обучаться в Кэйпдоре. Я вижу улыбку на лице только у одного парня, он мне подмигивает и поднимает вверх большой палец.

— Молодец, — произносит одними губами, и...

Воспоминание стирается, как будто его и не было.

Я сижу на полу, рядом со мной — мама.

— Ну-ка, что неправильно? Посмотри. — Она указывает на кубики, которые я только что складывала.

Я смотрю.

Три кубика в ряд: «В», «Д», «А».

— Она тупая, — Лэйс сидит на стуле и болтает ногами.

— Она маленькая, — строго говорит мама, а потом поворачивается ко мне. — Вирна, читай.

— В... Д... А...

— Чего не хватает?

Я тянусь к кубику «О», но за миг до того, как слово сложится, воспоминание снова стирается. Картинки из памяти начинают мелькать с такой скоростью, что я едва успеваю их улавливать.

Первый день в школе.

Драка на перемене. Разбитая коленка.

Лэйс, пинающая парня из среднего класса, который меня побил.

Митри у мамы на руках. Тай.

Папа.

Дождь. Шторм. «Ваши родители погибли».

Все это ускоряется, ускоряется, ускоряется, сливаясь в практически бесконечную череду воспоминаний. Занятия спортом дома, потому что в классе я самая слабая и самая мелкая. Море перед глазами. Тепло нагретых от солнца камней.

Брызги на пальцах.

Впервые за долгое время смех. Мы все вместе стоим на берегу, вокруг серо и кажется, надвигается шторм. «Пора возвращаться домой», — говорит Лэйс и смотрит на бушующее море.

Скользящая по коленке рука, противный липкий взгляд. Шокер, который Лэйс протягивает мне. Платформа, платформа, платформа. Гусеница. Первый день в Кэйпдоре. Презрительное: «Калейдоскопница»! — «Привет, я Алетта. Я выиграла в прошлом году, но повредила ногу и не смогла учиться сразу. Мне позволили остаться, представляешь?! Не стали перевыбирать». — «Это Ромина Д'ерри».

Лайтнер К'ьярд.

Холодный, острый аромат парфюма, взгляд вверху.

— Засранец.

Картинки ускоряются еще сильнее. Я больше не различаю ничего связного, просто сплошной смазанный фон, как если бы летела в эйрлате на недопустимой скорости. Легкое покалывание в висках сменяется жжением. Все сильнее, сильнее и сильнее. Теперь калейдоскоп разваливается. Выпадает из общей картины трескающимися частями, как элементы из старой фрески.

Осколок — побережье и склонившийся надо мной Лайтнер с черными, как ночь, глазами.

Следующий — банка с мертвой бабочкой.

Они выскальзывают из общей ленты воспоминаний, которые разматывают, как нечто несущественное, растягивают по поверхности на обозрение всем.

Осколок — нападение в переулке. Еще один — шокер. Следующий — Вартас.

Пелена перед глазами густеет, а боль в голове становится такой, что во мне даже нет сил, чтобы кричать.

Снова Лайтнер.

Мгновения первой близости. Прикосновения губ.

Вспышка боли, удивительное тепло после.

В голове что-то взрывается, и я перестаю понимать, что со мной происходит. Незнакомая девушка с красными волосами кричит, выгибаясь на стене от электричества. Незнакомые темные переходы между каменных стен, странный, похожий на пещеру, кабинет, мужчина, карта, знакомые люди рядом.

Высокая темноволосая женщина с глазами хищницы. Сцена. Крылья за спиной.

Разваливающийся на части камень, парящий в воздухе.

«Я улечу следующим, совсем скоро мы снова встретимся. Обещаю».

Эта фраза отщелкивается, вылетает из сознания, уже спустя мгновение я не могу ее вспомнить. Как не могу вспомнить всех тех людей, которые окружают меня в рассыпающихся картинках. Волны. Свечение. Мужчина, который меня душит. Все это вылетает, крошится осколками разорванного в воздухе эйрлата стирается, выжигается из памяти.

Боль впивается в тело огненными осколками, растекаясь из превратившейся в сгусток пламени головы по всему телу.

Щелчок.

— Она все еще в сознании? Невероятно. — Перед глазами лицо мужчины.

Жесткий взгляд в упор.

— Мозговая активность... Она все еще способна мыслить. Вот это действительно невероятно.

Тишина.

Этой тишины слишком много, я смотрю на собравшихся вокруг меня мужчин, один из которых в белом халате.

— Главнокомандующий? Ваш приказ?

— Наблюдайте ее.

Он разворачивается и идет к двери. Я смотрю в спину удаляющегося незнакомца, а потом соскальзываю в бесконечную пустоту.

Глава 39. Между океаном и землей

Лайтнер К'ярд

— Диггхард перехватил сигнал, — говорит нэстр Б'игг. — Зыира сообщила, что эйрлаты даже не направлялись в сторону Кэйпдора и летят к побережью.

Внутри стрекозы темно, но у меня перед глазами темнеет еще сильнее.

— Мы должны успеть первыми!

Потому что там Вирна. И ее семья.

Мне отвечают мрачными сосредоточенными взглядами, но генерал приказывает:

— Скорость на максимум.

Мы действительно летим так быстро, как можем, хотя я понимаю, что Диггхард вряд ли будет медлить.

Мы летим очень быстро, пересекая один круг за другим, но это все равно самый длинный полет в моей жизни.

Самый длинный и тревожный.

Поэтому я сжимаю пальцы на шлеме, цепляюсь за него, как за якорь. В голове будто на повторе играет: успеть, успеть, успеть. Добраться до Мэйс, а там схватить ее и никогда не отпускать.

Выполнить свое обещание.

Я думаю о том, как возьму ее руки в свои, как прижму к себе, и поцелую в губы, щеки, глаза. Буду целовать всю. Пусть даже придется делать это в океане. Да хоть в космосе!

Эти мысли придают сил.

Вдыхают в меня надежду.

Круги сменяются один на другой, удаляя нас от центра, за узкими полосками окон стрекозы темнота становится почти равноправной хозяйкой.

— Вижу их! — сообщает пилот. — Радар засек впереди. В небе над Пятнадцатым.

Сердце уходит в пятки.

— Когда мы с ними сравняемся? — спрашиваю, хотя скорее, требую я у генерала, который сидит рядом с пилотом. Он опустил бронированную перегородку между кабиной и нами, и я могу видеть лобовое стекло стрекозы, но в отличие от радаров, заметить отца и боевиков не могу. Слишком сильно они вырвались вперед.

— На побережье.

Хорошо. Просто отлично.

— Едх, он активировал зачистку! — голос Зьиры настолько громкий, истеричный, что я слышу его даже сквозь наушник сидящего рядом отца Родреса.

— Деактивируй ее.

— Не могу. Доступ заблокирован, нужно время, чтобы обойти.

— Цель?

Ответ ньестры Б'игг поглощает яркая вспышка. Тьма за окном рассеивается, будто в небе всходит яркое солнце. Снаряды проносятся над нами, ослепляя.

— Какого едха там происходит?

Какого едха рядом с пилотом не сел я?

Мощный взрыв где-то за горизонтом, там, где океан, и еще один на побережье сливаются в единый. Один из эйрлатов разваливается на части в воздухе, огненно-черными кусками осыпаясь на берег. Вместе с ними осыпаюсь весь я, потому что это стрекоза ныряльщиков.

Потому что там может быть Вирна.

— Люди на берегу!

Не знаю, кому принадлежит эта фраза, но сейчас мне это и неважно.

— Садись! — командуем мы с генералом одновременно.

Время замедляется. Будто его и нет вовсе.

Я двигаюсь словно в вакууме. Едва сдерживаю себя, пока стрекоза опускается на уступ из камней, по другую сторону пляжа и эйрлатов, что прилетели с Диггхардом. Одна из стрекоз снова взвивается в небо.

Стоит нам сесть, а двери едва подняться, я бегу вперед. Здесь не только люди. Здесь вьерхи. Военные, стреляющие в ныряльщиков. И ныряльщики, палящие в ответ.

Мне выдали оружие, но я им не пользуюсь: просто заставляю камни двигаться, испаряю берег, сбиваю вьерхов. А первого, кто пытается ответить силой, просто раскатываю по поверхности, второй

проваливается под землю. Это похоже на бег с препятствиями, как на занятиях у Адмирала, или как на квест с лучами в Подводном ведомстве, и я бегу. Бегу до тех пор, пока не вижу девушку с красными волосами, влетающую вместе с белобрысым парнем и детьми в океан. Оставшийся в небе эйрлат с миротворцами поливает одну из стрекоз Диггхарда огнем из лазерных лучей. Тот отвечает залпом ракет, но эйрлат лихо уходит в сторону. Сражение стрекоз настолько яркое, что сейчас светло как днем, и мне все прекрасно видно.

Я спрыгиваю с валуна, бегу туда, практически не чувствую под ногами земли. Врезаюсь в одного из вьерхов, который целится в семейство Мэйс. Силой сбиваю второго.

На этот раз я не путаюсь — передо мной Лэйс, но где-то же должна быть Вирна. Она никогда не бросает свою семью. Своих сестер.

— Где она? — кричу я, подбегая к трясущимся, промокшим насквозь мелким и яростной старшей сестре. У них с Вирной это общее — никогда не покажут свой страх. — Где Вирна?

Лэйс сверкает синими глазами лиархи, выплевывает:

— Ее забрали вьерхи!

Диггхард. Ее забрал Диггхард.

Зачем?!

— Лайтнер, немедленно возвращайся в стрекозу! — приказывает генерал. — К берегу идет огромная волна.

Он мог бы не говорить.

Потому что одного взгляда на океан достаточно, чтобы заметить растущего на глазах, набирающего скорость и силу гиганта. Прущего на нас с неотвратимостью. Это так красиво и одновременно так ужасно, что даже я, повидавший самые разные волны возле мыса Гор, на мгновение замираю.

До меня доходит, что после комментариев Лиры Диггхард приказал зачистить базу Дженны Карринг. Ракетный удар потревожил земные породы, что под водой, и волна вот-вот смоет в океан всех свидетелей, знающих про лиарх, а заодно и часть побережья. Накроет Пятнадцатый.

И этого монстра я считал отцом?

Стрекоза, которая палила по нашей, разворачивается и направляется в сторону города.

Рядом всхлипывает Митри, в голос начинает реветь, цепляющаяся за подхватившего ее на руки Вартаса, как водоросль, Тай, и я прихожу в себя, быстро подключаюсь к генералу Р'амришу:

— Сколько пассажиров мы можем взять с собой?

— Всех все равно не заберем, Лайт.

Это действительно так. Допустим, я могу спасти детей, Лэйс и, чтоб его едхи на Дно забрали, Вартаса, но что делать с остальными? Вирна мне такого решения никогда не простит. Как и я сам.

Стоящая по колено в воде Лэйс по моему лицу все понимает, поэтому кричит:

— А что делать с людьми? Что станет с Пятнадцатым? Я отсюда ни ногой!

— Что ты предлагаешь?

— Остановить волну!

— Как?

— Я лиарха, ты — вьерх. Я остановлю воду, а ты... как-то повлияешь на землю.

— Как-то повлияю на землю?!

Не семейка, а хидрец какой-то!

Она сошла с ума. Свихнулась в застенках Ведомства, но сейчас, глядя на Лэйс, понимаю, что она верит в свой план. Верит, что он сработает.

Повлияешь на землю. Повлияешь на землю.

В голове вспыхивают воспоминания о школьные занятия по истории. У нас с Харом был классный учитель, он не просто читал скучные лекции, он буквально воспроизводил исторические события с помощью голографических карт. Когда мы проходили период до и после Нресской волны, он показывал, как вьерхи защищали города. Они делали чашу.

— Ты ранена, — пытается убедить ее белобрысый.

— Я в форме, — отмахивается Лэйс. — Купание в ледяном океане пошло мне на пользу. Тем более что вариантов у нас немного.

— Лайтнер! — К нам подбегает Хар. — Ты не слышал приказ?

— Забирай девочек, — киваю на белобрысого: — И этого тоже. Мы с Лэйс попробуем развернуть волну.

— Развернуть?

— Я создам чашу. Подниму берег, а остальное сделает наша лиарха.

— Я помогу.

— Нет, не в этот раз. У тебя есть Кьяна.

— А у тебя есть Вирна!

В сердце отдает болью, но я заглушаю боль яростью, от которой сила плещет в ладони.

— Да, — я указываю на волну, — поэтому я разверну это чудовище, а после отправлюсь к Диггхарду! Убирайтесь к едхам!

Это срабатывает. Они убегают в сторону эйрлата, вслед за людьми и вьерхами, которые устремляются подальше от несущейся на них смерти.

— Лэйс! — кричит малышка, но старшая сестра Вирны, как и я, поворачивается к океану.

Хотел бы я, чтобы сейчас рядом со мной стояла синеглазка? Точно нет, потому что где бы она ни была, там лучше, чем здесь. А здесь... Одна ошибка, и мы все всплывем брюхом кверху.

— Тебе нужен контакт? — Как ни странно, у меня даже голос не дрожит.

— Желательно.

Мы опускаемся на корточки почти одновременно. Я вплавляю пальцы в камни, и сила вьерха уходит в гальку, в землю, в скалы и мыс Гор. Лэйс ловит руками брызги, и по убывающей воде устремляются светящиеся линии. Сила лиарх заставляет в очередной раз заставляет меня восхититься, но я тут же сосредотачиваюсь на чудовище, которое вот-вот войдет в лагуну.

Океан гудит, и берег вместе с ним, потому что камень под действием моей силы начинает двигаться, вырастать из-под земли. Это даже легче, чем удерживать скалу в воздухе. Сначала мне так кажется, и только спустя мгновение я понимаю, что не только моя сила втекает в камень — в меня самого втекает энергия множества вьерхов на берегу. Это не только Хар. Их столько, что я чувствую огромный прилив сил. Я резко выдыхаю и, за нашими с Лэйс спинами вырастает стена, достаточно высокая и толстая, чтобы на нее обрушилась мощь океана, при этом не сломав.

Она войдет в лагуну и просто разобьется. Точнее, развернется.

Сверкающие линии пронзают толщу готовой обрушиться волны, и кажется, что над нами звездное небо. Лэйс разворачивает монстра, и я замечаю, как на ее лбу от перегрузки вздуваются вены. Наверное, я выгляжу так же, потому что тяну скалу-стену выше и выше, выжимая соки из земли. Радость от того, что у нас получилось, стирается за беспокойством.

— Лэйс, нам пора, — кричу я. Нужно скрыться арку в камне. Пройти к остальным.

— Сейчас!

— Лэйс! Волна слишком близко.

Я подхватываю девушку, вдавливаю ладонь в камень.

— Нет! — кричит она, и огромная сила вмиг ударяет в меня, и утаскивает нас.

Это не больнее, чем падение с огромной высоты на камни, но страшнее в десятки раз. Нет, в сотни раз! Потому что пока чудовище тащит и тащит меня на глубину, я задыхаюсь. Меня будто перемалывать в бесконечном водном смерче, но ужаснее всего, что я при этом подвел Лэйс и подвел Вирну.

Я сдохну зря. На едховом Дне.

Белое сияние вспыхивает так неожиданно и так ярко, что я теряюсь в этом свете, а потом оно окутывает всего меня, хватает и тащит вверх. Выбрасывает на поверхность, и я хриплю и кашляю, растягиваюсь на прохладном крыле океанской бабочки. На другом крыле точно так же кашляет от нового вдоха жизни Лэйс.

— Мэйс, ты нас чуть не убила!

— Я бы нас защитила, какого едха надо было нас хватать?

— Мы бы прошли через камень.

— Мы бы смогли дышать под водой, в пузыре. Я смягчила удар волны!

— Но нас все равно смыло! Хорошо, что Эн любит меня спасать и просто любит меня. Я готов тебя расцеловать в плавнички, парень!

Я похлопываю и поглаживаю раг'азну, которая парит над океаном в сторону нового мыса. Он выстоял, а волна... Волну мы действительно развернули. Сейчас она уходила в сторону горизонта.

Лэйс тоже поглаживает Эн и тут выдает:

— Она девочка, вверх!

— В смысле? С чего ты взяла?

— Я лиарха, мы это чувствуем. К тому же, она красивая. Да, моя милая?

Эн издает довольный звук, и я начинаю сомневаться, что это шутка.

Приходится сделать арку, чтобы пройти, но здесь теперь приличная глубина, так что раг'азна может подойти к берегу. Где нас встречают все. Ныряльщики, вьерхи и красноволосая семейка. Среди них внезапно выхватываю лицо Родреса, стоящего рядом с отцом.

Все, конечно же, пелятся на Эн, но когда мы с Лэйс ступаем на берег, все собравшиеся радостно вскрикивают и хлопают в ладоши. Поздравляют. Они поздравляют нас, когда мы проходим через толпу к генералу Р'амришу.

Лэйс почти падает в руки Вартаса где-то на полпути, а вот я не задерживаюсь.

— Где Диггхард? — спрашиваю.

— Он на Первом. В своей резиденции.

Вирна там. Если и существует место, максимально удаленное от источников живой воды, то это Первый круг.

— Летим туда.

Я поворачиваюсь в сторону Родреса.

— И мне снова понадобится твоя помощь, Родди!

Глава 40. Вода — это жизнь

Вирна

Вода — это жизнь, Вирна.

Я цепляюсь за этот голос, потому что этот голос — единственное, что я о себе знаю, и Вирна — мое имя, то небольшое, что мне кажется реальным. В остальном я отрезана от этого мира, во мне пустота, которая безгранична, и которой я не могу подобрать сравнения. Мне кажется, если я не буду цепляться за эту фразу...

Вода — это жизнь, Вирна.

... она меня поглотит без остатка.

— Воспоминаний — ноль. — Произносит мужчина в белом халате своему коллеге. — Мозговая активность минимальная для девушки ее возраста. При этом есть что-то, о чем она думает. О чем ты думаешь, девочка?

Он не обращается ко мне по имени, он смотрит мне в глаза, но в его взгляде только пустота. Теперь она повсюду.

— О том, кто я такая.

Я ему... лгу?

Если я понимаю, что я ему лгу, если я могу лгать, значит, не все потеряно? Ложь. Странное ощущение того, что я это осознаю, сейчас отзывается внутри радостью. Которое незамедлительно отзывается на каких-то показателях.

— Что тебе так понравилось? Чему ты радуешься?

Он видит меня насквозь. Их датчики видят меня насквозь. Они мне не друзья. Мои друзья — это... Я словно наталкиваюсь на стену: бесконечную, возносящуюся ввысь, она как сгущенный туман, плотный, от земли до неба. Если я помню, что такое небо и земля, как выглядит туман, значит, все хорошо?

— Что тебя беспокоит? Мне ты можешь рассказать. Ты можешь мне рассказать все.

Нет. Не могу.

— Я не знаю, что рассказывать.

— Что тебя волнует? Говори обо всем, что думаешь. Не просто думай, говори вслух.

— Я не понимаю, почему я ничего не помню.

Это правда.

— Ты пострадала. В результате несчастного случая.

— Несчастного случая?

— Да, тебя захватила группа лиц. Опасных преступников. Они сделали это с тобой. Они хотят разрушить наш мир.

Я морщусь. Если бы я могла добраться хотя бы до какого-нибудь крошечного эпизода... хоть до чего-нибудь, хоть за что-нибудь зацепиться. Но у меня только этот голос, спокойный, мелодичный.

Вода — это жизнь, Вирна.

И мое имя.

Вирна, Вирна, Вирна. Я пытаюсь вспомнить его звучание, я бы могла его произнести, если бы меня оставили одну, но меня не оставляют одну. Ни на минуту.

— Зачем меня захватили?

— Это долго объяснять, девочка.

— Почему вы не зовете меня по имени?

Мужчина замирает. Хмурится.

— Ты помнишь свое имя?

— Нет, — снова ложь. — Но я хочу его знать.

Я помню названия цветов. Я помню само слово «цвета». Я понимаю, что меня окружает — в этой комнате, что я лежу на парящей над полом койке. Что рядом со мной мужчина в белом халате. Я помню слово «помню». Значит ли это, что я смогу вспомнить все остальное?

И всех?

Кого — всех?

— Сожалею, но эта информация сейчас может тебя травмировать. Ты слишком многое пережила...

— Я хочу знать!

Мой крик отражается от стен, звенит в стекле. Мужчина хмурится еще сильнее, а стекло продолжает звенеть. Вибрация, которая передается даже мне из-за того, что стены и пол начинают ходить ходуном. Место, где я нахожусь, словно дрожит от страха, каждая частица, каждый камень, каждая частица металлических поверхностей — все приходит в движение.

Дверь распаивается так резко, что мужчина роняет из рук тапет.
Т.А.П.Е.Т.

Я вспоминаю новое слово, фиксирую его в памяти, когда в помещение врываются вооруженные люди. Люди... вьерхи?

И тот мужчина, которого я видела последним перед пустотой.

— Наружу ее. Живо! — командует он.

— Главнокомандующий, она дезориентирована...

— Мне плевать. Ее сила должна работать на инстинктах.

— Даже если ее сила сработает, ей не за что бороться.

В меня врезаются огненный, полный ненависти взгляд.

— Ее воспоминания. Покажите ей.

Мужчина подчиняется беспрекословно, меня вздергивают на ноги, разворачивают лицом к экрану.

— Сестер, — следует очередной приказ.

У меня есть сестры?..

Эта мысль обрывается, потому что я вижу проекции незнакомых девочек на берегу. Их четверо.

— Твоя семья, — цедит тот, кого называют главнокомандующим.

— Они все умрут, если ты им не поможешь.

Я. Ничего. Не. Чувствую.

Я смотрю на этих девочек и не чувствую ровным счетом ничего. Почему они говорят, что это моя семья?

Мне в руки суют зеркало.

— Смотри! — чуть ли не рычит он. — Это ты! Там, на берегу. С ними!

Я перевожу взгляд с зеркала на проекцию. Там действительно я. Одна из четверых. Самая маленькая девочка жмет к самой высокой, а мы со средней стоим рядом, но я не помню их. Я даже не помню их имен.

— Бесполезно, — произносит мужчина в белом халате. — Она каким-то образом выдержала извлечение воспоминаний и не сошла с ума, но ее память чиста.

Не совсем.

Рядом со мной раздается яростный, хриплый выдох.

— Наверх! — приказывает он.

— Она все равно ничего не сможет сделать, — пытается возразить мужчина, но его больше никто не слушает.

Меня выталкивают за дверь, волокут по коридорам. Сначала — безликим, потом красивым, я не могу не восхищаться этой искусной кладкой камней или имитацией водопада в широком холле. Перед широкими дверьми мужчины, которые меня тащат, немного сбавляют шаг, но тут же раздается приказ:

— Вперед! Заставьте ее использовать силу.

В лицо ударяет холодный воздух, а еще — брызги. Посреди широкой улицы, украшенной вечнозелеными деревьями, бьет фонтан. Вдалеке — еще один. Справа, слева, впереди. Это самое странное, что я могла бы увидеть (по крайней мере, сейчас мне кажется именно так), и в то же время самое прекрасное. Фонтаны берут свое начало из растрескавшейся земли, закручиваются в небо спиралями. В эпицентре самого ближайшего стоит женщина, и по-хорошему, вода должна бы была подбрасывать ее в небо, как куклу, но она сливается с ней. Голубоватое свечение превращает воду в столп, а женщину — в водную статую.

— Не думала, что ты еще жива, — произносит она, и это последнее, что она произносит, потому что лучи оружия вспарывают воду, ее тело, но... Не причиняют ей никакого вреда.

Она запрокидывает голову и смеется.

Чтобы спустя пару мгновений снова посмотреть в нашу сторону. Ее взгляд — до этого теряющийся в потоке воды, сейчас вспыхивает такой синевой, что становится больно глазам. Еще страшнее становится от ненависти, которая горит в этом взгляде.

— Человеческое тело большей частью состоит из воды, — говорит она. — Тело лиархи — которая тренировалась, может ей становиться. Вы не можете меня убить.

Она делает паузу, переводит взгляд на меня, а потом возвращает его на окружающих меня военных. Я невольно оглядываюсь: главнокомандующего нигде не видно, осталась только сопровождающая меня группа.

— А я вас могу.

Она вскидывает руки, и я чувствую, как мне в лицо снова летят брызги.

Нет. Это не брызги. Только сейчас я понимаю, что это моя собственная вода — та, которая есть в моем теле, капельками

собирается на коже, от кончиков пальцев ног до макушки, из каждой клеточки, и взмывает ввысь. Я сама превращаюсь в фонтан, растерянно глядя, как капельки текут вверх, одна за другой срываясь с моей кожи.

Рядом слышны хрипы, звуки падающего на землю оружия. Я поворачиваю голову: лицо мужчины под шлемом стремительно съеживается, становится сухим, и это по-настоящему жутко. Его военный комбинезон насквозь мокрый, но, когда он падает на землю, слышен хруст сухих, как осенние листья, костей. Военные падают один за другим, я с ужасом понимаю, что я следующая, но внезапно сорвавшиеся ввысь и текущие по моей коже капельки возвращаются, стремительно впитываются обратно.

— Невероятно, — произносит женщина, когда моя кожа вспыхивает голубым свечением.

А потом я слышу отчаянный крик за своей спиной:

— Вирна!

Я вздрогнула. Обернулась. Бегущего ко мне парня я не знала, но этот голос был мне знаком. Настолько же знаком, как голос, звучащий в моем сознании.

Вода — это жизнь, Вирна.

— Лайтнер К'ярд, — голос женщины сейчас больше напоминал шипение или звук закипающей воды, вплетающийся в шум взлетающих к небу фонтанов. — И разумеется, не один.

Он действительно был не один: за его спиной были еще люди. Военные.

Такие же, как меня сюда привели.

— Лайтнер! — донесся до меня крик одного из них, но он не остановился. Подлетел ко мне, перехватывая за руки, вглядываясь в мое лицо.

— Вирна, девочки в безопасности. Пойдем со мной, — взгляд его скользнул ниже, наткнулся на иссохших мужчин. — Что за...

— Пойдем со мной? — переспросила женщина. — Ты правда считаешь, что я просто так тебя отпущу? После того, как твой отец пытался меня убить?

Она снова рассмеялась.

— Ну правда же, вы ведь не думали, что я стану сидеть на базе и ждать, пока в меня прилетит одна из сверхзвуковых ракет зачистки?

Или что меня остановят ваши кордоны, ваши щиты? Вода пройдет везде, уж вы-то как никто другие должны это знать!

Тот, кого она назвала Лайтнером, сделал шаг вперед, а меня отодвинул за спину.

— Я не так много знаю о воде, но точно знаю, что ты свихнулась.

— Потому что хочу изменить мир, в котором таким, как мы, не оставили места?

— Твое место — в специальной клинике, подальше от живой воды.

Ее лицо исказилось от ярости, насколько могут исказиться черты сотканного из воды лица, а он одним движением ушел вниз. Едва его ладони коснулись земли, она содрогнулась, камень пошел волной... а в следующее мгновение словно наткнулся на что-то, разлетаясь брызгами от удара воды. Трещины в земле мгновенно наполнились ей, как глубокие порезы кровью, взметнулись ввысь сияющими плетьюми, прямо над нами.

Лайтнер перехватил меня за плечи, резко увел в сторону, принимая удар на себя.

Настолько сильный, что нас протащило по камню несколько валлов. Дыхание выбило из груди, а если бы я практически не лежала на нем, из меня бы выбило еще и сознание. Глаза женщины снова вспыхнули.

— Отличная попытка, — процедила она. — Но основная проблема в том, что вы всегда были слабее нас. Вы всегда нас боялись, именно поэтому решили от нас избавиться. Но сегодня для вас все закончится, а для тебя все закончится именно здесь!

В лицо снова ударили брызги, и я отпрянула. Возможно, именно потому, что знала, что они означают или потому, что его лицо исказилось от боли. Я никогда не думала, что это может быть больно настолько, что эта боль отразится во мне, как собственная.

— Вирна, уходи, — прохрипел он, и я поднялась.

Рывком, и текучим потоком бросилась к той, что его убивала. Вода, пытающаяся меня хлестнуть, брызгами разбилась о невидимый щит или просто в него влилась. Точно так же я влилась в бьющую из земли стихию, врезаясь в женщину, в лиарху или в существо, и чувствуя, как в меня ударяет колючая чужая сила. Меня швырнуло

наверх, потом снова вниз, потоком воды приложило о землю, но боли я не почувствовала. По крайней мере, такой, как чувствовала там, на земле, вместе с ним.

— Ты правда думаешь, что можешь со мной справиться? — Это уже отдаленно напоминало человеческую речь, скорее, складывающийся словами у меня в сознании шум воды. — Я бы легко уничтожила даже твою сестру, которую многому научила. Не говоря уже о тебе!

Поток воды обрушился вниз, ударил мне в грудь, вплавляя в землю, гудящую от kloкочущей под ней силы. Удар полыхнул перед глазами синевой, чувство было такое, что мне на грудь поставили пресс, ввинчивающий меня все глубже в земную твердь и мешающий сделать вдох.

— Посмотри на него, Вирна, — прошелестела вода. — Посмотри на своего Лайтнера, потому что ты видишь его в последний раз. Он умрет у тебя на глазах, и ты ничего не сможешь сделать.

Я поворачиваюсь к нему.

Сейчас он слишком далеко.

Вода — это жизнь, Вирна.

Никто больше не умрет. А особенно — он.

Последняя мысль отзывается во мне с такой силой, что я не сразу замечаю втекающие в меня вибрации рычащей под водой земли. Я позволяю ей пройти сквозь меня волной, стирая последнее, что держало меня на земле — человеческое тело.

Казалось, что на меня обрушилась вся существующая в этом мире сила, но, когда я плавным движением взмыла вверх, собирая ее из каждой капли бьющей сквозь землю стихии, прочла изумление в нечеловеческих глазах застывшей напротив женщины.

Синяя вспышка уже не кажется яркой, я просто вижу, как спирали фонтанов врезаются в наш, и как мощь воды испаривает пространство.

Меня выбивает из потока клубящихся вокруг волн, женщину — тоже.

Я разлетаюсь брызгами, чтобы спустя мгновение весьма ощутимо приложиться локтями о земляные бугры, фонтаны рассыпаются, заливая все вокруг, а я поднимаюсь, поскользываясь, и бросаюсь к нему.

К Лайтнеру.

Сама не знаю, почему это для меня так важно.

Почему для меня так важен он.

Не те, бегущие издалека к нам, а именно он. У него мокрые волосы, но кожа сухая, как старая бумага. Кажется, она вот-вот пойдет трещинами, как земля под нами и как его губы. Он пытается что-то сказать, но ему это не удастся, потому что внутри он — такой же сухой, как снаружи.

Не представляю, как, но я это чувствую, и когда его рука бессильно падает вниз, я кладу руки ему на грудь.

— Вода — это жизнь, — говорю больше себе, чем ему.

Я не знаю этого парня, но я знаю, что если умрет он, я умру вместе с ним.

Если его не станет, моя пустота станет абсолютной.

Поэтому сейчас я просто мысленно повторяю ставшие для меня каким-то заклинанием слова, снова и снова. Снова и снова.

Собираю силу воды, дрожащую на пальцах, и возвращаю ему.

Капли вихрями оседают на его пересохшей коже, отказываясь впитываться, стекая на землю, но я продолжаю. Если воду можно забрать, ее же можно вернуть, верно? Не может быть, чтобы было нельзя, просто не может быть!

Я понимаю, что у меня ничего не выходит, когда он закрывает глаза.

И когда вода на моих щеках становится слишком соленой и слишком горячей. Его сердце... Я вообще его не слышу, не чувствую ни одного удара в руки. Даже когда в моих ладонях собирается сила, которую я чувствую, как себя. Я готова отдать ему ее всю, всю до капельки, только чтобы он жил, пальцы дрожат, когда я расстегиваю на нем грубую ткань, а потом в них ударяет дикой болью.

Дикой болью ударяет прикосновение к его обнаженной коже, вокруг нас собирается облако брызг, а от влажности даже дышать становится тяжело. Я пропускаю ее через себя, отдавая ему без остатка, несмотря на то, что неведомый мне огонь обжигает руки уже по запястье, а из-под моих ладоней на его груди распускается красный цветок.

Который неожиданно сменяется голубым сиянием. Все то, что клубилось вокруг, во мне, над нами, врезается в него сквозь меня. В

него, в меня, в нас, и удар сердца под моими ладонями будто подбрасывает над землей.

Я не верю своим глазам, когда его кожа вновь становится нормальной, а с губ срывается глубокий вдох.

— Осторожнее!

Этот крик раздается совсем рядом.

Лайтнер успевает открыть глаза, я — вскинуть голову, когда ночь разрывает вспышка выстрела. Занесенная над нами водная плеть рассыпается брызгами, а женщина, чудом не убившая нас, сейчас такая же, как мы все, из плоти и крови, качается и оседает на землю. Я успеваю только заметить, как парень в очках с абсолютно зверским выражением лица опускает оружие, а потом к нам бросаются все. Кто-то зовет его по имени, кто-то меня, кто-то даже касается моего плеча, кажется, спрашивает, как я.

В этом шуме я слышу только его дыхание и его голос.

— Хидрец, — хрипит он. — Столько лет катался, но только сейчас понял, что чувствует доска.

Все смеются.

Кроме меня. Все, что я чувствую сейчас, это: *с ним все в порядке*.

Я все еще не понимаю, что это значит, это странное чувство, но мне и не надо это понимать. Я опускаюсь прямо в воду, глядя в незнакомые лица склоняющихся над нами, и над ними выхватываю взглядом кусочек неба.

Бесконечного, какой могла бы быть моя пустота.

И какой она уже никогда не станет.

Глава 41. Лиархи и въерхи

Лайтнер К'ярд

За последние сутки я столько раз был на волосок от смерти, что уже сбился со счета. Не день, а аттракцион «Останься в живых»! Казалось мне мало переломаться на скалах или развернуть гигантскую волну, я подставился под удар Карринг, которая решила буквально выжать из меня всю воду. И выжала бы, если бы не моя Вирна!

Я соскребаю себя с земли, мокрый, как едх, и до едха счастливый. Игнорирую всех и вся, сгребаю в охапку девушку, ради которой можно и умереть, но совершенно точно ради которой хочется жить, прижимаю ее к груди.

— Синеглазка, — шепчу хрипло. С горлом у меня все в порядке, по крайней мере, по сравнению с тем, как я чувствовал себя пару минут назад, сейчас все замечательно. Просто у меня нет слов, чтобы передать все, что я чувствую к ней. Безумную нежность или любовь за гранью. Все это у меня получается вложить в короткое: — Вирна.

Даже не сразу улавливаю, что она не обнимает меня в ответ, но, конечно же, я замечаю, когда она отстраняется, высвобождаясь из объятий.

— Это действительно мое имя? — спрашивает она.

— Что? — у меня вырывается смехок. — Каким оно может быть еще?

Мэйс хмурится, всматривается в мое лицо, будто изучая заново. Наверное, я выгляжу так же, пытаюсь запомнить, впитать в себя каждую ее черту, каждый взгляд, каждый вдох.

— Я не знаю. Я ничего не помню.

— В смысле, не помнишь? Что именно не помнишь?

— Ничего не помню, — качает она головой. — Я не помню тебя.

Мне кажется, она шутит, но Вирна не спешит смеяться, воскликнув: «Попался!» Мэйс продолжает меня рассматривать, как рассматривают незнакомцев при первой встрече.

— Ничего не понимаю, — я холодею. — Как меня зовут?

— Лайтнер, — выдыхает она, и, прежде чем я успеваю обрадоваться, указывает на Хара: — Так он тебя назвал. И она тоже.

Вирна старается не смотреть на валяющуюся на развороченной земле Дженну Карринг. Которая уже совершенно точно не поднимется. Родрес достал ее, потому что Карринг снова приняла человеческую форму — после того, как Вирна вышвырнула ее из водного вихря. Мне еще повезло, что Дженна провалялась без сознания, пока Вирна меня вытаскивала.

— Этого не может быть, — говорю скорее для себя, чем для нее. Подаюсь вперед: — Ты не помнишь меня? Не помнишь, что мы чувствуем друг к другу? Ничего ко мне не чувствуешь?

— Чувствую, — повторяет она и смотрит на мои ладони на своих плечах: сначала на одну, потом на другую. — Я рада, что ты жив.

Вот вроде она рада, а мне хочется взвыть от бессилия и ярости. Потому что точно так же она могла сказать про Родреса, которого едва знала, или про генерала Р'амриша, которого вообще видела впервые в жизни. Она меня спасла, но, наверное, как спасла бы любого на моем месте.

— Что он с тобой сделал? — цежу я, очевидно вид у меня при этом зверский, потому что Вирна отшатывается. И я мысленно даю себе пинка. Спокойнее, спокойнее, не нужно ее пугать.

— Он? — теперь она рассматривает остальных. Хара, генерала, целых и невредимых миротворцев, Родди и его отца. То, что мы прорвались в резиденцию — их заслуга. Б'игги общими усилиями выключили защиту и перехватили изображения с камер. По крайней мере, с внешних — так мы нашли Вирну, заодно Дженну. — Мне сказали, что со мной произошел несчастный случай.

— Несчастный случай — это рождение Диггхарда К'ярда.

— Кто такой этот... К'ярд?

Будущий труп!

— Лайтнер, можно тебя на минуту? — зовет меня ньестр Б'игг, а я смотрю только Мэйс в глаза.

Мне кажется, я умру, если сейчас отойду от нее, но нужно во всем разобраться.

— Я сейчас вернусь. Обещаю.

Вирна кивает, но я для нее такой же чужак, как и все остальные.

— Хар, присмотри за ней, пожалуйста.

Хорошо, что Лэйс и мелкие остались на побережье под присмотром Вартаса. Старшая сестра порывалась тоже участвовать в спасательной операции, как, впрочем, и патлаты, но я напомнил им, что Лэйс после такой перегрузки едва держится на ногах, а у Вартаса вообще нет силы, которая точно понадобится в противостоянии с Диггхардом. Девочкам по-прежнему нужна была защита, и они согласились отправиться в квартиру к Вартасу, хотя взяли с меня слово, что я вытащу Вирну, где бы она ни была.

Вот только Б'игги долго провозились с защитой, которую активировал Диггхард, и поэтому я не знал, что он сделал с Вирной. Не знал до этого момента.

— Не хочу тебя расстраивать, — говорит Родрес, когда мы отходим на несколько валлов, — но ей промыли мозги. На такое способна только одна машина, которая считывает воспоминания.

Едхова машина, изобретенная много лет назад для того, чтобы выбивать правду из преступников. Это если красиво, а если некрасиво — то существовала она для пыток и казней. И такая машина все время была в доме, в котором я жил большую часть своей жизни? Но главное — в нее запихнули мою Мэйс!

— Это вы ее изобрели? — сухо интересуюсь у нэстра Б'игга.

— Нет, — он смело выдерживает мой взгляд, — моя корпорация производит большую часть электроники в Ландорхорне, но не всю. Я сталкивался с последствиями, которые настигали тех, на ком использовали шлем. Если она не помнит даже своем имя, то они вывернули ее сознание наизнанку. Девочке повезло, что она лишилась памяти, а не разума.

— Это можно исправить?

— Точно не с помощью этой машины. Впрочем, о ее здоровье сможет сказать разве что доктор.

Б'игг уходит, а у меня по-прежнему в голову звучат его слова.

Они вывернули ее сознание наизнанку.

Не они — он.

— Родди, найди мне Диггхарда К'ярда. Где он?

— Здесь, — голос отца звучит из хрипящих динамиков, которые есть в каждом районе Ландорхорна. — Приказываю всем сложить

оружие, или вы будете расстреляны на месте за измену Раверхарну. Вы окружены.

Нас действительно обступают со всех сторон. В свете мигающих, частично разрушенных фонарей армия отца кажется надвигающимися на нас теньями. Военные, которые пришли с нами с побережья, те, кто помогал мне и Лэйс остановить волну, в растерянности. Генерал сдвигает брови, когда навстречу нам шагает Диггхард собственной персоной.

— Сложить оружие, — командует отец Хара.

Разумеется, ему не нужны жертвы, а вот моему отцу, точнее, вверху, чья кровь бежит во мне, на все это наплевать. Ему наплевать на людей, на лиархов, на вьерхов. Он бросил на берегу не только ныряльщиков и семью Вирны, детей, он бросил там даже своих. Поэтому когда все, включая моего друга, выполняют приказ генерала, я шагаю вперед.

— Изменник здесь ты, — говорю сухо, глядя ему в глаза. — Это ты предал всех, кто доверил тебе себя и свои семьи. Бросил Лиран Р'Харат в руки ныряльщиков, оставил детей умирать на берегу под ударом волны после взрыва, выжег память девушки, которую я люблю, а потом бросил ее сражаться с обезумевшей психопаткой. Где вы были, защитники Ландорхорна, когда она была здесь одна?

— Все сказал? — холодно произносит отец. — Арестуйте их. Моему сыну не будет никаких поблажек, и пусть это станет примером для остальных. Для всех, кто считает себя выше закона.

Военные шагают в нашу сторону, но в это мгновение рядом со мной оказывается Вирна.

— Синеглазка, назад, — говорю я, пытаюсь прикинуть, сможем ли мы — мы все — ударить по камню раньше, чем нас изрешетят лучами, и как быть с военными, которые все еще сомневаются.

— Значит, это по вашей милости я ничего не помню? — Голос синеглазки становится ледяным. — Это вы отняли у меня память о сестрах? Через которых потом пытались вернуть воспоминания, чтобы я защищала вас и...

— Арестуйте их, — перебивает отец. — Это приказ! Нарушение которого...

— Это правда, — один из военных с побережья перебивает его. — Диггхард К'ярд отдал приказ атаковать базу ныряльщиков зная, что мы

не успеем уйти от волны.

Ноздри отца раздуваются.

— У вас оставался транспорт и приказ ликвидировать ныряльщиков, которых оглушило взрывной волной. Если вы не способны справиться с ними и уйти...

— Там были в основном дети, — вперед выступает Хар. — А еще парни и девушки моего возраста. Весь Пятнадцатый круг, который просто смыло бы к едхам со всеми жителями от мала до велика. Если бы ваш сын, которого вы назвали изменником, и которому не будет никаких поблажек, не возвел стену, остановившую идущую на город волну.

— Что насчет Родреса Б'игга? — говорю я. — Он тоже был там, на побережье. Его ты тоже посчитал лишним, когда начал зачистку.

— Довольно! — рычащий голос отца перебивает шипение неисправных фонарей и шум воды где-то под землей. — Я повторять не стану. Арестуйте их, или присоединитесь к изменникам. В любого, кто будет сопротивляться, стреляйте на поражение.

Военные вскидывают оружие. Я чувствую, как внутри натягивается невидимая струна. Мне хватит нескольких мгновений, чтобы уйти вниз и коснуться камня, скольких мгновений хватит военным вьерхам, чтобы нажать на спуск? Или тоже применить силу? Не считая того, что за моей спиной Б'игги, а рядом со мной — Вирна и лучший друг.

По спине сбегает струйка холодного пота: удивительно, что я его вообще чувствую, потому что моя одежда мокрая насквозь, тем не менее никогда раньше я не чувствовал ничего так отчетливо, как это. Еще я слышу наше дыхание и удары сердца, касаюсь ладони Вирны, сплетаю наши пальцы.

Когда военные — все, как один — разворачиваются к моему отцу. Теперь на прицеле у них именно он. Я вижу, как недоверие в его глазах сменяется яростью, а потом вспыхивает силой вьерха. Удар разбрасывает военных по сторонам, лучи сорвавшихся выстрелов полосуют воздух и ночное небо, земля идет волнами, разворачивая струящиеся под ней ручейки. Я перехватываю Вирну, толкаю ее в руки Хара:

— Уведи ее! Как можно дальше!

Но увести ее друг не успевает, потому что между ними, прямо из земли, вырастает каменный шип. Хар отталкивает ее в сторону, они оба летят на землю, а я резко опускаюсь вниз. Ладони вбирают всю мощь напряженной, тревожной стихии, и отпускаю себя. Удар такой силы, что содрогается наш дом и, кажется, весь Первый. Отца швыряет в ближайший столб, а в следующий момент виски взрываются болью.

Я хорошо помню эту боль: ту, которую снова и снова роняла меня к его ногам, заставляя себя чувствовать жалким, никчемным мальчишкой. На плечи словно опустилась вся тьма и все скалы этого мира, но я сбрасываю их, когда вспоминаю Вирну. Потому что между ней и этим монстром — только я.

И, как ни странно, земля откликается на мой призыв снова. Несмотря на возведенную мной стену и все попытки Дженны превратить в меня засохшее подобие Лайтнера, я вбираю всю ее мощь, а потом так же яростно отдаю. На этот раз виски не просто взрываются болью, перед глазами раскрывается настоящий вулкан, а в глазах отца полыхает огонь изумления. Его отбрасывает назад, вдавливая в землю, попытка Диггхарда подняться заканчивается ничем.

— Ты пожалеешь, — хрипит он, когда к нам бегут военные. Теперь уже, когда он на прицеле, наверное, можно не волноваться, но я все равно держу его до тех пор, пока к нам не приближается генерал, а на запястьях того, кого я когда-то называл отцом, не защелкиваются наручники, и только тогда выдыхаю.

Перед глазами пляшут разноцветные круги, боль понемногу отступает.

— Единственное, о чем я жалею, — говорю я, когда его ведут мимо меня, — так это о том, что ты мой отец.

Ко мне подбегает Хар, но его тут же отталкивает красноволосый вихрь.

— Лайтнер, — шепчет она, вглядываясь в мое лицо. — Лайтнер?

В эту минуту мне даже плевать, что она меня не помнит, я перехватываю ее ладони, рывком притягиваю к себе и впиваюсь губами в губы. Чтобы мгновение спустя отпрянуть, осознавая, что только что сделал и понимая... что ожога от поцелуя нет. Его нет и под моими пальцами на хрупких запястьях. Эта мысль, пожалуй, становится последней среди осознанных: я вырубаясь раньше, чем успеваю вздохнуть.

Вирна Мэйс

После быстрого осмотра меня отправили в душ и спать. Разбираться с моей памятью врачи все равно собирались уже утром, в результате я оказалась в комнате, которая по размерам больше напоминала две или три. Откуда у меня такое ощущение пространства, я догадывалась: видимо, из моей прошлой жизни, которую я не помнила. Или почти не помнила, потому что объяснить непонятное тянущее чувство в груди чем-то иным кроме воспоминаний было сложно. Я категорически отказалась от инъекций успокоительного и от капсулы полного восстановления, как они это называли. При мысли о том, чтобы снова лечь в какую-то капсулу, меня затрясло так, что врач быстренько переключился на другие темы. В итоге я лежала и смотрела в потолок, на котором геометрическими фигурами расплескался свет.

Я не знала, чья это комната, понятия не имела, кто меня окружает, но я знала слова, умела изъясняться, и вообще мне здорово повезло. Про «здорово повезло» говорил каждый первый, который узнавал, где я побывала. Что касается меня, я смутно представляла, как можно назвать везением полное отсутствие воспоминаний и привязанностей. Хотя привязанность, конечно же, у меня была. Чтобы не свихнуться окончательно, я поднялась и направилась к дверям, за которым предсказуемо обнаружилась охрана.

Видимо, меня стоило охранять. Или от меня.

— Я хочу видеть Лайтнера, — сказала военному, который шустро подобрался при виде растрепанной меня в пижаме.

Пижаму мне тоже выдали, но я в ней просто-напросто не могла согреться. Даже под одеялом. Меня продолжало трясти, как будто я все еще лежала в воде. Может быть, зря я отказалась от успокоительного?

— Ньестр К'ярд сейчас в капсуле восстановления, — сообщили мне. — Вы не сможете с ним поговорить.

— Мне все равно.

Надо отдать должное, меня проводили сразу же. Капсула, которая сожрала мои воспоминания и не подавилась — я помнила только, как меня из нее вытаскивали, на эту была совсем не похожа. Поэтому я забралась в кресло и смотрела на спящего мужчину, пытаюсь понять,

что же нас связывало, и почему я не могу избавиться от чувства, что в нем — вся моя жизнь. Я искала ответы и не находила, но неожиданно именно в этом кресле меня перестало трясти и начало клонить в сон.

Я заснула именно там, и там же проснулась — от того, что он смотрел на меня.

— Это странно, — произнес он.

Я потянулась, и плед пополз вниз.

— Что именно?

— Что ты пришла.

— То есть когда мы спасали друг друга это не было странно?

— Мы все время спасаем друг друга, синеглазка. В этом ничего странного нет.

Для меня было, особенно сейчас. Смотреть на него вот так, когда нас никто не пытается убить.

— Я проснулся после восстановления, — произнес он. — А тут ты. Неожиданно, но очень приятно. Потом я решил, что до утра еще далеко, нашел тебе плед и вернулся. Мы продрыхли почти до обеда.

Солнце и правда заливало комнату, преображая ее. Это больше напоминало медицинский кабинет, чем спальню, но помимо нас здесь больше никого не наблюдалось.

— Ты спал в капсуле?

— Да.

— Я бы не смогла.

Он нахмурился:

— Неудивительно.

Я заметила, как его руки сжались в кулаки, а потом расслабились.

— Попрошу, чтобы нам принесли одежду.

— Я не буду переодеваться при тебе.

Он посмотрел на меня как-то странно.

— Разумеется, не будешь. Я выйду.

Он действительно вышел, пока я переодевалась в новые джинсы, блузку и свитер. На них даже были ценники, которые я отстегнула и выбросила: они мне ни о чем не говорили. Застегнула кроссовки, после чего предоставила комнату-кабинет ему, а после мы вместе пошли на завтрак. Там я и познакомилась с генералом Р'амришем и его

сыном, который, оказывается, был не только лучшим другом Лайтнера, но и моим тоже.

К Хару я не чувствовала ничего, кроме легкого расположения, какое бывает при первом знакомстве с тем, кто тебе нравится. Наверное.

— Вирна, добро пожаловать, — произнес генерал, стоило нам войти.

— Меня уже не приветствуют? — хмыкнул Лайтнер и под серьезными взглядами пожал плечами: — Что? Я хотел разрядить обстановку.

Судя по напряжению, исходящему от него, разрядить обстановку не помешало бы мне, но я по-прежнему мало что понимала, поэтому просто молча опустилась на стул, который он для меня отодвинул.

— Надеюсь, ты не против, что мы используем вашу столовую? — этот вопрос генерала был адресован уже Лайтнеру.

После чего он скривился и мотнул головой. Меня полоснуло болью, но не физической, скорее, какой-то смесью горечи и тоски.

— Нам многое предстоит обсудить, — произнес генерал. — Но прежде я хочу понять, что ты помнишь?

— Только то, как меня доставали из капсулы.

— И все? — Он нахмурился. — Ты вчера спасла Лайтнера. Почему?

— Не знаю.

— Ты должна это знать. Хотя бы ориентироваться по чувствам...

— Едх! На инстинктах! — рявкнул сидящий со мной Лайтнер. — Она сделала это на инстинктах, неужели не понятно? Она бы сделала это для кого угодно, и мы можем уже просто пожрать?!

После этого в столовой воцарилась еще более напряженная тишина. Мне не оставалось ничего другого кроме как есть и рассматривать высокие потолки и камень в прожилках, украшающий стены. Окна чуть ли не во все эти стены, за которыми уже полностью вступил в права холодный солнечный день. Несмотря на всю роскошь, я видела разломы посреди улицы, тонкую корку льда, протянувшуюся там, где вчера была вода. Она сверкала так, что было больно глазам, торчащие из нее травинки и комья земли казались причудой дизайнера.

— Я помню все слова и большинство понятий, — сказала я. — Я не дезориентирована в пространстве и понимаю, что сейчас день.

— Это мы с врачами уже обсудили вчера, — генерал улыбнулся.
— И это очень хороший признак, Вирна. Есть все шансы, что со временем твоя память восстановится.

— С каким временем? — хмуро поинтересовался Лайтнер.

— Этого не знает никто. Даже Э'рер отказывается давать прогнозы...

Раздался звук, от которого захотелось зажать уши: нож Лайтнера со скрежетом полоснул тарелку.

— Этот старый едх. Он же обо всем лгал, да? Лгал, что не понимает, какого с нами творится? Первым делом вызвонил моего папашу, чтобы ему сообщить, а потом делал большие глаза и вешал нам на уши водоросли? Когда я привез Вирну к нему... я ему доверял! Придурок...

Последнее непонятно к кому относилось: то ли к Э'реру, то ли к самому Лайтнеру.

— Боюсь, что да, — генерал Р'амриш посмотрел на нас. — Он лгал по приказу твоего отца. У Диггхарда были планы на Вирну. Сегодня ночью я узнал о том, что из-за волнений в Ландорхорне, да и во всем Раверхарне, будем честны, готовилась новая Нресская волна. Калейдоскоп уже не справлялся, требовалось нечто более существенное, и Вирна была бы одной из тех, кто...

Он не договорил.

— И вы бы пошли с ним? — хмыкнул Лайтнер. — Если бы всего этого не случилось? Просто поддержали бы его? Как всегда? Во всем, что творилось все эти годы? Хидрец!

Он вскочил так резко, что чудом не опрокинул стул, глянул на меня, потом так же резко вылетел за дверь. Следом за ним поспешно поднялся и вышел Хар, мы с генералом остались вдвоем.

— По сути, он прав, — пробормотал Р'амриш.

— Я все равно мало что понимаю, — я пожала плечами. — Так что можете продолжать говорить.

Генерал нахмурился.

— Мы не станем утаивать от тебя информацию. Сейчас — после обеда — первым делом ты пойдешь посмотреть свои воспоминания. Там не всегда полноценные картины, иногда обрывки, но зачастую очень

важные. То, что ты считала главным в своей жизни. После того, как ты все увидишь, мы поговорим снова. И еще.

Он сделал паузу, потом отложил приборы, оставив большую часть обеда нетронутой.

— Не думай, что Лайтнеру нет до тебя дела. Ему просто очень тяжело, и после просмотра своей памяти ты поймешь, почему.

— Я и не думаю, — ответила я и вернулась к еде.

О чем вообще можно думать, когда возраст твоих воспоминаний — чуть меньше суток? Хотя определенно, весьма насыщенных событиями.

Завтрак-обед свернулся на удивление быстро. Хар с Лайтнером так и не вернулись, и встретились мы с ними уже перед входом в зал, где мне предстояло просматривать свою память. Машину, лишившую меня их, уже убрали, зато там был проектор, который воспроизведет все, что выдрали из моего сознания.

— Останешься со мной? — спросила я Лайтнера.

— Ты правда этого хочешь?

— Нет, я попросила исключительно из вежливости.

— Узнаю Вирну Мэйс, — произнес он, но потом все-таки кивнул, и в зале мы остались вместе.

Мэйс, — подумала я. Но вслух ничего не сказала.

Что я вообще могла сказать? Я действительно многое поняла. И в том, что касалось моих непонятных чувств к Лайтнеру, и во многом другом. В моей памяти не всегда были связные картинки, но после расширенного просмотра я уже воспринимала мир совершенно иначе. Хотя и ощущала себя по-настоящему оглушенной, пожалуй, еще более оглушенной, чем до того, как все это увидела. Смотреть на себя и свою жизнь, свои чувства со стороны было не просто странно, это было дико. За все время, что я узнавала себя заново, свою семью, свое прошлое, наше знакомство с Лайтнером и все, что со мной произошло, мы не произнесли ни звука. Только когда воспоминания «закончились», я повернулась к нему, но он на меня не смотрел.

Ощущение было такое, что его взгляд вообще застыл в одной точке.

— Ты действительно собиралась ко мне, — произносит он, наконец.

— Что? — переспрашиваю я.

— Тогда. На вечеринку. Но потом решила, что не готова меня использовать даже ради того, чтобы найти сестру.

— Почему ты зацепился именно за это?

— Потому что именно тогда я вел себя, как... — Он плотно сжимает губы, а я вспоминаю, как очнулась на берегу, когда он вливал в меня жизнь. Хотя вспоминаю — это сильно сказано, я вспоминаю то, что видела в своих воспоминаниях, вот это по-настоящему странно. Еще более странно вспоминать мгновения нашей первой близости и то, что за этим последовало. Но если тогда и потом мы обжигали друг друга, то сейчас... я осторожно касаюсь его запястья кончиками пальцев.

Ничего не происходит.

Точнее, в подушечки ударяет этим прикосновением, из-за чего хочется быстро отдернуть руку, что я и делаю, но никакого ожога нет.

— Почему? — спрашиваю я.

— Едх его разберет.

— Не едх, — комментирует вошедший генерал. — Установки. После атаки на базу Карринг, когда в ведущую попала ракета, остальные закоротило. Когда отключилась последняя, вы перестали друг друга обжигать. Не только вы. Все инициированные лиархи и вьерхи.

— Установки? — рычит Лайтнер, глаза его вспыхивают, когда он поднимается: — Серьезно?

— Не кипятись, — осаживает его генерал. — Установки были созданы для подавления силы лиархов еще во времена Лидха Картерна. Правда, в те времена они были несколько иными, но суть оставалась так же. Неизменным оставался и принцип их действия: подавлять магию, которая способна вызывать волны и в принципе управлять водой. Мало было не подпускать так называемых обычных людей к воде, нужно было постоянно блокировать то, что спало в их генах. Именно поэтому инициация лиархов не всегда заканчивалась хорошо: многих проснувшаяся сила под действием излучения установок просто убивала.

Лайтнер выдает что-то покрепче едхов и хидреца, я это понимаю, потому что в ответ на его комментарий генерал становится суровым:

— Выбирай выражения.

— А тех, кто выживал, потом убивали вы.

— Не я лично.

— Разумеется. Вы отдавали приказы.

— Так у нас ничего не получится, — это говорю я. Неожиданно для себя, поднимаясь. — Лайтнер, давай для начала послушаем, что скажет генерал, а потом будем делать выводы.

Он сжимает кулаки, и я беру его за руку. Просто беру его за руку, чтобы увидеть совершенно ошарашенный взгляд.

— Помимо прочего, — генерал смотрит на меня с уважением, — установки блокировали и нашу силу при приближении к воде. Они нас ослабляли. Лишали возможности передавать импульсы в землю. Чем ближе к установке, тем слабее мы становились, тем опаснее было использовать силу вверху, которая могла просто-напросто выжечь тебя изнутри и полностью уйти в землю.

— Понятно. Я чуть не склеил плавники на побережье именно поэтому, — Лайтнер качает головой. — Есть еще что-то, что я должен знать?

Я раздумываю над тем, что уже узнала. Получается, в воде мы не обжигали друг друга именно потому, что его сила из-за установок падала практически до нуля. А моя...

— Получается, блокировать иницированную лиарху установки уже не могли?

— Нет, — качает головой генерал. — И в этом ваша особенность. Лиархи всегда были сильнее. Именно с этого все началось. Первая двухвековая война, за которой последовала вторая и третья, с применением самого современного оружия. Мир действительно захлебывался в крови, у нас не было сил противостоять тому, что могли вы.

Да, если вспомнить, во что превратилась Дженна, а следом за ней — я...

— Когда-то мы были на вашем месте, Вирна. Долгое время. До появления Лидха Картерна.

— Значит, вся эта история про эволюцию, которую нам рассказывали...

— Во многом наша история выдумка, и это — тоже идея первого рейна. Но мы сейчас здесь не для того, чтобы говорить о прошлом, а для того, чтобы обсудить настоящее.

— С таким прошлым у нас нет ни настоящего, ни будущего, — хмыкает Лайтнер, а потом добавляет: — Неужели одна вражда? В прошлом лиархи и вьерхи только враждовали и ничего кроме?

— Ну почему же. Есть еще история рейнов, которые попытались заключить брак между своими детьми. Сильнейшие семьи лиархов способны были не только подчинять себе волны, но и становиться ими, сильнейшие семьи вьерхов — управлять вулканами на расстоянии и не сгорать в огне. Когда две сильнейшие крови объединились, ничем хорошим это не закончилось, они просто погасили друг друга.

— То есть...

— То есть наследник рейнов, двух правящих семей оказался без сил своих родителей. Он вообще оказался без сил. Брак был расторгнут, ребенок исчез, история больше никогда не знала случаев, чтобы лиархи и вьерхи пытались образовать семью.

— И не узнает, — буркнул Лайтнер. — Спасибо папочке.

Я покосилась на него.

— У меня депрессия. Могу я немного побыть в депрессии?

— Боюсь, сейчас не самое лучшее время, — генерал кивнул. — Нам надо принимать решения сообща, и принимать их быстро. Этой ночью пролилось слишком много крови, и еще больше прольется, если мы в ближайшее время что-то не сделаем.

— Что-то я могу сделать хоть сейчас. Вопрос в том, что сделать, чтобы не лилась кровь.

— Это мы обсудим на общем собрании.

Так я оказалась на общем собрании. Среди вьерхов, преимущественно военных (супруги Б'игг не в счет), Хара и Лайтнера. За ночь Дженна Карринг успела много всего натворить. В частности, слиться с водой и просочиться под Первый, стянуть за собой силу моря под Кэйпдором и начать разрушения. Если бы на Первом не оказалось меня, с наибольшей вероятностью, сейчас уже не было бы ни Первого, ни Второго, ни Ландорхорна. После того, как она погибла и приказа не последовало, ныряльщики, которые должны были активировать бомбы, просто побросали свои посты. Заряды к настоящему времени уже все были обезврежены, но это не отменяло того, что Дженна Карринг и Диггхард К'ярд совместными усилиями устроили до.

От зачистки пострадало много гражданских, были разрушены целые районы, после действий Дженны и подобного, волнения, разумеется, не улеглись, а только разогревались. Арестованный при попытке скрыться за мысом Гор Мильен Т'ерд, разумеется, валил все на нее, но и без того было понятно, что вверху, спонсирующие Дженну и ныряльщиков просто занимались переделом власти. Сама она рассчитывала встать во главе нового Ландорхорна, но немного просчиталась с установками. О том, что они создают не волны (хотя если уж быть точной, волны, только другого плана), она не догадывалась. Поэтому в самом деле считала, что большая часть лиархов будет инициирована.

Тем более что ее инициация — при погружении под воду на экстремальную глубину, тоже прошла успешно. Все, кого Мильен Т'ерд так или иначе ей показывал, либо инициировались сами, легко, вне воды (как, например, Лэйс), либо просто и спокойно под водой — как я, сама Дженна или погибшая Тимри, вместе со мной работавшая в «Бабочке». Правда, Мильен умолчал об одном интересном факте: все легко инициированные были зачаты уже иницированными родителями, так или иначе хранившими свою тайну долгие годы.

Об этом вообще знали единицы, и среди них — Диггхард К'ярд. Именно поэтому ему понадобилась я, рожденная от уже инициированных родителей. Чтобы в свое время направить волну на Ландорхорн, которой суждено было стать второй Нресской волной и унести сотни тысяч жизней.

— О том, что твои родители долгое время были лиархами, вверху узнали только в ночь шторма. Они сами предложили свою помощь, когда узнали о том, что могут пострадать люди.

И сами подписали себе смертный приговор.

Многие лиархи, вот так инициировавшиеся сами, изначально даже не догадывались о том, что с ними происходит. Мало что понимали, и попадали либо в Подводное ведомство случайно, либо вот так, как мои родители — добровольно, стремясь защитить тех, кто оказывался под ударом стихии.

Поэтому Лэйс таскали в Подводное ведомство, поэтому всячески проверяли, но когда поняли, что в ней силы нет — успокоились. Ее сила проснулась значительно позже, и Дженна быстро взяла ее в

оборот, но сейчас я понимала, что еще раньше ее взял в оборот Мильен Т'ерд. Как ни странно, об этом вверху у меня воспоминаний-картинок было по минимуму, а вот Тимри — рыжую ослепительно красивую девушку я помнила хорошо. Судя по увиденному, она часто помогала мне в «Бабочке», а потом помогла в последний раз на берегу, когда я вступила в противостояние с Н'эргесом. Нашей задачей было отвлекать всех в Кэйпдоре, пока Дженна прорвется под Первый по едва бьющимся струйкам родников, но Тимри, когда узнала об окончательном плане затопления, поняла, что должна это остановить.

О ней рассказал один парень из ее группы, судя по всему, в нее влюбленный и поддерживающий идею о том, что нужно прекратить это безумие.

Хорошо, что я сейчас помнила ее только по картинкам из проектора, потому что иначе, наверное, было бы гораздо больнее. Гораздо больнее было бы из-за родителей. Из-за всех, кто остался на улице и пострадал по вине ныряльщиков или Диггхарда К'ярда. Из-за оставшихся под развалинами миротворцев, которые просто оказались между двух стихий.

— Сейчас наш мир снова на грани, — подвел итог генерал, — и единственный выход, который я вижу — это открыто рассказать обо всем. Но сделать это должен тот, кто оказался в самом эпицентре событий. Это ты, Вирна. У нас есть твои живые воспоминания, которые мы можем предоставить в качестве доказательств.

Диггхард К'ярд пытался вытрясти их из меня, потому что хотел знать, как далеко распространился заговор ныряльщиков, увидеть все лица, всех, с кем я так или иначе пересекалась, и ради этого он лишил меня памяти. Моих чувств. Моей жизни. Правда, этим же и подписал приговор своему режиму.

— Предоставим, — сказала я.

— Нет, — в наш разговор резко вклинился Лайтнер.

— При всем уважении, это решать не тебе, — произнес Р'амриш.

— А кому? Она сейчас вообще ничего не в состоянии решить. Нет. Я не позволю.

— Лайтнер, — я поднялась, — на пару слов.

Маленькой мрачной процессией мы вышли за дверь и отошли от стоявших у дверей военных.

— Мы должны это сделать, — сказала я. — Я должна.

— Ради чего? — Глаза его снова налились огнем. — Вывалить свою память на обозрение всем Раверхарну?! После того, что ты уже пережила?

— Все, что я пережила, будет напрасно. Все смерти будут напрасными. Если я могу хоть что-то сделать, хоть что-то, чтобы помешать новой войне, в которой не будет ни победителей, ни проигравших, если моя память способна это остановить, я это сделаю.

— И я тебя не остановлю, ты это хочешь сказать?

Его лицо оставалось бесстрастным, только глаза полыхали. Еще полыхала боль — где-то глубоко в сердце, которую я чувствовала, как свою, но я по-прежнему не представляла, что мне с этим делать. Сейчас не время думать об этом, и не место.

— Ты мог бы, — сказала я. — Только ты и мог бы, пожалуй. Но я хочу, чтобы ты стоял рядом со мной, когда я буду говорить. И я прошу, чтобы ты говорил вместе со мной.

Он покачал головой, и я взяла его за руки.

— Лайтнер, ты мне нужен. Ты мне очень нужен сейчас.

Вот теперь его лицо исказилось от боли.

— Ты хоть понимаешь, каково это? Снова обрести возможность касаться тебя и тут же ее потерять?

— Нет, — качаю головой. — Но я сейчас тебя касаюсь. Я прошу тебя о помощи, потому что ты единственный, кого я чувствую. Кого я помню настолько глубоко, что мне не нужна даже память. Пожалуйста. Помоги мне.

Какое-то время мы молча смотрим друг на друга, потом он кивает.

Крепко сжимает мою руку в своей, и мы вместе возвращаемся в зал. Я не успеваю ничего сказать, Лайтнер делает это первым. Под взглядами всех собравшихся произносит:

— Мы согласны.

Глава 42. Влюбись в меня снова

Лайтнер К'ярд

— Жители Раверхарна, меня зовут Лайтнер К'ярд. Я студент академии Кэйпдор и сын Диггхарда К'ярда, ныне лишенного своих полномочий правителя Ландорхорна. Но неважно, кто я. Важно то, что я хочу вам рассказать и показать. Открыть правду о нашем мире. Правду, которую от нас всех скрывали тысячелетиями.

Я смотрю прямо в камеру, но вижу перед собой миллионы жителей со всего мира. Представляю каждого вьерха, лиарха или все еще неинициированного человека. Мне хочется, чтобы они меня услышали. Каждый их них. И поняли правильно.

Возможно, Дженна хотела от меня чего-то подобного. С поправкой на то, что вьерхи мерзавцы. У нее была своя правда. Но в любой затянувшейся войне нет правых и неправых, есть только пострадавшие и те, кто выбирает умереть или жить в новом мире. С новыми знаниями.

Обращение ко всему Раверхарну мы снимаем в телестудии. Сидим рядом в удобных креслах, наши пальцы переплетены. Это ничем не напоминает шоу, в котором участвовала Вирна, но сейчас ей все равно не с чем сравнить, только по обрывкам воспоминаний, своеобразному кино, которое мы собираемся показать всему миру. Впрочем, главное различие между той девочкой и девушкой рядом со мной в том, что сейчас Вирна не жертва. Она героиня.

— Вся правда в том, что лиархи не вымерли, не ушли под воду. Они всегда жили и живут среди нас...

Я готовил эту речь несколько часов, чтобы ничего не забыть и не упустить. Выстроить текст так, чтобы не спровоцировать новую войну, а погасить ее. Обсуждал с генералом, с ньестром Б'иггом и пресс-секретарем отца. Нас поддержало гораздо больше вьерхов, чем мы думали изначально, хотя недовольных тоже хватало. Не всех устраивало, что отныне относиться к людям придется, как к равным.

— Рядом со мной Вирна Мэйс, она лиарха, и она не просто расскажет вам свою историю. Мы вам ее покажем.

Синеглазка волнуется, потому что на мгновение сильно сжимает мою ладонь, но когда начинает свой рассказ, то ее голос даже не дрожит.

— Я родилась обычным человеком, — произносит она, — и долгое время считала, что лиархи — всего лишь легенды, выдумка. До той минуты, пока не узнала, что могу управлять водой. Могу не только создавать волны, но и разрушать их.

Чем дальше, тем тверже становится ее голос, хотя за нашими спинами на экране идет ее история, и она прекрасно это знает. В ней оживает все то, что для нее теперь просто-напросто кадры. Она даже не захотела увидеть сестер перед трансляцией, и вот это было по-настоящему жутко. Потому что я не знаю никого, кто бы настолько любил свою семью и настолько был к ней привязан.

Лэйс обещала отвинтить мне голову, когда узнала подробности. Сказала, что если я ее обижу или позволю обидеть кому-то еще, она оторвет мне все выступающие части тела и скормит Эн. Я бы даже посмеялся, если бы не думал в точности так же.

Что это я позволил отцу сделать с ней это.

— Мы потеряли многих, — говорит Вирна. Кадры ее воспоминаний теперь видит весь Раверхарн, стараниями Б'иггов. — Мы заплатили эту цену за всех вас. Каждая семья, которая лишилась кого-то... каждый из нас, кто потерял близких, любимых, друзей, кто их сейчас оплакивает. Я видела и вижу то, что сейчас происходит на улицах и в домах Ландорхорна, поэтому я сейчас обращаюсь к вам и прошу лишь об одном: остановиться, пусть даже это невыносимо больно. Мы можем снова залить кровью друг друга весь мир и наши города, но это будет означать только то, что прошлое нас ничему не научило. И что у нас с вами нет и не будет будущего.

Мэйс мало что помнит, если не сказать ничего, но она тянется ко мне. Как-то так получилось, что я стал ее якорем.

Почему? Этим вопросом я мучался уже несколько дней с той едховой ночи. Хотелось бы верить, что часть ее, краешком подсознания помнила о наших чувствах. Ведь она пришла ко мне, когда я валялся в капсуле после боя с Дигтхардом. Она не отходила от меня ни на шаг, и, хотя в ее взгляде не отражалась и малая толика того огня, что выжигал меня изнутри, на следующий день после трансляции я решил действовать и отвез Мэйс в Кэйпдор.

Второй был чуть ли не единственным кругом в городе, который не пострадал во время поднятого Дженной восстания, поэтому в академии ничего не изменилось. Не считая того, что в Ландорхорн пришла зима и теперь вместо аккуратных зеленых лужаек были аккуратные белые лужайки. До окончания волнений и, по словам генерала Р'амриша, «разрешения неопределенной политической ситуации» в Ландорхорне было введено чрезвычайное положение, Кэйпдор был пустынным и тихим. То что нужно, чтобы не мешать Мэйс все вспомнить!

Она разглядывала все с любопытством ребенка, впервые попавшем в музей, а я смотрел только на нее. Чтобы поймать момент узнавания в синих глазах. Но узнавания пока не было.

— Здесь мы впервые познакомились, — объявил я, когда мы переступили порог аудитории.

— Познакомились? — хмыкает она, складывая руки на груди. — Ты меня толкнул.

— А ты назвала меня засранцем!

— Я помню.

Мое сердце обрывается.

— Помнишь?

— Это было в воспоминаниях.

Я сжимаю зубы, но сдаваться не собираюсь.

— Ладно, тогда пойдем в другое место.

Тащу Мэйс в сторону библиотеки: здесь мы тоже когда-то сидели и обсуждали общую работу по раг'азнам. А потом в сторону стадиона. Его не убирали, поэтому здесь тоже везде снег, но это не отменяет того, что это знаковое место.

— Побегаем? — предлагаю я.

— В этом?!

Да, на улице холодно, и Мэйс упакована в пальто и смешную синюю шапку. Мне безумно хочется стащить эту шапку, зарыться пальцами в ее волосы, вдохнуть ее аромат, аромат соли и свежести.

— Тогда путь будет ускоренный вариант.

Я подхватываю ее на руки, и Вирна вскрикивает от неожиданности.

— Что ты делаешь? Поставь на место!

— Только в медпункте.

Она тут же перестает вырываться, только смотрит на меня.

— Мне не надо в медпункт.

— Мне надо, — выдыхаю я. — Потому что я давно заболел тобой, синеглазка.

Мне кажется, я умер и оказался на самом Дне, потому что это самая настоящая пытка. Касаться ее, и в то же время не касаться.

— Я знаю, что ты делаешь, — говорит она тихо. — Пытаешься показать мне то, что я забыла.

— Я всю ночь читал про амнезию. После сильных травм мозга некоторым пациентам помогала возможность окунуться в привычную жизнь.

— Я видела всю свою жизнь, Лайтнер, но не вспомнила ничего.

— Видеть не равно чувствовать. Давай хотя бы попробуем? Просто доверься мне.

— Я доверяю тебе.

Она прислоняется щекой к моему плечу и обнимает за плечи, и это лучшие мгновения.

Кэйпдор Мэйс нравится, а вот при виде своего домика на Пятнадцатом она хмурится. Здесь тоже ничего не изменилось, даже на пике волнений сюда никто не сунулся, чтобы растащить их нехитрые пожитки. Мы задерживаемся здесь дольше, особенно в ее комнате. Я все время жду, пока она воскликнет: «Вспомнила!», но этого не происходит. Из-за чего злюсь на себя все сильнее и сильнее.

Но уже вернувшись в эйрлат, вспоминаю еще об одном эпизоде, который должен был повлиять на Вирну. Поэтому не спешу заводить эйрлат и взлетать. Вместо этого с шумом выдыхаю, закрываю глаза и обмякаю на сиденье.

— Лайтнер!

В голосе Мэйс паника, но я велю собственной совести заткнуться. Она ощупывает меня, тормозит, и только спустя долгую минуту, падает на меня, когда я успеваю откинуть спинку кресла. Наши губы соприкасаются, и меня будто снова швыряет в водоворот. Соленый и сладкий одновременно. Я целую ее отчаянно, с безумной надеждой, что Вирна мне ответит. Ответит на поцелуй, прижмется ко мне... Или отпихнет, как в прошлый раз. Но вместо этого она застывает в моих

объятиях, словно собирается немного потерпеть, пока я буду ее целовать.

Что за едх?

— Да лучше бы ты мне по морде дала!

Я отстраняюсь первым, возвращаю ее на сиденье, выравниваю собственное кресло. В общем, делаю все, чтобы не смотреть на Мэйс.

— Прости, — слышу тихое, когда вывожу машину на дорогу.

— Тебе не за что извиняться. Если кто-то в этом и виноват, то мой отец.

— Мне бы хотелось почувствовать то, что я увидела.

В ее словах столько сожаления, что я слышу: «Мне бы хотелось тебя любить».

— Ты почувствуешь, — рычу я. — Обязательно вспомнишь все и всех, кто был для тебя важен. Что-нибудь обязательно сработает! Нужно только понять — что.

Я обманываю и обманываюсь. Самым наглым образом. Моя уверенность тает, как первый снег.

Что если Мэйс не вспомнит меня никогда?

От этой мысли дурно и тошно, и хочется утопиться. Хотя после отключения установок, это будет сделать достаточно проблематично. Вроде как теперь я могу использовать силу вверху даже в океане. Чтобы проверить, нужно до него добраться, но я оттягиваю этот момент, как могу. Возможно, потому что верю — близость океана сможет помочь Вирне вспомнить. Или не сможет.

И тогда у меня не останется надежды.

— Отвези меня к моим сестрам, — просит Мэйс. — Думаю, мне нужно быть со своей семьей.

«Я тоже хочу быть частью твоей семьи», — хочется ответить мне и из ревности отвезти ее на Первый, в дом отца, но я понимаю, что просто не могу присвоить себе девчонку без памяти. Как бы сильно я ее ни любил. Именно поэтому не могу.

— Ты можешь пригласить их в мой дом.

Конечно, мой он только номинально. Потому что все имущество отца арестовано, и только благодаря генералу я, мама и брат можем оставаться в нем до суда над Дигтхардом К'ярдом.

— Там хватит места для всех.

Вирна качает головой.

— Думаю, нам с тобой нужно время. Побывать порознь.

Меня словно скалой пришибает. Только на этот в сотню раз больнее, чем когда меня расплющило реальной. В груди разрастается такая тьма, что становится тяжело дышать. Мы так мало были вместе, что я готов кричать о том, что не согласен, умолять ее. Но самое паршивое — Вирна может поддаться на эти уговоры и остаться. Из-за того, что увидела в проекторе собственной памяти, но не потому, что действительно этого хочет.

Я так не могу.

Едх, я так не хочу!

Поэтому сворачиваю на Шестой, в сторону квартиры патлатого Вартаса.

Я не собираюсь здесь задерживаться, не хочу встречаться с семейством Мэйс — сейчас это слишком больно, поэтому просто провожаю Вирну до квартиры и вручаю ей новенький тапет:

— Напиши мне, — говорю я, — если я тебе понадобится. Или просто напиши. Ты же помнишь, как им пользоваться?

— Да, — кивает она, и я ухожу. Сажусь в эйрлат, но уезжаю не сразу. Меня будто располовинило. Одна часть меня ждет, чтобы Вирна передумала и выбежала ко мне, а вторая понимает, что я не могу присвоить ее себе.

Без Мэйс рядом обратный путь домой становится невыносимым. Я еще никогда в жизни не видел Ландорхорн таким. Всегда наполненный жизнью, гудящий улей, сверкающий неонами и голографической рекламой (особенно начиная с Пятого), с бесконечными потоками эйрлатов и пешеходов, сейчас он словно вымер. Повсюду только военные патрули, но стычек больше не было (это я знал от отца Хара), пожары потушены, в районах, особенно пострадавших от зачистки и во время волнений, организованы пункты помощи. Я все еще боюсь надеяться, но кажется, наша с Мэйс общая речь сработала.

Значит, все изменится. Скоро будет совсем новый режим власти. Совсем другая жизнь.

Я остановился на Четвертом, забрал вещи из студии и едва подавил желание остаться. Почему-то небольшая квартира за крошечное время стала мне гораздо ближе, чем громадный особняк,

где я прожил всю жизнь. Когда в нем не было Мэйс, возвращаться туда не хотелось, но были еще брат и мама.

С последней мы как раз столкнулись в холле отцовской резиденции. Точнее, судя по ее виду, мама меня ждала:

— Ты меня избегаешь, Лайтнер.

— Нет, — качаю головой, и понимаю, что лгу даже самому себе. Я действительно не виделся с ней с тех пор как очнулся. Был занят сначала Вирной, потом речью, после снова Вирной. — Ладно, я просто не знаю, о чем нам с тобой говорить.

Прямо напротив парадного входа по-прежнему висит «Шторм», но теперь картина напоминает мне о гигантской волне, которая чуть не смыла Пятнадцатый и весь берег. Я сотни раз проходил мимо нее, даже не вглядываясь, а сейчас смотрю на нее совершенно иначе. Она будто олицетворение неизбежных перемен.

— Ты расстроен. Обижен. Я тебя понимаю...

— Скорее, разочарован, — перебиваю ее. — Нас, К'ярдов, никогда нельзя было назвать счастливым семейством, но я считал, что между мной и тобой есть какая-то связь. Теплые чувства. — Я пытаюсь подобрать слова: — Что-то настоящее.

В глазах мамы мелькают слезы, но она их смаргивает, выпрямляется:

— Все мои чувства к тебе настоящие. Были и есть. В том, каким ты вырос, какой ты сейчас, есть и моя заслуга. Я делала все, чтобы ты не превратился в такое же чудовище, как Диггхард.

— Именно поэтому ты не хотела, чтобы я шел против него?

— Да. Я не хотела, чтобы он навредил тебе, и чтобы ты, навредив ему, винил себя.

— Почему ты не ушла от него?

— Я не могла. Храброй меня не назовешь, но и оставить тебя, а затем и Джубо ему, было слишком даже для такой трусихи, как я. А Диггхард не отпустил бы тебя со мной, ему нужны были силы.

— Он мог взять ее от кого угодно.

— Не мог, — признается мама. — Диггхард не просто так выбрал именно меня.

Я часто задавался вопросом, зачем отец мучает мать. Он ее не любил, не уважал, считал пустым местом. У него были романы с другими женщинами, а она все время жила в его тени. В какой-то

момент я решил, что отец просто ловит кайф от того, что от него кто-то настолько зависит, и другого ответа так и не нашел. Поэтому я впервые за наш разговор с мамой подался вперед.

— Мой отец, твой дед, а следовательно и я — продолжаем род рейнов древности. Сильнейших вьерхов, которые когда-то правили всей сушей. Это заинтересовало твоего отца. Он хотел, чтобы его дети унаследовали это могущество.

— Или создать еще больше батареек для себя.

— Я бы не позволила ему тянуть силу из вас с Джуборо. Поэтому и не ушла, не бросила вас, и поэтому ничего не рассказывала тебе. Не хотела втягивать во все это, и если честно, вздохнула с облегчением, когда ты стал жить отдельно.

Красивое определение для поступка отца, когда он вышвырнул меня из дома.

Я складываю руки на груди:

— Моя свобода оказалась ложной.

— Я знаю. Я один из инвесторов «Эрры», поэтому попросила президента компании дать тебе какую-нибудь работу.

Кажется, моя способность удивляться сейчас окончательно захлебнулась на дне океана.

— Это была твоя идея? Чтобы Лира следила за мной?

— Нет, — мама качает головой. — Я хотела тебе помочь, а не следить за тобой.

— Да, это больше похоже на отца. Что он ей пообещал?

Я поискал Лиру в сети, она действительно была подающей надежды моделью, ее биография не противоречила тому, что она сама о себе рассказывала. Наверное, мне было бы проще, окажись Лира Р'харат тайным агентом Подводного ведомства, а не девчонкой, которая следовала за своей мечтой.

Мама пожимает плечами.

— Диггхард умеет убеждать. Может, карьеру, может, тебя.

— Меня?!

— Не тебя, конечно. Думаю, он надеялся, что она заинтересует тебя настолько, что ты позабудешь про Вирну Мэйс.

— Благодаря Лире я поселился в одном доме с Мэйс и ее сестрами.

Мама неожиданно смеется:

— Вряд ли он это планировал. Кажется, Дигтхард сам себя переиграл.

Да, власть отца на судьбу распространяется, судьбу, которая так или иначе решила столкнуть нас с синеглазкой. А может, мы как магниты даже в огромном городе притягивались друг к другу. Притягивались и притянулись.

— Почему ты была против Мэйс?

— Я не была против, — поправляет меня мама. — Я понимала, что Дигтхард не позволит вам быть вместе. Сделает все, чтобы разрушить ваше счастье, разрушит твою жизнь, как однажды разрушил мою, и не остановится ни перед чем.

— Можно сказать, у него получилось, — яростно выплевываю я. — Отец промыл Вирне мозги, при этом чуть ее не убив. Большая удача, что она не свихнулась, но зато полностью меня забыла.

— Я знаю, что эта храбрая девочка спасла тебя, а значит, рано или поздно все вспомнит.

— А если нет? Я сегодня возил ее в Кэйпдор и к ней домой, рассказывал ей про нас, даже поцеловал, но она так меня и не вспомнила. Если она так и не вспомнит меня?

— А это обязательное условие?

— Что?

— Обязательно, чтобы она вспомнила?

Что за глупый вопрос?!

— Я люблю ее, а она это забыла. Что здесь непонятного?

Я злюсь, а вот мама лишь загадочно улыбается.

— Разве Вирне нужна память, чтобы это увидеть? То, что ты по-прежнему ее любишь. Она может вспомнить, а может и не вспомнить ничего, но в твоих силах показать ей свою любовь. Однажды эта девочка уже тебя полюбила. Просто позволь ей влюбиться в тебя снова.

Чувствую себя так, будто меня по темечку огрели. Потому что это так легко и просто, и одновременно очень сложно. Что, если синеглазка меня не полюбит? Это страшнее гигантских волн и действующих вулканов. Но это в моих руках.

Сделать ее счастливой.

И это лучший совет, который я получал.

— Спасибо, мама.

В прошлом я бы ее обнял, но сейчас между нами много всего. По моему лицу мама все понимает и натянуто улыбается, принимая то, что есть.

— Пожалуйста, дорогой. Я счастлива, когда ты счастлив.

— Пора это менять и начинать жить для себя. Чем хочешь заняться?

— Тем, о чем всегда мечтала, и чем уже занимаюсь. — На мой вопросительный взгляд, она объясняет: — Я сегодня работала в больнице, помогала пострадавшим от взрывов вьерхам и людям... То есть лиархам! Никак не привыкну.

Между нами повисает неловкое молчание, которое я нарушаю первым.

— Ты всегда можешь на меня рассчитывать. Если вдруг тебе что-то понадобится...

— Благодарю, мой мальчик. Чтобы там ни думал твой отец, я и Джубо твоя семья.

— Кажется, моя семья становится все больше и больше, — бормочу себе под нос, но мама слышит.

— Я бы хотела познакомиться с девочками Мэйс. Пригласишь их на ужин?

— Не уверен, что это хорошая идея.

Улыбка сбегает с ее лица.

— По крайней мере, пока.

Она кивает.

— Я понимаю.

Некоторые разговоры не стоит заканчивать, и этот один из них. Он остается открытым, и пусть он таким остается. Я просто не вижу нашего общего собрания. Не представляю его.

Вопреки всякой логике ноги сами несут меня в спальню Вирны. Точнее, в комнату, где она спала одну ночь. Этой ночью она далеко от меня, но если просто упасть лицом в подушку и вдохнуть ее запах, мой океан становится чуточку ближе. Самую малость.

Но мне пока хватит и ее.

А потом я сделаю все от меня зависящее, чтобы мы были вместе.

Глава 43. Дела семейные

Вирна Мэйс

Меня встречают все: Лэйс, моя старшая сестра, Митри — средняя и Тай — младшая. Я так долго откладывала эту встречу (можно ли назвать пару дней «долго»?), что сейчас у меня холодеют ладони. Мне казалось нереальным быть рядом с ними, с теми, кого я безумно любила, и не помнить о них ничего. Пауза обрывается грохотом захлопнувшейся за моей спиной двери, стоит невероятных усилий не развернуться и не бежать за Лайтнером.

Во-первых, потому что меня по-прежнему до безумия к нему тянет.

Во-вторых... во-вторых потому, что мне дико, невыносимо страшно. Эти девочки точно мои сестры, мы все как отражения в разных вариациях, и я цепляюсь за выдранные из себя воспоминания, чтобы воскресить в себе те чувства, которые у меня отняли.

— Привет.

— Привет, — это говорит Лэйс.

Митри мнется, а вот Тай подбегает ко мне и обнимает за талию.

— Нам сказали, что ты потеряла память, — говорит она, запрокидывает голову и добавляет: — Но я все равно тебя люблю.

— Тай, — Лэйс приближается и кладет руку ей на плечо, — позволь Вирне прийти в себя.

Малышка отступает.

Я не знаю, откуда в моей груди рождается спазмом это «малышка», но оно сдавливает грудь настолько, что становится трудно дышать. Тай недавно пошла в школу, и она самая маленькая из нас, но в ее глазах я вижу серьезность, которую мне не показали воспоминания. Или, возможно, раньше ее там попросту не было. Потому что она вместе с нами пережила все то, что произошло на берегу. У миротворцев. Вообще.

Грудь снова сдавливает.

— Думаю, нам не стоит стоять здесь, — хмыкает Лэйс. — Пойдемте на кухню.

Я выворачиваюсь из куртки, стягиваю ботинки и шапку, и мы вместе идем на кухню. Ее я помню смутно, как и квартиру в целом, она мелькала в моих воспоминаниях какими-то блеклыми штрихами.

— Вартас еще с волонтерами, — говорит Лэйс. — Помогает разгребать последствия, перевозить раненых. А мы только недавно вернулись, так что вам здорово повезло.

Волонтеры. Помощь пострадавшим от зачистки.

— Почему вы не позвали меня? — вырывается само собой, и девочки переглядываются.

— Мы с Тай посидим в комнате, — говорит Митри и утаскивает младшую. Она совсем не сопротивляется, что на нее совсем не похоже.

Это я помню точно так же, как все остальное — через проектор.

— Как ты? — спрашивает Лэйс, стоит девочкам выйти.

— Я...

— Ты нас не помнишь, я в курсе.

— Я боялась к вам ехать, — признаюсь я. — Потому что смотреть свои воспоминания — это странно. Я боялась, что ничего не почувствую.

— И как? — Сестра смотрит на меня в упор. — Не почувствовала?

Под ее укоризненным взглядом мне становится не по себе.

— Я уже думала, что ты вообще не захочешь нас видеть, — выдает она и отворачивается. А потом делает то, чего в моей памяти нет, стягивает с нависающей над столом простенькой полки приспособленную под пепельницу посудину, сигареты, щелкает зажигалкой и затягивается.

Меня дергает так резко, что с губ срывается рваный вздох. Я вижу тонкие пальцы и взгляд Дженны Карринг — в упор, а еще дым. Я это помню. Не потому что, видела в воспоминаниях, а просто так. Это — в моем сознании, не на кадрах с проектора.

— Лэйс! — кричу я.

Сестра подпрыгивает на стуле, выдыхает незамысловатое ругательство.

— Какого едха так орать?! У меня чуть сердце не остановилось.

— Я вспомнила, — говорю я. — Дженну Карринг. Как она курила.
И...

Перехватываю ее руку перед очередной затяжкой.

— Ты же не куришь. Не надо.

— Теперь курю, — отвечает она, — хотя это очень в твоем стиле, Вирна. Пропадать непонятно где, потом заявиться и выдать лекцию о вреде курения. Ну и вспомнить Дженну Карринг заодно. Нашла кого вспоминать.

Я поднимаюсь.

— Я рассказала, в чем дело. Если бы я могла приехать раньше... я смотрю на Лайтнера, меня к нему тянет, но я не помню ровным счетом ничего из того, что нас с ним на самом деле связывало. Моменты нашей близости — как чья-то история, на которую я смотрела со стороны. Я боялась, что так же будет с вами. Если ты не в состоянии это принять...

— Ой, да заткнись ты уже! — Лэйс тушит сигарету, а потом шагает ко мне и обнимает так, что у меня хрустят ребра. — Как будто мало всего этого дерьма... я тоже боялась тебя потерять, понятно?!

Она выдыхает это сердито, потом разворачивается, считает пачку сигарет в ведро под столом, туда же отправляет недокуренную.

— Довольна?

У меня дрожат губы. Я боялась, что ничего не почувствую, но почувствовать, оказывается, гораздо страшнее. И в то же время...

— Я должна была приехать сразу, — говорю я.

— Да уж. Должна, — отвечает Лэйс.

На этот раз мы шагаем друг к другу одновременно, обнимаемся. Уткнувшись лицом в ее плечо, я вцепляюсь в жесткую ткань рубашки и плачу. Беззвучно. Она обнимает меня, я чувствую пальцы на своих плечах и впервые с того момента как я осознала свое беспамятство мне перестает быть страшно. Словно разжимаются какие-то невидимые тиски, выпуская меня на волю, меня и то, что по-прежнему живо внутри, осознание: это — моя семья. Мои сестры. Я дома.

Меня кто-то обхватывает сзади. Потом Лэйс дергается от того, что обхватывают ее, и спустя несколько мгновений мы уже стоим все вчетвером. Тай, не скрываясь, ревет, Митри шмыгает носом, и посреди всего этого наша старшая выдает:

— Как будто и не уходила никуда. Опять сопли вам всем подтирать.

Митри ударяет ее в плечо.

— Эй!

— Что, не так что ли? — фыркает Лэйс, но глаза у нее тоже блестят.

Расцепившись, мы достаем остатки хлеба и того, что можно между его кусками засунуть — сухие (потому что размачивать их лень) искусственные водоросли, кусочек сыра, который приходится резать очень тонко, чтобы хватило на всех. Потом мы все вместе сидим на мате, на котором мы когда-то занимались с Вартасом вар-до, уплетаем хлеб и все, что нашли, и разговариваем.

— Надеюсь, он притащит поесть что-нибудь еще, — говорит Лэйс, — потому что иначе утром я откушу ему руку.

Митри фыркает, а я смотрю на старшую. Рубашка на ней точно от Вартаса, в смысле, это явно рубашка Вартаса, потому что она мужская. Заметив мой взгляд, Лэйс вскидывает бровь, и я возвращаюсь к еде. Заодно и к дымящимся, заваренным прямо в чашках травам. Смотрю и не понимаю: пока я там, ела все, что могу, они здесь...

— Что, совесть мучает? — кажется, Лэйс умеет читать мысли, потому что сует в рот последний кусочек хлеба и жадно облизывает пальцы.

Судя по всему, я меняюсь в лице, потому что Митри тут же произносит:

— Ой, да не слушай ее! — и добавляет: — Мы просто подъели тут все. Голодные с улицы пришли, когда постоянно бегаешь по морозу, аппетит ну очень хороший.

— То есть вы уже ужинали?

— Разумеется!

Я облегченно вздыхаю, а Митри добавляет:

— Вартас о нас заботится. Он ни за что не позволит нам голодать.

— Скажу ему спасибо, когда придет.

— Хотя часть продуктов приезжала от К'ярда, — как бы между прочим произносит Лэйс. — Пара коробок точно.

— А мы все равно все съели! — гордо выдает Тай. — Там были пирожные! Такие вкусные!

Вспоминаю про Лайтнера, и на сердце становится тепло. Мне вообще невыносимо тепло здесь, в окружении девочек, но теперь совесть начинает мучить уже по другому поводу. Из-за того, как мы с ним расстались. Я окончательно теряюсь в своих чувствах, которых с каждой минутой становится все больше, больше и больше. Особенно когда думаю о том, что пока я избегала своих сестер, он о них ни на минуту не забывал.

А я...

— Так, мелкие, дуйте спать. Нам завтра утром опять в больницу и на улицы, отдохнуть надо, — командует Лэйс.

— Но Вирна... — начинает было Тай.

— Вирна теперь от нас никуда не денется, — очень страшным голосом произносит Лэйс и зловеще хохочет.

— А вы научите меня становиться водой?

Лэйс поперхивается крепкой заваркой, приходится постучать ее по спине, чтобы прокашлялась.

— Научись сначала читать и писать как следует, активистка, — заявляет она. — Кыш!

Девочки уходят в спальню, спальня в квартире Вартаса представляет собой закуток, где на полу лежит матрас, две подушки и одеяло. Я вижу это, когда убегаю на кухню погреть воду, чтобы снова залить травы. Когда возня в другой комнате затихает, Лэйс смотрит на меня:

— Что не так с К'ярдом?

— С ним все так. Со мной...

— Ты что-нибудь к нему чувствуешь?

Я осторожно, чтобы не обжечься, делаю глоток новой заварки.

— Я к нему чувствую слишком много.

— И?

— Я не знаю.

— Вот уж не верю. Ты либо знаешь, — она испытующе смотрит на меня, — либо нет. Какой у тебя вариант?

— У меня вариант, когда я боюсь сделать ему больно, оттолкнуть в последний момент. Сегодня он меня поцеловал и меня накрыло так...

— Я делаю паузу, еще больше понижаю голос: — Что я просто застыла. Потому что эти чувства... я их не понимаю, и они такие, что я не могу их контролировать.

Мне кажется, стоит мне позволить себе этот поцелуй по-настоящему, и я в нем просто растворюсь, меня накроет волной и утащит на дно, или я просто взорвусь и рассыплюсь миллионами брызг.

— Чувства вообще контролировать невозможно, — сообщает Лэйс. — Так стоит ли пытаться?

— Я решила дать ему и себе время, — говорю я. — Чтобы мы могли понять, что...

— Ну-ну.

— Что?

— Ничего. Просто ну-ну, — она ухмыляется. — Когда вы наброситесь друг на друга, надеюсь, я буду подальше. Потому что рядом с этим местом вырастет парочка вулканов и их накроет волной покруче Нресской.

— Прекрати, — я чувствую, что краснею.

— Трусишка.

— Что?!

— Ты. Трусишка. Легенда, изменившая Раверхарн, боится признаться в любви к парню.

— Я не легенда, — говорю я. — И я ничего не изменила.

— Ты по меньшей мере остановила бойню и не позволила Ландорхорну захлебнуться. Ты ведь не была на улицах, где творился кошмар, так? А я была. Люди растеряны, вьверху тоже. Но они больше не собираются убивать друг друга.

— А до этого я все это начала.

— Это все начала Дженна, — взгляд Лэйс становится жестким. — Ты хотела изменить мир, а она — крови. Это разные вещи. Эта женщина отказалась от собственной дочери и мужа, чтобы реализовать свой убийственный план. Она их просто бросила, чтобы заниматься темой ныряльщиков и затопления. А потом, когда у ее дочери в раннем возрасте проснулись силы, и ее муж с ней связался... Знаешь, что она сделала? Сдала их в Подводное ведомство. Чтобы не рисковать. Точно так же, как она сдала нас, чтобы сделать из тебя народную жертву.

— Зачем ей сдавать собственную дочь?!

— Затем, что если бы вдруг об этом стало известно кому-то еще, а потом выяснилось, что муж звонил ей, и она промолчала, у нее могли

бы быть проблемы. А так — никаких проблем. Не представляю, что они делали с инициированными детьми в Подводном ведомстве.

— Откуда ты все это знаешь?

— После ареста Т'ерда вскрылось много всего интересного и информации, которой сейчас занимаются. Мы с твоим К'ярдом проговорили полчаса, хотя изначально он звонил, чтобы сообщить о тебе.

— К'ярд не мой, — сказала я, потому что на все остальное просто не хватало слов.

— Твой-твой. И не смей больше сравнивать себя и Карринг. Все ее планы — начиная от убийства Дигтхарда К'ярда и заканчивая тем, что она все-таки реализовала, сводились практически к геноциду. Поэтому слышать о ней я больше ничего не хочу. — Ее глаза яростно сверкнули. — А в тебя верят люди. Они поверили в то, о чем ты говорила. Поверили тебе. И ему. Не только люди, но и вверху, так что заканчивай свои самокопания и просто живи. В этом ты уже безмерно богаче всех тех, кто не пережил эти кошмарные дни.

Я судорожно вздохнула.

— Ты права, — сказала негромко. — Что бы я без тебя делала?

— Сдохла бы, — Лэйс прислонилась к стене и вытянула ноги, чудом не сбив оставленную Митри чашку.

Да, к ее специфической манере общения точно нужно привыкнуть.

— А Вартас? — я посмотрела на нее.

— Что — Вартас?

Как раз в этот момент пиликнул замок, и раздались шаги.

— Привет. — Вартас заглянул в комнату, ненадолго запнулся о меня взглядом и поставил на пол мешки. — Разберешь продукты?

Кажется, я зря спросила. Они выглядели так, как... ну не знаю, пара со стажем. По крайней мере, именно так в моем представлении выглядела пара со стажем.

— Вирна разберет, — фыркнула Лэйс. — Я устала.

— Ну Вирна так Вирна, — хмыкнул Вартас и снова оставил нас наедине.

Шорох одежды, зашумела вода в душе.

— Вообще советую разобрать еду и лечь спать как можно скорее. Потому что тот, кто крайний справа, будет сваливаться с мата на пол, а

еще ему не хватает одеяла. С этим мы все никак не решим вопрос, а ночью здесь становится прохладно.

— Не хочешь вернуться домой? На Пятнадцатый?

— Я думала об этом, — Лэйс стала серьезной, — но как ты правильно сказала, прошлое надо оставлять в прошлом. Вообще мы хотели почистить домик и приютить тех, кто лишился своего во время зачистки. Понятное дело, всех принять не получится, но хоть кого-то.

— Я сегодня там была, — сказала я.

— И?

— На Пятнадцатый мало кто совался, а к морю и подавно. Мне кажется, он готов принимать гостей.

— Вот и чудесно.

Продукты я все-таки успела разобрать до возвращения Вартаса, а еще успела угнездиться у стены, завернувшись в кокон одеяла на пару с Лэйс.

— Мальчики в пролете, — сказала она, стоило Вартасу войти к нам.

— Так всегда, — он притворно вздохнул. — Ладно, девочки, спите вдвоем. Я лягу на пол.

— И отморозишь себе все самое ценное?! — рыкнула Лэйс. — Залезай!

— Я и не в таких условиях спал, — он явно намекал на пещеры миротворцев.

— Ну ломайся тогда, — сестра демонстративно повернулась к нему спиной, поэтому не увидела, как он лег.

Край одеяла сполз с моей ноги, а потом от меня отползла Лэйс. Точнее, ее от меня «отползли», самым бесцеремонным образом обнимая за талию и подтягивая к себе.

— Бэк передавал тебе привет, Вирна. Сказал, что это было круто и смело.

Теперь уже в темноте этого не было видно, но я покраснела опять.

— Ты сказал ему, что Ландорхорн спасли Лэйс и Лайтнер?

— Он это видел. Тем не менее привет он передавал именно тебе. Благодарил именно за то, что сделала ты.

— О мооооре, — взвыла Лэйс. — Если вы сейчас не перестанете перебрасываться боевыми заслугами, я уйду к Митри и Тай.

— Как скажешь, — раздался звук поцелуя в шею. — Спим.

Сестра все-таки пнула меня под одеялом. Дотянулась.

В ответ я ущипнула ее за руку и отвернулась к стене, закрывая глаза. Несмотря на то, что предыдущей ночью у меня была своя огромная кровать и просторная комната с личной ванной в моем полном распоряжении, сегодня я засыпала гораздо более счастливая, чем вчера.

Думая о том, что завтра я увижу Лайтнера. И о том, что я ему скажу.

Глава 44. Новый мир, новые правила

Вирна Мэйс

С «увидеть Лайтнера» на деле все оказалось несколько сложнее, чем я представляла. Хотя бы потому, что утро началось с трансляции, которую мы смотрели по моему новому тапету, дружной компанией собравшись на тренировочном мате.

В Ландорхорн прибыл рейн Раверхарна, а вместе с ним — правители всех городов. Несмотря на то, что Раверхарн был единым государством, некоторая автономия именно в Ландорхорне все же присутствовала: исключительно потому, что он стоял особняком, отрезанный от основных материков, а перелет даже на стрекозах занимал достаточно много времени. Автономию ему обеспечивали и производство, промышленность, и государственные фермерские хозяйства, под которые на Третьем был отведен целый район. Раньше я никогда об этом не задумывалась, о том, что Ландорхорн существовал в Раверхарне как государство в государстве, и сейчас эта автономия была нарушена.

Глядя на Лайтнера, встречавшего рейна вместе с генералом и другими вьерхами, поддерживавшими раскрытие правды о нашем мире, я понимала, что ему сейчас как-то совсем не до меня.

— Да не трясись, — сказала мне Лэйс, когда процессия скрылась в бывшем Дворце правления, трансляция закончилась, а я убежала на кухню. Лэйс, разумеется, пошла за мной, и сейчас наблюдала, как я пытаюсь найти травы для заваривания, — никто твоего Лайтнера не съест.

— Я не трясусь, — сказала я.

— Ты просто пару раз чуть не выронила тапет. — Сестра подперла стену и снисходительно посмотрела на меня. — Если бы они хотели продавить предыдущий режим, в Ландорхорн бы прилетело с десяток ракет, и сейчас здесь был бы выжженный, залитый водичкой, котлован. И тени.

— Знаешь, за что я тебя люблю? — Я сложила руки на груди. — За твое жизнелюбие и оптимизм.

— Во мне еще масса положительных качеств. Давай по-быстрому сделаем завтрак, а потом пойдем помогать пострадавшим.

Завтрак мы действительно сделали быстро, а потом все дружно втиснулись в эйрлат Вартаса. На переднем сиденье, разумеется, повезло сидеть Лэйс, мы с младшими отлично поместились на заднем. Тем не менее пока мы летели до госпиталя, я все-таки умудрилась написать Лайтнеру: «Удачи тебе». Хотела добавить, что я по нему скучаю, и рассказать про вчерашний поцелуй, но в мой тапет с одной стороны беззастенчиво пялилась Митри, с другой — Тай. Причем когда я ловила их взгляды, они тут же отворачивались, но стоило мне открыть сообщения, мгновенно ныряли обратно.

Пришлось отложить до лучших времен, а в одном из временных госпиталей мне стало не до посторонних мыслей. Я металась между койками, помогала нарезать бинты, разносила лекарства. Ловила на себе самые разные взгляды, слышала шепот за спиной: «Это же Вирна Мэйс», и старалась не думать о том, сколько пришлось пережить этим людям. Настроения были самые разные, но большинство — что не могло не радовать — говорили о компромиссе. О том, что хотят мира для своих семей, о том, что теперь все будет по-другому, некоторые не верили, что вьерхи захотят что-то менять, кто-то считал, что временной идее мирного сосуществования лиархов и вьерхов снова придет конец, и вновь воцарится диктатура.

Наслушавшись такого, я снова «улетала» мыслями ко Дворцу правления и к тому, что происходит в закрытых стенах. Это же волновало многих, не только меня.

— Да кто нам расскажет, что там происходит.

— Опять введут войска...

— Но генерал обещал...

— С «Калейдоскопом» они тоже много чего обещали...

В конце концов, когда напряжение ожидания пересилило даже усталость, я натянула шапку, завернулась в куртку и вылетела на улицу, чтобы подышать воздухом. Снежинки падали мне на лицо, в кои-то времена в Ландорхорне не было сильного сбивающего с ног ветра, и, несмотря на снег, холода ощущались достаточно мягко. Я думала о Лайтнере и о мире, который сейчас был хрупким, как никогда. Понимала, что малейшее неосторожное движение с любой стороны снова приведет к вооруженному конфликту, и на сей раз

остановить его мы будем уже не в силах. Никто будет не в силах это остановить, а после такой правды сдержать людей уже не получится.

Ни запугиваниями. Ни обещаниями. Ни оружием.

Генерал говорил об этом перед трансляцией, как и о том, что мы рискуем всем. Но в сложившейся ситуации все, кто приняли нашу сторону, сочли правильным раскрыть миру настоящую историю.

Внутри куртки что-то звякнуло, рассыпалось осколками, и я подпрыгнула. Рывком расстегнула молнию, вытащила тапет:

— Привет.

Видеть Лайтнера вот так, по видеосвязи, было неожиданно, поэтому я зависла, не успела даже ничего сказать, и он продолжил:

— Твоя удача мне пригодилась, синеглазка. Не только мне. Всем нам.

— Все настолько страшно?

— Ну... скажем так, рейн был не в восторге от того, что мы сделали. Остальные правители тоже.

Я затаила дыхание.

— Но они решили, что прибить нас на месте будет гораздо хуже, чем организовать в Ландорхорне временное правительство, и что единственное приемлемое решение в том, чтобы объединить два мира, каким бы сложным это сейчас ни казалось. Иными словами, войны не будет. Нигде.

Впервые с того момента, как он позвонил, сердце слабенько трепыхнулось в груди.

— Будет, разумеется, куча всяких политических заморочек, но у рейна хватило мозгов понять, к чему приведут любые военные действия в сложившейся ситуации. Полномочия он сложить, разумеется, не готов, но будем думать над совместным правительством с людьми. Или, точнее сказать, с лиархами. Поскольку в плане обучения людей все обстоит относительно... никак, будем искать достойных среди выпускников после Калейдоскопа. То есть тех, кто уже закончил университеты, первые выпуски.

— Хорошо, — я глубоко вздохнула.

— Да, это хорошо, — Лайтнер улыбнулся. — Это действительно хорошо, синеглазка. С одной стороны.

Я замерла.

— Что не так с другой?

— С другой этим буду заниматься я, и пока тема не будет закрыта, мы не увидимся. Боюсь, моя задница сплющится в совершенно неромантичный пласт в ближайшее время.

— Ты? — я почему-то невольно улыбнулась. — Ты будешь искать людей, которые смогут войти в правительство?

— Да. Поиски, изучение биографии, встречи, собеседования, рекомендации. Надеюсь управиться за неделю, и если мы с Родди не убьем друг друга за это время...

— С Родди?

— Кто, по-твоему, может максимально быстро собрать необходимую нам информацию? — Он усмехнулся. — Тем более что его родителей не будет в городе.

— Не будет?

— Нет. Б'игги лично приглашены рейном на Изначальный материк. С наибольшей вероятностью, им там предложат работать на новое правительство. И я почти уверен, что они согласятся.

— У них здесь целая корпорация.

— Она неплохо будет работать и с управляющим. К тому же, Родди тоже не горит желанием здесь оставаться.

Лайтнер замолчал, но я прекрасно понимала, что он имеет в виду.

Ромину.

Сейчас, когда мои чувства практически обнулились, я не могла сказать, что чувствую по этому поводу. Но я точно могла понять, что чувствует Родрес, потому что представить себе жизнь без Лайтнера я не могла. У меня просто не складывалась картинка, как если бы перед глазами разом выключали свет, заглушали все звуки, запахи и даже биение сердца. Жить в таком состоянии не пожелаешь никому, но, возможно... возможно, в другом городе у Родреса получится начать сначала.

Не думать о том, что он оставил за спиной. И последний выстрел в упор. И то, как он нашел Дженну с помощью сети камер еще до того, как она покинула Ландорхорн и ушла на подводную базу, желание убить ее лично, извлеченный из тапета маячок, который Родрес протащил с собой к Дженне в подкладке куртки. Технология этого устройства была такой, что его сигнал заглушался мысленной командой. Настроенный на импульсы, которые подаются в мозг на

определенных мыслях того, на кого он настроен, маячок включался и выключался по мысленному приказу. В местах вроде подводной базы или в скалах миротворцев сигнал блокировался, анттехнологии исполнения не позволяли его обнаружить даже когда шел сигнал. Именно так и Родди и Лире удалось оставить их незамеченными.

Это тоже были новейшие разработки Б'иггов, поэтому неудивительно, что рейн хотел видеть их семью при себе.

— Я буду по тебе скучать, — я нарушила молчание первой.

— Будешь?

— Уже скучаю.

— Стоило сегодня встретиться с рейном только чтобы это услышать.

— Ты бы услышал это и без встречи с рейном. Я полночи ворочалась, справляясь с желанием тебе написать.

Он приподнял брови:

— А я спал.

Я даже приблизительно не представляла, что на такое ответить.

— В твоей постели. Да, я тот еще извращенец.

Вот теперь я все-таки ощутимо покраснела, настолько, что захотела залезть в куртку по самый нос, чтобы не было видно пылающие щеки.

— Синеглазка, мне пора, — с сожалением произнес он, оборачиваясь на чей-то голос, а потом снова «возвращаясь» ко мне. — Но я буду тебе звонить. И писать. Каждый день, и пожалуйста, отвечай на мои сообщения, а не как обычно.

Я чуть не брякнула, что совершенно не помню, как обычно, но вовремя удержалась.

— Или что?

— Или я решу, что тебе не нужен, с горя сделаю какую-нибудь глупость...

— Например?

— Например, брошу все и приеду к тебе посреди ночи, — он улыбнулся. — Разбужу тебя, Лэйс, девочек... набью морду Вартасу.

— Ему-то за что?!

— С горя.

Я не выдержала и рассмеялась, поражаясь тому, каким теплым стал его взгляд.

— Люблю, когда ты смеешься. Вечером опять буду на связи.

— Тогда до вечера.

— До вечера.

После разговора мне даже дышалось легче. Я едва покидала в себя обед, а потом просто летала по госпиталю и позже, когда мы помогали лишившимся жилья нескольким семьям перевозить вещи в наш домик на Пятнадцатом и устроиться там, вообще не чувствовала усталости. Я бы еще столько же сделала, но Митри и Тай надо было отвезти домой.

Дома перед дверью обнаружились коробки с едой и букет цветов.

— Какие красивые! — пискнула Тай, я открыла рот, а Лэйс присвистнула.

— Ну, погнали, — фыркнула она и выхватила пластиковую карточку, громко читая вслух: — Моей...

— Л-лэйс! — тут уже я натурально взрычала, но отобрать карточку у сестры не удалось.

Хохоча, она ввалилась в дверь, которую открыл почему-то внезапно помрачневший Вартас и продолжила с интонациями, достойными выступления на сцене:

— ... синеглазке с... С...

Я подхватила букет, наградив ее выразительным взглядом.

— Маруна.

— От маруны слышу, — не смутилась она, но все-таки сунула карточку обратно в букет. — Ладно. Живи пока.

Поскольку побыть наедине с собой в этой квартире было негде, я ушла в комнату к девочкам, уселась на матрас и достала карточку.

«Моей синеглазке с любовью. Эти цветы напоминают мне тебя и океан».

Я понятия не имею, где он их достал. Особенно в такой ситуации. Но цветы и впрямь напоминали океан: бутоны рождались на тонком стебле, ярко-синие, бирюзовые, ближе к сердцевине с глубокими темно-серыми прожилками. Их цвета словно пробегались по всем оттенкам воды в любое время года, а мягкие, огромные лепестки шевелились от моего дыхания, как волны.

Цветы мы поставили в воду, и я весь вечер на них любовалась, из-за чего заработала с десятков подколок от Лэйс, но мне было не до ее

шуточек. Я просто вдыхала их аромат и почти чувствовала свежесть наполненного солнечным дыханием бриза. Вечером в трансляцию пустили все то, что Лайтнер рассказал мне еще в обед, и сестры забыли о цветах, разговоров только и было о том, каким станет новый мир. Скептичнее всего, как это ни странно, держался именно Вартас, но даже в его глазах я читала надежду.

Возбужденные обсуждением предстоящего, даже несмотря на насыщенный день, спать мы легли очень поздно, но Лайтнер вышел на связь еще позже, когда все уже сладко сопели. Все, кроме меня, потому что я ждала.

«Надеюсь, ты сейчас видишь чудесные сны», — написал он мне.

И я ответила:

«Теперь они точно будут чудесными».

Мир менялся у нас на глазах. Приказ рейна о том, что отныне люди и вьерхи обучаются наравне друг с другом наделал чуть ли не больше шума, чем отмена запрета на приближение к воде, упразднение Подводного ведомства и отключение установок по всему Раверхарну. Реформами образования, законодательства и всего остального занимались в каждом мегаполисе отдельно, равно как и исследованиями истории, надежно погребенной в архивах, причем преимущественно в архивах влиятельных семей.

— По-моему, сейчас можно здорово заработать на учебниках по истории, — философски заметила Лэйс. — Первый, кто напишет что-то адекватное, обогатится.

В ответ я только фыркнула: предприимчивости Лэйс никогда было не занимать, но пока что она находилась в поисках работы.

«Бабочку» предсказуемо закрыли, что из нее получится в будущем или что будет на ее месте, пока что никто не представлял, да и с работой в Ландорхорне сейчас было туго. Никто особо не понимал, куда вырулит новая политика, поэтому, разумеется, не спешил набирать новые кадры, а вот сокращения начались.

Поэтому пока что мы с Лэйс жили на то, что зарабатывал Вартас, но я понимала, что мне надо съезжать. Если не потому, что я тут четвертая лишняя (малышня не в счет), то хотя бы потому, что нам было тесновато. Несмотря на то, что для меня и девочек появилась кровать, подушки и пара новых одеял, а матрас переехал в комнату, где

раньше был тренировочный мат, я все равно чувствовала себя не в своей тарелке. Особенно когда Лэйс и Вартасу было даже негде уединиться.

С Лайтнером мы продолжали общаться по видеосвязи, и, насколько я поняла, временное правительство — совместно вверху и люди, было почти укомплектовано. Родрес действительно собирал вещи, до конца недели он должен был уехать вслед за родителями, а я ждала нашей с Лайтнером встречи — и заодно первого занятия в обновленном Кэйпдоре, как волшебства.

То, что я буду учиться, даже не обсуждалось, для меня это было само собой разумеющееся, оставалось только понять, как бы мне совмещать это с работой и где найти жилье, которое я смогу себе позволить. Но последние несколько дней я думала только о предстоящей встрече. Она занимала все мои мысли, она, а еще цветы, которых в небольшой квартире становилось все больше и больше.

Вартас говорил, что у него скоро начнется аллергия, на что Лэйс комментировала, что аллергия у него начнется из-за собственной вредности. В конце концов они поругались, и мы втроем слушали, как они орут друг на друга из-за стенки:

— Эта квартира уже напоминает оранжерею! — рычал он. — В то время, как людям нечего жрать, он ей присылает цветочки!

— Тебе-то какая разница? — огрызалась Лэйс. — Хочешь, чтобы тебе деньгами переводили вместо букетов Вирне?!

— Маруна!

— Едх зацикленный!

В комнате что-то упало, и Митри опасно покосилась на меня:

— Он ей там шею не свернет? Там же падать было нечему...

— Не свернет, — сказала я. — Хотя я бы дала по заднице. Лэйс надо иногда думать над тем, что она говорит.

— Эй, ты на чьей стороне?

— Я нейтральна.

Хотя в следующий момент сама чуть не подорвалась, потому что в комнате что-то упало снова, а потом раздался вопль Лэйс, который... сменился рыданиями? Я уже почти нарушила личное пространство сестры и ее парня, когда услышала:

— Лэйс. Лэйс, да, он меня бесит! Потому что я не могу дарить тебе такие цветы.

Рыдания прервались всхлипом, паузой и словами:

— Говорю же, едх!

Потом продолжились. Чтобы опять прерваться:

— А я работу не могу найти!

— Говорю же, маруна.

После того, как Лэйс заревела еще громче, я поднялась.

— Девочки, пойдем гулять, — сказала решительно и утатила малышню на улицу. Снег за это время уже успел растаять, выпасть снова и растаять опять, а сейчас крупные влажные хлопья падали с неба, чтобы прямо под нашими ногами превратиться в черное месиво.

Улицы по-прежнему продолжали патрулировать военные, но комендантский час уже отменили. Загорались витрины магазинчиков, которые здесь были достаточно редкими, но теперь снова работали допоздна. Люди больше не боялись выходить из дома, жизнь возвращалась в привычное русло. Насколько оно будет привычным, нам еще предстояло выяснить, я понимала, что просто не будет, но все равно чувствовала, что то, что сейчас происходит — правильно.

Новая волна обрушилась на всех утром, когда Лайтнер должен был заехать за мной, чтобы отвезти в Кэйпдор. Люди по всему Раверхарну требовали, чтобы рейн сложил полномочия, и, чтобы подобно предстоящему суду над Диггхардом К'ярдом и остальными обвиняемыми, судили всех, кто лично отдавал приказы о казнях в филиалах Подводного ведомства.

— Это было неизбежно, — сказала Лэйс. — Не только Диггхард К'ярд отдавал приказы, не только в Ландорхорне, не только в глобальных масштабах. Их таких по всему Раверхарну с перебором. И их действительно надо судить. Хоть за сотни убийств. Хоть за одно. Так же, как Д'ерри.

Об отставке судьи Д'ерри и о том, что против него тоже возбуждено уголовное дело за сокрытие улик по преступлению Ромины и убийству парней, якобы угнавших эйрлат и погибших от передозировки, мне рассказал Лайтнер. Много вышестоящих сотрудников Подводного ведомства Ландорхорна, отдававших приказы, оказались на скамье подсудимых за казнь ни в чем не

повинных людей. Точнее, виновных только в том, что они были лиархами.

Многие настаивали на смертной казни, но генерал и его сторонники категорически от нее отказались.

— Мы изначально говорили о том, чтобы не проливать кровь. — Я слушала выступление генерала в прямом эфире. — И ее больше не будет. Виновные будут осуждены и наказаны, и можете мне поверить, их мера будет достойной.

Лайтнер говорил, что с наибольшей вероятностью это будет пожизненное и работа на благо Раверхарна. Я боялась спрашивать его об отце, потому что не могла даже представить, как он себя чувствует. Боялась, но все-таки спросила, потому что не могла не спросить:

— Ты не жалеешь о том, что... — У меня язык не повернулся сказать «пошел против отца», поэтому я произнесла: — Что случилось?

— Я жалею только о том, что не успел к тебе, — жестко ответил он. — У моего отца был выбор — и там, на берегу, и на Первом. Он сделал свой, а я свой.

Больше мы к этой теме не возвращались.

Трансляцию про протесты в других мегаполисах Раверхарна мне досмотреть не удалось, потому что раздался звонок: приехал Лайтнер. Меня смело как порывом ураганного ветра, в себя я пришла уже открывающей дверь, а потом обнимающей его.

— Ого, — произнес он, заглядывая мне в глаза. — Это, наверное, большее, на что я мог рассчитывать.

Я не стала рассказывать, что он мог рассчитывать на гораздо большее, и что, если бы не высыпавшая следом за мной семейная толпа, я бы его поцеловала.

— Мы все еще едем в Кэйпдор? — спросила я. — Несмотря на то, что...

— Все еще едем, — твердо ответил он, коротко кивнув Лэйс и Вартасу, и улыбаясь младшим. — Раверхарн будет штормить, это нормально. Сейчас главное удержать то, чего мы уже добились.

В эйрлате меня ждал еще один букет, а еще совершенно другой Лайтнер. Я сама не могла толком сказать, что в нем изменилось — как вообще я могла бы сказать, что он изменился, если плохо помнила

даже саму себя — но это воспринималось на уровне чувств. Он как будто повзрослел на несколько лет за эту неделю, и сейчас рядом с ним я ощущала, как вся моя уверенность испарилась. Я столько представляла себе эту встречу, но не ожидала, что она будет такой. И почему я не чувствовала это, когда мы общались по тапету?

— Ты не знаешь, у вас требуется там кто-нибудь на работу? — спросила я, когда Эйрлат вышел на трассу.

— Че-го?! — он спросил это так выразительно, что мне захотелось заползти под сиденье, а еще я почувствовала себя как Тай.

— Работу, — сказала я. — У вас там в штабе... во временном правительстве или где-то еще не требуется... никто?

Лайтнер на мгновение отвлекся от почти пустой ранним утром трассы и выразительно посмотрел на меня.

— Это совершенно точно перебор даже для тебя, синеглазка. Мы не виделись больше недели, и первое, о чем ты спрашиваешь — это не могу ли я устроить тебя на работу?

Под сиденье захотелось заползти еще сильнее.

— Вообще-то я думала о том, что тебе скажу, все это время...

— И сказала про работу, ага. — Он сдвинул брови так, что я окончательно растерялась. Правда, тут же широко улыбнулся: — Забей. Я пошутил.

— Что?

— Я просто очень рад тебя видеть.

Он... очень рад меня видеть?!

— Но насчет работы это все-таки перебор. Ты правда думаешь, что я позволю тебе работать?

Не будь я так увлечена рассматриванием его профиля, уронила бы челюсть. Так, по крайней мере, челюсть осталась на месте, но я поперхнулась.

— Что значит — позволишь?!

— То и значит. Я не позволю, чтобы моя девушка сходила с ума, пытаясь совмещать работу и учебу. И чтобы валилась без сил, когда приходит домой.

Я поморгала.

— Лайтнер... — сказала я. — Это вообще-то нормально. Я привыкла так жить, и...

— То, что ты привыкла так жить — еще не значит, что это нормально. Закончишь Кэйпдор, работай где хочешь. Но не во время учебы. И Вирна, — он сделал многозначительную паузу, — не вздумай возражать. Я видел новую учебную программу. Кэйпдор — не то место, где можно совмещать.

— Но ты же совмещать будешь!

Я уже знала, что он будет ассистентом главного юриста при временном правительстве, а впоследствии — и при постоянном.

— Это другое.

— Почему?

— Потому что я — мужчина. А у тебя еще сестры, о которых надо заботиться.

— То есть если бы у меня не было сестер, и я была мужчиной, ты бы не возражал?

— Меня определенно радует, что ты не мужчина.

— Лайтнер! — взвыла я.

— Вирна, — он посмотрел на меня упор и снова отвернулся.

— Ладно, разве ты не хочешь, чтобы мы работали вместе? — решила зайти с другой стороны.

— Нет.

— Нет?!

— Нет, потому что тогда я не буду работать, а буду смотреть, чтобы на тебя не пялились все, кому не лень.

— Пф.

Это все, на что меня хватило.

Я вообще не представляла, кому на меня надо пялиться — разве что с позиций «та самая Вирна Мэйс», но сдаваться не собиралась.

— Сейчас, когда установки отключены, нужна будет помощь инициированным лиархам, особенно детям. Даже взрослым. Когда у меня впервые открылась сила, я была в шоке. Нужно разработать какую-то программу адаптации, я могла бы это сделать. Мы с Лэйс. Впоследствии — и программу обучения тоже. Ведь предполагается, что Кэйпдор теперь будет для всех. Не сразу, но все-таки.

Лайтнер очень выразительно на меня посмотрел.

— Я не претендую на главную в главном отделе, я просто хочу помочь! Хочу сделать все от меня зависящее, чтобы в новом мире лиархам было спокойно... комфортно, чтобы они не чувствовали себя

как рыбы, которых волна выбросила на берег и оставила справляться самих!

Он молчал долго. Очень долго. Но потом все-таки произнес:

— Хорошо, я спрошу...

— Ура!

— Не ура, потому что обещать ничего не могу. Но даже если все получится, будешь работать не больше двух часов в день.

— Четырех!

— Двух!

— Три с половиной?

— Вирна, это тебе что, аукцион?

Я фыркнула.

— Нет. Я просто не представляю, что можно сделать за два часа в день.

— Очень многое, если грамотно распределить ресурсы.

— Три.

— Вирна.

— Лайтнер?

Это на самом деле было очень и очень странно. Мы никогда раньше так не общались. По большому счету, мы вообще не общались на такие темы, которые могли зацепить нечто очень глубоко внутри. Тем не менее сейчас я чувствовала себя счастливой, и даже первая неловкость момента новой встречи отступила.

— Хорошо, три, — неожиданно произнес он.

— Чему обязана такой щедрости?

— Тому, что ты не стала сопротивляться, когда я назвал тебя своей девушкой.

Его улыбку я поймала в зеркале заднего вида и улыбнулась в ответ.

Да, он действительно изменился. Очень сильно изменился, сейчас у меня даже язык не повернулся бы назвать сидящего рядом со мной Лайтнера парнем.

Мужчиной. И только так.

Он изменился, но я изменилась тоже. Мы оба другие. В совершенно новом мире, который нам еще только предстоит узнать

вместе. Нам вместе предстоит узнать новые правила, а некоторые, возможно, и написать.

Тоже вместе.

Сейчас я понимаю, что в прошлом, у нас других ничего не вышло, но в настоящем мы можем исправить все. И свою новую историю мы напишем именно такой, какой захотим.

Глава 45. Новые горизонты

Лайтнер К'ярд

У моего плана завалить Вирну цветами и подарками была совершенно определенная цель — покорить ее снова, но я даже не мог предположить, что войду во вкус. Мне не нужны были сотни слов благодарностей, достаточно взгляда, сверкающего как вода в солнечных лучах. Ради этого сияния я готов был развернуть от Ландорхорна тысячи волн: и больших, и маленьких. Ради этого хотел подарить синеглазке весь мир, как бы банально это ни звучало.

Стоит увидеть Вирну после долгого перерыва, как мне хочется схватить ее в охапку и увезти туда, где мы будет только вдвоем. Но нельзя. В отличие от меня, она только в начале наших отношений, и я ей нравлюсь, а значит, у меня есть все шансы. Главное, ничего не испортить, как с этой работой. Конечно, я не могу запретить Мэйс делать что-либо, и буду только рад, если она захочет внести вклад в наш новый мир. Но ей придется еще привыкнуть к мысли, что она больше не будет голодать или в чем-то нуждаться. Я об этом позаботился.

И не только я.

Но я решаю не раскрывать все секреты, тем более что Вирна и так нервничает перед возвращением в Академию, сжимает пальцы на коленях.

— Волнуешься? — интересуюсь, когда помогаю ей выйти из эйрлата.

— Очень, — признается она.

— Я тоже.

— Ты?

— Конечно! — киваю нарочито мрачно. — Благодаря мне прошлый режим сказал: «Прощай!» Вдруг меня за это закидают протухшими водорослями?

В ее взгляд такой шок, что я мысленно даю себе пинка.

— Прости, Вирна. Это была шутка. Ну где они найдут протухшие водоросли, сама подумай?

— На кафедре лиабиологии. Там наверняка есть что-то подобное. Одно из воспоминаний было про них, а еще я читала...

Она умолкает, но я и так догадываюсь, о чем речь.

— Ты читала про Кэйпдор? Читала конспекты и учебники, которые я тебе отправил?

— Да, — кивок, — когда выдавалась свободная минутка. Мне нужно заново проходить программу.

— Уверен, только ты училась во время этих революционных каникул. Остальные смотрели новости и теперь в курсе того, что ты умеешь делать с помощью воды. Сомневаюсь, что в твою сторону кто-то будет бросать даже косые взгляды.

— Меня боятся?

— Нет, меня. Если будут коситься, заработают косоглазие.

Она улыбается и сама берет меня за руку, когда мы идем к Кэйпдору. По телу будто проходит ток, и я переплетаю наши пальцы. Проще отшутиться, чем признаться, что я тоже волнуюсь. Не за себя, хотя уверен — не всем нравятся перемены, а я их виновник, так что всеобщую любовь среди вьерхов я вряд ли получу. Мне важно, чтобы никто из этих придурков ни словом, ни взглядом не обидел Мэйс. Поэтому всех косящихся отстреливаю предупреждающими взглядами. Впрочем, косятся на нас в основном с любопытством, и я немного расслабляюсь.

Первой парой у нас совместная подводная зоология, и мы занимаем места на последнем ряду. Если повезет — привлечем минимум внимания. Но у ньестра О'лэя оказываются совершенно другие планы. Древний и вечно недовольный преподаватель появляется в аудитории бодрым шагом и сияет улыбкой.

— Доброе утро, студенты! Я рад, что мы все наконец-то вернулись к занятиям, и в свете произошедших событий, думаю, мой предмет скоро станет самой важной дисциплиной во всей академии Кэйпдор.

О'лэй даже гордо расправляет плечи, будто ему уже вручали медаль «Препод года».

— Что вы имеете ввиду, ньестр О'лэй? — интересуется кто-то с первого ряда.

— Вы что, новостей не смотрите? — хмурится он, возвращаясь к прежнему образу. — Новое правительство, новые законы. Нам

откроют доступ к океану! Мы будем изучать морских обитателей не только в лиариуме. Мы сможем погрузиться на самое дно. Это просто невероятные возможности, и все это благодаря моим студентам. Этим молодым людям. Ньестр К'ярд и нисса Мэйс, пожалуйста, спустись сюда!

Мне хочется послать этого подпрыгивающего от счастья старикашку куда подальше, потому что Вирне достаточно стресса, чтобы выходить на кафедру и стоять перед немаленькой аудиторией. Но она поднимается первой и кивает на преподавателя. Мне ничего не остается, как последовать за ней. С мыслью о том, что все ученые слегка чокнутые. Впрочем, для вьерхов, которые были не в теме установок и творящегося хидреца, сейчас тоже открывается новый мир.

— То, что лиархи перестали быть тайной — большая удача для подводной зоологии. — Он смотрит на Вирну как на спасительницу. — Благодаря вам мы сможем изучить наш мир целиком. Погрузиться на такую глубину, куда никто из современников не опускался, а у некоторых из вас получится сделать это лично. Давайте дружно поблагодарим их за открытые возможности!

На мгновение мне кажется, что вот сейчас в нас действительно полетят водоросли или что похуже, но какой-то парень со среднего ряда ударяет в ладоши, его подхватывает девушка на первом, и через мгновение рукоплещет вся аудитория. Не только люди (а в перспективе лиархи), но и вьерхи.

Я не могу поверить своим глазам, Вирна, судя по ее виду — тоже, но все улыбаются, и нам передается атмосфера общего возбуждения и предвкушения.

— Вместо водорослей аплодисменты, — шепчу я ей на ухо, и синеглазка делает вид, что подавилась, чтобы сдержать смех.

— Ньестр О'лэй, — обращаюсь я к преподавателю, когда шум стихает, — можно нас с Мэйс снова поставить в пару? Тем более что мы знакомы с одной раг'азной.

В общем, до самой перемены мы обсуждаем Эн. Я рассказываю, как впервые встретил океанскую бабочку, как она спасла нас с Вирной. И как Эн спасла Ландорхорн, предупредив об устройствах. Отключение устройств вообще интересовало всех не меньше раг'азны,

многие вьерхи заметили, что у них за несколько дней возросла сила. О'лэй не перебивал, не разгонял нас, слушал внимательно, иногда задавал вопросы. Он усадил Вирну в свое преподавательское кресло, а сам устроился на первом ряду.

— Всегда есть, чему учиться, — заявил он.

Мэйс не трогали, только когда на один из вопросов она ответила, что почти ничего не помнит, я готов был убивать за жалость во взглядах студентов. Правда, Дорс, один вьерхов из моей бывшей компании, тут же сказал:

— Круто! Зато ты сможешь попробовать все заново.

Вирна ему улыбнулась, и неловкость исчезла. Не знаю, как я это чувствовал, но чувствовал, что ее волнение сошло на нет. Она больше не сжимала мою ладонь, словно спасательный трос, когда мы покинули кафедру лиабиологии и шли по коридорам Кэйпдора. Кажется, вышедшие к нам Хар с Кьяной и то нервничали больше. Особенно Кьяна.

— Привет, я Кьяна, — она протягивает руку Мэйс. — Я девушка Хара, и мы с тобой раньше дружили.

— Я знаю. Я видела тебя в моих воспоминаниях.

Кьяна расслабляется, подхватывает Вирну под локоть.

— Тогда сядем вместе на мифах?

— Конечно, — как-то слишком легко соглашается Мэйс. — Заодно расскажешь мне о том, чего я не помню.

— Вы про нас не забыли? — интересуюсь я.

— Нет, — хмыкает Кьяна, — но у нас впереди древние мифы и девчачьи разговоры.

— Какие мифы, если мы выяснили, что вся история — фальшивка?

— Тем более лекция обещает быть как никогда интересной! А ты, Лайт, иди на политологию.

— Мэйс! — зову я, потому что Кьяна уже оттащила мою синеглазку на добрых два валла. — Ты ей доверяешь?

— Все хорошо, — кивает она, вдруг что-то шепчет Кьяне, а потом в несколько шагов стирает расстояние между нами встает на носки и целует меня в губы. Короткий поцелуй обжигает, будто я хлебнул «лавы», но она убегает, ускользает раньше, чем я успеваю его продлить.

Отпускать ее не хочется, но что поделать?

В отличие от занятия по подводной зоологии, на политологии собираются только вьерхи, и они бросают на меня недобрые взгляды. На моем факультете в основном учатся дети тех, кто до недавнего времени стоял у власти и разом все потерял, так что меня это не удивляет. Мне ничего не говорят, но вот то, как от меня отсаживаются, как игнорируют — с этим все понятно. Никто не говорил, что будет просто, так что я стараюсь думать о Вирне и учебе.

Учебный день пролетает в ожидании коротких встречах на переменах и ощущении поцелуя на губах. Что она хотела этим сказать? Что не против продолжения? Или я снова тороплюсь и принимаю желаемое за действительное? Еще как желаемое! Сами занятия тянутся невыносимо долго, поэтому, когда заканчиваются, я жду Вирну и забираю ее с собой.

— Полетели! — говорю я, подталкивая Мэйс к парковке.

— Куда? — спрашивает она.

— Хочу показать тебе кое-что.

— Я обещала Кьяне заглянуть к ней в гости.

— Потом обязательно заглянешь! Все потом. Мне сегодня дали единственный выходной, поэтому я хочу побыть с тобой.

Всего ничего, и мы на Четвертом. Но не с той стороны, где «Бабочка» и многоэтажка, в которой мы жили, а с той, где живут Хар и Кьяна. Там, где большой парк, и уже убрали разгромленные улицы.

Мы заходим в одну из высоток, пожалуй, в один из самых высоких жилых домов во всем Ландорхорне, поднимаемся на лифте на последний этаж, и я прошу:

— Закрой глаза.

— Тогда мне будет сложно идти куда-либо.

— Закрой, я не позволю тебе споткнуться.

Она зажмуривается, и я веду ее по коридору, до двери в квартиру. Провожу ключом по замку, и мы оказываемся внутри.

— Пока не открывай. — Теперь я двигаюсь вперед спиной, сжимая ее ладони в своих и следя за тем, чтобы не подглядывала. Мэйс смешно морщит нос, но слушается. Гусеницей мы проходим всю гостиную и ныряем в распахнутую мной стеклянную раздвижную дверь на террасу. Здесь прохладно, если не сказать холодно: на такой

высоте очень ветрено, поэтому я посылаю в ладони импульс тепла, согревая Вирну, которая от неожиданности распахивает глаза.

И видит перед собой весь город, как на ладони. Не только город.

— Иди сюда, — я подталкиваю ее к смотровому биноклю, который установил бывший владелец. — Ради этого все и затевалось.

Заинтригованная Вирна смотрит в него, а потом с восторгом оборачивается.

— Ты хотел показать мне океан?!

— Я хотел показать тебе твой новый дом.

Я киваю назад, на большую с белыми стенами гостиную, которую мы только что прошли и в которую возвращаемся.

— Здесь четыре спальни, гостиная, кухня и кабинет, — объясняю я. — С другой стороны видно парк и даже Кэйпдор. Внизу магазины, кафе, неподалеку есть пара школ.

Мэйс теряет дар речи, потому что смотрит и не может сказать ни слова.

— Это твоя квартира? Ты хочешь, чтобы мы жили вместе?

— Безумно! Но я не собираюсь тебя торопить. Поэтому я живу этажом ниже, с другой стороны, и вид у меня из окна не такой прикольный. Так что буду не против, если станешь часто приглашать меня в гости. — Посерьезнев, беру ее за руки: — Это для тебя и твоих сестер.

Вирна была бы не Вирна, если бы не сказала:

— Я не могу принять от тебя такой подарок.

— Как бы ни хотелось присваивать себе чужие заслуги, но это не от меня. Это что-то вроде денежной благодарности-компенсации от рейна Раверхарна. За спасение Ландорхорна. Хотя не стану отнекиваться, что квартиру выбирал я. Кстати, это еще не все подарки. Моя мать выдала грант от своего фонда на обучение Лэйс в Кэйпдоре, и еще, кажется, хочет построить там тренировочный центр и бассейн для лиарх. Многие вьерхи ее поддержали, так что вы теперь можете выбирать работать или для начала все-таки закончить учебу.

К последующему поцелую я готов, но он все равно заставляет нырнуть на самую глубину моих чувств. Синеглазка всхлипывает, плачет, а я целовываю слезы с ее щек, слезы, которые на вкус как океан. Это слезы счастья, и это счастье передается мне, пьянит.

У меня перехватывает дыхание, когда Вирна скользит ладонями по моей груди, стягивает мою куртку с плеч, а потом делает шаг назад. Ее пальто падает к ногам. Шапка. Юбка.

— Уверена?

— Как никогда.

Сердце пропускает удар, а дальше я не жду, срываюсь, и мы сталкиваемся друг с другом как океан и скала. Падаем диван, к счастью, здесь он широкий, но это последняя моя мысль о диване и об остальном окружающем нас мире.

— Куда мы летим, Лайтнер?

— Это сюрприз!

— Еще один?

— Мне нравится делать тебе подарки, Мэйс. Смирись с этим и получай удовольствие!

— Что мне еще остается, — она показательно вздыхает и тут же улыбается, — хотя я до сих пор без понятия, что делать с последним.

— Учиться водить, конечно же.

Последним моим подарком стал ярко-синий новенький эйрлат. Из-за работы у меня не всегда получалось отвозить и забирать Вирну из академии. К тому же, они вместе с Кьяной помогали волонтерам, читали закрытые архивы, хранящиеся в городской библиотеке, а потом она вместе с Лэйс дорабатывала программу адаптации и обучения для лиархов, которое должно было стартовать в Кэйпдоре в следующем году, и собственная машина здорово сэкономила время. Правда, пока Вирна была на стадии «я лучше буду летать по площадке, чем выеду в город», но уже делала успехи.

А я делал ей подарки.

Мне тоже назначили немаленькую денежную компенсацию от рейна за то, что остановил волну. Плюс я получил действительно любимую работу с хорошей оплатой, поэтому мог позволить себе баловать мою синеглазку, чем, собственно, и занимался последние несколько месяцев. Цветами, романтическими ужинами, прогулками, сувенирами. Особенно, ей понравился кулон с лиакамнем, которые добывали на материке, и которые попадали в Ландорхорн очень редко. Но теперь, когда рейн с помощью Б'иггов собирался наладить сообщение по воде, все упрощалось.

Случившееся отразилось не только на Ландорхорне — на всем Раверхарне, но мы лишь сделали крошечный шаг в сторону перемен. Несмотря на кошмар, который пережила Вирна, именно отрывки ее воспоминаний, показанных по всем каналам всех городов, правда о Дженне и Диггхарде К'ярде, помогли перевесить чашу весов мнения правящих.

Тем не менее просто не было. Спустя месяц случились забастовки в Анэве, крупном городе на материке. Рабочие требовали компенсаций за ущемление прав их расы. Местному правителю удалось решить это путем переговоров, а вот соседнему Мирихарну повезло меньше. Там восстание было вооруженным и организовано вьерхами, желающими вернуть себе власть. Эта вспышка едва не нарушила хрупкое перемирие между вьерхами и лиархами. К счастью, конфликт подавили силами рейна, и дальше это не перекинулось. Большинство вьерхов не поддерживали войну, лиархи тоже, тем более сейчас, когда для них открывались новые горизонты.

В Ландорхорне даже пришлось ввести ограничения на приближение к океану после того, как несколько марун решили, что рождены лиархами, а значит, учиться плавать не обязательно. Теперь возле берега дежурили политари и ловили желающих инициироваться, выписывая им немаленькие штрафы. Зато этот момент натолкнул меня на мысль, что лучше инициировать всех под наблюдением чем вылавливать их из океана. Так всех желающих приглашали на бесплатные курсы по плаванию, а после их прохождения уже предлагали пройти инициацию. Программа открывалась на этой неделе, когда вода в океане достигла нормальной температуры, потому что никто не хотел получить свежзамороженных лиарх.

Я припарковал эйрлат на знакомой площадке, спрятанной за скалой. Тут всегда было пустынно, но сейчас стояли еще три эйрлата.

Вирна не стала ждать, пока я открою дверь, поспешно вышла, потрясенно рассматривая деревянный домик на сваях.

— Это же...

— Дом Зорга, — кивнул я, встав рядом с ней. — Обновленный. Когда агенты Подводного ведомства арестовали его, то сожгли дом, но мы все восстановили.

— Мы?

— Мы с Харом предложили. Бэк и миротворцы занимались проектированием. Вартас руководил строительством.

— Вартас? — Она скептически приподняла бровь.

— Что? Он предложил помощь, и я не стал отказываться. Руки у него растут из того места, откуда нужно.

— А еще теперь у него есть девушка, поэтому ты перестал ревновать.

— Зачем мне ревновать, ты и так от меня без ума? Ай! — Мэйс ощутимо ударяет меня локтем под ребра.

— Это и есть сюрприз?

— Не совсем. Идем.

Мы поднимаемся по ступенькам, Вирна только ненадолго задерживается возле деревянной таблички «Памяти Зорга». Однажды я переделаю ее на каменную, чтобы все знали, что благодаря этому человеку я вообще узнал, насколько прекрасен может быть океан, и научился укрощать водную стихию.

Нас уже ждут на веранде: навстречу выбегает малышка Тай. Из испуганного робкого звереныша она превратилась в красивую и очень любознательную девочку. Подросла, слегка поправилась, но ей это только пошло на пользу. Еще она теперь любимица моей матери, которая часто приглашает всех Мэйс к себе в гости. Меня приглашали тоже, но я не ходил.

— Клайтнер!

Меня едва не сбивают с ног, бросаясь в объятия. Я подхватываю ее, кружу в воздухе и возвращаю на землю в буквальном смысле. Это что-то вроде нашего способа поздороваться.

— Ты специально произносишь мое имя неправильно, да?

— Не знаю, о чем ты, — хитро щурится малолетняя лиарха, снова обнимает меня и, перескакивая через ступеньки, вбегает на веранду.

— Мне начинать ревновать? — усмехается Вирна.

— Еще лет десять точно не стоит переживать.

Я получаю локтем во второй бок.

На веранде нас ждут Хар и Бэк, они уже переоделись в специальные костюмы, которые благодаря ландорхорнским ученым улучшили — сделали более тонкими, но при этом долго сохраняющими тепло. Ведь даже поздней весной водичка в океане кусалась.

— Привет! — говорит Хар. — Готовы исследовать новую территорию?

— Дом? — уточняет Вирна, а я подталкиваю ее к двери:

— Теоретически, океан можно назвать домом всех лиарх.

Ее глаза округляются, но вместе с испугом в них вспыхивают радость и надежда.

— Мы сегодня что, будем плавать в океане?

Хар улыбается и показывает документ на тапете:

— Отец лично подписал разрешение на погружение и инициацию.

Да, генерал Р'амриш из временного правителя стал настоящим, и большинство это устраивало, потому что он уже провел ряд реформ, которые помогали Ландорхорну восстать из пепла. Начиная со строительства школ с бассейнами и заканчивая судами над вьерхами и ныряльщиками, которые работали с Дженной. Благодаря Мильену Т'ерду выйти на них труда не составило, они были арестованы практически сразу. Судебные процессы транслировались во всех мегаполисах, точно так же, как и судебные процессы над вьерхами из других городов: надо всеми, кто так или иначе злоупотреблял властью или был причастен к казням в Подводном ведомстве. Дигтхард К'ярд получил пожизненное и вместе с другими осужденными был выслан на остров Вэйсхар, считающийся самой неприступной тюрьмой Раверхарна.

Хар помогал отцу, а после Кэйпдора собирался идти по его стопам. Кьяна твердо решила восстанавливать настоящую историю. В общем, эти двое стали еще более неразлучны.

— Вы там долго? — Кьяна как раз возникла в дверях домика. — Мне уже не терпится увидеть Эн.

— Ты и так ждала несколько месяцев, — говорю я, — подождешь еще.

— Нет уж, или вы быстро переодеваетесь, или мы идем вместе с Лэйс!

— Едх! Я первый с ним... то есть, с ней встретился. Имейте совесть.

— Главное, не кто первый, К'ярд, — старшая Мэйс спускается со второго этажа, следом за ней идет Вартас, — а кого девочка Эна больше любит. Мы с ней очень подружились.

Лэйс помогала нам с Вирной на протяжении этих месяцев общаться с Эн. Раз в две недели мы по очереди приезжали на берег океана и общались с раг'аэной. Старшая сестра Вирны единственная из всех Мэйс отлично плавала и в полной мере овладела силой лиархи, поэтому пока я учил плавать Вирну, она все это время учила Вартаса, Бэка, других миротворцев и своих мелких сестер. Последним, правда, сегодня предстояло наблюдать за нашей встречей с Эн в бинокли. Процедура инициации пока что официально была доступна только совершеннолетним. Из соображений безопасности.

Я хотел ответить, что мои девочки любят меня больше всех, но осекся, когда увидел, спускающуюся по лестнице мать.

— Здравствуй, Лайтнер, — смущенно поздоровалась она.

— Я попросила Келлин присмотреть за детьми. — Я почти привык к тому, что Лэйс разговаривает так, будто бросает вызов, но сейчас дело не в ней.

— Джуборо очень хотел увидеть раг'аэну.

— Хорошо.

Мне вообще без разницы. Я не общался с матерью несколько месяцев, и не собирался начинать.

— Пойдем, синеглазка. Я покажу твой костюм.

Я беру Вирну за руку и увожу в одну из комнат на первом этаже. Дом получился больше того, который был у Зорга. Здесь хоть небольшой отель открывай, но прямо сейчас мне пришло в голову, что рядом можно построить большой тренировочный центр.

Я киваю Мэйс на кровать, на которой лежат наши костюмы. Ее темно-синий, с рисунком раг'аэны на груди и серебристыми полосками на лодыжках и мой черный с огнем и оранжевыми вставками на ногах и предплечьях. Я стараюсь не думать о матери, я здесь для того, чтобы сделать день Вирны незабываемым.

— Переодевайся, — говорю, — я подожду снаружи.

— Лайтнер, так нельзя, — останавливает она меня, обняв со спины.

— Как?

— Они твоя семья.

— Один из членов моей семьи чуть тебя не убил.

— Но остальные за него не отвечают. Твоя мама очень любит тебя, это чувствуется. Сколько раз я бывала у нее в гостях, она только и делает, что говорит про тебя. Хотя бы поговори с ней. Я бы все отдала, чтобы поговорить со своими родителями.

В ее голосе столько чувств, что я резко разворачиваюсь, наклоняюсь и целую Вирну. Ее поцелуи будто возвращают мне силы.

— Хорошо, я поговорю. Ради тебя я сделаю все, что угодно.

— Ради себя, — поправляет Мэйс и подпихивает меня к выходу:

— А ты действительно подожди за дверью.

— Может я лучше останусь и помогу тебе натянуть этот...

— Тогда мы точно никуда не успеем!

Она смеется. В последнее время синеглазка все чаще открыто улыбается, а я влюбляюсь в нее снова и снова. С каждым днем все больше и больше.

Вирна переодевается, а я нахожу маму на веранде в одиночестве: все уже спустились к кромке воды, захватив с собой доски. Хар и Лэйс проверяют готовность остальных к нашему приключению.

— Если пригласишь, я приду на ужин вместе с Вирной, — говорю я, и вижу в ее глазах слезы. Мама кивает, борясь с чувствами, а мне наоборот становится спокойно, будто что-то внутри отпускает.

Мы больше не говорим, но нам это и не нужно. Достаточно того, что просто стоим и смотрим на океан. Недолго, потому что возвращается Вирна, и теперь иду переодеваться я.

Сегодня океан спокойный, если его вообще можно назвать спокойным, поэтому войти в него, минуя первую, береговую волну, не составляет труда. Все, включая Кьяну несколько месяцев тренировались в бассейне с искусственными волнами, учились грести и вставать на доску. Но настоящий океан другой, впрочем, нас уже встречает Эн или Эна — как настаивает Лэйс. Раг'азна не позволит никому утонуть. А еще на ее плавниках можно лежать и отдыхать.

У Кьяны большие перепуганные глаза, а вот Бэк улыбается. Вартас, как всегда, серьезен, но даже по нему видно, что он волнуется. Он первый вызвался превратиться из маруны в морского принца, очевидно, чтобы соответствовать своей девушке, и это достойно уважения.

Все смотрят на Лэйс, а вот она поворачивается к Вирне:

— Сестренка, ты у нас спец по инициациям в океане. Так что руководи!

Синеглазка на миг замирает, а потом бросает на меня быстрый взгляд:

— Знаешь, предыдущий сюрприз мне нравился больше.

Лэйс закрывает уши ладонями:

— Больше ни слова о ваших водных брачных играх!

За что получает от меня волну и чуть не сваливается с доски. Вартас готов меня этой доской отходить, но исключительно на берегу. Что касается Вирны, она к этому готовилась не один день. Точнее, именно она разрабатывала эту программу, но разумеется, я ей не говорил, что она же будет ее реализовывать. Так что сюрприз удался.

— Нужно нырнуть, — говорит Вирна, — глубоко вдохнуть, выдохнуть, задержать дыхание и погружаться.

Пока Бэк и Вартас тренируются, нас с моей Мэйс немного относит волной.

— Еще несколько месяцев назад я хотел привезти тебя сюда, — признаюсь я, соединяя наши ладони, — надеялся, что это поможет тебе все вспомнить.

Мы смотрим друг другу глаза в глаза.

— А теперь?

— Теперь мне без разницы. Я обещаю, что наполню твою жизнь самыми классными воспоминаниями.

Вирна закусывает губу, безуспешно сдерживая улыбку.

— Мы больше никогда не будем ссориться?

— Мы? Обязательно будем! Но никогда надолго. Я не хочу стать таким, как мой отец. Давить на тебя. Поэтому хочу, чтобы ты говорила, когда меня заносит.

— Нас сейчас очень сильно занесло. В смысле, отнесло от остальных.

— Ты понимаешь, о чем я. Я сделаю все, чтобы ты была счастлива. Потому что люблю тебя, Вирна Мэйс.

Сердце пропускает удар, когда она тянется ко мне.

— Лайтнер К'ярд, я тоже люблю тебя. Помню я прошлое или нет, это не изменится.

Мы целуемся так, что нам начинают аплодировать. Хотя возможно, у них там кто-то все-таки за три минуты стал лиархом.

— Но попробовать стоит, — все-таки говорю я.

— Давай попробуем, — соглашается она.

И ныряет.

Глава 46. Домик у океана

Вирна К'ярд

Память ко мне так и не вернулась. Полностью. Она приходила штрихами, красочными мгновениями, пробужденная тем, что происходило в настоящем, а в настоящем было столько всего прекрасного, что со временем я даже перестала пытаться заглядывать в прошлое. Мне хватало того, что у меня было сейчас. Я чувствовала такое счастье, что иногда даже задумывалась: разве так можно?

Оказалось, можно.

Побережье океана сейчас активно застраивалось, и наш с Лайтнером дом стал одним из первых. Ландорхорн уже несколько лет переживал реновацию, разделение по кругам отменили, а первые изобретения Б'иггов — океанские эйрлаты, начиная от крохотных и заканчивая грандиозными лайнерами, сходили с конвейеров один за другим. Иметь жилье на побережье снова стало модно и престижно, точно так же, как иметь водный эйрлат, поэтому океан сейчас пересекали сразу несколько таких машин, поблескивающих стальными боками в солнечных лучах.

Вдалеке, за рифами, порхали раг'азны. Они подошли к берегам спустя год после отключения установок. Их было столько — этих крылатых прекрасных созданий, что на побережье съехалась половина Ландорхорна. Они взмывали над водой, а после снова погружались, и тот переход из зимы в весну мы запомнили именно по этому событию. Эн стала для них мостиком между нашим миром и водной стихией, и теперь подплывающие не боялись знакомиться с людьми, лиархами и вьерхами. Впрочем, надолго они не задерживались, приплывали на несколько дней и снова уходили в океан.

Только Эн неизменно возвращалась снова и снова. К нам.

Я наслаждалась видами, устройшись на покрывале. Сейчас об этом уже мало кто задумывался, но все живое всегда стремилось к воде, так было заложено природой. То, что в древности устроил Лидх Картерн после кровопролитной войны, было противоестественно и обречено само по себе.

Подобно тому, как он стал первым рейном, настоящий рейн с наибольшей вероятностью станет последним. Уже сейчас в городах было организовано соправительство: пока что для трех рас — люди (неинициированные лиархи), лиархи и вьерхи, а впоследствии предполагалось упразднить единоличную власть, как Раверхарна в целом, так и локальную. В Ландорхорне, например, соправительницей генерала Р'амриша стала женщина, одна из первых выпускниц Кэйпдора, закончивших юридический факультет. При старой власти она не смогла бы подняться выше должности ассистента в какой-нибудь адвокатской конторе, но сейчас они вместе с отцом Хара разрабатывали и вводили законопроекты и следили за тем, чтобы искажениям в истории больше не осталось места.

Лидх Картерн действительно существовал, и это действительно была его идея: превратить лиархов в людей. За основу он взял историю семьи рейнов, в сильнейшем союзе стихий которых правда родился ребенок без силы. Опираясь на этот случай, он начал строить систему, в которой существует раса людей (от люд — множество и ди — бессильные). Он придумал, как с нуля создать новую историю, как добавить легенд, как смешать правду и ложь и превратить вьерхов чуть ли не в великих страдальцев и высокую ветвь эволюции для спасения мира. Идея лишения лиархов силы искусственным путем, с помощью технологий, тоже принадлежала ему. Наша цивилизация уже тогда была достаточно развитой, и вьерхи-ученые разработали первый прототип установки, который изначально даже не мог существовать под водой.

Впоследствии, с веками и тысячелетиями все модернизировалось и вошло в обиход настолько, что очень многие вьерхи сами не знали правды. Я видела шок на их лицах, когда сведения из архивов, собранных тысячами людей, вьерхов и лиархов по всему миру начали собираться в новые исторические факты. Когда вода перестала быть опасностью для всех и стала доступной для изучения.

По сути, Лидх Картерн и правда сыграл очень большую роль в нашей истории, вот только спасителем и героем он не был. Он был не только первым рейном Раверхарна, но и основателем многовековой тирании, просуществовавшей в нашем мире из страха одной расы перед другой.

Мы с Лайтнером делали все возможное, чтобы это больше не повторилось. Не только мы, но и вьерхи, и люди, которые искренне отказались от ненависти и претензий друг к другу. Разумеется, были и другие, но к счастью, они были в меньшинстве. Этот мир был достоин совершенно новой эры, и сейчас велись обсуждения о том, чтобы начать новый отсчет с того дня, когда наша трансляция впервые прозвучала в эфире.

— О чем задумалась моя жена? — голос Лайтнера раздался совсем рядом, и я подняла голову.

Один из наших драгоценных выходных был в самом разгаре, но его все равно умудрились достать по видеосвязи. Что, впрочем, неудивительно, потому что для нового Главного (и самого молодого за всю историю) судьи Ландорхорна выходные были исключительно символическими.

— Просто смотрю на эйрлаты.

— Просто смотришь? Ни за что не поверю. — Он устроился рядом: в легкой летней рубашке и брюках можно было представить, что мы где-нибудь в отпуске. Возможно, такое действительно случится, потому что сейчас очень многие задумались о местах отдыха возле воды и активно выкупали землю под отели. Первый отель открыл свои двери для всех желающих полгода назад, на островах, где круглый год лето, и туда с такой скоростью ломанулись все, что забронировать проживание там можно было не раньше, чем через пару лет. Вдохновленные стократно окупившимся опытом первооткрывателя, предприниматели один за другим стали строить свои, так что думаю, спустя пару лет это уже перестанет быть дефицитом.

— А во что поверишь? — спросила я.

— В то, что ты раздумываешь над тем, как улучшить какую-нибудь обучающую программу. — Он легко щелкнул меня по носу. — Моя жена трудоголик.

— Кто бы говорил. — Я выразительно подняла палец вверх. — И если ты сейчас скажешь, я мужчина, мне положено...

— Не скажу, — фыркнул Лайтнер. — Я жить хочу.

Я показала ему язык.

Трудоголиком меня назвать было сложно, но я действительно постоянно зависала над обучающими программами и программами инициаций. Хорошо хоть Лэйс взяла на себя все сложности общения с государственными структурами и согласования. В Кэйпдоре она получила юридическое образование, как и Лайтнер, и занималась всеми административными вопросами и бюрократическими проволочками. Признаюсь честно, я никогда не представляла, что моя сестра настолько зубастая. То есть Лэйс, конечно, всегда была пробивной, но чтобы настолько... Она умудрялась выгрызть средства на улучшение тренингового центра или на закупку оборудования из казны рейна там, где все другие даже не стали бы пытаться. Решала все вопросы, связанные с обеспечением и проталкиванием программ, над которыми мы работали вместе. Сейчас, разумеется, уже не только мы. К нам присоединялись лиархи, инициированные в первый и второй годы и уже прошедшие полную программу обучения.

Сложности были разные, в частности, очень сложным оказалось протолкнуть идею о том, что «полному взаимодействию с водой» тоже нужно учить. Рейн по-прежнему считал особенность лиарх сливаться с водной стихией серьезной угрозой, особенно в том контексте, что многие захотят обратить ее против закона.

Лэйс настаивала на том, что обучать этому нужно. Во-первых, это была одна из самых серьезных опасностей в обучении: в первый год у нас одна девушка непроизвольно слилась с водой и чудом не потерялась в океане. Нам удалось ее вытащить только благодаря Эн, определившей, куда ее отнесло, и нашей совместной с Лэйс силе. Во-вторых, овладеть ей мог далеко не каждый, это был высший уровень силы, требующий огромного количества ресурсов, но тот, кто был на это способен, просто пугался до икоты. Что могло привести к непредсказуемым последствиям.

Лэйс удалось продать и это, она даже ездила по городам, чтобы обучать инициированных лиарх и лиархов методике преподавания, потому что разорваться на весь Раверхарн мы не могли. Приходилось выходить из положения поездками и обучением в нашем тренинговом центре всех, кто претендовал на место преподавателей. Так что работы действительно было много.

Когда я закончила Кэйпдор, стало легче, но времени этому по-прежнему приходилось уделять достаточно много. Разумеется, лет

через десять все станет значительно проще, а пока...

Пока я могу подвинуться к Лайтнеру и положить голову ему на плечо.

Он обхватывает меня руками и разворачивается так, чтобы я могла опереться спиной о его грудь.

— Готова завтра встречать гостей? — улыбается он.

— Пока не знаю. А ты?

— А я немного соскучился по Хару с Кьяной.

Мы с ними виделись месяц назад, у них тоже был напряженный график. Кьяна сейчас преподавала историю в Кэйпдоре, а следующего учебного года вообще должна была стать деканом факультета, тоже одним из самых молодых. Что касается Хара, он был правой рукой отца и отвечал за всю безопасность Ландорхорна.

— Я тоже соскучилась, — признаюсь я. — Мы общались по видеосвязи на прошлых выходных, но это не то.

— Что?! — наигранно возмущается он. — Вы общались, а меня ты позвать не забыла?!

— Ты работал.

— Ради такого я бы прервался.

— Кстати, Лэйс с Вартасом немного опоздают.

— Они по жизни опаздывают.

— Эй! — я легонько хлопнула его по руке.

— Что? — Лайтнер сделал грозное лицо. Правда, рядом со мной у него не получалось быть грозным, ну или я его так не воспринимала. Потому что за последние годы убедилась, каким жестким он может быть, и как умеет всех строить. Всех, но не меня. Со мной он носился так, что временами хотелось напомнить, что я не настолько хрупкая и рассыпаться от малейшего прикосновения не собираюсь.

Особенно когда он говорил, что я вполне могу работать вдвое меньше, но я не хотела. Мне безумно нравилось то, что я делаю. Нравилось видеть огонь в глазах лиарх и лиархов, когда у них получалась первая водяная спираль. Нравилось, когда они окрыленные летели домой и такие же окрыленные летели к нам на занятия. Мы практически сразу поняли, что Кэйпдор придется расширить по меньшей мере втрое, чтобы там могли проходить полноценные занятия

для нашей расы, а поэтому отец Хара практически сразу подписал указ о строительстве новых корпусов.

Эти новые корпуса начались с домика Зорга, на их базе существовал наш тренинговый центр, но с этого года он уже официально подключался ко всем базам и серверам Кэйпдора и начинал функционировать, как часть академии.

Мне даже намекали на должность декана, как и Кьяне, но я подумывала переадресовать ее Лэйс. По крайней мере, в ближайшее время. Потому что...

Ладонь Лайтнера скользнула мне на живот, и я улыбнулась, представляя его реакцию.

— Кстати, Вартас мне недавно звонил, — произнес муж.

— М-м-м?

— Спрашивал, как мне удалось так быстро... цитирую «заставить тебя выйти за меня замуж».

Я поперхнулась смехом и закашлялась: так, что Лайтнеру пришлось стучать мне по спине.

— Ты ему, разумеется, объяснил, что ты меня не заставлял?

— Объяснил. Но этот парень явно дошел до дна, если спрашивает у меня совета.

Друзьями Лайтнер и Вартас так и не стали, это правда. Хотя меня устраивало то, что они просто нормально общаются на семейных встречах.

— И вот еще что... никогда не думал, что такое скажу, но терпение у этого парня размером с мыс Гор.

— Лэйс просто очень свободолюбивая, — хмыкнула я. — Для нее брак — это оковы. Она даже не представляет, что может быть так...

— Как?

— Ты сам не дал мне договорить! — воскликнула я, но тут же оказалась в еще более крепких объятиях.

Поцелуй получился долгим. И очень нежным.

Но Лайтнер был бы не Лайтнер.

— Я ему рассказал, что ты вообще ляпнула абсолютную чушь, когда я сделал тебе предложение.

Я закатила глаза.

— Может, уже хватит об этом вспоминать?

Он сделал мне предложение здесь, на берегу, когда фундамент нашего дома еще только-только был заложен. А я сказала...

— Нет.

— Нет?!

Признаюсь честно, я никогда не чувствовала себя настолько потерянной, как сейчас, когда произнесла эти слова.

Не столько из-за собственных чувств — досады на себя, отчаяния, глухой тоски — сколько из-за того, что я увидела в глазах Лайтнера.

— Ты не понимаешь, — попыталась объяснить, но он меня перебил:

— Да, я действительно многого не понимаю.

— Лайтнер! — я перехватила его руку. — Рано или поздно ты захочешь детей... сына... наследника. А я ... у нас...

— ЧТО?!

Он произнес это таким тоном, что я осеклась. Но тут же продолжила:

— Наш ребенок никогда не будет сильным... в смысле, он... или она...

— Я тебя сейчас отшлепаю, Вирна Мэйс.

Я открыла рот... и закрыла его обратно.

— Потому что если бы такое ляпнула Тай, я бы еще понял. Но ты?! Тебе сколько лет вообще?!

— При чем тут сколько мне лет?!

— При том! Ты думаешь, что я серьезно расстроюсь, если наша дочь или сын не будут растекаться водичкой или крошить камни в пыль? Я влюбился в тебя, когда ты была обычной девчонкой! Когда про лиархов еще даже мыслей не было, и я люблю тебя так, как не любил даже себя.

Удержаться не получилось: я сдавленно пискнула. От смеха.

— Надеюсь, ты понимаешь, что я хочу сказать. Я люблю тебя. Я хочу быть с тобой. То есть... как ты вообще себе представляла, что может быть иначе? Или, по-твоему, я с тобой жил, пока не захочу детей?! Так, что ли?!

Он завелся настолько, что даже глаза вспыхнули, поэтому я предпочла встать на цыпочки и коснуться губами его губ. Мы

ненадолго увлеклись поцелуем, а когда я слегка отстранилась и сказала:

— Да.

Лайтнер ответил:

— Я два раза не предлагаю.

После этого я окатила его океанской водичкой: дело было летом и было тепло, а он — когда пришел в себя после такого, реально шлепнул меня по пятой точке хлыстиком из камушков. Потом мы гонялись друг за другом по берегу, целовались и смеялись, как сумасшедшие.

А на следующий день мы объявили всем нашу новость.

— И как? Вартасу понравилась история? — поинтересовалась я.

— Вообще-то я ее ему не рассказывал. Я просто сказал, что ты ляпнула глупость.

— Как благородно с твоей стороны!

— Именно так. Я вообще почти никому об этом не рассказывал.

— Что значит — почти?

— Только Тай.

Я фыркнула.

С нашей младшей у Лайтнера сложились донельзя доверительные отношения. Правда, сейчас, когда она стремительно начинала взрослеть, Тай перестала так часто бывать у нас. Все больше встречалась со сверстниками, не слушалась никого, кроме Лэйс, а с семейных сборищ норовила побыстрее сбежать. Как, впрочем, и Митри с Джуборо. Этих двоих вообще не стоило сажать за один стол, потому что если они за что-то цеплялись, обед становился потерянным. Мы слушали их взаимный сарказм на протяжении всего времени, а Тай как-то откомментировала:

— Это как если бы Лайтнер встречался с Лэйс.

Поперхнулся при этом почему-то Вартас, но цеплять эти двое друг друга не перестали.

Что касается Вартаса, он не терял надежды сделать Лэйс своей женой, особенно активизировался после того, как Кьяна и Хар объявили о своей помолвке. Что же, мне оставалось только надеяться, что однажды Лэйс отгадет, потому что Вартас делал для нее все.

Помимо своей основной работы — центра по продаже эйрлатов и водных эйрлатов, школы обучения вар-до, он умудрялся помогать ей. Поддерживал ее во всем, а в квартире, которую нам когда-то выдал рейн, теперь остались только совершеннолетняя Митри и Тай. Сестренки явно балдели от таких просторов, что касается Вартаса, он тоже подарил Лэйс новый дом. Правда, у моря. С той стороны, где когда-то жили мы, и теперь они обитали там.

— Не ревнуй, — Лайтнер коснулся губами моего виска. — Тай недавно выдала, что я ей как отец, после чего я восстанавливал собственную самооценку пять дней.

Я рассмеялась.

— Ты все так точно рассчитал?

— Может быть, шесть, — по голосу было понятно, что он улыбается.

Но я все-таки запрокинула голову, чтобы посмотреть на него. Чтобы увидеть улыбку своего любимого мужчины.

— В таком случае даже не знаю, как ты воспримешь следующую новость.

Улыбка пропала. На мгновение. Чтобы смениться новой, совершенно иной.

Глубоким пониманием в его глазах. Нежностью. Чем-то непознанным.

Лайтнер смотрел на меня, и даже одного этого взгляда для меня было достаточно. Одного только взгляда, протянувшегося между нами: короткого, как вздох, и долгого, как бесконечность.

На берег набежала волна, разбилась, окатив нас прохладой освежающих брызг, а он наклонился и снова коснулся моих губ. Не знаю, как так получалось, но наши поцелуи всегда были солеными. Всегда, с самого начала, и даже когда мы целовались не на берегу, я чувствовала на его губах океан.

Мы оторвались друг от друга только чтобы вздохнуть, и теплый ветер лаской прошелся по разгоряченной коже. Глядя на сверкающую на солнце воду, он поднес мои пальцы к губам.

Повернулся ко мне и сказал:

— Я люблю тебя, Вирна К'ярд.

Конец.